
ЗНАНИЕ
СИЛА
РСФСР

СБОРНИКЪ

ПУШКИНСКАГО ДОМА

НА 1923 ГОДЪ

ПУШКИНЪ. ДЕЛЬВИГЪ.
КРЫЛОВЪ. ЖУКОВСКІЙ.
ТУРГЕНЕВЪ. ПИСАРЕВЪ.
ГЕРЦЕНЪ. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.
ПОЛОНСКІЙ. СТАСОВЪ.
Л. ТОЛСТОЙ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДЪ 1922

Путь

Государственный Трест „ПЕТРОПЕЧАТЬ“
Типография имени Ивана Федорова
Петроград, Звенигородская, 11.

1127
33

Гиз. № 854
Напечатано в количестве 2000 экз.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе VII

Новинки Пушкинскаго текста по рукописямъ Пушкинскаго Дома. Б. Л. Модзалевскаго 1

Пушкинъ и Оленина. Н. К. Козмина 31

Новый сборникъ лицейскихъ стихотвореній. Н. В. Измайлова 35

Письма барона А. А. Дельвига къ невѣстѣ. М. Л. Гофмана 78

Автографы басенъ Крылова въ Пушкинскомъ Домѣ. Л. К. Ильинскаго 97

Неизданныя письма Жуковскаго къ Н. И. Гречу. Б. И. Коплана . . 113

Комедія Тургенева «Чужой хлѣбъ» («Нахлѣбникъ»). В. И. Чернышева. 117

Переписка Тургенева съ М. Н. Лонгиновымъ. С. А. Шахматовой . . 137

Письма И. И. Панаева къ М. Н. Лонгинову. Н. В. Яковлева 213

Дѣтскій разсказъ Писарева «Орденъ горы». Е. П. Казановичъ . . . 233

Изъ Стасовскаго архива. В. Д. Комаровой 245

Тургеневъ и Побѣдоносцевъ въ 1881 г. Н. К. Козмина 286

Изъ неизданныхъ писемъ Л. Н. Толстого. Е. П. Населенко. 291

Указатель 323

Въ январѣ 1914 г. Пушкинскій Домъ выпустилъ свой первый «Временникъ», за 1913 годъ, намѣреваясь сдѣлать изъ него ежегодникъ, который выходилъ бы къ 29-му января, — годовщинѣ смерти Пушкина; въ 1915 г. вышелъ второй «Временникъ» — на 1914 годъ. Послѣдовавшая за тѣмъ война, а потомъ революція не дали возможности осуществить предположенія Дома; задуманный въ 1919 году новый выпускъ «Временника» удалось устроить къ изданію при помощи Петербургскаго Отдѣленія Государственнаго Издательства; но къ моменту печатанія на-чисто готовыхъ уже листовъ книги, у Отдѣленія не оказалось бумаги необходимаго качества и формата; поэтому, не желая измѣнять установленнаго для «Временника» внѣшняго вида книги, къ которому многочисленные друзья Пушкинскаго Дома [1]) успѣли уже привыкнуть, рѣшено было выпускаемую нынѣ книгу работъ сотрудниковъ Пушкинскаго Дома назвать «Сборникомъ», — въ надеждѣ въ ближайшее время издать слѣдующій томъ «Временника», — за пятилѣтіе 1915 — 1919 гг., съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ немъ новые матеріалы Дома, въ обработкѣ его сотрудниковъ и друзей, а также и краткое описаніе всѣхъ еще не перечисленныхъ въ предыдущихъ выпускахъ «Временника» рукописныхъ собраній Дома, до настоящаго времени приведенныхъ въ порядокъ и научно описанныхъ, а слѣдовательно доступныхъ для общественнаго пользованія.

Б. Модзалевскій.

---

[1]) О многочисленности этихъ друзей можно судить хотя бы потому, что все изданіе обоихъ выпусковъ «Временника» давно разошлось.

НОВИНКИ ПУШКИНСКАГО ТЕКСТА ПО РУКОПИСЯМЪ ПУШКИНСКАГО ДОМА.

1. ЭПИГРАММА НА БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

Се самый Дельвигъ тотъ что намъ всегда твердилъ,
Что коль [судьбой] [во власть] ему даны бъ Неронъ и Титъ,
То не (въ) Нерона [ножъ] мечь, но въ Тита сей вонзилъ —
Неронъ же безъ него правдиву смерть узритъ.

Приведенныя строки, писанныя почеркомъ Пушкина ранней, «лицейской» поры, начертаны подъ очень недурно исполненнымъ акварелью и сепіей небольшимъ, еще не издававшимся портретомъ барона Дельвига, совсѣмъ еще юноши. Рукопись идетъ изъ богатаго собранія автографовъ извѣстнаго коллекціонера А. А. Корсуна, въ составѣ котораго она и перешла въ Пушкинскій Домъ [1]); заключена она въ конвертъ съ надписью на немъ рукою бывшаго владѣльца: «Автографъ и рисунокъ Александра Сергѣевича Пушкина. Отъ Ник. и Куз. Ивановичей Кузминыхъ, въ 1858 году, деревня Богдановская-Антиповка [2]); такимъ образомъ, повидимому, Корсунъ bona fide считалъ, со словъ Кузминыхъ, что и рисунокъ, и рукопись — подлинно Пушкинскіе; рисунокъ, однако, никоимъ образомъ не можетъ

---

[1]) Увѣренно можно сказать, однако, что рукопись наша — лишь факсимильная копія, отъ руки, сдѣланная очень ловко, безъ посредства кальки, съ оригинальной рукописи Пушкина: нѣкоторыя буквы или, вѣрнѣе, ихъ начертанія недостаточно увѣренны (напр., *л* въ словѣ Дельвигъ и др.) для скорописи; непонятны, какъ бы срисованы, какія-то точки около буквы *л* въ словѣ «намъ» и около буквы *б* въ словѣ «бъ». Бумагу, на которой исполнены рисунокъ и рукопись, мы отнесли бы къ 1850-мъ годамъ.

[2]) Это — имѣніе А. А. Корсуна. Кто такіе дарители — Кузмины, не знаемъ.

быть, по его техникѣ, признанъ за произведеніе поэта, который былъ хоть и ловкимъ, но не искуснымъ въ техническомъ отношеніи рисовальщикомъ; рукопись же, какъ мы уже сказали выше, можетъ быть признана не за автографъ, а лишь за точное факсимиле съ подлиннаго начертанія Пушкина, нынѣ, впрочемъ, за неимѣніемъ несомнѣннаго автографа, его вполнѣ замѣняющее.

Объ этой рукописи въ печати до настоящаго времени указаній еще не было; не упоминается ни о ней, ни о самой эпиграммѣ и въ монографіяхъ о Дельвигѣ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1853—1854 г.) и Н. А. Гастфрейнда (Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею, т. II, С.-Пб. 1912); не говоритъ ничего о ней и баронъ А. И. Дельвигъ въ своихъ Воспоминаніяхъ (т. I, М. 1912); нѣтъ о ней ничего и въ спеціальной Пушкинской литературѣ [1]); только Н. В. Гербель, въ изданіи своемъ «Стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій» (изд. 2-е, Берлинъ. 1870), перечисляя 16 стихотвореній, которыя, по его мнѣнію, «быть можетъ и принадлежатъ Пушкину», но которыя «трудно признать за Пушкинскія, безъ ясныхъ на то доказательствъ» (стр. XII), относитъ къ ихъ числу, 11-мъ №, піесу «Се самый Дельвигъ тотъ, что намъ всегда твердилъ...»; между тѣмъ, тотъ же Гербель въ статьѣ своей «Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина» («Русск. Арх.» 1876 г., кн. III, стр. 206) называетъ эту піесу уже въ числѣ эпиграммъ, относительно которыхъ «вполнѣ доказано», что онѣ не принадлежатъ Пушкину, хотя общественное мнѣніе до сихъ поръ упорно приписываетъ ихъ ему». Намъ неизвѣстно, кто и гдѣ доказалъ, что эпиграмма на Дельвига написана не Пушкинымъ; неизвѣстно это и Н. О. Лернеру, къ которому мы обращались съ вопросомъ о томъ, что знаетъ онъ о данномъ шутливомъ стихотвореніи; поэтому мы склонны признать эпиграмму за Пушкинскую, отнеся ее, по почерку автографа и по портрету Дельвига — уже не-лицеиста, но еще совсѣмъ молодого человѣка, — къ 1817—1818 годамъ, т. е. ко времени послѣ-лицейской безаботной жизни Пушкина; самый стиль эпиграммы, по нашему

---

[1]) Напр., въ статьѣ П. А. Ефремова: «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ», С.-Пб. 1903 (отт. изъ «Новаго Времени»), въ книгѣ Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», изд. 2, и др.

мнѣнію, близко походитъ на «арзамасскіе» стихи и весьма напоминаетъ, напримѣръ, слѣдующую извѣстную «Надпись къ портрету», «сочиненную обществомъ молодыхъ любителей Россійской словесности» и направленную на знаменитаго графомана графа Д. И. Хвостова, «Избранныя притчи» котораго были, по выраженію князя П. А. Вяземскаго, «настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ»:

Се — Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хвостова,
Кой поле изпестрилъ Россійска красна слова [1]).

Можетъ быть, эпиграмма Пушкина пародировала какое-нибудь неизвѣстное намъ неудачное стихотвореніе одного изъ Лицейскихъ поэтовъ, — напримѣръ, Кюхельбекера, надъ произведеніями котораго товарищи нерѣдко потѣшались.

2. КЪ ТЕКСТУ «МѢДНАГО ВСАДНИКА».

Въ принадлежавшей акад. Я. К. Гроту Пушкинской тетради, перешедшей къ нему отъ П. А. Плетнева и заключающей въ себѣ, съ одного конца, писанныя Пушкинымъ «Записки П. В. Н. [2]), имъ диктованныя. Въ Москвѣ 1830» (стр. 1 — 18 и 23 — 26) и разсказъ «Богородицины дочки» (стр. 29—31), мы съ другого конца находимъ (л. I) наброски первоначальной программы «Капитанской Дочки»:

(на пирахъ).

Кулачный бой — Шванвичь — Перфильевъ —
Перфильевъ, купецъ —
[Перфильевъ] Шванвичь за буйство сосланъ въ деревню — встрѣчаетъ Перфиліева [3]) —

а затѣмъ черновики (л. 2 — 2 об.) первоначальныхъ, самыхъ раннихъ набросковъ «Мѣднаго Всадника», — его 1-й и 2-й строфы I части; эти черновики близко подходятъ къ двумъ текстамъ начала

[1]) «Русск. Арх.» 1866, ст. 473 — 474.
[2]) Т.-е. Павла Воиновича Нащокина.
[3]) Ср. въ газ. «Русь» 1885 г., № 22, стр. 3, столб. 2.

поэмы: тому, который находится въ одной изъ рукописей Румянцовскаго Музея, и къ болѣе раннему, чѣмъ въ этой рукописи, но болѣе позднему, чѣмъ въ Гротовской, тексту рукописи изъ бумагъ А. А. Краевскаго, находящейся въ Россійской Публичной Библіотекѣ[1]): что Гротовская рукопись самая ранняя, видно, между прочимъ, изъ того, что въ упомянутыхъ двухъ рукописяхъ имя героя поэмы уже опредѣлено: въ первой онъ называется — Рулинъ, во второй — Зоринъ, тогда какъ въ Гротовской имя героя еще не выяснено (см. ниже), а вторая строфа очень ужъ сильно исчеркана, — она еще вовсе не удавалась поэту. Даемъ здѣсь точную транскрипцію этихъ черновыхъ набросковъ (опубликованныхъ не совсѣмъ исправно Я. К. Гротомъ въ газетѣ «Русь» 1885 г., № 22, стр. 3), обозначая прямыми скобками то, что зачеркнуто, и отмѣчая слова, нами неразобранныя:

Надъ Петербургомъ омраченномъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ
[Луна] Нева въ теченьи возмущенномъ
[Неслась шумя. Упрямый] Шумѣла глухо [шипя] бурный валъ
Какъ бы проситель безпокойный
Плескалъ въ гранитъ ограды стройный
[Какъ] Ея широкихъ береговъ —
Среди [вечернихъ] ненастныхъ [дождливый] облаковъ —
Луны ни звѣздъ не видно было —
[По грязнымъ] [Вдоль темныхъ улицъ фонари]
[Горѣл] [Свѣтились тускло до зари]
И буйный вихорь вылъ уныло
Клубя [одежды] капоты дѣвъ ночныхъ —
И заглушая часовыхъ —

*

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ
Въ то время [Германъ?] [Го] [Чацкій] [Мин] [Румин] Рулинъ молодой
[Сидѣлъ] Сидѣлъ задумчиво одинъ [при тихомъ] бѣлой [пр] при свѣтѣ
[Свѣчи] [Лампады тусклой]
[Д] [Свѣчи горѣвшей за тофтой]
Одной лампады — [вѣтра] [вихря] вьюги [?] вой
Волненье города глухое
[И] Да бой дождя [по стекламъ оконъ] въ окно двойное
Мостовъ [Каретъ ропотаніе [?] [неразб.] [Невы стенаніе] [ро] [глухое] [глухое]

[1]) Ср. Сочиненія Пушкина подъ ред. П. О. Морозова, изд. Просвѣщенія, т. III, стр. 247, 372 — 374.

Все [чувства] мысли усыпляло въ немъ —
[Пылая гаснущимъ] Согрѣтый дремлющимъ огнемъ
[Неразб.] Онъ [передъ бронзовымъ] у угасш. [?] каминомъ
[Каминъ чугунный]
[Въ халатѣ] [Потупя голову мечталъ —] [разв...]
[Сидѣлъ въ халатѣ и скуфьѣ]
[Въ углу] [неразб.] [Его косматый Барсъ [?] его лежалъ]
[Предъ] [лѣниво] [наяву] [господиномъ]
Дремалъ [лѣнивою] [душой] [лѣнивою душой]
Видѣній [И] [И] [И] [И] [Мечтаній] юныхъ [толпой] передъ нимъ
[Мѣнялись] тусклыя картины

Послѣ первой строфы, быстрымъ и ловкимъ очеркомъ Пушкинской манеры, набросаны перомъ: фигура молодого человѣка, опершагося задомъ на гранитъ набережной, со скрещенными на груди руками, съ обнаженной головой и съ высокой шляпой, поставленной около, на гранитѣ же, ниже — женская головка en-face, въ тюрбанѣ и женскій же профиль южнаго типа; на полѣ же противъ конца второй строфы менѣе искусно изображенъ человѣкъ, сидящій съ ногами на раздвижномъ растянутомъ вдлину креслѣ, — быть можетъ Рулинъ, о которомъ идетъ выше рѣчь во 2-й строфѣ.

*

Текстъ Записокъ П. В. Нащокина, находящійся въ упомянутой тетради, былъ опубликованъ по этой тетради Я. К. Гротомъ въ газ. «Русь» 1885 г., № 22, стр. 1 — 2, довольно точно, но въ послѣдующихъ изданіяхъ испорченъ; такъ, оказались раскрытыми имена П. В. Нащокина (въ заглавіи), В. В. Нащокина и Суворова, въ рукописи Пушкина обозначенныя лишь буквами П. В. Н., В. В. Н. и С**; вмѣсто печатнаго: «Суворовъ повернулся», у Пушкина написано: «С** перевертѣлся»; вмѣсто: «не хочетъ быть онъ обязанъ» — въ рукописи «не хочетъ онъ быть обязану»; вмѣсто: «всталъ изъ-за стола» — «всталъ изо стола»; вмѣсто: «По восшествіи» — «По возшедствіи»; вмѣсто: «понятіе объ его жизни» — «понятіе объ образѣ его жизни»; вмѣсто: «на рослой испанской лошади» — «на рослой шпанской лошади»; вмѣсто «Куликовскій» — «Куликовской»; вмѣсто «Карликами» — «Карлами»; вмѣсто: «сажалъ на пушку» — «сажалъ ее на пушку»; вмѣсто «старушки лучшаго тона» — «старушки лучшаго тону»; вмѣсто «которому я обязанъ первымъ моимъ пьянствомъ, эпохою жизни

моей» — «которому обязанъ первымъ моимъ піянствомъ, эпохою въ жизни моей»; вмѣсто: «въ чуланѣ заперты были» — «въ чуланѣ спрятаны были»; о болѣе мелкихъ неисправностяхъ не упоминаемъ.

Разсказъ «Богородицины дочки» напечатанъ Я. К. Гротомъ по рукописи этой же тетради въ той же «Руси» 1885 г., № 22, — также достаточно исправно, но въ послѣдующихъ изданіяхъ текстъ искаженъ: такъ, вмѣсто печатающейся теперь полностью фамиліи Ведель, у Пушкина въ первомъ случаѣ поставлено многоточіе, а во второмъ и третьемъ — двѣ звѣздочки **; имя Императрицы Елизаветы дважды написано Пушкинымъ: Елисавета; вмѣсто: «въ дальнюю деревню» написано: «въ дальную деревню»; вмѣсто: «при воцареніи Екатерины» — «при возшествіи Екатерины». Всѣ эти неисправности безусловно портятъ текстъ Пушкина и должны быть устранены изъ дальнѣйшихъ изданій [1]).

Говоря о Плетневско-Гротовской тетради Пушкина, слѣдуетъ еще указать, что въ ней находится два самостоятельныхъ карандашныхъ рисунка: на стр. 20-й — фигура толстаго упавшаго лысаго старика, въ костюмѣ XVIII в.; при паденіи у него слетѣла шляпа-трехуголка, а на л. 4—мужчины (военнаго?), ѣдущаго въ телѣгѣ на тройкѣ бѣгущихъ рысью лошадей; ни тотъ, ни другой рисунокъ судя по техникѣ ихъ, никоимъ образомъ не могутъ быть, какъ сдѣлалъ это Я. К. Гротъ, признаны за рисунки Пушкина, и подпись подъ вторымъ, сдѣланная Я. К. Гротомъ 19 окт. 1879 г., будто это «рисунокъ руки Пушкина, найденный въ тетради, гдѣ нѣсколько стиховъ первоначальной редакціи его Мѣднаго Всадника», должна быть признана ошибочной.

3. «ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ» И НЕИЗВѢСТНЫЙ ЗАМЫСЕЛЪ.

Три листка съ черновиками стихотвореній:

1) Начало пьесы: Ночной зефиръ струитъ эфиръ..., съ датою сбоку «13 Нояб.»; даемъ транскрипцію черновика:

---

[1]) Мы смотрѣли по изданіямъ П. О. Морозова (Просвѣщенія) и Брокгауза-Ефрона подъ ред. С. А. Венгерова.

[Едва] бѣжитъ журчитъ
Гвадалквивиръ
[Едва] [Ночной] Зефиръ
[Едва шумитъ]
Струитъ Эфиръ.

*

[Амуръ на]
[На балконъ идетъ Лаура]
[Вотъ на балконъ
Мантилья
[Вышла Луиза [?]] [Инеса]
[Гдѣ твои крылья]
[Сынъ Афродиты].

На клочкѣ писчей бумаги безъ водяныхъ знаковъ; 1 листокъ;

2) продолженіе той же пьесы; даемъ транскрипцію черновика:

Вотъ [вз.] горитъ Луна златая
[неразб. неразб.]
[Тихо —] ночи [ночная]
Тихо [шорохъ] чу!
[Тишина] ... [арфы] гитары звонъ
[Вотъ] [И] Вотъ Гишпанка молодая
Оперлася на балконъ.
[Кинь перчатку]
Брось мантилью [милый?] Ангелъ
[Ангелъ] милый
[Появись мнѣ] И явись какъ яркій [лучъ] день;
[Милый] Сквозь [желѣзныя] перилы
[Неразб.] [молви;] Ножку [милую] дивную продѣнь —
Скинь мантилью

На отрывкѣ такой же писчей бумаги съ водяными знаками «.... ALL.... 4»; 1 листокъ; .

3) черновикъ неизвѣстнаго замысла, очень исчерканный и незаконченный; снимокъ съ него былъ помѣщенъ въ изданіи П. Н. Полевого: «Исторія Русской словесности», т. III, С.-Пб. 1900, стр. 137; напечатанъ не совсѣмъ точно въ изд. В. Брюсова (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I, 1919, стр. 390 — 391); даемъ нашу транскрипцію:

[Стекло разбитое]
[И запыленная] [печка]
[Окно заткнутое подушкой]
[На пыльной полкѣ] образа
[Предъ нимъ] [просвиру] [лампаду] [свѣчка]
[и вербы] [пере [пестрая?] лоза]
Лампада. вербная лоза
И
Съ перегородкой
— двѣ коморки
Довольно чистенькія норки
[Старинный шкафъ, постель]
[Перегородка], [ку] [шкафъ, сундукъ]
[Лежанка,] [На....] Въ углу на полкѣ образа
[И] Подъ ними вербная [старая] лоза
Съ [изсохшей просвирой и свѣчкой]
[Горшокъ съ] [на окнѣ]
[два чижика]
[Двѣ клетки]
Двѣ канареички надъ печкой.

На такой же писчей бумагѣ съ водянымъ знакомъ: «AFR .... 17».

Первые два листка рукописей были неизвѣстны изслѣдователямъ (см. Соч. Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. III, примѣч., стр. 456), хотя о нихъ и упоминается въ книгѣ Н. О. Лернера «Труды и дни», стр. 107 (ср. Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. III, стр. 545). Упоминаніе въ первомъ отрывкѣ имени Лауры какъ будто подтверждаетъ предположеніе Бѣлинскаго и Анненкова о томъ, что именно свой «Испанскій романсъ» Пушкинъ имѣлъ въ виду для исполненія Лаурою въ «Каменномъ Гостѣ».

4. СТАТЬЯ О ДЕЛЬВИГѢ.

Рукопись этой черновой, со многими поправками и незаконченной статьи Пушкина подтверждаетъ правильность принятаго изданіями текста, — за исключеніемъ лишь двухъ мѣстъ, печатающихся невѣрно: вмѣсто имени Гете во фразѣ «Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ....», слѣдуетъ читать: «Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ....», вопросительная фраза «Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта»

измѣнена авторомъ, какъ и слѣдующая, въ утвердительную, а одно слово прочтено въ ней невѣрно: надобно: «Никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе опрѣсноки столь прекраснаго таланта». Наконецъ, издателями отброшено окончаніе рукописи, перечеркнутое кѣмъ-то (повидимому, не Пушкинымъ) карандашною поперечною линіею. Вотъ это, не бывшее еще въ печати окончаніе, въ текстѣ котораго мы ставимъ въ прямыя скобки слова зачеркнутыя [1]):

Въ то время (1814 году) покойный Влад. Измайловъ [издавалъ въ Москвѣ довольно] былъ издателемъ Вѣстника Европы. Дельвигъ послалъ ему свои первые опыты; они были напечатаны безъ имени его и привлекли вниманіе [двухъ или трехъ знатоковъ] однаго знатока, которые вид[ѣли]я произведенія новаго, неизвѣстнаго пера, [но] уже носящія на себѣ печать опыта и зрѣлости, ломал[и]ъ себѣ голову стараясь угодать тайну Анонима. Впрочемъ [публика не замѣтила ихъ].

*

Замѣтимъ еще, что статья писана на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1833 г., — чѣмъ разбивается высказывавшееся издателями предположеніе, что она написана, какъ некрологъ, для «Литературной Газеты 1831 г.»: она, очевидно, имѣла самостоятельное значеніе и предназначалась, быть можетъ, для помѣщенія при сборникѣ стихотвореній Дельвига; по крайней мѣрѣ рукописи его, находящіяся нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ, носятъ на себѣ слѣды помѣтъ Пушкина,— помѣтъ редакціоннаго характера, свидѣтельствуя о работѣ его надъ ними, какъ редактора.

5. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Deux grands auteurs, les héros du Parnasse
Sont par le monde et choyés et chéris.
En vain leur Muse et detonne et grimace,
Des Visigoths ils sont les favoris.
Certain Quidam distinguant leurs écrits

---

[1]) Во всей статьѣ много зачеркнутыхъ словъ и фразъ, но для начала ея мы этихъ словъ и фразъ не приводимъ.

De ces Messieurs nous designe la place:
L'un est, dit-il, le chantre du Midi,
L'autre du Nord. Touchez là, c'est bien dit:
Tant l'un est sec! et tant l'autre est de glace!

Поэма моя на исходѣ — думаю кончить послѣднюю пѣснь на этихъ дняхъ. Она мнѣ надоѣла — потому и неприсылаю тебѣ отрывковъ.

Пушкинъ.

1820
28 Марта.

(Изъ письма къ Вяземскому. Начало письма спросить у В. Зотова).

*

Приведенныя выше строки представляютъ собою точную копію со списка, сдѣланнаго В. П. Гаевскимъ [1]), быть можетъ, съ подлиннаго письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому; письмо это было извѣстно, какъ указываетъ Гаевскій, Владиміру Рафаиловичу Зотову; послѣдній, популярный въ свое время журналистъ и писатель, былъ товарищемъ Гаевскаго по Лицею, но старше его тремя выпусками (1841 и 1845 гг.); онъ, конечно, зналъ объ усердныхъ занятіяхъ Гаевскаго Пушкинымъ и могъ сообщить ему, въ числѣ другихъ полезныхъ для него матеріаловъ, и письмо поэта, которымъ обладалъ или о которомъ зналъ; почему Гаевскій списалъ для себя только вторую часть письма, оставивъ начало, неизвѣстно, какъ неизвѣстно, сохранилось-ли это письмо гдѣ-либо; можемъ только сказать, что въ обширномъ архивѣ Зотова, перешедшемъ нынѣ, въ составѣ Дашковскаго собранія, въ Пушкинскій Домъ, этого письма не находится.

Принадлежность письма Пушкину не подлежитъ сомнѣнію: помимо авторитетнаго свидѣтельства такого добросовѣстнаго и освѣдомленнаго изслѣдователя, какъ Гаевскій, это доказывается фактическимъ указаніемъ, находящимся въ концѣ письма: поэма, упоминаемая здѣсь, — «Русланъ и Людмила», — была закончена Пушкинымъ какъ отмѣчено имъ въ черновой рукописи, 26-го марта 1820 г., и въ этотъ же день Жуковскій подарилъ юному поэту свой портретъ съ извѣстною надписью: «Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго

[1]) Судя по почерку и бумагѣ, — въ 1850-хъ или 1860-хъ годахъ.

учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму Руслань и Людмила. 1820 марта 26, великая пятница». Правда, тому же Вяземскому Пушкинъ, мѣсяцемъ позже (около 21 апрѣля) [1]), писалъ почти то же: «Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную; она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя»; но между этими обоими письмами къ князю Вяземскому нѣтъ противорѣчія: въ первомъ поэтъ имѣетъ въ виду завершеніе поэмы вчернѣ, а во второмъ — бѣловую, окончательную, по его собственному выраженію, отдѣлку.

Гораздо сложнѣе вопросъ о французскихъ стихахъ, написанныхъ Пушкинымъ: принадлежатъ-ли они ему или только имъ записаны? Какъ извѣстно, въ дѣтскіе и юные, лицейскіе годы Пушкинъ писалъ стихи на французскомъ языкѣ; изъ нихъ до насъ дошли: эпиграмма «Dis-moi pourquoi l'Escamoteur...», поэма «La Tolyade», (начало), «Stances» (1814) и «Mon portrait» (1814), «Княжнѣ Волконской» (1816) и «Couplets» (1817) [2]), и лишь приписываемое Пушкину стихотвореніе «A son amant Eglé sans resistance...», относимое къ 1821 г.; болѣе позднихъ піесъ Пушкина на французскомъ языкѣ не извѣстно [3]); но въ 1820 году онъ какъ будто еще могъ бы позволить себѣ въ шутку пародировать стиль французскихъ поэтовъ XVIII-вѣка и набросать піесу совершенно въ духѣ Вольтера, Пирона, Грессе и ихъ современниковъ. Если бы приведенное въ письмѣ девятистишіе было сочинено не самимъ Пушкинымъ, — какой смыслъ имѣло бы сообщать его Вяземскому? Послѣдній былъ начитанъ и зналъ французскихъ поэтовъ не хуже Пушкина, если не лучше его, и по свойству своего ума и литературнаго дарованія былъ особенно склоненъ къ поэзіи сатирической, любилъ эпиграммы и самъ изощрялся въ

---

[1]) Въ Акад. изданіи Переписки (т. I, стр. 14) письмо это датировано «первой половиной марта» — неправильно.

[2]) Ихъ стихотворный переводъ см. въ изданіи Соч. Пушкина подъ ред. В. Я. Брюсова, т. I, М. 1919, стр. 104 — 107.

[3]) Изъ перечисленныхъ «Stances» были опубликованы впервые именно В. П. Гаевскимъ въ статьѣ его «Пушкинъ въ Лицеѣ и его лицейскія стихотворенія» (1863).

нихъ: Пушкинъ могъ захотѣть похвалиться передъ своимъ другомъ удачною пьескою съ остроумнымъ каламбуромъ въ заключеніи. Какъ бы то ни было, пока не будетъ найденъ источникъ приведеннаго девятистишія, — его, съ большей или меньшей вѣроятностію, можно приписывать Пушкину. Нужды нѣтъ, что мы не можемъ подвести реальную русскую основу подъ содержаніе сатирическаго выпада, указать, кого именно эпиграмма имѣетъ въ виду подъ пѣвцами Сѣвера и Юга, и что для наименованія грубыхъ, необразованныхъ и мало развитыхъ въ литературномъ отношеніи читателей употреблено имя дикихъ Визиготовъ, — пріемъ, употреблявшійся Вольтеромъ: Пушкинъ могъ нарочно «передразнить» одного изъ своихъ литературныхъ учителей-французовъ и заимствовать у него всѣ пріемы со свойственнымъ ему искусствомъ.

6. ПИСЬМО КЪ А. Д. БАЛАШЕВУ.

Дружескія чувства къ Павлу Воиновичу Нащокину заставили однажды Пушкина, въ началѣ 1832 г., вступить въ переписку съ Александромъ Дмитріевичемъ Балашевымъ (р. 1770, ум. 8-го мая 1837); одинъ изъ старѣйшихъ тогда генералъ-адъютантовъ, Членъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, Балашевъ былъ нѣкогда (1810 — 1816) всесильный Министръ Полиціи и пользовался особенною извѣстностью по связи своей съ дѣломъ о высылкѣ Сперанскаго; въ 1820 — 1825 гг. онъ занималъ постъ Рязанскаго, Тульскаго, Орловскаго, Воронежскаго и Тамбовскаго Генералъ-Губернатора.

О перепискѣ Пушкина съ Балашевымъ было донынѣ извѣстно лишь по двумъ письмамъ Балашева къ поэту, отъ 19-го января и 22-го января 1832 г. [1]), изъ которыхъ первое служило отвѣтомъ на письмо Пушкина. Это послѣднее остается донынѣ неизвѣстнымъ, но мы можемъ теперь, по копіи, снятой В. П. Гаевскимъ и сохранившейся въ его бумагахъ, поступившихъ въ Пушкинскій Домъ, сообщить письмо Пушкина, служащее отвѣтомъ на второе письмо Балашева — отъ 22-го января 1832 г. [2]).

---

[1]) Они впервые были опубликованы В. Я. Брюсовымъ въ его сборникѣ «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903, стр. 107 и 108.

[2]) См. его въ Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 362 — 363.

Сношенія Пушкина съ Балашевымъ возникли по слѣдующему поводу. Женитьба поэта вовлекла его въ большіе долги, выпутываться изъ которыхъ помогалъ ему Нащокинъ; но этотъ вѣрный другъ Пушкина самъ постоянно нуждался въ средствахъ, которыхъ у него не хватало на широкую, расточительную жизнь: Нащокинъ не желалъ ни въ чемъ себѣ отказывать, увлекался и карточной игрой, и женщинами, окружалъ себя толпою безпутныхъ авантюристовъ и любителей поживы, разорялся на удовлетвореніе самыхъ причудливыхъ прихотей. Пріѣхавъ въ Москву впервые послѣ своей женитьбы, поэтъ писалъ женѣ (8-го декабря 1831 г.): «Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ паукъ, и судно, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха» [1]). Черезъ недѣлю Пушкинъ сообщалъ женѣ: «Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился», а на другой день писалъ: «Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его — такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ, — время идетъ, а дѣло мое не разпутывается». По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ писалъ своему другу 8-го января 1832 г.: «Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ, я все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть-ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуй-ста, не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ

---

[1]) Извѣстный игрушечный домикъ, стоившій Нащокину большихъ денегъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ владѣлецъ домика, г. Голяшкинъ, выставлялъ его въ залахъ Академіи Наукъ.

описать», — и затѣмъ снова просилъ: «Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги и не вступишь-ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего)». Между тѣмъ, еще до полученія этого письма, Нащокинъ уже разсказывалъ Пушкину о посольствѣ «своего нѣмца» къ брату, В. В. Нащокину, и прибавлялъ: «Думаемъ мы съ Анд: Хрис: перекрестясь начинать кой какъ наше завѣденіе. Дѣло вотъ въ чемъ: буде тебѣ лехко достать денегъ, какъ ты сказывалъ; въ такомъ случаѣ достань и дай ихъ Андрею Христофоровичу, который закупитъ, что слѣдуетъ, для нашего начала; буде же не такъ лехко, какъ мы думаемъ, въ такомъ случаѣ моя нижайшая просьба себя ни сколько не тревожить». Письмо это [1]) было привезено Пушкину, повидимому, самимъ А. Х. Кнерцеромъ, который, пріѣхавъ, просилъ поэта, отъ имени Нащокина, написать къ А. Д. Балашеву письмо по вопросу о пріобрѣтеніи у него участка земли въ его дачѣ подъ Симоновымъ монастыремъ, на берегу Москвы-рѣки: здѣсь Нащокинъ, для поправленія своихъ запутанныхъ дѣлъ, предполагалъ, при содѣйствіи нѣмца-Кнерцера, механика по спеціальности, завести мельницу и съ ея помощью выйти изъ долговъ. На неизвѣстное намъ обращеніе Пушкина Балашевъ отвѣчалъ 19-го января 1832 г. слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь
Александръ Сергѣевичь!

Получа пріятное письмо ваше, поспѣшаю на оное отвѣтствовать: я очень радъ, что Г. Кнерцеръ прибѣгнулъ къ посредничеству вашему, по предмету желаемой имъ купить земли у меня, потому что доставляетъ мнѣ случай быть въ сношеніи съ вами, я полагаю, что сія земля находиться должна въ имѣніи моемъ, подъ Симоновымъ монастыремъ находящемся и называемомъ Тюфили; но положеніе торгуемаго мѣста мнѣ неизвѣстно, то-есть, сколько саженъ по берегу Москвы рѣки, и сколько въ глубь и также къ концу ли границы

[1]) Оно неправильно отнесено Акад. изданіемъ Переписки Пушкина (т. II, стр. 364) ко второй половинѣ января 1832 г.: оно несомнѣнно писано въ началѣ января, вскорѣ послѣ новаго года.

моей, и какую цѣну предлагаетъ Г. Кнерцеръ за десятину, ибо у меня тутъ 222 десятинъ, которыя мнѣ бы хотѣлось продать вообще; но въ протчемъ отъ сего послѣдняго я и отступить могу. — Какъ скоро обо всѣхъ обстоятельствахъ сихъ узнаю, то такъ же скоро и на продажу отвѣтъ дать готовъ какъ и нынѣ.

Пребывать честь имѣю съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга А. Балашевъ.

Черезъ три дня, 22-го января, Балашевъ сообщалъ Пушкину:

Милостивый Государь
Александръ Сергѣевичь!

Обстоятельное предложеніе касательно Тюфилевой моей дачи имѣлъ честь сей часъ получить, и вотъ мой отвѣтъ:

во всей сей дачѣ 222 десятины; цѣна всей даче 110,000 р. — Есть-ли небудетъ охотника на всю дачу, то я рѣшусь продавать и частями; но въ семъ послѣднемъ случаѣ нельзя мнѣ сравнить десятины прибережныя съ десятинами въ глубину, потому что однѣ другихъ не сравненно выгоднѣе, а потому и расцѣнку сдѣлать должно: неугодно ли будетъ Г. Кнерцеру (есть ли онъ здѣсь) пожаловать ко мнѣ и по плану назначить черту, отдѣляющую желаемую имъ часть земли, то мы въ цѣнѣ сговориться можемъ удобнѣе. — Мнѣ Оберъ-Прокуроръ Новосильцовъ предлагаетъ назначенную мною цѣну 110/т. р.; но при совершеніи купчей даетъ только 50/т., а остальные на годъ съ залогомъ той же дачи; а я желаю получить всѣ наличными: вотъ въ чемъ у насъ остановка. — Доходу мнѣ съ дачи болѣе нежели что дать могутъ 110/т. А потому, отдавая дешево, отдать очень дешево не могу. Прибережная же десятина конечно стоитъ въ двое противу прочей.

Пріимите вновь свидѣтельство особеннаго уваженія, съ которымъ пребывать честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Балашевъ.

22 Генваря 1832.

PS. Дача Тюфилево куплена мною въ 1815 году за 130.000 р. у купца Гжельцова.

Отвѣчая на это то письмо и посылая къ Балашеву самого Кнерцера для устныхъ объясненій, Пушкинъ писалъ:

Милостивый Государь
Александръ Дмитріевичь!

Еще разъ благодаря Ваше Высокопревосходительство и прося извиненія за ходатайство, коимъ Вамъ докучаю, препровождаю къ Вамъ по приказанію Вашему Г. Кнерцера, который лучше моего объяснитъ Вамъ свои предположенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть,
Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

23 Янв.
1832. СПб.

Къ тексту этого, донынѣ бывшаго неизвѣстнымъ письма можемъ добавить, изъ дальнѣйшей переписки Пушкина, что въ концѣ января или началѣ февраля 1832 г. Кнерцеръ отправился обратно въ Москву, получивъ отъ Пушкина на дорогу 1000 рублей [1]) и, повидимому, уладивъ дѣло съ покупкою земли въ Тюфиляхъ: по крайней мѣрѣ въ письмѣ отъ второй половины февраля 1833 г. Пушкинъ, отвѣчая Нащокину на его грустное письмо съ жалобами на запутанность дѣлъ и на окружающую его суету, духовную «стужу и скуку», писалъ: «За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь... Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мѣльницу въ Тюфлях, — и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки»; изъ письма же Нащокина къ Пушкину, относящагося къ январю-февралю 1834 года, видно, что въ это время Нащокинъ собирался ѣхать изъ Москвы въ Тюфили, а оттуда въ подмосковную, чтобы обвѣнчаться тамъ, тайно отъ своей сожительницы-цыганки, съ В. А. Нарской. «Писать ко мнѣ», прибавлялъ онъ: «ты можешь на имя Андрѣя Христофоровича Кнерцера машиниста, въ Тюфили,

[1]) Переписка, т. II, стр. 367, 370.

который между прочимъ проситъ, чтобы ты позволилъ бы ему въ случаѣ нужды адресоваться. Онъ уже будетъ знать о моемъ пребываніи. Еще прошу тебя позаботится объ деньгахъ, ибо мнѣ никогда онѣ такъ не нужны, какъ теперь и буде ты можешь ихъ прислать, пришли ихъ на имя А. Х. К.!» Въ письмѣ, писанномъ черезъ мѣсяцъ или два послѣ этого, Нащокинъ спрашивалъ Пушкина, писалъ-ли онъ Кнерцеру; наконецъ, Пушкинъ, въ исходѣ октября 1835 г., спрашивая Нащокина: «Каковы твои дѣла?» прибавлялъ: «Что Кнерцеръ и твой жиденокъ-лекарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у нея пречуткое сердце. Смотри, разпутайся съ ними: это необходимо».

Не знаемъ, распутался-ли Нащокинъ съ Кнерцеромъ; знаемъ только, что въ то время, какъ этотъ безалаберный другъ поэта совершенно разорился и умеръ (въ 1854 г.) въ бѣдности, оставивъ свою семью въ полной нищетѣ, А. Х. Кнерцеръ, въ 1851 году, по Адресной книгѣ Москвы, числился уже почетнымъ гражданиномъ и купцомъ 2-й гильдіи (жилъ онъ тогда въ Рогожской части, у церкви Рождества Богородицы, на Москвѣ-рѣкѣ, въ домѣ Шнейдера) [1]) и, будучи на 11 лѣтъ старше своего хозяина, умеръ лишь за полтора года до него: въ надписи на прочномъ надгробномъ памятникѣ, донынѣ сохранившемся на Московскомъ Иновѣрческомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ, указано, что Heinrich-Adam Knoerzer, родившійся 8-го февраля 1789 года, скончался 5-го марта 1853 года [2]).

Что касается Балашева, то никакихъ другихъ сношеній у Пушкина съ нимъ не было. Характеристику этого вельможи, какъ всегда, злую, но жизненную, находимъ мы въ Запискахъ Вигеля; а товарищъ Пушкина по Лицею баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ даетъ такой портретъ этого вліятельнаго, чуть-ли не всемогущаго въ свое время сановника: «Съ большимъ природнымъ умомъ, съ блестящими дарованіями, съ необыкновенною хитростію и столь же необыкновеннымъ искусствомъ находить расположеніе въ тѣхъ, въ комъ нуждался, онъ, несмотря на то, что былъ взращенъ въ военномъ мундирѣ, имѣлъ въ себѣ многое изъ самаго низкаго подьяческаго типа. Постыдное

---

[1]) К. Нистремъ, Адресъ-Календарь жителей Москвы, ч. II, М. 1851 г., стр. 178.

[2]) Московскій Некрополь, т. II, стр. 52.

его лихоимство знала вся Россія, онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было; бралъ и какъ оберъ-полиціймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и даже какъ министръ [Полиціи]. Страсть къ преступному любостяжанію не охладѣла въ немъ и тогда, когда, черезъ второй бракъ свой, въ 1808 году, съ дѣвицею Бекетовою [ум. 1823], двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства. Министерство его было не высшимъ, по назначенію своему, блюстителемъ надъ общественными нравами, а полицейскою конторою, въ которой одною рукою брали, а другою употребляли на шпіонство, вывѣдываніе и клеветы и т. д.» [1]).

Балашевъ оставилъ послѣ себя потомство; обращеніе Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина, лѣтъ 15 тому назадъ, къ одному изъ современныхъ представителей этого рода съ просьбою о разысканіи въ семейномъ архивѣ писемъ Пушкина къ А. Д. Балашеву не дало благопріятныхъ результатовъ: Коммиссія получила отвѣтъ, что письма эти найдены не были, — и остается неизвѣстнымъ, сохранились-ли они до настоящаго времени.

7. ПИСЬМО КЪ В. А. ПЕРОВСКОМУ.

Посылаю тебѣ Исторію Пугачева въ память прогулки нашей въ Берды; и еще 3 экземпл., Далю, Покотилову и тому охотнику, что Вальшневъ сравниваетъ съ Валленштейномъ, или съ Кесаремъ — Жалѣю что въ П. Б. удалось намъ встрѣтиться только на балѣ — Досвиданія, въ степяхъ или надъ Ураломъ. *А. П.*

На оборотѣ: Его Превосходительству Василію Алексѣевичу Перовскому etc.

*

Письмо поэта, донынѣ неизвѣстное, писано на листѣ почтовой «Гончаровской» бумаги большого формата, съ водяными знаками «А. Г. 1834» и запечатано на складкѣ пакета сургучною печатью съ оттискомъ перстня-талисмана. Обращено оно къ генералъ-адъютанту Василію Алексѣевичу Перовскому, съ 15-го апрѣля 1833 г. занимавшему

[1]) «Русск. Стар.» 1902 г., № 3, стр. 485.

постъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора, управляющаго и гражданскою частью губерніи, и Командующаго Оренбургскимъ Отдѣльнымъ корпусомъ. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Жуковскаго и его «Свѣтланы» Воейковой, человѣкъ «геніальнаго сердца» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. III, с. 475), высоко-просвѣщенный и ярко-оригинальный (см. «Ист. Вѣстн.» 1908 г., № 3, стр. 797 и сл.), усиленно-привлекавшій къ себѣ вниманіе Льва Толстого (см. «Толстовскій Музей», т. I, стр. 287—290), Перовскій имѣлъ случай, во время поѣздки Пушкина въ Восточную Россію для собиранія матеріаловъ по исторіи Пугачевщины, въ сентябрѣ 1833 г., оказать ему нѣсколько услугъ и принимать его у себя въ домѣ, на загородной дачѣ подъ Оренбургомъ [1]). Обстоятельства пребыванія Пушкина въ Оренбургѣ и его поѣздки, съ Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, въ Бёрды (за Оренбургъ верстъ около семи) подробно разсказаны въ исчерпывающей статьѣ Д. Н. Соколова «Пушкинъ въ Оренбургѣ» — въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники», вып. XXIII—XXIV, 1916 г., стр. 67—100 и 301—304; къ ней мы и отсылаемъ любознательнаго читателя, желающаго ознакомиться съ этимъ эпизодомъ изъ жизни Пушкина,—здѣсь же скажемъ

---

[1]) Графъ В. А. Соллогубъ разсказываетъ въ Воспоминаніяхъ своихъ, что именно съ посѣщеніемъ Оренбурга и пребываніемъ у В. А. Перовскаго связанъ анекдотъ, давшій Пушкину мысль, сообщенную имъ Гоголю, о «Ревизорѣ», а П. И. Бартеневъ сообщаетъ, со словъ автора «однихъ неизданныхъ записокъ о жизни Пушкина», слѣдующее по тому же поводу: «Въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1833 г., Пушкинъ былъ въ Нижнемъ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. (чит. «Бутурлинъ». *Б. М.*). Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель, гр. Василій Алексѣевичъ Перовскій. Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоитъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого: «У насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, зная, кто онъ, обласкалъ его, но должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ разъѣзжалъ за документами объ Пугачевскомъ бунтѣ; должно быть ему дано тайное порученіе сообщать свѣдѣнія объ неисправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, что бъ вы были осторожнѣе», и пр. Тогда Пушкину пришла идея написать комедію Ревизоръ...» Авторъ утверждаетъ, что такъ слышалъ онъ отъ самаго Пушкина («Русск. Арх.» 1865 г., ст. 1212—1213).

о томъ лишь, что служитъ къ объясненію вышеприведеннаго новаго письма Пушкина; оно нашлось въ той части архива Даля [1]), которая въ 1919 г. поступила въ Пушкинскій Домъ; въ бумаги къ Далю оно попало, очевидно, отъ самого Перовскаго, съ которымъ «Казакъ Луганскій» пріѣхалъ служить въ Оренбургъ весною 1833 года и съ которымъ былъ довольно близокъ [2]).

Прежде всего слѣдуетъ выяснить, къ какому времени относится письмо? Водяной знакъ на бумагѣ приводитъ насъ къ 1834 году, какъ къ terminus a quo; съ другой стороны извѣстно, что «Исторія Пугачевскаго Бунта» вышла изъ типографіи въ послѣднихъ числахъ декабря 1834 года [3]), — слѣдовательно, посылка экземпляровъ въ Оренбургъ могла послѣдовать уже въ 1835 году; если же принять во вниманіе, что въ глухую зиму врядъ-ли кто-нибудь изъ знакомыхъ Пушкина пускался въ далекій Оренбургъ (письмо писано, какъ видно по адресу и отсутствію почтовыхъ помѣтъ, не по почтѣ, а «съ оказіей», съ кѣмъ-либо ѣхавшимъ въ Оренбургъ), — можно думать, что отправка книгъ и письма произошла не ранѣе весны 1835 г., напр., апрѣля мѣсяца, когда Пушкинъ послалъ экземпляры «Исторіи» въ Москву — къ И. И. Дмитріеву и Д. Н. Бантышу-Каменскому [4]); всѣ же экземпляры книги, въ листахъ, были доставлены Пушкину лишь 5-го сентября 1835 года, и ихъ надлежало еще брошюровать [5]). Болѣе точно датировать письмо, къ сожалѣнію, не удается. Изъ лицъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Пушкина, — о Далѣ распространяться не

---

[1]) Другая часть архива, какъ сообщила намъ внучка писателя, Е. П. Ляпунова, рожд. Демидова, погибла въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ сундукъ съ бумагами Даля былъ проданъ, въ разгаръ революціи, прислугою на обертки.

[2]) Съ Далемъ Перовскій познакомился у Жуковскаго («Русск. Арх.» 1872 г., столб. 2027).

[3]) Тогда-же (20-го декабря 1834 г.) самъ Перовскій пріѣзжалъ не на долго въ Петербургъ («С.-Петерб. Вѣд.» 1834 г., № 299, стр. 1561).

[4]) В. Д. Вольховскому книга была послана 22 іюля 1835, при письмѣ, писанномъ на такой же бумагѣ, какъ и письмо къ Далю (см. «Труды Я. К. Грота», т. III, прил., стр. 176); на такой же бумагѣ писаны и письма къ Бантышу-Каменскому отъ 26 января и 2 апрѣля 1835 г. (см. ниже).

[5]) И. А. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 219—220; А. Н. Макаровъ, Дѣло о напечатаніи Исторіи Пугачевскаго бунта — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 77 — 92.

приходится, тѣмъ болѣе, что ниже мы будемъ приводить нѣсколько его сообщеній, касающихся именно этого письма поэта. Что касается Покотилова, котораго Пушкинъ удостоилъ подарка книгою, то это былъ, безъ сомнѣнія, тотъ лихой атаманъ Уральскихъ казаковъ, о которомъ самъ поэтъ разсказывалъ въ письмѣ своемъ къ женѣ отъ 2-го октября 1833 г., сообщая ей о поѣздкѣ въ Уральскъ: «Тамошній Атаманъ и козаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной». Василій Осиповичъ Покатиловъ, питомецъ Второго Кадетскаго Корпуса, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1805 году подпоручикомъ въ полевую артиллерію [1]),—всю свою службу провелъ въ артиллерійскихъ частяхъ, въ іюнѣ 1821 г. произведенъ былъ въ подполковники и былъ тогда командиромъ Оренбургской казачьей конной роты № 11, а въ 1828—1829 гг. занималъ должность командира Оренбургской артиллерійской казачьей конной роты № 10 [2]),—повидимому вплоть до 17-го августа 1830 г.,—дня, когда онъ замѣстилъ скончавшагося 15-го августа извѣстнаго Уральскаго войскового атамана Д. М. Бородина [3]),—сперва временно, съ 9-го же декабря 1833 г. былъ, по желанію Перовскаго, утвержденъ Наказнымъ атаманомъ [4]). Съ нимъ былъ хорошо знакомъ Даль, въ особой статейкѣ-корреспонденціи, напечатанной въ Булгаринской «Сѣверной Пчелѣ» 1834 г. (7-го мая, № 101, стр. 403—404), описавшій его вступленіе въ должность атамана. Приводимъ здѣсь эту статейку «Казака Луганскаго», писанную его своеобразнымъ языкомъ,—особенно въ виду того, что она не вошла въ собраніе его сочиненій и потому совсѣмъ неизвѣстна:

---

[1]) Историческое обозрѣніе 2-го Кадетскаго Корпуса, С.-Пб. 1862, прил., стр. XXIX.

[2]) Списокъ штабъ-офицерамъ по старшинству. Напечатанъ по 1-е Октября 1821 г., стр. 390; Списокъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ всей Россійской арміи, С.-Пб. 1829, стр. 37.

[3]) Архивъ Декабриста, подъ редакціей кн. С. М. Волконскаго и Б. Л. Модзалевскаго, т. I, Пгр. 1918, стр. 45—46 и др.

[4]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Главное Управленіе казачьихъ войскъ т. XI, ч. 1, стр. 292 и ч. 2, стр. 226.

НОВЫЙ АТАМАНЪ

(Письмо изъ Уральска).

Уральцы, годика съ три тому, оплакали Атамана своего, Генералъ-Маіора Бородина. Коли не случалось кому изъ васъ видѣть его, такъ знайте, что былъ онъ казакъ, душа молодецкая, стройный и рослый, и бойкой, лихой осанки. Сказывалъ мнѣ вѣрный человѣкъ, что есть и понынѣ въ чужихъ краяхъ не малое число картинъ, списанныхъ съ Сотника, не то съ Есаула, Бородина, какъ ходилъ онъ туда молодымъ казакомъ съ Суворовымъ: глядятъ нѣмцы, не налюбуются! Ну, да онъ теперь передъ Богомъ, его не воротишь — да и я сѣлъ не лики писать, не панихиду служить, а хочу говорить про нынѣшнее.

Атаманомъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ нынѣ — сами вы знаете кто: казаки, поминая Его, всегда шапки снимаютъ. Но Государю Императору угодно было дать Уральцамъ Наказнаго Атамана. Въ лице хвалить не годится, а то бы я сказалъ при всѣхъ, что новый Наказной Атаманъ Уральцевъ — лихой Атаманъ!

И такъ, по назначенію Полковника Василія Осиповича Покотилова Наказнымъ Атаманомъ Уральскаго Войска, пошли пиры да гульба, а казаки загуляютъ, такъ не шутятъ: хоть святыхъ вонъ понеси! Не знаю, гдѣ проявилась на Руси пословица: загулялъ, такъ и ворота на запоръ; да только вѣрно ни на Дону, ни на Уралѣ. Здѣсь: загулялъ, такъ ворота настежь, — не хуже побыта блаженныя памяти ласкова солнышка Князь-Владиміра: мимо пирушки путидороги не пролегаетъ, а заворачивай-знай на подворье, кто живой подошелъ!

Атаманъ чествовалъ всѣхъ наличныхъ войсковыхъ чиновниковъ обѣденнымъ столомъ; потомъ, какъ Войско собралось съ багреннаго рыболовства, а вы знаете, что Войско ходитъ и на осетровъ и на бѣлугъ, что на французовъ, — лавою; какъ возвратилось, говорю, съ благополучнаго лова, такъ помолилось Богу и, послѣ общаго молебствія, совершеннаго въ Соборѣ, явилось на зовъ атаманскій, погулять и попраздновать, да распить передъ домомъ атаманскимъ сороковую бочку вина некупленнаго.

— Пилъ чару зелена вина малый и великій, да поминалъ хозяина, пили казаки на овъ и на инъ, — пилъ и отставной казакъ

Шарль Бертю... Казакъ Шарль Бертю!.. Такъ, господа, отставной, приписной Уральскій казакъ Шарль Бертю; коли мнѣ не вѣрите, спросите у людей: люди видѣли, какъ онъ и усы отиралъ. Онъ зашелъ во время оно въ матушку Россію, не знаю, званый ли, не званый ли, а на пиру атаманскомъ былъ онъ званый. Его взяли казаки въ 1812 году, завезли сюда; онъ обжился, женился, да въ казаки приписался — вотъ вамъ и французскій казакъ Шарль Бертю!

Между тѣмъ Наказной Атаманъ далъ вечеръ и балъ, на который съѣхались и Уралки наши, въ цвѣтныхъ сарафанахъ, въ шелковыхъ широкихъ рукавахъ, не въ модныхъ райскихъ птичкахъ, а въ богатыхъ саженыхъ сорокахъ [1]), да въ дѣвичьихъ дорогихъ поднизяхъ [2]), не въ бронзовыхъ цѣпочкахъ да пряжкахъ, а въ чистомъ золотѣ; не въ чужихъ кудряхъ, а въ своихъ косахъ, да въ окатныхъ жемчугахъ, я говорю вамъ, что тутъ ничѣмъ не шутятъ: поглядите, коли знаете толкъ, — тутъ въ каждомъ сорокѣ десятки тысячей!

Наконецъ, 15 февраля, приняли уральцы и угостили новаго Атамана своего по-своему. Это было вотъ какъ: Поутру явились къ нему два Штабъ-Офицера и просили Атамана именемъ всѣхъ собратій своихъ подарить ихъ нынѣшнимъ днемъ и порадоваться общей радости. Вечеромъ, когда все было пріуготовлено, а гости и чиновники войсковые съѣхались, — два Штабъ-Офицера отправились со вторичнымъ и окончательнымъ приглашеніемъ и прибыли вмѣстѣ съ Атаманомъ своимъ къ назначенному дому. Старшины и почетные войсковые чиновники встрѣтили дорогаго гостя на крыльцѣ и, какъ водится, проводили его подъ звонкою музыкой въ залу. Весь домъ былъ освѣщенъ снутри и снаружи, а на балконѣ былъ выставленъ щитъ съ изображеніемъ вензеловыхъ именъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Высокаго Атамана всѣхъ Казачьихъ Войскъ.

Празднество открыто было польскимъ, въ головѣ коего шелъ Атаманъ съ одною изъ почтеннѣйшихъ туземокъ. Музыка гремѣла и пляска продолжалась во всю ночь. Хотя нельзя сказать, чтобы пляски, или такъ называемые танцы, были здѣсь во всеобщемъ употребленіи, но многіе изъ молодыхъ чиновниковъ войсковыхъ

---

[1]) Головной уборъ женщинъ.

[2]) Головной уборъ дѣвицъ.

пляшутъ охотно и хорошо. Сѣли за столъ; большая часть мужчинъ осталась на ногахъ. Во время ужина появился неожиданно, противъ почетнаго мѣста, занимаемаго Атаманомъ, освѣщенный щитъ съ именемъ его и съ лестною притомъ надписью.

Заздравная братина пошла ходить изъ рукъ въ руки. Пили здравіе Царя и Царицы и Атамана Цесаревича и всего Пресвѣтлѣйшаго Дома, всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь. Дошла очередь до Оренбургскаго Военнаго Губернатора, а наконецъ и до Наказнаго Атамана. Тогда эму принесено было условленное поздравленіе, — сперва всѣми наличными чиновниками, потомъ избранными почетными казаками, отъ имени цѣлаго Войска, потомъ учениками Войскового училища и наконецъ, — учитесь братцы, какъ встрѣчать и принимать Атамановъ своихъ, у Уральцевъ: пятеро милыхъ, богато-убранныхъ дѣвицъ высшаго казачьяго сословія подошли, — шумный, радостный, говоръ умолкъ, почтительная тишина воцарилась; дѣвицы подошли въ Атаману, поклонились ему, по обычаю своему, низенько, сказывали ему долго жить, братьями, отцами, женихами праведно и ласково управлять, судъ и правду рядить, — и поднесли ему, — ни серебра ни золото, — а поднесли снопикъ живыхъ, самородныхъ цвѣтовъ. Всѣ наличные гости или хозяева, — какъ хотите, — подняли ура, прямо по-казацки: окна задребезжали и двери сами порастворялись! А казаки, запрудивъ широкую улицу, того и ждали: подхватили и себѣ, да такъ, что и пушки заздравныя заглушили!.. Ночь была тихая и свѣтлая; вино пили, ура кричали, пушки палили, а какъ разъѣхались позднимъ утромъ по домамъ, да глянули на снарядъ, иже нарекается часомѣріе, такъ и вспомнили поговорку: казаку гулять, такъ и ночь коротка!

В. Луганскій.

Приписка. Мартъ на исходѣ, Апрѣль на дворѣ, а Уралъ стоитъ, не шелохнется. Скоро вздуетъ его да погонитъ ледъ на море, на Хвалынское. Глядите тогда, что за потѣха будетъ; начнется пловня [1]),

---

[1]) Весеннее рыболовство сѣтьми, кои раскидываются съ каждой лодки однимъ человѣкомъ.

да пойдутъ казаки въ скачку на тысячѣ-другой бударокъ [1])! Снѣгу нынѣшнюю зиму Господь не пожалѣлъ, такъ земляная вода [2]), надо быть, пойдетъ большая и на урожай въ Оренбургской губерніи понадѣяться можно. Авось Богъ милостивъ будетъ! — Прилинейные Кайсаки эту зиму опять начали продавать дѣтей своихъ; на дняхъ видѣлъ я четырехъ мальчиковъ, купленныхъ за 75 рублей асс.

Младшему лѣтъ семь. Одинъ насмѣшилъ: новый хозяинъ сталъ, жалѣя его, кормить голоднаго помаленьку, а онъ, глядя на съѣстное, непремѣнно хотѣлъ поѣсть все. Коли такъ, говоритъ, такъ пойду я отъ тебя прочь опять въ степь. Скинулъ платье хозяйское, снялъ и рубаху, взялъ съ окна плеть и пошелъ! — Гдѣ же лошадь у тебя? спросили его. — Плеть есть, отвѣчалъ тотъ, такъ и лошадь будетъ! Простоявъ минуты съ двѣ нагишемъ на морозѣ, воротился онъ. Въ тотъ же вечеръ и на слѣдующій день спохватились огарковъ свѣчныхъ: нѣтъ ни одного, а не догораетъ, кажется, свѣчей много; рѣшили на томъ, что ихъ крысы таскаютъ.

Глядь на новаго нахлѣбника, — а онъ жуетъ, да только свѣтильни выкидываетъ! Не подумайте, чтобъ я шутилъ: ей, ей, былое дѣло! Тамъ яхши, увѣряетъ онъ, и понынѣ удивляется, для чего не велятъ ея ѣсть!

*

Эта идиллическая картина любви къ новому атаману, нарисованная Далемъ, была, какъ кажется, не совсѣмъ вѣрна; по крайней мѣрѣ Оренбургскій старожилъ И. В. Черновъ свидѣтельствуетъ, что назначеніемъ Покатилова, неприроднаго казака, а великоросса, казачество было недовольно [3]); о томъ же говоритъ и Рябининъ въ своей

---

[1]) Бударa — долбленая лодка, однодеревка, комяга, душегубка, челнокъ. — Казаки пускаются на нихъ, — по пущечному сигналу, скакать, какъ они говорятъ, то есть, въ обгонъ другъ друга. Глядя на эту суматоху, не знаешь, какъ вода подымаетъ столько народу вдругъ.

[2]) Степная или береговая вода, стекая на рѣку, подмываетъ, подкапываетъ и сгоняетъ ледъ; рѣка вскрывается. Потомъ идетъ недѣлю другую спустя, земляная вода, т. е. вода съ горъ, высокою и широкою волною, разливается и понимаетъ берега на нѣсколько верстъ.

[3]) Записки генералъ-майора Ивана Васильевича Чернова, Оренбургъ. 1907, стр. 117.

извѣстной книгѣ «Уральское казачье войско» [1]), а также и новѣйшій историкъ Казачьихъ войскъ, А. И. Никольскій: «Должности войсковыхъ атамановъ», пишетъ онъ: «во всѣхъ казачьихъ войскахъ стали замѣщаться, въ царствованіе Императора Николая I, лицами невойсковаго сословія. Въ Уральскомъ войскѣ, послѣ смерти въ 1830 году войсковаго атамана Бородина, должность эта также была замѣщена лицомъ невойсковаго сословія: атаманомъ былъ назначенъ полковникъ Покатиловъ. Назначеніе это, въ связи съ одновременно состоявшимся, вопреки желанію значительной части Уральскаго войска, учрежденіемъ морскихъ рыболовствъ, вызвало среди войска неудовольствіе, проявившееся при посѣщеніи Уральска Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ во время его путешествія въ 1837 году по Россіи. При отъѣздѣ Наслѣдника изъ Уральска шумная толпа казаковъ, остановивъ коляску Его Высочества, подала прошеніе, въ которомъ перечислялись различныя злоупотребленія атамана и войсковыхъ чиновниковъ и указывалось на нарушеніе прежнихъ привилегій войска, какъ-то: невыдачу денежнаго и хлѣбнаго жалованья, учрежденіе морскаго рыболовства, предоставленіе войсковыхъ угодій постороннимъ лицамъ и т. п. Въ заключеніе казаки просили смѣнить атамана и другихъ войсковыхъ чиновниковъ» [2]). Жуковскій, сопровождавшій Наслѣдника-Атамана Александра Николаевича въ его путешествіи въ 1837 г. по Россіи и подробно, хоть и конспективно описывающій поѣздку свою въ Уральскъ съ В. А. Перовскимъ и В. И. Далемъ и пребываніе въ этомъ городѣ 16-го іюня, ни словомъ, однако, не упоминаетъ о жалобѣ казаковъ на атамана, хотя и говоритъ о личномъ знакомствѣ своемъ съ нимъ въ словахъ: «Къ Василію Осиповичу Покатилову, войсковому атаману. Анекдотъ о выборѣ Покатилова» [3]); не говоритъ о жалобѣ и С. А. Юрьевичъ, одинъ изъ сопровождавшихъ Наслѣдника [4]); впрочемъ, если такая жалоба на Покатилова и была передана Наслѣднику-Атаману, то дурныхъ послѣдствій она не имѣла:

---

[1]) Ч. I, стр. 75.

[2]) Столѣтіе Военнаго Министерства, т. XI, ч. 1, стр. 291 — 292.

[3]) Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 328.

[4]) «Русск. Арх.» 1887 г., кн. II, стр. 49 — 51.

Покатиловъ оставался Наказнымъ Атаманомъ Уральскаго казачьяго войска до самой своей смерти, послѣдовавшей 23-го декабря 1838 г. [1]).

Имя охотника, «что Вальдшнеповъ сравнивалъ съ Валленштейномъ или Кесаремъ», Пушкинъ въ письмѣ своемъ не назвалъ: онъ его, безъ сомнѣнія, позабылъ; но мы можемъ опредѣленно сказать, что это былъ инженеръ-капитанъ Константинъ Демьяновичъ Артюховъ, съ 1832 по 1837 г. бывшій Директоромъ Оренбургскаго Неплюевскаго Военнаго Училища; въ 1817 году Артюховъ окончилъ курсъ въ Военно-Инженерномъ Училищѣ, а въ 1819 г. выпущенъ былъ изъ Верхняго, офицерскаго Класса Главнаго Инженернаго Училища, въ составѣ перваго его курса, съ чиномъ подпоручика, въ С.-Петербургскій Инженерный Округъ [2]); въ 1829 г. онъ былъ инженернымъ штабсъ-капитаномъ, состоялъ при Командирѣ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса генералѣ Эссенѣ и имѣлъ ордена Владиміра 4 и Анны 3 степени, — вѣроятно, за боевыя отличія [3]), въ 1835 году имѣлъ уже чинъ инженеръ-подполковника [4]). Женатъ онъ былъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Неплюевой, — одной изъ дочерей Бузулукскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства И. А. Неплюева [5]). По словамъ Д. Н. Соколова, «въ Оренбургѣ Артюховъ былъ очень популяренъ и любимъ, какъ умный и веселый собесѣдникъ, — по словамъ Даля, не унывавшій никогда, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ и умѣвшій смѣшить всѣхъ, въ томъ числѣ и Пушкина, самыми пустыми остротами» [6]). Сомнѣваемся, что Пушкинъ хорошо и издавна былъ знакомъ съ Артюховымъ, какъ готовъ думать Д. Н. Соколовъ, и что онъ былъ съ поэтомъ на «ты»: если бы это было такъ, врядъ-ли Пушкинъ забылъ бы его фамилію, посылая ему книгу. Съ

---

[1]) А. И. Никольскій, О. С., т. XI, ч. I. стр. 292; Покатиловъ умеръ въ чинѣ генералъ-маіора съ 1-го декабря 1838 г. состоя кавалеромъ ордена св. Георгія 4 степени.

[2]) Историч. очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища, С.-Пб. 1869, прил., стр. 61; «Пушкинъ и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 72; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. VII, ч. I. прил., стр. 67 и 124.

[3]) Списокъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ всей Россійской Арміи, С-Пб. 1829, стр. 30.

[4]) Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1836 г., ч. I, стр. 805.

[5]) А. А. Сиверсъ, Генеалогическія развѣдки, вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 61; мать И. А. Неплюева была рожденная Карамзина.

[6]) «Пушкинъ и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 71 — 72, 73 — 74.

Далемъ же Артюховъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ воспоминанія Даля о Пушкинѣ и разсказы «Болгарка» и «Охота на волковъ»: всюду Даль упоминаетъ объ Артюховѣ, при чемъ въ трехъ случаяхъ говоритъ именно о его курьезномъ сравненіи умирающаго вальдшнепа съ Валленштейномъ. Приведемъ слова Даля. Въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, опубликованныхъ лишь въ 1907 году Н. О. Лернеромъ [1]), Даль пишетъ: «Въ Оренбургѣ Пушкину захотѣлось сходить въ баню. Я свелъ его въ прекрасную баню къ инженеръ-капитану Артюхову, добрѣйшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собесѣднику. Въ передбанникѣ расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкинъ тѣшился этими картинами, когда веселый хозяинъ, круглолицый, голубоглазый, въ завитыхъ кудряхъ, вошелъ, упрашивая Пушкина ради перваго знакомства откушать пива или меду. Пушкинъ старался быть крайне любезнымъ со своимъ хозяиномъ и, глядя на расписной передбанникъ, завелъ рѣчь объ охотѣ. «Вы охотитесь, стрѣляете?» — «Какъ-же-съ, понемножку занимаемся и этимъ; не одному долгоносому довелось успокоиться въ нашей сумкѣ». — «Что же вы стрѣляете — утокъ?» — «Уто-окъ-съ?» — спросилъ тотъ, вытянувшись и бросивъ какой-то сострадательный взглядъ. — «Что-же? развѣ вы утокъ не стрѣляете?» — «Помилуйте-съ, кто будетъ стрѣлять эту падаль! Это какая-то гадкая старуха, валяется въ грязи, — ударишь ее по загривку, она свалится бокомъ, какъ топоръ съ палки, бьется, валяется въ грязи, кувыркается... тьфу!» — «Такъ что же вы стрѣляете?» — «Нѣтъ-съ, не утокъ. Вотъ какъ выйдешь въ чистую рощицу, какъ запустишь своего Фингала, — а онъ нюхъ-нюхъ направо, нюхъ налѣво, — и стойку: вытянулся, какъ на пружинѣ, — одеревенѣлъ, сударь, одеревенѣлъ, окаменѣлъ! Пиль, Фингалъ! Какъ свѣчка загорѣлся, столбомъ взвился»... — «Кто, кто?» — перебилъ Пушкинъ съ величайшимъ вниманіемъ и участіемъ. «Кто-съ? разумѣется кто: слука, вальдшнепъ. Тутъ царапъ его по сарафану... А онъ (продолжалъ Артюховъ, раскинувъ руки врозь, какъ на крестѣ), — а онъ только раскинетъ крылья, голову на бокъ — замретъ на воздухѣ, умирая, какъ Брутъ!» — Пушкинъ расхохотался и, прославъ ему черезъ

[1]) «Русск. Стар.» 1907 г., т. CXXXII, окт., стр. 65 — 66.

годъ на память «Исторію Пугачевскаго бунта», написалъ: «Тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валенштейномъ».

Въ разсказѣ «Охота на волковъ», повѣствуя объ охотѣ у извѣстнаго Оренбургскаго помѣщика и Губернскаго Предводителя Дворянства, Е. Н. Тимашева [1]) въ его имѣніи Ташлы и перечисляя участниковъ охоты, Даль пишетъ: «Съѣздъ былъ изрядный; веселый хозяинъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ расположились гости, шутилъ, смѣялся, иногда и подсмѣивался, а вокругъ всѣ были заняты пересмотромъ ружей, насыпкой пороховницъ и дробницъ, а болѣе также веселой болтовней; тутъ былъ и памятный доселѣ въ томъ краю, всѣми любимый записной охотникъ, не унывавшій никогда, нигдѣ и ни при какой невзгодѣ и умѣвшій смѣшить всѣхъ самыми пустыми и пошлыми остротами: онъ стрѣлялъ слуку по сарафану, утку по салопу; онъ зайцу задавалъ прыску въ-догонку, а убивъ его, никогда не забывалъ отдать ему послѣднюю честь, приложивъ руку къ козырьку, — словомъ, какъ я сказалъ, пошлыя ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкинъ, познакомясь съ нимъ въ Оренбургѣ и попарившись у него въ банѣ съ росписаннымъ охотою передбанникомъ, прислалъ ему послѣ своего «Пугачева», но, забывъ прозванье его, написалъ: «Тому офицеру, который сравнивалъ вальдшнепа съ Валенштейномъ»... [2])

Наконецъ, въ разсказѣ «Болгарка» Даль пишетъ, какъ онъ однажды, охотясь въ окрестностяхъ Оренбурга на вальдшнеповъ и расположившись, лежа на травѣ, помечтать», захохоталъ почти вслухъ, вспомнивъ какъ товарищъ его [т. е. Артюховъ], котораго выстрѣлы сыпались въ отдаленіи, краснорѣчиво увѣрялъ однажды дорогого Петербургскаго гостя (А. С. Пушкина), который заѣхалъ къ намъ въ Оренбургъ за Пугачевщиной, увѣрялъ, что слука или вальдшнепъ — самая благородная птица на цѣломъ земномъ шарѣ, что она, будучи убита, не бьется и не трепещится въ неприличныхъ акробатическихъ тѣлодвиженіяхъ, а умираетъ, какъ Брутъ, какъ Сцевола и Сусанинъ. Къ этому вспомнилъ я и отвѣтъ нашего незабвеннаго гостя, который

---

[1]) Отца будущаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Е. Тимашева и мужа Е. А. Тимашевой, которой Пушкинъ написалъ посланіе.

[2]) Полное собраніе сочиненій Владиміра Даля (Казака Луганскаго), изд. М. О. Вольфа, т. IV, 1897, стр. 330 — 331.

прислалъ изъ Питера товарищу моему книжку свою о Пугачевѣ съ замѣчаніемъ: «тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валенштейномъ» [1]).

Разсказы Даля, взаимно пополняя другъ друга, ярко вырисовываютъ передъ нами обликъ Артюхова, какъ оригинальной, яркой личности, которая запечатлѣлась въ памяти Пушкина отчетливымъ образомъ, не изгладившимся и годъ спустя послѣ мимолетной встрѣчи. О дальнѣйшей жизни Артюхова извѣстно немного: сообщаютъ, что въ 1839 году онъ участвовалъ въ несчастномъ Хивинскомъ походѣ Перовскаго и умеръ въ слѣдующемъ году отъ полученной во время похода болѣзни [2]).

Б. Модзалевскій.

---

[1]) Тамъ-же, т. VII, стр. 105 — 106.

[2]) «Пушкинъ и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 71—72. Впрочемъ, въ Историческомъ очеркѣ развитія Главнаго Инженернаго Училища (С.-Пб. 1869), въ спискахъ окончившихъ курсъ, противъ имени Артюхова отмѣчено: «въ отставкѣ инженеръ-полковникомъ» (прилож., стр. 61).

ПУШКИНЪ И ОЛЕНИНА.

(По новымъ даннымъ).

Всѣмъ изучающимъ біографію Пушкина хорошо знакома Анна Алексѣевна Оленина, дочь извѣстнаго мецената, Президента Академіи Художествъ и Директора Публичной Библіотеки. Среди женщинъ, воспѣтыхъ Пушкинымъ, она занимаетъ, безспорно, видное мѣсто. Золотокудрая красавица съ «томными», полными «нѣги» глазами очаровала поэта и на нѣкоторое время приковала къ себѣ всѣ его помыслы. Пылкій поклонникъ подпалъ подъ обаяніе плѣнительной внѣшности молодой дѣвушки, и порывъ страстнаго чувства такъ мощно захватилъ его, что онъ сдѣлалъ Олениной предложеніе (1828 г.). Но результатомъ этого рѣшительнаго шага поэта была не свадьба, не соединеніе съ Олениной, а разрывъ съ нею. О причинахъ послѣдняго въ обществѣ говорили не мало.

По словамъ художника Ѳ. Г. Солнцева, дѣло происходило такъ: «У А. Н. Оленина нерѣдко бывалъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, которому, видимо, очень нравилось общество Алексѣя Николаевича. Онъ даже сватался за Анну Алексѣевну и ей посвятилъ одно или два прелестныхъ стихотворенія. Однако же бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ противъ него была Елисавета Марковна [1]). По этому случаю Пушкинъ говорилъ, что не даромъ же ему свѣтила луна съ лѣвой стороны, когда онъ пріѣзжалъ въ Пріютино» [2]). («Русская Старина» 1876 г., № 3, стр. 633).

Не одинъ Солнцевъ, но и другіе современники Пушкина слышали о томъ, что на предложеніе поэта Анна Алексѣевна отвѣтила

---

[1]) Жена А. Н. Оленина, рожденная Полторацкая, тетка А. П. Кернъ.

[2]) Подгородное имѣніе Олениныхъ за Охтой.

отказомъ. Молодыя пріятельницы несчастливаго претендента на руку Олениной шутили по этому поводу. Екатерина Николаевна Ушакова (въ замужествѣ Наумова), къ которой тоже былъ неравнодушенъ Пушкинъ, посмѣивалась надъ «оленьими рогами», доставшимися въ удѣлъ ея бывшему поклоннику, а въ альбомѣ ея сестры, Елисаветы Николаевны (въ замужествѣ Киселевой) изображенъ Пушкинъ, почтительно цѣлующій руку у молодой особы, по преданію Олениной, которая ему говоритъ:

Прочь, прочь отойди!
Какой безпокойный!
Прочь, прочь, отвяжись,
Руки недостойный!

(Л. Н. Майковъ. Пушкинъ С.-Пб. 1899 г., стр. 364—365, 374).

Князь Вяземскій также склоненъ былъ при случаѣ подтрунить надъ своимъ другомъ. «Ты говоришь, что ты безпріютенъ», читаемъ въ письмѣ Петра Андреевича къ Пушкину отъ 18-го сентября 1828 г.: «развѣ уже тебя не пускаютъ въ Пріютино?» (Переписка, т. II, стр. 74, 77).

Молва о неудачномъ сватовствѣ Пушкина, повидимому, быстро облетѣла его знакомыхъ, которые отнеслись къ ней съ полнымъ довѣріемъ и объясняли случившееся каждый по своему. Такъ, напримѣръ, жившій въ Римѣ К. П. Брюлловъ почему-то полагалъ, что причиной неудачи Пушкина являлась любовь Олениной къ нему, Брюллову. Однимъ словомъ, всѣ были убѣждены въ томъ, что поэтъ сдѣлалъ предложеніе, и что ему отказали. Такъ думали современники, такъ думаютъ и теперь историки литературы.

Между тѣмъ есть нѣкоторое основаніе сомнѣваться въ правильности сложившагося мнѣнія. Перечитывая стихотворенія, гдѣ упоминается Анна Алексѣевна, мы невольно соглашаемся съ тѣмъ изслѣдователемъ, который, не называя чувства Пушкина поверхностнымъ, въ то же время отказался признать его глубокимъ (Пушкинъ, Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. IV, стр. LXX).

Въ самомъ дѣлѣ, что́ воспѣваетъ Пушкинъ?

Онъ воспѣваетъ «маленькую ножку», «золотой локонъ», «задумчивый взоръ» и дѣтскій «лепетъ» «милой дѣвы», включаетъ ея имя въ «Донъ-Жуанскій списокъ», чертитъ въ своихъ тетрадяхъ ана-

грамму «ettenna eninelo». (Рукопись Румянцовскаго Музея, № 2371, л. 11 об.), — но все это еще не является достаточнымъ основаніемъ, чтобы усмотрѣть серьезный оттѣнокъ въ увлеченіи Пушкина. Не даромъ онъ ничѣмъ не отмѣтилъ въ своихъ стихахъ разрывъ съ любимой женщиной (Стихотвореніе «Я васъ любилъ»... (1829 г.) относится къ Олениной бездоказательно. См. Пушкинъ. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. XXVI). Не даромъ А. П. Кернъ утверждаетъ, что онъ «никогда не говорилъ объ Олениной съ нѣжностью и однажды, разсуждавъ о маленькихъ ножкахъ, сказалъ: «Вотъ, напримѣръ, у ней вотъ какія маленькія ножки, да чортъ ли въ нихъ?» (Л. Майковъ. Пушкинъ, С.-Пб. 1899 г., стр. 252). Не даромъ и Оленина хранила упорное молчаніе о сватовствѣ поэта («Русская Старина» 1890 г., т. LXVII, № 8, стр. 390) и не любила, когда ея знакомые, въ разговорѣ съ нею, касались этой щекотливой темы.

Итакъ, въ стихахъ Пушкина, посвященныхъ Олениной, нѣтъ проявленія глубокого чувства и нѣтъ никакихъ признаковъ того, что отказъ Анны Алексѣевны произвелъ впечатлѣніе на поэта. Послѣднее обстоятельство представляется столь невѣроятнымъ, что естественно возникаетъ вопросъ: было ли сватовство поэта неудачнымъ, былъ ли отказъ со стороны Олениной?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить разсказъ о Пушкинѣ, сохранившійся въ архивѣ Михаила Ивановича Желѣзнова.

Художникъ Желѣзновъ въ воспоминаніяхъ о своемъ учителѣ К. П. Брюлловѣ [1]), между прочимъ, передаетъ содержаніе своей бесѣды съ нѣкіимъ Н. Д. Быковымъ, который служилъ въ Академіи Художествъ при А. Н. Олениныѣ и занималъ должность гувернера. Надо думать, что Быковъ имѣлъ квартиру въ зданіи Академіи, хорошо зналъ многихъ художниковъ и былъ освѣдомленъ о закулисной сторонѣ академической жизни. Быковъ сообщилъ Желѣзнову интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Пушкина къ Олениной.

«Пушкинъ посватался и не былъ отвергнутъ. Старикъ Олениныъ созвалъ къ себѣ на обѣдъ своихъ родныхъ и пріятелей, чтобы за шампанскимъ объявить имъ о помолвкѣ своей дочери за Пушкина. Гости явились на зовъ; но женихъ не явился. Олениныъ долго ждалъ

[1]) Эти воспоминанія нынѣ принадлежатъ Пушкинскому Дому.

Пушкина и, наконецъ, предложилъ гостямъ сѣсть за столъ безъ него. Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ послѣ обѣда, довольно поздно. Оленинъ взялъ его подъ руку и отправился съ нимъ въ кабинетъ для объясненій, окончившихся тѣмъ, что Анна Алексѣевна осталась безъ жениха".

Такимъ образомъ является возможность, вѣроятно, точнѣе, чѣмъ прежде, выяснить истинные мотивы разрыва Пушкина съ Олениной. Не она отказываетъ поэту, а онъ, сдѣлавъ предложеніе въ порывѣ увлеченія, потомъ размышляетъ надъ происшедшимъ, взвѣшиваетъ всѣ доводы за женитьбу и противъ нея — и рѣшаетъ не связывать свою судьбу съ Анной Алексѣевной. Уклониться отъ помолвки было очень неловко, и Пушкинъ не можетъ вспоминать о непріятномъ событіи безъ чувства досады на себя, а иногда и на Анну Алексѣевну, которая, конечно, не отнеслась равнодушно къ его поступку. Въ разговорахъ съ Кернъ, подъ вліяніемъ раздраженія, поэтъ рѣзко отзывается объ Олениной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ чувствуетъ себя неправымъ въ отношеніи къ Аннѣ Алексѣевнѣ; онъ сознаетъ необходимость скрыть истину отъ общества, — онъ лучше другихъ понимаетъ, что «свѣтъ требуетъ тайны». Нельзя поставить въ невыгодное положеніе молодую дѣвицу; нельзя разстраивать и ея отца, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ. И вотъ возникаетъ завѣдомо ложный слухъ о неудачномъ сватовствѣ; онъ находитъ себѣ широкое распространеніе среди литераторовъ и художниковъ и отражается въ мемуарахъ Солнцева, который, въ виду близкаго знакомства съ семействомъ Олениныхъ, не могъ сказать въ печати правду, если и зналъ ее.

Въ такомъ освѣщеніи представляется намъ исторія Пушкина и Олениной, — исторія, невольно напоминающая извѣстные стихи «безпечнаго» и «влюбчиваго» поэта:

Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой?

Н. Козминъ.

НОВЫЙ СБОРНИКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Старая тетрадь, заключающая «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній», получена въ даръ Пушкинскимъ Домомъ въ 1918 году отъ студента Петроградскаго Университета Гингера. Послѣдній пріобрѣлъ ее случайно у швейцара одного дома; о происхожденіи ея онъ тогда не спросилъ, позднѣе швейцаръ уѣхалъ изъ Петрограда, и такимъ образомъ прошлая исторія сборника остается намъ совершенно неизвѣстной. Мы можемъ о ней только гадать; сама тетрадь не даетъ никакихъ указаній ни о своихъ составителяхъ, ни о владѣльцахъ, въ чьихъ рукахъ она перебывала за цѣлое столѣтіе. Имена позднѣйшихъ владѣльцевъ, конечно, не имѣютъ существеннаго значенія. Но имя перваго, кто ею владѣлъ и кто составилъ Собраніе, раскрыло бы намъ многое.

Внѣшній видъ сборника таковъ. Прекрасно сохранившаяся тетрадь форматомъ въ малую восьмушку покрыта зеленымъ картоннымъ переплетомъ, имитирующимъ сафьянъ и украшеннымъ по краямъ золотымъ орнаментомъ. Такимъ же золотымъ тисненіемъ покрытъ кожанный корешокъ, на которомъ можно прочесть заглавіе: «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній. 3». Въ тетради 78 листовъ плотной бѣлой александрійской бумаги. Писанные листы (и нѣкоторые изъ пустыхъ) перенумерованы по страницамъ; всего нумерованныхъ 136 страницъ. На первомъ листѣ читается заглавіе, выписанное крупнымъ шрифтомъ и украшенное разводами въ стилѣ канцелярскаго письма первой трети прошлаго вѣка: «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній. Часть III. Національныя піэсы». Подъ текстомъ заглавія помѣта карандашомъ, вѣроятно, позднѣйшая — «1811 — 1817», которая, такимъ образомъ, опредѣляетъ всѣ стихотворенія, какъ принадлежащія I-му курсу Лицея.

Листы 3 — 6 содержатъ оглавленіе. Въ немъ поименовано 167 стихотвореній [1]), раздѣленныхъ на пять отдѣловъ, именно:

I. Національныя пѣсни.
II. Лицейскій Мудрецъ.
III. Стихотвореніе К. и пародія Д.
IV. Жертва Мому или Лицейская Антологія.
V. Лицейская Антологія, собранная і й ш і й.

Оглавленіе и весь текстъ стихотвореній написаны сплошь одною рукою, очень тщательнымъ «писарскимъ» почеркомъ, не похожимъ на индивидуальные почерки товарищей Пушкина, встрѣчающіеся въ другихъ сборникахъ. Можно предположить, что тетрадь переписана писаремъ по заказу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя ошибки и описки, исправленныя кое-гдѣ карандашомъ, другою рукой, показываютъ, что писавшій иногда плохо разбиралъ оригиналъ, съ котораго списывалъ, а иногда — не понималъ самаго размѣра стиха и искажалъ его [2]).

Ни одно изъ стихотвореній нашего сборника не имѣетъ подписи — ни имени автора, ни иниціаловъ, ни псевдонимовъ: всѣ они анонимы [3]).

---

[1]) На самомъ дѣлѣ ихъ въ сборникѣ 197, т. к. «Эпиграммы», внесенныя въ оглавленіе подъ однимъ №, содержатъ 28 отдѣльныхъ пьесъ, а три эпиграммы не имѣютъ самостоятельныхъ нумеровъ.

[2]) Такъ, напр., невѣрно переданъ «Размѣръ Фосса», помѣщенный передъ стихотвореніемъ «Протекторы и Мудрецъ»:

⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ —
⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ —
⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — | bis
— ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
— ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — | bis

Ср. у К. Грота «Пушкинскій Лицей», С.-Пб. 1911, стр. 283. Или описка въ стих. «Элегія на смерть друга», гдѣ первый стихъ: «Тошнѣй идилліи — холодны чѣмъ ода» конечно, вмѣсто «холоднѣе»; опискою искаженъ самый стихъ.

[3]) За исключеніемъ «Стихотворенія К. и Пародіи Д.» — вещей слишкомъ извѣстныхъ, изъ которыхъ первая, притомъ, не принадлежала къ лицейской поэзіи, т. к. авторомъ ея былъ профессоръ Кошанскій, да указанія на псевдонимъ Илличевскаго «ійшій» въ заглавіи V-го отдѣла — заглавіи традиціонномъ и повторяемомъ другими сборниками.

Точная датировка тетради, заключающей наше «Собраніе», не представляется возможной. Внѣшность ея — переплетъ съ его орнаментовкой, заглавный листъ, бумага, почеркъ, — заставляютъ отнести «Собраніе» къ довольно позднему времени — къ концу 1820-хъ, даже къ началу 1830-хъ годовъ. Но, не говоря о шаткости такихъ палеографическихъ основаній, всегда нѣсколько гадательныхъ, дата его написанія еще не характеризуетъ самого собранія. Вѣдь наша тетрадь — копія, а копія могла быть сдѣлана и въ позднее время съ очень раннихъ оригиналовъ. Такъ оно, вѣроятно, и было. Съ выходомъ изъ Лицея воспитанниковъ I-го курса прервалась живая литературная традиція; слѣдующіе курсы, по свидѣтельству К. Я. Грота [1]), не знали даже о существованіи лицейской поэзіи; сами авторы ея (напр. Илличевскій) мало цѣнили свои «антологическія» юношескія стихотворенія и не сохраняли и не печатали ихъ; подобныя вещи Пушкина сохранились частью въ тетрадяхъ Румянцовскаго Музея, относящихся къ послѣднимъ годамъ пребыванія въ Лицеѣ, но не включались имъ въ собранія своихъ стихотвореній; номера журнала «Лицейскій Мудрецъ», стихотворная часть котораго вошла цѣликомъ въ наше собраніе, были увезены лицеистомъ Н. А. Корсаковымъ заграницу и надолго исчезли послѣ его смерти въ Италіи въ 1820 году; слѣдовательно, всѣ эти стихотворенія могли попасть въ нашъ сборникъ лишь съ оригиналовъ Лицейскаго времени или съ копій, опять-таки современныхъ I-му курсу. Текстъ нѣкоторыхъ стихотвореній нашего сборника, извѣстныхъ изъ другихъ рукописей и поддающихся свѣркѣ (а къ нимъ принадлежатъ почти исключительно стихотворенія Пушкина), совпадаетъ въ большинствѣ случаевъ съ ранними редакціями (тетрадями 2364-й и 2395-й Румянцовскаго Музея, Матюшкинской тетрадью), и разночтенія нужно объяснять, лишь какъ ошибки переписчика. Нѣкоторыя особенности характерны: такъ первый стихъ пѣсни Илличевскаго, открывающей сборникъ, написанъ въ первоначальной редакціи: «Лѣто знойно, дщерь природы»...», въ 1828 году замѣненной, по предложенію Пушкина, новой: «Лѣто, знойна дщерь природы»... Слѣдовательно, составитель сборника пользовался ранней редакціей, чего бы не было, если бы онъ бралъ тексты 1830-хъ

[1]) К. Я. Гротъ Пушкинскій Лицей, С.-Пб. 1911, стр. XVII и сл.

годовъ, когда, какъ было сказано, сборникъ могъ быть переписанъ [1]). Далѣе, «Мадригалъ» Дельвига написанъ также въ ранней редакціи, передѣланной авторомъ уже въ рукописи 1819 года, въ тетради, приготовленной для печати [2]). Наконецъ, въ «Надписи въ бесѣдкѣ» Пушкина 5-й стихъ въ нашемъ Собраніи читается: «Въ восторгѣ пламенномъ погасъ», т. е. такъ, какъ, въ 1817 году, онъ былъ записанъ въ 2364-й тетради Рум. Музея; теперь онъ печатается въ исправленномъ видѣ: «Въ восторгѣ сладостномъ...»; исправленіе же это внесено, вѣроятно, не позднѣе 1820 года, когда Пушкинъ проигралъ въ карты свою рукопись, готовую къ печати, Никитѣ Всеволожскому [3]).

Еще одно соображеніе указываетъ на дѣйствительно лицейское происхожденіе сборника. Всѣ извѣстныя намъ стихотворенія Пушкина и другихъ, помѣщенныя въ немъ и поддающіяся болѣе или менѣе точной датировкѣ, относятся къ 1813 — 1817 годамъ [4]). Нѣтъ

---

[1]) К. Я. Гротъ, назв. соч., стр. 192.

[2]) Въ переплетенной тетради изъ собранія Гаевскаго (въ Пушкинскомъ Домѣ) подъ заглавіемъ «Стихотворенія бар. А. А. Дельвига....: т. I, С.-Пб. 1819» это стихотвореніе (№ 29 на стр. 36) носитъ названіе «Къ А. М. Т.....ій», и послѣдніе 4 стиха читаются такъ:

Я умолялъ: постой, веселое мгновенье,
[Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертѣлся не вертясь]
Пускай щу
[(Чтобъ я) не опу (скалъ) съ прекрасной вѣчно глазъ]
[И чтобъ забвеніе крыломъ покрыло насъ]
Пускай не опущу съ прекрасной вѣчно глазъ.
Пусть такъ забвеніе крыломъ покроетъ насъ.

Именно перечеркнутый, ранній текстъ (поставленный въ прямыя скобки) внесенъ въ наше Собраніе.

[3]) Предположеніе о томъ, что исправленія въ 2364 тетради Румянц. Музея принадлежатъ 1820 году и совпадаютъ съ текстомъ тетради, проигранной Всеволожскому, очень убѣдительно высказано М. Л. Гофманомъ. Къ этому можно еще добавить, что и нѣкоторыя стихотворенія Илличевскаго, напечатанныя имъ въ 1827 году въ «Опытахъ въ антологическомъ родѣ» въ совершенно переработанномъ видѣ, въ нашемъ «Собраніи» помѣщены въ раннихъ редакціяхъ.

[4]) Самое раннее, кажется, «Вакхъ» Дельвига, помѣщенный также въ «Юныхъ Пловцахъ», Лицейскомъ журналѣ 1813 года; самыя позднія—Пушкина «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» и «Сновидѣніе»—оба 1817 года, первое—изъ письма къ В. Л. Пушкину, писанному въ январѣ 1817 г.

ни одного, которое датировалось бы болѣе позднимъ временемъ. И по содержанію всѣ они касаются либо отдѣльныхъ лицъ и событій Лицейской жизни, либо событій изъ міра литературнаго тѣхъ же лѣтъ, 1814—1816 преимущественно.

Итакъ тетрадь наша—копія, быть можетъ и поздняя, съ оригиналовъ, передающихъ стихотворенія исключительно лицейской поры, притомъ въ ихъ раннихъ, точнѣе—первоначальныхъ редакціяхъ, не позднѣе 1817-го года, и не подвергнутыхъ переработкамъ послѣ-лицейскаго времени. Въ этомъ существенное значеніе «Собранія».

Можно не придавать очень большой художественной цѣнности шуточнымъ и сатирическимъ стихотвореніямъ лицейской поры творчества Пушкина; можно—и съ нѣкоторымъ основаніемъ—отрицать поэтическія достоинства юмористическихъ произведеній его товарищей—главнымъ образомъ Илличевскаго, особенно подвизавшагося въ области легкой сатиры; но нельзя ихъ не изучать, нельзя ихъ отбрасывать, какъ это дѣлали иные изслѣдователи, напримѣръ, В. П. Гаевскій, оставившій безъ разсмотрѣнія въ своихъ статьяхъ о Лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина цѣлый сборничекъ его эпиграммъ—«Жертва Мому»—какъ «не имѣющихъ никакого достоинства». И не только каждая строчка Пушкина имѣетъ для насъ цѣнность и значеніе при изученіи исторіи его творчества, но величайшій интересъ представляютъ и произведенія его сверстниковъ, товарищей по Лицею, сверстниковъ на поэтическомъ поприщѣ въ первые годы пребыванія въ немъ. Они служатъ тѣмъ фономъ, на которомъ развертывалось его дарованіе, служатъ яркой характеристикой той среды и атмосферы, въ которой онъ росъ. Притомъ, среди всей довольно значительной массы сборниковъ и отдѣльныхъ рукописей, дошедшихъ до насъ отъ лицейской эпохи, наше собраніе отличается тѣмъ, что въ немъ цѣльно и законченно представлены какъ разъ тѣ отдѣлы, которые, изъ другихъ источниковъ, мы знаемъ лишь въ отрывкахъ. Поэтому оно представляетъ несомнѣнный интересъ для каждаго, кто занимается изслѣдованіемъ Лицейской поэзіи Пушкина, да и для всѣхъ, кто обращается къ этой единственной въ своемъ родѣ эпохѣ—единственной по силѣ и напряженности литературныхъ интересовъ собравшихся въ Лицеѣ юношей, по обширности и глубинѣ ихъ историко-литературныхъ познаній, по изобилію и большимъ достоинствамъ ихъ поэтическихъ твореній.

Перечислимъ, прежде всего, извѣстные намъ источники Лицейской поэзіи и сравнимъ ихъ составъ съ составомъ нашего «Собранія» [1]). Тогда опредѣлится и его мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ ему сборниковъ.

Лицейскія стихотворенія Пушкина и его сверстниковъ дошли до насъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сборникахъ, частью разрозненныхъ и испорченныхъ, въ сохранившихся нумерахъ Лицейскихъ журналовъ, многіе изъ которыхъ пропали, въ отдѣльныхъ рукописяхъ и отрывкахъ, наконецъ, — въ воспоминаніяхъ современниковъ; нѣкоторые изъ нихъ мы знаемъ не въ рукописи, а только въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ журналахъ и альманахахъ того времени, а также въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Наиболѣе полная сводка всего этого матеріала дана К. Я. Гротомъ въ его трудѣ «Пушкинскій Лицей» [2]).

Лучшимъ по сохранности и полнѣйшимъ по содержанію сборникомъ является переплетенная тетрадь, озаглавленная «Духъ лицейскихъ трубадуровъ». Она была описана Л. Н. Майковымъ [3]) и использована — далеко не исчерпывающимъ образомъ — для I-го тома Академическаго изданія сочиненій Пушкина, потомъ считалась утраченной, а нынѣ находится въ Пушкинскомъ Домѣ. Въ этой тетради помѣщены лицейскія стихотворенія Пушкина, Дельвига, Илличевскаго, Кюхельбекера и Корсакова, а въ особомъ отдѣлѣ — анонимныя «Національныя пѣсни». Весь текстъ переписанъ тщательно, такъ же, какъ въ нашемъ «Собраніи», а на послѣднемъ листѣ находится собственноручно записанное Пушкинымъ въ позднѣйшіе годы стихотвореніе «Гауэншильдъ и Эбергардъ» [4]). Всѣ стихотворенія, вошедшія въ сборникъ, были въ свое время напечатаны; сличеніе ихъ текста съ другими рукописями показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ

---

[1]) Этимъ словомъ мы будемъ вездѣ обозначать нашу тетрадь — «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній» — въ отличіе отъ другихъ такихъ же сборниковъ.

[2]) К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ, С.-Пб. 1911.

[3]) Полное собраніе сочиненій Пушкина, изд. Имп. Академіи Наукъ, т. I; Примѣчанія, стр. 10 — 11.

[4]) Автографъ, не отмѣченный Л. Н. Майковымъ. См. о немъ у Гаевскаго «Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 397 и въ изданіи соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 434.

очень хорошую, точную запись, въ самой послѣдней, окончательной лицейской редакціи [1]). Въ наше «Собраніе» не вошло ни одно изъ стихотвореній его первой части — изъ лирическихъ пьесъ, подписанныхъ именами авторовъ. Вторая же часть — Національныя пѣсни — вошла цѣликомъ и въ томъ же порядкѣ пѣсенъ, что показываетъ общность источника обоихъ собраній и извѣстную традиціонность расположенія пѣсенъ. Содержаніе 1-й части и внѣшній видъ сборника могутъ навести на мысль, что это — именно 1-ая или 2-ая часть обширнаго цикла, котораго наше Собраніе представляетъ «часть 3-ю». Однако идентичность отдѣла «Національныхъ пѣсенъ» въ обоихъ сборникахъ заставляетъ отвергнуть это предположеніе.

Другимъ важнымъ источникомъ нужно считать «Матюшкинскую» или «Полѣновскую» (по имени владѣльца) тетрадь, въ числѣ бумагъ Грота также поступившую въ Пушкинскій Домъ. Она носитъ заглавіе «Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея. Часть II» и представляетъ отрывокъ обширнаго собранія, не дошедшаго до насъ цѣликомъ. Описаніе ея дано К. Я. Гротомъ [2]). Девять стихотвореній изъ этой тетради вошли и въ наше «Собраніе» [3]),

---

[1]) Стихотворенія Пушкина использованы Л. Н. Майковымъ для Академическаго изданія. Стихотворенія Дельвига, не вошедшія въ собраніе его сочиненій, напечатаны у Гастфрейнда: «Товарищи Пушкина по Имп. Царск. Лицею» т. II, стр. 205, 297, 298; Корсакова — тамъ же, т. I, 420 — 426; Илличевскаго — тамъ же и отд. «А. Д. Илличевскій», С.-Пб. 1912, стр. 42 — 52. Нигдѣ не напечатана строфа изъ національной пѣсни «Мы нули», внесенная въ текстъ неизвѣстной позднѣйшей рукой такъ же, какъ еще одна строфа, внесенная въ середину текста и извѣстная въ печати):

Запиши Директоръ въ святцы,
Что въ Лицеѣ ското-братцы
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли.

Названіе «скотобратцы», какъ извѣстно, употреблено Пушкинымъ въ протоколѣ Лицейской годовщины 19 октября 1828 года.

[2]) Пушкинскій Лицей, стр. 115 — 116, 140 — 141, 144 — 154; см. также Я. К. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, С.-Пб. 1899, стр. 159, и К. Я. Гротъ. Къ Лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина.—«Ж. М. Нар. Пр.» 1905 г., № 10 (октябрь).

[3]) CXXI. Сновидѣніе (Пушкинъ) Собраніе, отд. Антологія, № 108; CXXXIII. Къ переводчику Діона (Дельвигъ) Собр. № 56; CXXXVI. На музыканта (Илличевскій), Собр. № 71; CXXXVII. Надпись въ бесѣдкѣ (Пушк.) Собр. № 110;

при чемъ порядка и соотвѣтствія въ расположеніи ихъ между той и другимъ установить нельзя; за то въ выборѣ пьесъ замѣтна опредѣленная задача: въ наше «Собраніе» вошли изъ Матюшкинской тетради лишь эпиграммы, мадригалы и надписи, т. е. коротенькія «антологическія» пьески, и отброшены всѣ болѣе серьезныя лирическія стихотворенія.

Въ самое послѣднее время М. О. Гершензонъ опубликовалъ въ «Русскихъ Пропилеяхъ» [1]) Лицейскую тетрадь, принадлежавшую А. В. Никитенку. Содержаніе ея сходно съ «Духомъ Лицейскихъ трубадуровъ», Матюшкинской тетрадью и другими, заключая всѣ важнѣйшія стихотворенія Пушкина той эпохи, а также произведенія Дельвига, Илличевскаго, Кюхельбекера и Корсакова. Но съ нашимъ «Собраніемъ» эта тетрадь не сходна: эпиграммы, мадригалы, надписи и т. п. «антологическія» пьески, наполняющія его, здѣсь почти отсутствуютъ; тѣ же, какія есть, всѣ включены и въ наше «Собраніе» [2]); нужно замѣтить, что это — лучшія изъ пьесъ такого рода и выбраны онѣ умѣлою рукою. Большое значеніе текста тетради, по его полнотѣ и большому числу новыхъ варіантовъ, справедливо отмѣчено М. Гершензономъ въ предисловіи. Но составъ ея и общій характеръ совершенно иные, чѣмъ у нашего «Собранія», и какъ на общее между ними надо указать лишь на одинаковый порядокъ тѣхъ немногихъ пьесъ, которыя включены въ ту и въ другое, что указываетъ на ихъ общій первоначальный источникъ — сборникъ «Лицейской Антологіи», изъ котораго тетрадь М. Гершензона выбрала лишь нѣсколько пьесъ [3]).

CXXXVIII. На Пучкову (Илл.) Собр. № 80; CXXXIX. Надпись на мой портретъ (Д.) Собр. № 81; CXL. Экспромптъ на Агареву (Пушк.) Собр. № 79; CXLI. Тріолетъ К. Горчакову (Д.) Собр. № 108. «Матюшкинская тетрадь» заключаетъ всего 34 пьесы, перенумерованныя отъ CXVII до CL включительно.

[1]) «Русскіе Пропилеи» томъ 6-й, М. 1919, стр. 1 — 95.

[2]) Пушкина—«Къ Баболовскому дворцу», Собраніе, Антологія, № 28; «Эпитафія» (Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ....) № 35; Дельвига — «Въ альбомъ княгинѣ Волконской» № 58; Пушкина — «Эпиграмма» (Скажи, что новаго...) № 69; «Твой и Мой» № 78; «Экспромптъ на А[гареву]» № 79; «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» № 103; «Къ портрету Каверина» № 104; «Къ письму» № 105; Дельвига — «Тріолетъ кн. Горчакову» № 107; Пушкина — «Сновидѣніе» № 108; «Она» № 109.

[3]) См. подробную рецензію М. Л. Гофмана на тетрадь, напечатанную М. Гершензономъ, въ журналѣ „Дѣла и Дни“, книга III-я.

Этотъ первоначальный сборникъ носитъ заглавіе «Лицейская Антологія, собранная трудами пресловутаго «ійшій», т. е. Илличевскаго, и сохранился въ бумагахъ Грота, который и описалъ его [1]) въ видѣ «четырехъ маленькихъ листковъ синей, сильно выцвѣтшей бумаги». На нихъ мы имѣемъ 15 стихотвореній, преимущественно эпиграммъ, перенумерованныхъ (съ пропусками) отъ 75 до 111. Всѣ пьесы, за исключеніемъ трехъ [2]), вошли и въ наше «Собраніе», въ V-й отдѣлъ его, носящій то же заглавіе — «Лицейская Антологія, собранная ійшій». Порядокъ пьесъ здѣсь тотъ же, что и въ листкахъ, но нумерація другая (между №№ 67 и 112). Такой одинаковый порядокъ показываетъ, что Лицейская Антологія къ моменту ее составленія отлилась въ опредѣленныя формы, въ традиціонный циклъ, съ котораго копировались другіе сборники, разнясь лишь въ частностяхъ, въ зависимости, быть можетъ, отъ вкуса составителей.

Мы знаемъ, далѣе, по описанію Я. К. Грота и другихъ [3]), двѣ тетради, «переплетенныя въ зеленый сафьянъ» и принадлежавшія М. Л. Яковлеву, которыя бар. М. А. Корфъ въ 1833 году давалъ на прочтеніе К. Я. Гроту. Послѣдній сдѣлалъ изъ нихъ извлеченія, «не пропустивъ ни одной изъ пьесъ Пушкина», и раздѣливъ ихъ такъ какъ въ самихъ тетрадяхъ, на два отдѣла: «напечатанныхъ» и «ненапечатанныхъ стихотвореній 1-го курса». Самыя тетради считаются исчезнувшими, но изъ разсмотрѣнія состава и порядка извлеченій, сдѣланныхъ Я. К. Гротомъ, можно заключить, что едва ли тетрадь, опубликованная М. Гершензономъ въ «Русскихъ Пропилеяхъ», не является именно первой изъ тетрадей Корфа-Яковлева — съ «ненапечатанными стихотвореніями» [4]). Поэтому съ нашимъ Собраніемъ

---

[1]) К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 141 — 144. См. также Гаевскаго — «Пушкинъ въ Лицеѣ и его Лицейскія стихотворенія» — «Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 142 — 144.

[2]) № 78. «Больны, вы, дядюшка? Нѣтъ мочи....» Пушкина; № 108 «Вотъ Виля — онъ любовью дышитъ».... его же; № 111 — «Другое завѣщаніе» Илличевскаго.

[3]) Я. К. Гротъ. Пушкинъ.... изд. 2-ое, стр. 4 и 282; В. П. Гаевскій: А. А. Дельвигъ.—«Современникъ», 1853, т. XXXVII стр. 76; К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 140, 155 — 177.

[4]) Предположеніе это высказано М. Л. Гофманомъ.

тетрадь Корфа имѣетъ мало общаго: изъ 43 пьесъ, выписанныхъ Гротомъ, вошли въ него всего двѣ [1]).

О другой тетради, принадлежавшей М. А. Корфу, упоминаютъ Гаевскій и Анненковъ [2]). Первый замѣчаетъ, что въ ней собраны напечатанныя (въ современныхъ журналахъ и альманахахъ) стихотворенія Дельвига, Пушкина, Илличевскаго и Яковлева. Анненковъ пользовался ею для установленія редакцій нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Россійскомъ Музеумѣ» 1814—1815 годовъ. Изъ послѣднихъ въ наше Собраніе вошли двѣ эпиграммы Пушкина, помѣщенныя въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 года [3]). Быть можетъ, это какъ разъ вторая изъ тетрадей Корфа-Яковлева съ «напечатанными стихотвореніями I курса», но трудно утверждать это опредѣленно по скудости данныхъ.

Наконецъ, еще одинъ сборникъ былъ въ рукахъ у Гаевскаго и описанъ имъ въ такихъ выраженіяхъ: «Передъ нами, говоритъ онъ, цѣлая тетрадь стихотвореній, написанныхъ преимущественно на Кюхельбекера. Сборникъ этотъ: Жертва Мому или Лицейская Антологія переписанъ въ 1814 году Пущинымъ. Большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкину, но они не имѣютъ никакого достоинства и потому не приводимъ ихъ» [4]). Вынеся такой суровый приговоръ, нѣсколько странный въ устахъ точнаго изслѣдователя-библіографа, Гаевскій не даетъ болѣе подробнаго описанія сборника, но лишь приводитъ изъ него, какъ примѣръ, эпиграммы Илличевскаго «Опроверженіе» (Нѣтъ, полно, мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ) и Пушкина, которую онъ считаетъ «относительно лучшей» — «Несчастіе Клита» (Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ). Приводятся имъ также заглавія (безъ текстовъ) нѣкоторыхъ

---

[1]) «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» Пушкина (№ 103 нашего Собранія) и «Сновидѣніе» его же (№ 108).

[2]) В. П. Гаевскій, А. А. Дельвигъ—«Современникъ» 1853 г., т. XXXVII, стр. 76; Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, С.-Пб. 1855, т. II, стр. 28 — 29, 91 — 92, 150.

[3]) «Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую».... и «Бывало прежнихъ лѣтъ герой», въ нашемъ Собраніи носящая заглавіе «На Рыбушкина».

[4]) «Пушкинъ въ Лицеѣ».... и т. д.—«Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 147.

эпиграммъ, направленныхъ на Кюхельбекера [1]). Сборникъ, бывшій въ рукахъ Гаевскаго, теперь, повидимому, исчезъ. Но въ нашемъ Собраніи мы находимъ цѣлый отдѣлъ, носящій то же заглавіе: «Жертва Мому или Лицейская Антологія»; въ немъ содержатся всѣ пьесы, поименованныя Гаевскимъ, и въ томъ же порядкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это тотъ же сборникъ, который Гаевскій видѣлъ переписаннымъ рукою Пушина, внесенный полностью въ нашу тетрадь неизвѣстнымъ составителемъ «Собранія». Такимъ образомъ восполняется значительный пробѣлъ [2]) въ антологической Лицейской поэзіи ранняго періода (если принять утвержденіе Гаевскаго, что сборникъ переписанъ въ 1814 году). Къ сожалѣнію, туманное указаніе Гаевскаго, что «большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкину», не позволяетъ дѣлать никакихъ опредѣленныхъ выводовъ объ авторахъ эпиграммъ.

Особнякомъ въ Лицейской поэзіи стоятъ такъ называемыя «Національныя пѣсни» — характернѣйшій памятникъ быта, нравовъ и людей Лицея первыхъ лѣтъ, созданный совокупными усиліями поэтовъ и не-поэтовъ I-го курса. Національныя пѣсни описаны и полностью напечатаны К. Я. Гротомъ [3]). Наше Собраніе содержитъ ихъ всѣ за исключеніемъ двухъ (менѣе характерныхъ и носящихъ печать большей индивидуальности) [4]). Текстъ пѣсенъ тамъ и здѣсь почти одинаковъ — измѣненъ лишь кое-гдѣ порядокъ строфъ, да есть разночтенія въ отдѣльныхъ словахъ, не вліяющія на смыслъ и на форму стиха.

Источникомъ для Грота явились съ одной стороны журналы «Лицейскій Мудрецъ» и «Мудрецъ-Поэтъ», съ другой — «особая

---

[1]) «Надпись на конную статую пушкаря Б. фонъ-Рехеблихера» (нашего Собранія № 38); «Пѣвецъ» (Собр. № 41); «Жалкій человѣкъ» (Собр. № 43); «Вопросъ» (Собр. № 44); «О Донъ-Кихотѣ» (Собр. № 45); «На случай, когда Виля на балѣ растерялъ свои башмаки» (Собр. № 48); «Виля Геркулесу» (№ 51). «Хата поэта» (№ 55) «и нѣкоторыя другія», добавляетъ Гаевскій, «съ намеками не вполнѣ понятными» (там же стр. 147 — 148).

[2]) Въ нашемъ Собраніи отдѣлъ «Жертва Мому» содержитъ 21 стихотвореніе.

[3]) Пушкинскій Лицей, стр. 215 — 239.

[4]) «Полно, Дельвигъ, не мори».... (№ 7 у Грота) и «Пусть несчастный человѣкъ».... (№ 9); кромѣ того № 2 (Аполлонъ, напившись пьянъ) въ нашемъ Собраніи перенесена изъ отдѣла Національныхъ пѣсенъ въ отдѣлъ «Жертва Мому».

тетрадка.... съ заглавіемъ «Національныя пѣсни».... Большая часть этихъ пѣсенъ записаны въ отдѣльной рукописи». То и другое сохранилось въ бумагахъ Грота, въ Пушкинскомъ Домѣ. Особенное значеніе имѣетъ тетрадка, — представляющая, повидимому, самую первую запись «Національныхъ пѣсенъ». Текстъ ея написанъ разными почерками: Комовскаго (большинство, начиная съ первыхъ), Кюхельбекера, Дельвига (а не Илличевскаго, какъ полагаетъ, повидимому, объ этомъ почеркѣ К. Я. Гротъ) и еще одною неизвѣстною рукою — конечно также лицеиста. Одна изъ пѣсенъ — и притомъ едва ли не самая извѣстная — «Нули» (Что за странная тревога) — написана тремя почерками: первыя строфы — Комовскимъ, середина — Кюхельбекеромъ, остальныя до конца — Дельвигомъ. Послѣднимъ вписана одна лишняя строфа въ запись Кюхельбекера и внесены значительныя поправки почти во всѣ строфы. Эти поправки очень похожи на авторскія и можно было бы думать, что Дельвигъ былъ не просто записывателемъ, но авторомъ этой пѣсни. Однако, гораздо вѣроятнѣе, что онъ вмѣстѣ съ двумя товарищами лишь записалъ пѣсню и записалъ при томъ на память; кое-что было пропущено, кое-что запомнилось и записалось невѣрно, и Дельвигъ внесъ впослѣдствіи поправки; кое-что, быть можетъ, исправлено имъ, какъ строгимъ и требовательнымъ поэтомъ, недовольнымъ творчествомъ товарищей. Такого же рода поправки внесъ Комовскій въ записанный имъ текстъ пѣсни «Вотъ Ебергардъ — смотрите, господа». Все это подтверждаетъ безличность, коллективность «національнаго» лицейскаго творчества [1]); рукопись Гротовскаго собранія — лишь первая запись послѣ живого изустнаго выполненія [2]); недаромъ она имѣетъ видъ чернового наброска. Впослѣдствіи пѣсни переписывались много разъ, вырабатывался постепенно ихъ «каноническій» текстъ, который однако не

[1]) Вспомнимъ свидѣтельство Ѳ. Ѳ. Матюшкина въ письмѣ къ Энгельгардту, гдѣ онъ говоритъ, что одинъ стихъ въ одной изъ національныхъ пѣсенъ принадлежитъ и ему — никогда вообще не писавшему стиховъ.

[2]) Такую же запись даетъ и самъ Пушкинъ въ наброскахъ своихъ Лицейскихъ записокъ за 1816 годъ, причемъ онъ сопровождаетъ ихъ замѣчаніемъ: «Вчера не тушили свѣчекъ; за то пѣли куплеты на голосъ: «бери себѣ повѣсу». Запишу, сколько могу упомнить».... См. Д. Сапожниковъ: «Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина», С.-Пб. 1899; Сочиненія Пушкина подъ ред. П. А. Ефремова, С.-Пб. 1903, томъ V, стр. 333 и томъ VIII, С.-Пб. 1905, стр. 561.

мѣшалъ измѣненію порядка строфъ и допускалъ незначительные варіанты. Традиціоннымъ становился и порядокъ самыхъ пѣсенъ — одинаковый въ разныхъ сборникахъ. И мы должны признать совершенно точной характеристику такого рода поэзіи, сдѣланную бар. М. А. Корфомъ по поводу одного акростиха, помѣщеннаго въ «Лицейскомъ Мудрецѣ»: «Едва ли онъ (этотъ акростихъ) имѣлъ законнаго отца: такія піэсы, равно какъ и то, что мы называли «національными пѣснями», импровизировались у насъ обыкновенно изустно цѣлою толпою, и уже потомъ ихъ кто-нибудь записывалъ для памяти» [1]).

Кромѣ сборниковъ, важнымъ источникомъ Лицейской поэзіи (преимущественно товарищей Пушкина или неизвѣстныхъ авторовъ, но не его самого) служатъ Лицейскіе журналы. Важнѣйшій изъ нихъ и лучше всѣхъ сохранившійся — «Лицейскій Мудрецъ», полностью напечатанный въ книгѣ К. Я. Грота «Пушкинскій Лицей» [2]). Въ нашемъ «Собраніи» мы находимъ почти всѣ стихотворенія, вошедшія въ извѣстные намъ нумера «Лицейскаго Мудреца» и въ два нумера «Мудреца-поэта», — представляющаго выдержку стихотворной части перваго, и при томъ недошедшихъ до насъ первыхъ его нумеровъ (за 1814 годъ). Порядокъ стихотвореній журнала точно повторяется въ нашемъ «Собраніи»; сохранено и самое имя его за всѣмъ отдѣломъ. Семь пьесъ изъ журнала, напечатанныхъ у Грота, не вошли въ наше «Собраніе»; совпаденіе остальныхъ стихотвореній показываетъ, что до насъ дошла вся стихотворная часть «Лицейскаго Мудреца», за время его существованія; утрачена лишь проза, не вошедшая въ сборники «Мудреца-поэта».

Этимъ матеріаломъ исчерпываются сборники Лицейской поэзіи. Многія произведенія Лицейскихъ поэтовъ извѣстны намъ внѣ сборниковъ — въ рукописи и печати.

Въ отдѣльныхъ рукописяхъ извѣстны очень многія стихотворенія, какъ въ автографахъ, такъ и въ современныхъ копіяхъ, снятыхъ товарищами (напр., многія произведенія Пушкина записаны Илличевскимъ): нѣкоторая часть этихъ рукописей — стихотворенія Пушкина, Дельвига, Илличевскаго, Кюхельбекера — описаны и напечатаны въ книгѣ К. Я. Грота «Пушкинскій Лицей». Оригиналы ихъ

[1]) Я. К. Гротъ. Пушкинъ.... изд. 2-е, стр. 227.

[2]) Стр. 254 — 319; см. также у Гаевскаго — «Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 144—145, у Я. К. Грота, Пушкинъ.... изд., 2-е стр. 35—37.

хранятся въ его собраніи, находящемся въ Пушкинскомъ Домѣ. Другія рукописи использованы и описаны редакторами собраній сочиненій Пушкина — такъ какъ онѣ преимущественно принадлежатъ послѣднему.

Другія пьесы изъ Лицейской антологіи (насъ интересуетъ больше всего именно она — какъ составляющая содержаніе нашего «Собранія») извѣстны намъ только въ напечатанномъ видѣ, въ современныхъ и позднѣйшихъ журналахъ, въ старыхъ изданіяхъ сочиненій лицейскихъ поэтовъ, въ запискахъ ихъ товарищей. Слишкомъ долго и безполезно было бы перечислять, какія изъ стихотвореній нашего «Собранія» гдѣ напечатаны. Достаточно указать «Записку» Корфа, напечатанную у Я. К. Грота [1]); записки Пущина, напечатанныя Л. Н. Майковымъ [2]); журналы «Россійскій Музеумъ» 1815 года, «Сѣверный Наблюдатель» 1817, «Сынъ Отечества» 1821, «Русскій Инвалидъ» 1857, изданія Пушкина посмертное, Берлинское 1861 года и Анненкова, статьи Гаевскаго, К. Я. Грота и др.

Замѣчательно, что виднѣйшій послѣ Пушкина эпиграмматистъ и собиратель Лицейской антологіи, «пресловутый ійшій» — А. Д. Илличевскій, издавая въ 1827 году свои мелкія стихотворенія подъ заглавіемъ «Опыты въ антологическомъ родѣ», изъ всѣхъ своихъ Лицейскихъ произведеній включилъ туда всего три эпиграммы, да и то двѣ изъ нихъ въ сильно переработанномъ видѣ [3]). А между тѣмъ мы знаемъ довольно много его стихотвореній въ томъ же родѣ и въ «Лицейской Антологіи», и въ «Жертвѣ Мому»; вѣроятно, многія эпиграммы «Лицейскаго Мудреца» написаны имъ же, такъ какъ Пушкинъ въ немъ, кажется, не участвовалъ. Точно такъ же въ очень характерную для своего времени книжку М. А. Яковлева [4]) «Опытъ русской анѳологіи»

---

[1]) «Пушкинъ...» Изд. 2, 1899 г., стр. 230 и сл.

[2]) Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, С.-Пб. 1899. Раньше: «Атеней» 1858 г.

[3]) «Мишукъ твердитъ, что я толкую о пустомъ...» (въ «Опыт. въ ант. родѣ» — Дамонъ); «На издателя Друга Юношества» (Собраніе — «Какая разница межъ публикой и имъ»...; «Оп. въ антол. родѣ» — «Въ чемъ разнорѣчитъ онъ съ читателемъ своимъ» и при томъ подъ заглавіемъ «На издателя журнала съ эпиграфомъ «Съ нами Богъ»); «На музыканта» (въ Собраніи четверостишіе, въ «Оп. въ ант. родѣ» сокращено до двустишія).

[4]) Не товарища Пушкина Михаила Лукьяновича, но Михаила Алексѣевича, критика и автора водевилей. См. объ этомъ у В. П. Гаевскаго, «Дельвигъ» «Современникъ» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 12); также у Н. А. Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею», т. II, стр. 268.

(С.-Пб. 1828) не вошло ничего изъ всѣхъ многочисленныхъ произведеній Лицейской легкой поэзіи, кромѣ четверостишія Дельвига «Вакхъ», включеннаго Илличевскимъ въ «Лицейскую Антологію». Повидимому, сами лицейскіе поэты, черезъ 8—10 лѣтъ по окончаніи курса, уже очень мало цѣнили свои молодыя произведенія, хотя, напр., Илличевскій за эти 10 лѣтъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ на поэтическомъ поприщѣ, и его Лицейскія эпиграммы ничуть не хуже позднѣйшихъ, а иногда и лучше. Надо думать, что важнѣе была другая причина: эпиграммы Лицейской поры становились настолько общимъ достояніемъ, настолько теряли своихъ авторовъ, переписываясь въ такихъ сборникахъ, какъ нашъ, что и позже авторы ихъ не считали возможнымъ включать ихъ въ собранія своихъ сочиненій.

Таковы всѣ имѣющіеся у насъ матеріалы.

Подводя итогъ обслѣдованію нашего «Собранія», увидимъ, что изъ 197 стихотвореній, заключенныхъ въ немъ, напечатано всего 114— считая и тѣ, которыя мы знаемъ въ печати въ болѣе или менѣе измѣненной редакціи. Распредѣляются они такъ.

Пушкину принадлежитъ 26 стихотвореній, изъ которыхъ 3 или 4 нужно считать сомнительными [1]); 15 стихотвореній написаны Илличевскимъ, при чемъ 6 изъ нихъ только ему приписываются [2]); 7 сти-

---

[1]) Въ «Жертвѣ Мому»: 37. Несчастіе Клита (Внукъ Тредьяковскаго, Клитъ, гекзаметромъ пѣсенки пишетъ...); въ «Лицейской Антологіи, собранной іійшій» 1. «Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую...»; 2. «Супругою твоей я такъ плѣнился...»; 3. На Рыбушкина (Бывало прежнихъ лѣтъ герой...); 5. Эпитафія (Здѣсь Пушкинъ погребенъ...); 17. «Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ»; 25. «Ахъ! Боже мой, какую» (Ты слышалъ вѣсть смѣшную?); 28. На Баболовскій дворецъ (Прекрасная! пускай восторгомъ насладится...); 30. Надпись на стѣнахъ больницы (Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...); 33. «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ...»; 35. «Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ...»; 55. «Охъ! тошно, тошно — помогите...» (приписывается); 56. Портретъ (Вотъ карапузикъ нашъ монахъ... Приписывается); 65. Сравненіе (Ты хочешь знать, моя драгая... Приписывается); 67. На Пучкову (Пучкова, право, не смѣшна...); 68. На нее же (Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва...); 69. «Скажи, что новаго? — Ни слова...»; 78. Твой и мой (Богъ вѣсть за что философы піиты...); 79. Экспромтъ на А. (Въ молчаньѣ предъ тобой сижу...); 103. Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ; 104. Къ портрету Каверина. 105. Къ письму. 108. Сновидѣніе. 109. Она. 110. Надпись въ бесѣдкѣ. 112. Завѣщаніе К.

[2]) Въ «Національныхъ пѣсняхъ»: 1. «Лѣто, знойна дщерь природы...»; въ «Жертвѣ Мому»: 42. Опроверженіе (Нѣтъ, полно, Мудрецы, обманывать

хотвореній Дельвига и 1 — Кошанскаго, введенное лишь для сопоставленія съ пародіей Дельвига [1]). Остальныя напечатанныя стихотворенія анонимны. Это — 14 національныхъ пѣсенъ (всѣ, кромѣ одной, написанной Илличевскимъ) и 46 стихотвореній и эпиграммъ изъ журналовъ «Лицейскій Мудрецъ» и «Мудрецъ поэтъ»; всѣ они цѣликомъ напечатаны К. Я. Гротомъ въ книгѣ «Пушкинскій Лицей». Наконецъ, 5 стихотвореній изъ отдѣловъ «Жертва Мому» и «Лицейская Антологія, собранная ійшій» [2]).

Никогда и нигдѣ, насколько удалось выяснить, не появлялось въ печати 83 стихотворенія изъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ. И всѣ они — анонимны. Слѣдовательно, болѣе $^2/_5$ сборника представляетъ собою новый матеріалъ.

Что же представляетъ собою наше «Собраніе»? Сравнивая его со всѣми извѣстными намъ сборниками Лицейскихъ стихотвореній, мы видимъ, что оно стоитъ особнякомъ, и ни одинъ изъ сборниковъ, исчезнувшихъ и сохранившихъ намъ только свое имя, не можетъ быть съ нимъ отождествленъ. Его составитель рѣшилъ на

вамъ свѣтъ... Приписывается); въ «Лиц. Антологіи, собранной ійшій»: 18. «Повѣрь, тебя измѣрить разомъ...»; 43. «Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое...»; 46. Мишукъ твердитъ, что я толкую о пустомъ...»; 47. «Бѣда моя, бѣда! Я точно какъ Ефремъ..» (Припис.); 48. «Какъ правильны у васъ фигуры...» (Припис.); 49. «Вы лица славно написали...» (Припис.); 50. «Калина! Я тебя нарисовалъ Калиной»; 70. «Куда спѣсивъ учтивый Брутъ...»; 71. На Музыканта (Ай мастеръ! ты еще лихого...); 76. Издателю: Друга Юношеств. (Издателю журнала съ эпиграфомъ: Съ нами Богъ); 77. На Музыканта. (Межъ Орфеемъ и тобою...); 80. Еще на Пучкову (Зачѣмъ объ инвалидной доле...); 111. «Ты разбранилъ портретъ Герода» (у К. Грота — Двустишіе).

[1]) А. А. Дельвига: пародія «На смерть кучера Агафона» (№ 36); въ «Лиц. Антологіи, собранной ійшій»: 6. Вакхъ. (Прощай, Венера, Богъ съ тобою...); 58. Въ альбомъ княжнѣ Волконской (Сестрицѣ! можно ли прелестную забыть?..); 73. Переводчику: къ Діону (Благодарю за переводы...); 81. Надпись на мой портретъ. (Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета...); 107. Тріолетъ К. Г. [Князю Горчакову]; 113. Мадригалъ (Могу ль забыть то сладкое мгновенье). Кошанскаго: На смерть графини Ожаровской (№ 35).

[2]) Въ «Жертвѣ Моему»: 41. Пѣвецъ (Аполлонъ, напившись пьянъ... У К. Грота — въ числѣ Національныхъ пѣсенъ); 49. Неправосудіе (Дамону доказать хотѣлось...); 50. На переводъ поэмы «La religion» (Я дѣло доброе сегодня учинилъ...); Въ «Лиц. Антологіи собранной ійшій»: 26. «Марушкинъ, борзый стихотворъ...» (у К. Грота: О чемъ ни сочинитъ бывало...); 64. «Пегасъ, навьюченный Лапландскими стихами»...

память о Лицеѣ наиболѣе полно сохранить поэтическія произведенія перваго его курса, и соединилъ въ своемъ сборникѣ то, что въ другихъ подобныхъ рукописяхъ мы знаемъ разрозненнымъ и обособленнымъ, т. е. соединилъ въ одно цѣлое нѣсколько сборниковъ: 1) собраніе національныхъ пѣсенъ; 2) ранній сборникъ эпиграммъ—Жертва Мому; 3) выборку изъ журнальныхъ стихотвореній—Мудрецъ-поэтъ; 4) сборникъ, составленный Илличевскимъ—Лицейская Антологія, собранная іійшій; 5) особнякомъ стоящую и не входившую въ сборники, но популярную пародію Дельвига «На смерть кучера Агафона». Соединеніе этихъ пяти (точнѣе четырехъ) частей—чисто механическое; но при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что всѣ стихотворенія Собранія объединены однимъ характеромъ: это—легкія пьесы, сатирическія и юмористическія. Исключеніемъ могутъ показаться нѣкоторыя пьесы Пушкина—такія, какъ «Къ письму», «Сновидѣніе», «Надпись къ бесѣдкѣ», и Дельвига «Мадригалъ»—болѣе серьезнаго, элегическаго содержанія; но и онѣ по формѣ представляютъ собою надписи или мадригалы, т. е. подходятъ подъ тѣ поэтическія произведенія, которыя тогда объединялись довольно неопредѣленнымъ названіемъ «Антологія». Все остальное въ сборникѣ—или эпиграммы на товарищей, главнымъ образомъ на Кюхельбекера, на учителей и гувернеровъ, на литературныхъ дѣятелей того времени, или юмористическіе стихи (таково все содержаніе Лицейскаго Мудреца), или, наконецъ, сатирическія произведенія, къ которымъ прежде всего принадлежатъ «Національныя пѣсни». Всѣ эти пьески, то складывавшіяся коллективно, то сочиняемыя экспромптомъ подъ впечатлѣніемъ минуты, становились быстро достояніемъ маленькаго лицейскаго мірка и теряли своихъ авторовъ. Иные сборники (напр., Матюшкинская тетрадь, Лицейская тетрадь, изданная М. Гершензономъ) сохранили намъ тщательно всѣ имена. Но въ нихъ антологическая поэзія не составляетъ главнаго содержанія, а входитъ лишь между прочимъ, національная же поэзія отсутствуетъ совсѣмъ. Нашъ же сборникъ имѣетъ цѣлью сохранить не поэзію отдѣльныхъ авторовъ, а цѣлый циклъ лицейскихъ произведеній опредѣленнаго характера—циклъ, объединенный формой и характеромъ пьесъ.

Отсюда его анонимность. Этимъ также можно объяснить его подзаголовокъ, данный на первомъ листѣ: «Національныя піесы»;

«національными піесами» названы, такимъ образомъ, всѣ стихотворенія сборника, хотя собственно то, что принято было называть «національными пѣснями», составляетъ меньше десятой доли ихъ. Остальныя стали національными, утративъ своихъ авторовъ и растворившись въ общей лицейской средѣ, чему доказательствомъ служитъ, напр., то, что завѣдомо Илличевскимъ написанное стихотвореніе «Лѣто, знойна дщерь природы...», ставшее впослѣдствіи какъ бы гимномъ I-го курса, исполнявшимся на празднованіяхъ лицейскихъ годовщинъ, въ нашемъ сборникѣ прямо включено въ отдѣлъ «Національныхъ пѣсенъ» и притомъ на первомъ мѣстѣ.

Такой общій характеръ сборника можетъ, намъ кажется, объяснить и обозначеніе его, какъ «Часть III». Обозначеніе не случайное: цифра 3 повторяется и на корешкѣ переплета. Несомнѣнно существовали и 1-я, и 2-я части нашего собранія; 4-ой части, вѣроятно, не было: третья часть, заключающая національную поэзію, оканчивала это полное собраніе лицейскихъ стихотвореній. Въ первыя же двѣ части входили, конечно, тѣ стихотворенія, которыя мы знаемъ изъ другихъ, дошедшихъ до насъ, сборниковъ—Матюшкинской тетради, «Духа Лицейскихъ Трубадуровъ», тетради, напечатанной М. Гершензономъ въ «Русскихъ Пропилеяхъ», и другихъ, и которыя почти всѣ не вошли въ наше «Собраніе», т. е. — болѣе значительныя лирическія произведенія Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Илличевскаго, Корсакова—главнымъ образомъ, конечно, Пушкина,—вошедшія въ собранія сочиненій двухъ первыхъ. Такія пьесы не могли обезличиваться, не могли терять именъ своихъ авторовъ и не становились «національными». Потому то неизвѣстный собиратель лицейской поэзіи долженъ былъ ихъ выдѣлить, какъ самое значительное и цѣнное ея твореніе, въ первыя двѣ части своего Собранія. Таковы самыя возможныя предположенія.

Попытаемся дать теперь характеристику нашего матеріала, преимущественно Лицейской антологіи въ ея ненапечатанной и неизвѣстной до сихъ поръ части. При этомъ возникаетъ рядъ вопросовъ: объ авторствѣ тѣхъ или иныхъ Лицейскихъ поэтовъ; о происхожденіи антологической поэзіи Лицея; о формахъ Лицейскаго эпиграмматическаго творчества, его темахъ и содержаніи; третій вопросъ—особенно съ его формальной стороны—тѣсно связанъ со вторымъ, такъ какъ достаточно уже установлено, что формы лицейской антологіи не са-

мостоятельны, и эпиграммы ихъ представляютъ часто заимствованія, а иногда и прямые пересказы и переводы.

Что касается перваго вопроса, то наше «Собраніе» не даетъ никакихъ прочныхъ основаній для его рѣшенія—ни въ смыслѣ установки принадлежности новыхъ произведеній тому или иному автору, ни въ смыслѣ пересмотра и исправленія старыхъ положеній. Мы имѣемъ дѣло не съ автографами, а съ копіей, безличной и ничего не говорящей. Другихъ источниковъ, съ которыми можно было бы сличить тексты, у насъ нѣтъ. Сличеніе, сдѣланное выше, текста національныхъ пѣсенъ съ листками Грота, написанными индивидуальными почерками, лишь подтверждаетъ безличность пѣсенъ, но никакъ не позволяетъ приписать ихъ тому или иному автору.

Антологическія пьесы, несомнѣнно, индивидуальны. Но въ то время, въ 1814—1816 годахъ, индивидуальность ихъ авторовъ еще недостаточно ярко обозначилась. Въ своихъ элегіяхъ и посланіяхъ тѣхъ же лѣтъ Пушкинъ, хотя и слѣдовалъ въ формахъ Жуковскому и Батюшкову, уже очень отличался отъ своихъ лицейскихъ товарищей по перу, былъ индивидуаленъ въ настроеніяхъ и далеко ушелъ отъ нихъ въ формальномъ выраженіи своего поэтическаго чувства. Здѣсь, въ эпиграммахъ, иное дѣло: рѣзче выражена подражательность, слабѣе—индивидуальность авторовъ. Самыя темы слишкомъ общи, способы ихъ выраженія слишкомъ традиціонны, выражаютъ общій тонъ и настроенія литературно-образованныхъ круговъ того времени, къ которымъ всецѣло примыкали лицеисты, а въ ихъ лицейскомъ кругу одинаково могутъ выражать взгляды Пушкина, Дельвига, Илличевскаго, Корсакова—всѣхъ лицейскихъ поэтовъ, стоявшихъ на извѣстномъ общемъ уровнѣ развитія и интересовъ. Конечно, Пушкинъ и здѣсь былъ несравненно выше товарищей въ смыслѣ начитанности и литературнаго развитія. Но это сказывалось въ его серьезныхъ вещахъ, въ его лирикѣ; а поверхностной образованности, вкуса и легкаго остроумія, которыя только и были нужны при писаніи эпиграммъ, было достаточно у всѣхъ лицейскихъ поэтовъ.

И вотъ поэтому, если желать, во что бы то ни стало, опредѣлить автора того или иного стихотворенія, приходится только строить догадки, основываясь на содержаніи, на аналогіи съ другими, завѣдомо опредѣленными стихотвореніями, иногда — на достоинствѣ стиха. Такія гипотезы всегда возбуждаютъ сомнѣнія, а въ боль-

шинствѣ случаевъ—для нихъ нѣтъ никакихъ основаній, да онѣ и безполезны.

Другой сложный вопросъ при характеристикѣ Лицейской антологической поэзіи—вопросъ о ея происхожденіи и объ испытанныхъ ею вліяніяхъ. Что Лицейская антологія несамостоятельна—это можно сказать апріорно: ея формы и даже многія ея темы были тогда ходячими, и знаніе ихъ составляло необходимую принадлежность всякаго остроумнаго свѣтскаго человѣка, даже и не мнившаго себя поэтомъ. Но пути и направленія вліяній недостаточно еще выяснены, и далеко не всегда та или иная эпиграмма, воспринимаемая въ чтеніи, какъ явный сколокъ съ какого-то образца, поддается опредѣленію со стороны генеалогіи,—часто оттого, что формы эпиграммъ, какъ разъ очень общи и обращаются въ шаблонъ, гдѣ невозможно выяснить первоисточникъ.

Послѣдній нужно отыскивать прежде всего во французской эпиграмматической поэзіи XVIII вѣка; она пышно расцвѣла особенно во вторую половину столѣтія, распространяясь и въ сборникахъ отдѣльныхъ поэтовъ, и въ альманахахъ, и въ періодическихъ изданіяхъ. Ее воспринимали—путемъ подражанія и переводовъ—русскіе поэты классической школы, передавшіе антологическій родъ и болѣе позднему поколѣнію. И вѣроятно имъ—русскимъ подражателямъ, а не западнымъ оригиналамъ—слѣдовали лицейскіе поэты; такъ, напримѣръ, врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ (кромѣ, разумѣется, Пушкина), [1]) зналъ въ подлинникахъ французскихъ поэтовъ-эпиграмматистовъ, множество незначительныхъ, забытыхъ именъ, затерянныхъ въ «Almanach des Muses» и въ «Mercure de France», въ совокупности составлявшихъ цѣлую школу. А русскихъ поэтовъ они хорошо знали и могли легко слѣдовать доступнымъ образцамъ. Для характеристики вкуса къ такого рода поэзіи, ея содержанія и авторовъ, особенно показателенъ сборникъ, изданный въ 1828 году М. А. Яковлевымъ, подъ названіемъ «Опытъ русской анѳологіи». Яковлевъ — извѣстный тогда литераторъ, театральный критикъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ водевилей, долженъ вѣрно отражать литературные вкусы своего времени—и при томъ запоздалые, т. е.. въ 1828 году оставшіеся на уровнѣ предшествующаго десятилѣтія. — И вотъ мы видимъ,

[1]) См. объ этомъ статью Александра Попова: «Пушкинъ и французская юмористическая литература XVIII вѣка» въ сборникѣ «Пушкинистъ», вып. II, Пгр. 1916.

что изъ 460 слишкомъ стихотвореній, принадлежащихъ 73 авторамъ и частью анонимныхъ, первое мѣсто (56) занимаетъ И. И. Дмитріевъ, самый извѣстный изъ «антологическихъ» поэтовъ и эпиграмматистовъ старой школы; далѣе слѣдуютъ Пушкинъ—глава новаго направленія,—Карамзинъ, Илличевскій, Боратынскій, А. Измайловъ, Батюшковъ, Вяземскій, Жуковскій, В. Л. Пушкинъ. Конечно, за 10 лѣтъ, къ 1828 году, интересы передвинулись, новая, молодая школа возобладала, и отошли на второй планъ многіе поэты XVIII вѣка, имѣвшіе несомнѣнно вліяніе на лицеистовъ, какъ А. П. Сумароковъ, князь Д. Горчаковъ, Капнистъ, В. Майковъ; но общія линіи остаются тѣ же, и сборникъ отчетливо показываетъ кругъ темъ и формы антологической поэзіи: онѣ очень близки и вполнѣ родственны формамъ и содержанію лицейскаго сборника. И еще характерная черта: почти четверть стихотвореній въ «Опытѣ» М. А. Яковлева—анонимы, такія же безымянныя, ходячія пьесы, утратившія авторовъ, какъ и эпиграммы нашего Собранія. И напрасно стали бы мы доискиваться творцовъ тѣхъ и другихъ.

Останавливаться болѣе подробно на источникахъ Лицейской антологіи нѣтъ возможности: вопросъ потребовалъ бы спеціальнаго изслѣдованія. Обратимся къ содержанію нашего Собранія.

Первые его отдѣлы—«Національныя пѣсни» и «Лицейскій Мудрецъ»—напечатаны цѣликомъ и прокомментированы К. Я. Гротомъ въ книгѣ «Пушкинскій Лицей». Никакихъ дополненій, сравнительно съ печатнымъ текстомъ, и никакихъ варіантовъ и новыхъ редакцій, которыя имѣли бы значеніе, наше «Собраніе» не даетъ. Строфы слѣдуютъ иногда (напр., въ пѣснѣ о нуляхъ) не въ томъ порядкѣ, но самыя пѣсни таковы, что это не мѣняетъ ихъ смысла—вѣроятно, и пѣлись онѣ по разному. «Лицейскій Мудрецъ», какъ уже было сказано, представленъ въ Собраніи не такъ даже полно, какъ въ книгѣ К. Я. Грота, воспроизводящей подлинный № журнала. Все, что есть въ нашемъ Собраніи новаго, ненапечатаннаго, содержится въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ: въ «Жертвѣ Мому или Лицейской Антологіи» и въ «Лицейской Антологіи, собранной ійшій»; по формѣ и содержанію къ нимъ вполнѣ примыкаетъ отдѣлъ эпиграммъ изъ «Лицейскаго Мудреца». На этихъ отдѣлахъ мы и остановимся.

Самое названіе «антологія», присвоенное обоимъ отдѣламъ, указываетъ на ихъ содержаніе. Какъ извѣстно, въ то время, слѣдуя

французскимъ образцамъ XVIII вѣка, подъ антологическими разумѣлись стихотворенія небольшого размѣра, отдѣланныя и изящныя по формѣ, легкія по содержанію,—будь то эпиграмма, мадригалъ, надпись къ портрету или въ альбомъ и даже эпитафія. Понятіе было настолько неопредѣленно, что, напр., Илличевскій дѣлитъ свои «Опыты въ антологическомъ родѣ» отчасти по содержанію («Аллегоріи», «Анакреонтическія стихотворенія», «Басни», «Идилліи», «Мадригалы», «Надгробія», «Надписи» «Эпиграммы» и т. д.), частью по формѣ, и притомъ самымъ примитивнымъ образомъ: «Двустишія», «Четверостишія», «Шестистишія», «Тріолеты» и т. д. На тѣ же отдѣлы «Мадригаловъ», «Надписей», «Надгробій», «Эпиграммъ» можно было бы разбить антологическія пьесы нашего Собранія, но съ преобладаніемъ послѣдняго—эпиграмматическаго рода.

Разсматривая эти эпиграммы съ внѣшней стороны, мы видимъ, что въ нихъ сравнительно рѣже встрѣчаются діалогъ и цѣлый разсказъ, анекдотъ—родъ болѣе трудный, требующій соединенія словесной краткости съ образностью, выразительностью и живостью. Большею частью онѣ заключаютъ лишь колкое замѣчаніе, остроту или каламбуръ, облеченные въ риѳмованныя строки,—то, что Буало опредѣлялъ, какъ «un bon mot de deux rimes orné», но гдѣ вмѣсто «bon mot» нерѣдко лишь описаніе въ каррикатурныхъ выраженіяхъ. Словесная форма стихотвореній часто несовершенна и примитивна. Лицейскіе поэты, справляясь съ техникой стиха, съ метромъ и съ риѳмой, не находятъ во многихъ случаяхъ достаточно яркихъ и образныхъ, при необходимой краткости, выраженій, и эпиграммы выходятъ прѣсны и невыразительны: тонкость, внутренняя острота замѣняются грубостью, конечно, ослабляющей впечатлѣніе. Особенно это замѣтно въ эпиграммахъ, направленныхъ на Вилю (Кюхельбекера), на прочихъ лицейскихъ наставниковъ и товарищей, намекающихъ на случаи повседневной лицейской жизни, что объясняется, конечно, ихъ экспромптнымъ характеромъ, тѣмъ, что онѣ написаны на слу́чай, не отдѣланы и, повидимому, даже въ глазахъ авторовъ не имѣли значенія. Гораздо совершеннѣе и обработаннѣе эпиграммы, говорящія о литературныхъ явленіяхъ, о событіяхъ и лицахъ, болѣе далекихъ отъ классной жизни, или придающія насмѣшкамъ надъ товарищами болѣе общее значеніе, преимущественно литературное.

Стихотворенія, не подходящія подъ названіе эпиграммъ, вкраплены въ сборникъ случайно. Ихъ очень мало; это—либо мадригалы и небольшія любовныя пьески Пушкина и Дельвига («Сонъ», «Къ письму», «Къ Баболовскому Дворцу»—Пушкина, «Мадригалъ»—Дельвига), либо легкія пьески, лишенныя эпиграмматическаго смысла, но подходящія вполнѣ подъ понятіе антологіи, какъ краткія сентенціи (напр., Эпитафія—«Вдругъ развязавъ глаза, пустила...»—см. ниже), либо болѣе длинныя стихотворенія, скорѣе представляющія собою національныя пѣсни (какъ «Жалкій человѣкъ», «Нѣмецъ нѣмцу вслѣдъ иди...»). Послѣднія очень слабы и, въ сущности, не подходятъ подъ общій тонъ и уровень сборника «Лицейской Антологіи».

По формѣ всѣ эпиграммы и другія пьесы, кромѣ помянутыхъ послѣдними, очень кратки,—какъ имъ и положено. Большею частью—четверостишія, иногда даже—двустишія; шесть и восемь стиховъ встрѣчаются рѣже. Преобладающій въ нихъ метръ—традиціонный съ XVIII вѣка для произведеній такого рода пятистопный ямбъ; почти такъ же часто встрѣчается излюбленный впослѣдствіи нашими поэтами ямбъ четырехстопный; иногда тотъ и другой комбинируются. Очень рѣдки другіе метры: хореическій стихъ во всей «Антологіи» встрѣчается всего два раза; трехсложныхъ стопъ въ ней нѣтъ совсѣмъ, а въ «Жертвѣ Мому»—всего въ одномъ случаѣ. Все это показываетъ еще точное слѣдованіе старымъ образцамъ русскаго классицизма, для которыхъ ямбическіе метры были каноничны въ русскомъ стихѣ.

Хронологическій порядокъ стихотвореній въ нашемъ Собраніи установить невозможно, что, конечно, сильно затрудняетъ его изученіе. Повидимому, они записаны въ очень случайной послѣдовательности, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя мы знаемъ въ печати и можемъ датировать по другимъ источникамъ, не выдержаны хронологически; напримѣръ, послѣ «Надписи на стѣнахъ больницы» Пушкина, относимой, по свидѣтельству Пущина, къ 1817 году, слѣдуетъ его же эпиграмма «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ»... 1814 года, далѣе—«На смерть стихотворца» (Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ...), напечатанная въ № 2 «Сѣвернаго Наблюдателя» за 1817 годъ, а написанная, вѣроятно, въ 1816 году, и послѣ нея—стихотвореніе Илличевскаго «Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое»., написанное едва ли позднѣе 1814 года. Можно думать только, что отдѣлъ

«Жертва Мому» содержитъ стихотворенія только самыхъ раннихъ лѣтъ, если принимать утвержденіе Гаевскаго (а отвергать его нѣтъ основаній), что онъ переписанъ Пушинымъ въ 1814 году. Другой отдѣлъ, заключающій стихотворенія и эпиграммы изъ журнала «Лицейскій Мудрецъ», отражаетъ нѣсколько болѣе позднюю эпоху: журналъ, какъ извѣстно, издавался въ 1814—1815 годахъ, а, быть можетъ, и до конца 1816-го года[1]; въ «Лицейскую же Антологію» вошли пьесы разныхъ лѣтъ, отъ очень раннихъ (1813 года) до времени окончанія курса.

Наиболѣе слабыя эпиграммы принадлежатъ «ЖертвѢ Мому». Если вѣрно свидѣтельство Гаевскаго, что это — почти все произведенія Пушкина, то можно думать, что онѣ принадлежатъ къ самой ранней порѣ его творчества. Темы ихъ узки и не выходятъ почти изъ рамокъ школьнаго зубоскальства, подчасъ — грубаго и большею частью — очень примитивнаго. Главный предметъ насмѣшки — В. К. Кюхельбекеръ, Виля, Вильмушка, Клитъ; подъ послѣднимъ именемъ онъ выступаетъ на всемъ протяженіи «Собранія». Въ немъ осмѣиваются не только умственныя и душевныя свойства его, поэтическое творчество, критическіе опыты, но даже наружность — неуклюжесть, неумѣніе ловко носить костюмъ..., какъ видно очень узкое, чисто «классное» острословіе.

Нѣкоторыя изъ эпиграммъ выражены въ очень неуклюжей и мало-понятной формѣ, напримѣръ:

НАДПИСЬ

на конную статую пушкаря В. фонъ-Рекеблихера.

Подъѣзжаетъ и несчастной
Къ Амариллѣ голубой
Голубокъ любовью страстной
Виля, рыцарь отставной [2].

---

[1]) Послѣднее сомнительно, несмотря на утвержденіе Гаевскаго—ничѣмъ, впрочемъ, не доказанное—см. «Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 144; наше Собраніе, вообще очень полно сохранившее и Національныя пѣсни, и Лицейскую Антологію, включаетъ изъ «Мудреца» какъ разъ только то, что извѣстно и К. Я. Гроту,—т. е. стихотворенія изъ нумеровъ журнала 1814—1815 года, но не далѣе.

[2]) «Жертва Мому», № 38. Амарилла — названіе эклоги, сочиненной профессоромъ Лицея Кошанскимъ и напечатанной въ журналѣ «Новости Русской

Или такая, грубоватая и лишенная всякой эпиграмматической соли («Ж. М.» № 44):

ВОПРОСЪ.

Ахъ! батюшки, какой уродъ!
Широкій носъ, широкій ротъ,
Широкій задъ и узки плечи,
И узкій умъ, и плоски рѣчи!...
Скажите, что это за филя?...
Виля,

которую можно сопоставить съ другой эпиграммой, изъ «Антологіи», направленной, вѣроятно, также противъ Кюхельбекера (Ант. № 63):

ПОРТРЕТЪ.

Хвала! квадратный исполинъ
Съ аршинною душою,
И носъ въ аршинъ, и ротъ въ аршинъ,
И умъ въ аршинъ длиною.

О томъ же Кюхельбекерѣ, какъ о поэтѣ и литературномъ критикѣ говорятъ другія эпиграммы:

НОВЫЙ АПОЛЛОНЪ.

Поѣхалъ, поскакалъ Тарасъ
На греческій Парнасъ,
Ну вотъ, ослы вскричали,
Мы худо отъ чего мычали,
Вѣдь съ нами не былъ Аполлонъ;
Теперь покажемся — вотъ онъ!
И всѣ Тарасу восплескали
И ими онъ, и имъ они довольны стали [1]).
(«Ж. М.» № 46).

Литературы» 1803 г., ч. VIII, стр. 321; женское имя, распространенное также во французской поэзіи XVIII вѣка. Конной статуей Кюхельбекеръ назывался въ насмѣшку за свой высокій ростъ.

[1]) Имѣется въ виду, конечно, увлеченіе Кюхельбекера античными мотивами — его греческимъ гимнамъ посвящено въ «Антологіи» нѣсколько эпиграммъ; нельзя не видѣть на эпиграммѣ впечатлѣнія басни Крылова «Ослы». Имя Тараса — условное, для оттѣненія разницы между неудачнымъ поэтомъ и высокими темами его творчества.

НА СОЧИНЕНІЕ: ТЕЛАСКО.

Клитъ плачетъ и хлопочетъ,
Что Цензоръ пропустить стиховъ его не хочетъ,
Однако Цензоръ правъ, и впрямь
Чтобъ было... право я придумать не умѣю!
Чтобъ было съ публикой, коль Авторъ самъ
Съ ума сошелъ надъ книгою своею [1]).

Къ тому же творенію Кюхельбекера относится и анонимная эпиграмма «Опроверженіе», напечатанная въ запискѣ М. А. Корфа [2]).

Болѣе общую, отвлеченную тему, не имѣющую въ виду опредѣленнаго лица, какія были въ модѣ въ эпиграмматической литературѣ, затрагиваетъ эпиграмма

ИСПЫТАНІЕ.

Хотѣлось мнѣ народъ однажды испытать;
И кто не безъ затѣевъ?
Пошелъ нанять я стиходѣевъ,
Чтобъ кто-нибудь взялся Клеону написать
Похвальну оду или слово.
Чтожъ? сто даю рублей — никто не хочетъ брать.
Даю и тысячу — нѣтъ толку никакова,
Но только попросилъ сатиру написать, —
Лишь вымолвилъ — и даромъ все готово.

(«Ж. М.» № 37).

Если смыслъ этихъ стиховъ не глубокъ, остроуміе непритязательно и грубовато, то форма ихъ, при всей подражательности образцамъ XVIII вѣка, особенно замѣтной въ послѣдней пьесѣ, легка и свободна, легче, чѣмъ у многихъ признанныхъ стихотворцевъ того времени. Одна изъ эпиграммъ «Жертвы Мому» вошла и въ сочиненія Пушкина и очень извѣстна. Это — «Несчастье Клита» (Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ... «Ж. М.» № 37) — первый опытъ Пушкина въ гекзаметрѣ, но еще не освобожденномъ отъ риѳмы. Самое слабое произведеніе сборника — длинный шуточный разсказъ, не подходящій подъ понятіе эпиграммы: «На случай, когда Виля на балѣ разтерялъ свои башмаки» («Ж. М.»

[1]) «Ж. М.» № 53; Теласко — названіе одного изъ самыхъ раннихъ произведеній Кюхельбекера, кажется, поэмы, не дошедшей до насъ.

[2]) Я. К. Гротъ. Пушкинъ... etc., 2-е изд., стр. 245.

№ 48), написанный неуклюжими, дубовыми стихами, до того слабый, что своими недостатками онъ выдѣляется среди другихъ и его можно сравнить только со слабѣйшими стихотвореніями «Лицейскаго Мудреца», и трудно рѣшить, кто можетъ быть его авторомъ. Но и въ другихъ эпиграммахъ нѣтъ возможности отличить руку Пушкина (вспомнимъ, что Гаевскій именно ему приписываетъ большую часть стихотвореній въ «Жертвѣ Мому») отъ рукъ его товарищей — прежде всего Илличевскаго [1]).

Какъ видно, литературныя вліянія на содержаніи мало сказываются — лишь чисто внѣшнимъ образомъ, въ формѣ стихотвореній. Замѣтнѣе они въ эпиграммахъ изъ «Лицейскаго Мудреца», напечатанныхъ у К. Я. Грота и, какъ сказано, принадлежащихъ, вѣроятно, болѣе позднему времени. Болѣе совершенное литературное развитіе, школа, пройденная лицейскими поэтами, сказываются здѣсь и въ темахъ, и въ формахъ.

Темы — очень отвлеченныя, остроумныя замѣчанія, краткія сатиры, никуда опредѣленно не направленныя, выраженныя въ общей формѣ: насмѣшки надъ неудачными поэтами, надъ врачами, надъ глупостью и уродствомъ, надъ общечеловѣческими слабостями и пороками, — словомъ, все, что было такъ въ ходу въ эпиграмматической поэзіи XVIII вѣка во Франціи и перешло къ намъ въ твореніяхъ И. И. Дмитріева, князя Вяземскаго, А. Е. Измайлова, В. Л. Пушкина и др., — начиная съ А. П. Сумарокова. Соотвѣтственно темамъ условны и имена: Дамонъ, Даметъ, Алциндоръ, Дорида, Глупонъ, Осланъ, Пустовъ, Уродкинъ... Личныя темы, тотъ же Кюхельбекеръ, не затронуты ни въ одной эпиграммѣ. Тѣмъ труднѣе опредѣлить, какіе авторы или авторъ участвовали въ ихъ сочиненіи. Объ участіи Пушкина въ «Лицейскомъ Мудрецѣ» мы не имѣемъ данныхъ, хотя нѣкоторыя замѣчанія графа М. А. Корфа позволяютъ думать, что онъ въ немъ не писалъ. Но легкость и правильность стиха и самая «литературность»

---

[1]) Такъ, напр., эпиграмма «Опроверженіе», по словамъ Гаевскаго, принадлежащая Илличевскому, ничуть не слабѣе другихъ на тѣ же темы, приписываемыхъ Пушкину:

Нѣтъ полно, Мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое, что совершенства нѣтъ
На свѣтѣ въ твари тлѣнной:

этихъ эпиграммъ заставляютъ не отвергать возможности и его авторства вмѣстѣ съ другими поэтами.

Переходимъ къ «Лицейской Антологіи». Содержаніе ея очень пестро и очень неровнаго качества,—начиная отъ грубоватыхъ, школьныхъ эпиграммъ на Кюхельбекера и на разные случаи Лицейской жизни и кончая опредѣленными литературными выпадами, показывающими живое участіе лицеистовъ въ движеніяхъ и спорахъ современной литературы.

Эпиграммы на Кюхельбекера разсыпаны по всей Антологіи и составляютъ продолженіе «Жертвы Мому». Таково стихотвореніе

ПОССОРИВШЕМУСЯ.

Поэтъ надутый Клитъ
Закаялся со мной навѣки говорить.
О Клитъ любезный мой, смягчися умоляю,
Я безъ твоихъ стиховъ безсонницей страдаю,
(Ант. № 4)

гдѣ использованъ мотивъ, очень распространенный въ тогдашней эпиграмматической поэзіи. Такова же и слѣдующая:

Скажи мнѣ, боленъ ты, иль въ мысли углубился?
— У Молчова я былъ — чтожъ дѣлалъ ты — я спалъ —
— Не можетъ быть, въ гостяхъ! конечно, ты забылся —
— Нѣтъ! твердо помню то, что онъ стихи читалъ
(Ант. № 7),

не называющая прямо Кюхельбекера, но сходная съ предыдущей.

Къ Кюхельбекеру также относится рядъ эпиграммъ, схожихъ со стихотвореніями изъ «Жертвы Мому»:

Сказали вы. пріятель мой,
Что съ чортомъ сходенъ я душой.
Вы жъ, Людвигъ Карловичъ! на дьявола похожи,
Хоть не съ ума, такъ съ рожи. (Ант. № 83).

Куда мудреное старанье
Достать примѣръ дурныхъ стиховъ:
Пиши ты Вильмушкѣ посланье,—
Онъ отвѣчать тебѣ готовъ. (Ант. № 85).

Явися Вилинька, и докажи собой,
Что ты и тѣломъ и душой
Уродъ пресовершенный. («Ж. М.» № 42).

«Пушкинъ въ Лицеѣ»... «Современникъ» 1863, т. XCVII, стр. 147.

НА ИЗДАТЕЛЯ МЕЛОЧЕЙ.

Нашъ Дыллинъ въ мелочи пустился
И издаетъ ихъ на обумъ —
Такъ видно въ публику рѣшился
Онъ выдать душу — сердце — умъ? (Ант. № 89).

Къ послѣдней примыкаетъ и другая:

Какъ мѣлочь Вильмушки издастся,
Гдѣ мнѣ ее найти удастся?
Но вотъ еще вопросъ смѣшной —
Извѣстно — въ лавкѣ мѣлочной. (Ант. № 96).

Три эпиграммы довольно грубо высмѣиваютъ увлеченіе Кюхельбекера древними образцами и писаніе возвышенныхъ гимновъ [1]). Изъ нихъ приведемъ первую:

Нѣмчинъ нашъ гимнами лишь дышетъ
И гимнами душа полна —
Да кто жъ ему-то гимнъ напишетъ?
— А гимнъ глупцамъ Карамзина. (Ант. № 93).

Наконецъ, одна эпиграмма — и изъ самыхъ остроумныхъ въ сборникѣ — говоритъ о дѣйствительномъ происшествіи, случившемся въ Лицеѣ — о покушеніи Кюхельбекера, доведеннаго до отчаянія насмѣшками товарищей, на самоубійство, увѣковѣченномъ также извѣстною каррикатурою Илличевскаго:

НА ПОТОПЛЕНІЕ К.

Клитъ бросился въ рѣку. Поплачьте о поэтѣ:
Не пережилъ онъ чадъ, давно утопшихъ въ Летѣ.
(Ант. № 106).

Нѣсколько эпиграммъ посвящены товарищамъ и наставникамъ. Иныя отмѣчаютъ только случаи ихъ школьной жизни, безъ стремленія къ эпиграмматической колкости, но только къ комизму — напр., двустишіе, обращенное къ Пушину и неподходящее для печати (Ант. № 66). Другія представляютъ эпиграммы въ полномъ смыслѣ

[1]) Вспомнимъ эпиграмму «Новый Аполлонъ», приведенную выше,

слова, напр., о М. Л. Яковлевѣ, извѣстномъ, какъ «паясъ» и постоянный шутникъ:

Мишукъ не устаетъ смѣшить,
Что лень, то новое проказитъ.
Теперь затѣялъ умнымъ быть...
Не правда ль? мастерски паяситъ? (Ант. № 45).

Три эпиграммы осмѣиваютъ эпизодъ изъ литературной дѣятельности Илличевскаго — переводъ комедіи Du Cerceau «Григорій или Герцогъ Бургундскій» [1]). Первая довольно удачна:

Стихи ты Дюсера [2]) на зло враговъ своихъ
Всѣ лихо перевелъ — и тѣмъ себя прославилъ:
Пускай покажутъ мнѣ хоть стихъ
Чтобъ ты порядочнымъ оставилъ. (Ант. № 37).

Двѣ другія («Когда Григорій нашъ...» Ант. № 52 и «Такъ, братцы, такъ...» Ант. № 40) гораздо слабѣе.

Есть эпиграммы на Костенскаго (Ант. № 51), Мартынова (Ант. № 72), еще на Яковлева (Ант. № 46), которыхъ не стоитъ приводить. Кошанскаго, быть можетъ, имѣетъ въ виду эпиграмма, не совсѣмъ, впрочемъ, для насъ понятная:

НА СЛУЧАЙ ВТОРИЧНОГО ВСТУПЛЕНІЯ К.

Какъ мы сходны съ нимъ въ нарядѣ:
Онъ въ накладкѣ, мы въ накладѣ. (Ант. № 21).

Вѣроятно она говоритъ о возвращеніи Кошанскаго въ Лицей послѣ болѣзни (бѣлой горячки), а «накладка» намекаетъ на его франтовство [3]).

По поводу какого-то домашняго спектакля затрагиваются два преподавателя — Архангельскій, адъюнктъ математики, и Билье, фран-

---

[1]) См. К. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 189. Двѣ сцены изъ этого перевода, тщательно переписанныя рукой Илличевскаго, въ составѣ Гротовскаго Лицейскаго архива хранятся въ собраніи Пушкинскаго Дома.

[2]) Конечно, описка переписчика, вм. Дюсерсо.

[3]) Я. К. Гротъ. «Пушкинъ... etc.», 2-е изд., стр. 225.

цузъ, учитель танцевъ, который, по словамъ графа М. А. Корфа, «разсказывалъ мальчикамъ скоромные французскіе анекдоты» [1]):

Браво! брависсимо! ну, братцы, исполать!
Сыграли мастерски, и какъ неудивляться?
За то Арх — ій училъ ихъ танцовать,
Билье по русски изъясняться. (Антол. № 9).

Интересна, наконецъ, эпиграмма, направленная на очень нелюбимаго надзирателя, одно время управлявшаго Лицеемъ, Фролова — любопытная выборомъ сравненій, отражающихъ и ходячія фразы дидактической и сатирической поэзіи, и литературныя симпатіи, и царскосельскія связи лицеистовъ, и, быть можетъ, свободолюбивыя вѣянія эпохи:

Что значитъ — капля въ цѣломъ морѣ,
Гусару пуншевый бокалъ?
Что значатъ радости и горе?
Что значитъ русской генералъ?
Что значитъ ленточка въ петлицѣ?
Въ карманахъ мота милліонъ?
Разсудокъ въ вѣтреной дѣвицѣ
И вѣрность у прекрасныхъ женъ?
Что значатъ всѣ стихи Хвостова?..
Бездѣлка — право, ничего!
— Неужто менѣе Фролова?
Да развѣ больше лишь его! (Антол. № 36).

Отмѣтимъ еще два стихотворенія, обращенныя на самого себя авторомъ-эпиграмматистомъ:

Читатель! вотъ онъ какъ прекрасенъ —
Еще прекраснѣй онъ душой?
Какъ прозванъ Лафонтенъ живымъ собраньемъ басенъ,
Такъ Эпиграммою онъ на людей живой.
(Антол. № 99)

и другая:

Дивитесь вы, мои друзья,
Что всѣхъ браню удачно я —
Я самъ на грѣшный родъ Адама
Ей! ей! презлая эпиграмма. (Антол. № 102)

[1]) Тамъ же, стр. 229 и 238.

Оба четверостишія — особенно второе — напоминаютъ манеру Пушкина, который любилъ иной разъ показывать себя «живой эпиграммой» [1]). Его же творчеству можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ приписать другое стихотвореніе, имѣющее автобіографическій характеръ. Оно помѣщено вмѣстѣ съ «Надписью на стѣнахъ больницы» (Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...), попавшей въ печать изъ записокъ И. И. Пущина и написанной, по его словамъ, надъ постелью больного товарища. Въ нашемъ Собраніи обѣ «надписи» объединены однимъ заглавіемъ и однимъ нумеромъ въ оглавленіи; поэтому и можно предположить въ нихъ одного автора и къ нему отнести вторую (если онъ былъ боленъ во время пребыванія въ Лицеѣ):

Сихъ мрачныхъ стѣнъ угрюмый житель,
Знакомый, другъ ли мой — иль нѣтъ,
Вздохни, взошедъ въ сію обитель:
«Здѣсь жилъ поэтъ». (Антол. № 29).

Быть можетъ также принадлежатъ Пушкину двѣ «Эпитафіи усамъ Гусара Свѣчина», которыя можно сблизить съ его «философическою одой» — «Усы» 1816 года, гдѣ повторяются почти тѣ же выраженія. Изъ всѣхъ лицейскихъ Пушкинъ былъ ближе всѣхъ къ лейбъ-гусарамъ и написалъ въ ту пору нѣсколько «гусарскихъ» стихотвореній, а потому естественно и напрашивается его авторство:

Узнай, что все лихой покорствуетъ судьбинѣ:
Мы грозно подъ носомъ взвивалися вчера
И чтожъ — подъ бритвой пали нынѣ...
(Антол. № 31).

Другая:

Прохожій, стой, внимай
И праху двухъ усовъ — героевъ честь отдай.
Которые служа Гусару, не страшились
Исправно каждый день подъ сталью гнуться въ крюкъ,
Со славой въ табакѣ и порохѣ курились,
И пали — отъ его жъ неблагодарныхъ рукъ!
(Антол. № 32) [1]).

---

[1]) Ср. «Mon portrait» 1814 года:

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

Изъ стихотвореній иного, менѣе личнаго, более отвлеченнаго характера, схожихъ съ эпиграммами «Лицейскаго Мудреца», обращаютъ вниманіе двѣ пьесы, которыя нельзя назвать эпиграммами въ настоящемъ смыслѣ; скорѣе это мысли, сентенціи въ стихахъ, довольно еще распространенныя въ тогдашней легкой поэзіи и, конечно, менѣе всего самостоятельныя:

ЭПИТАФІЯ.

Вдругъ развязавъ глаза пустила
На свѣтъ меня судьба моя —
Отколь? зачѣмъ? не знаю я.
Теперь опять глаза закрыла;
Ведетъ меня судьба моя —
Куда? опять не знаю я. (Антол. № 22),

которую можно сопоставить со стихами Батюшкова, выраженными въ несравненно сильнѣйшей и болѣе глубокомысленной формѣ —

«Ты знаешь, что изрекъ
Прощаясь съ жизнію сѣдой Мельхиседекъ...»

Другое стихотвореніе въ иномъ духѣ — сатирическомъ, но не шутливой эпиграммы, а горькой иронiи, даже странной въ этотъ ранній юношескій періодъ творчества, объясняющейся лишь опять таки ея несамостоятельнымъ характеромъ, — несамостоятельнымъ въ общей концепціи, но уже индивидуальнымъ и сильнымъ въ выраженіи. Это

ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ ДРУГА.

Тошнѣй Идилліи — (и) холодн(ѣй) чѣмъ Ода. [2])
Отъ злости мизантропъ, — отъ глупости поэтъ,
Какъ страшно надъ тобой забавилась природа,
Когда готовила на свѣтъ.

---

[1]) Петръ Александровичъ Свѣчинъ служилъ л.-гв. въ Гусарскомъ полку съ 1807 года по 1-е января 1816-го, когда былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Смоленскій драгунскій полкъ. Послѣдняя дата опредѣляетъ terminus ante quem нашихъ эпиграммъ (см. К. Манзей, Исторія л.-гв. Гусарскаго полка, С.-Пб. 1859, т. III стр. 49).

[2]) Въ тетради стихъ читается: «Тошнѣй Идилліи—холодны чѣмъ Ода»...— повидимому описка.

Боишься ты людей, какъ чернаго недуга,
О жалкой образецъ уродливой мечты!
Утѣшься, злой глупецъ! имѣть не будешь ты
Въ вѣкъ ни любовницы, ни друга. (Антол. № 82).

Не имѣя никакихъ объективныхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣленно указать автора этихъ двухъ пьесъ, а высказывать догадки безцѣльно. Можно лишь замѣтить, что въ обѣихъ видна уже опытная рука, поэтическій талантъ сложившійся и самостоятельный — въ формѣ, конечно, не въ замыслѣ.

Переходимъ къ мотивамъ литературнымъ, къ которымъ нужно присоединить нѣсколько эпиграммъ, касающихся театра. Онѣ хорошо характеризуютъ интересы и настроенія лицейской среды, чутко отражавшей явленія внѣшняго міра, совершавшіяся въ литературѣ. Правда, и здѣсь много отвлеченной условности, ничего не говорящихъ обобщеній и выпадовъ безъ опредѣленной цѣли, въ пустое пространство; и здѣсь чувствуются несамостоятельность въ формахъ и много поверхностнаго въ пониманіи. Но за то рядъ другихъ эпиграммъ, направленныхъ на опредѣленныхъ лицъ и опредѣленныя литературныя явленія, отражаетъ точно вкусы и симпатіи лицейскихъ поэтовъ, начиная съ Пушкина.

Изъ эпиграммъ, имѣющихъ форму остроумныхъ замѣчаній, заключенныхъ въ риѳмованныя строки, но которыя трудно отнести къ опредѣленному писателю или произведенію и трудно также приписать творчеству того или иного изъ лицейскихъ поэтовъ, приведемъ нѣкоторые образцы:

НА КОМЕДІЮ БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА.

Актъ пятый кончился — скажи Поэтъ повѣса:
Когда жъ начнется пьеса? (Антол. № 20)

Съ какимъ искусствомъ нашъ Піитъ
Актера съ зрителемъ сближаетъ:
Одинъ во всю піэсу спитъ,
Другой въ то время все зѣваетъ. (Антол. № 41)

Ахъ! Боже мой, какихъ чудесъ
На этомъ свѣтѣ не бываетъ!
Я видѣлъ смерть рожденныхъ пьэсъ,
А эта неродясь, возможноль? — умираетъ!
(Антол. № 34)

Всѣ три пьесы касаются театра, — что замѣчательно тѣмъ болѣе, что лицеисты были знакомы съ театромъ болѣе по наслышкѣ, посѣщая лишь домашніе спектакли, да театръ графа Толстого въ Царскомъ Селѣ. Но важная роль въ литературномъ мірѣ, которую тогда игралъ театръ, не могла не имѣть вліянія и на лицейскихъ поэтовъ.

Къ кругу тѣхъ же темъ относится и эпиграмма

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ НЕДОРОСЛЯ.

Скотининъ, торжествуй — ты всѣхъ насъ разсмѣшилъ,
Гордися, Митрофанъ! ты чудеса творилъ,
Піэса удалась — да братцы мудрено ли?
Вы по характерамъ вѣдь разобрали роли. (Антол. № 61),

относящаяся, вѣроятно, къ какому-нибудь домашнему спектаклю, гдѣ поэтъ могъ высмѣивать исполнителей, какъ людей.

Болѣе опредѣленныя отраженія театральной жизни даютъ нѣкоторыя эпиграммы, гдѣ прямо названы пьесы, входившія въ тогдашній репертуаръ, или актеры, видимо, изъ любителей. Всѣ онѣ принадлежатъ къ числу слабыхъ стихотвореній сборника и не настолько характерны, чтобъ приводить ихъ цѣликомъ. Въ нихъ упоминаются пьесы Коцебу «Негры въ неволѣ» [1]) и «Попугай» [2]), переводная комедія Краснопольскаго «Черный Человѣкъ» [3]) и Ильина «Великодушіе или

---

[1]) «Негры въ неволѣ», историко-драматическая картина въ 3-хъ дѣйствіяхъ соч. Коцебу, пер. съ нѣмецкаго, М., въ типографіи Селивановскаго 1803 г. (Смирдинъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, 1828, №№ 7546 и 7547). Антол. № 10.

[2]) «Попугай», въ 3 дѣйствіяхъ, соч, Коцебу, М., въ Университ. тип. 1796 и 1801 гг. (Смирдинъ, Роспись, № 7576). Пьеса была, повидимому, долгое время въ модѣ, что видно изъ того, что, по словамъ Арапова, въ 1806 году «Кн. Д. П. Горчаковъ, короткій пріятель Николева, досадуя, что его трагедія «Сорена и Замиръ» не допущена была на сцену (въ ней заключалось много стиховъ, которыхъ не могла пропустить цензура), сказалъ:

Гуситы, Попугай предпочтены Соренѣ
И Коцебятина одна теперь на сценѣ».

(Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, С.-Пб. 1861 г., стр. 174). Антол. № 12.

[3]) «Черный человѣкъ» комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, пер. съ нѣмецкаго Николай Краснопольскій. СПБ. въ Театральной типографіи 1806 г. (Смирдинъ, Роспись, № 7418). Поставлена впервые въ Имп. Большомъ театрѣ въ декабрѣ 1810 года (Араповъ, l. c., стр. 207). Антологія №№ 14 и 15.

Рекрутскій наборъ» [1]). Называется и фамилія актера-любителя, выступавшаго на какомъ-то спектаклѣ въ пьесѣ «Черный человѣкъ»— Абаза. Кто этотъ Абаза — у насъ нѣтъ указаній [2]).

Къ неизвѣстному намъ поэту — если только не къ тому же Кюхельбекеру — обращена слѣдующая эпиграма:

И о тебѣ, какъ объ Омирѣ,
Семь мѣстъ заводятъ споры въ мірѣ:
Та школа, гдѣ наукъ не кончилъ ты своихъ,
Бесѣда лживая Славяно-Россіихъ сбродовъ,
Тамъ Институтъ глухо-нѣмыхъ.
Тамъ Богодѣльня, край уродовъ —
Тамъ пьяныхъ критиковъ сороковой содомъ,
Тамъ сумашедшихъ домъ,
Кунсткамера потомъ. (Антол., № 84).

Болѣе опредѣленное литературное значеніе, однако врядъ ли могущее быть точно отнесеннымъ къ какому-либо произведенію современной словесности, имѣютъ такія эпиграммы, какъ

НА ЭПИТАФІИ NN.

Какъ Эпитафіи сіи
Намъ живо смерть изображаютъ —
Увы! лишь родились они —
И тотчасъ сами умираютъ (Антол. № 59),

представляющая передѣлку «Эпитафіи Эпитафіямъ» И. И. Дмитріева [3]). Три эпиграммы написаны на одинъ сюжетъ — неудачнаго эпиграфа

---

[1]) «Великодушіе или Рекрутскій наборъ», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Николая Ильина, М., въ тип. Селивановскаго, 1804; изд. 2-е, С.-Пб. 1807. (Смирдинъ, Роспись, № 7466). Антологія № 12.

[2]) Антологія №№ 15 и 16. Тотъ же Абаза упоминается въ спискѣ 200 номеровъ Паяса-Яковлева, напечатанномъ у Грота: «85, 86. Закревскій, Абаза — на сценѣ». (К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 81). Невыясненнымъ для насъ осталось также, о какой пьесѣ говорится въ эпиграммѣ № 13, гдѣ дѣйствуетъ «Діонисъ — тиранъ».

[3]) Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами:
Поутру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами!

Сочиненія Дмитріева, часть II-я, изд. 5-е М. 1818. (Внесена въ «Опытъ русской анѳологіи» Яковлева, стр. 188).

къ произведеніямъ плохого поэта. Первыя двѣ (Антол. №№ 91 и 92) трудно локализировать какъ-либо. Но третья поддается, какъ кажется, опредѣленному истолкованію:

Куда ты неудалъ, мой графъ,
Или судьба твоя упряма!
Искалъ-искалъ ты Эпиграфъ —
Нашелъ — выходитъ Эпиграмма. (Антол. № 44).

Она имѣетъ въ виду, несомнѣнно, риѳмотворчество графа Д. И. Хвостова — постоянный объектъ насмѣшекъ для поэтовъ молодой школы. Неудачливый поэтъ, издавая сборникъ «Посланій въ стихахъ графа Дмитрія Хвостова» (Санктпетербургъ, въ тип. Военн. Мин-ва, 1814 года), помѣстилъ на немъ эпиграфомъ такія слова: «Люблю писать стихи и отдавать въ печать». Конечно, объ этомъ эпиграфѣ говоритъ наша эпиграмма, и это одновременно опредѣляетъ и дату ея и, съ большою долею вѣроятія, автора — послѣднее потому, что въ перепискѣ Пушкина (изд. Ак. Наукъ, т. I, стр. 87) мы, въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу отъ 16 ноября 1823 года, находимъ воспоминаніе о томъ же эпиграфѣ: «Я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати)». Сохранить такъ надолго память о давно забытой книжкѣ поэтъ могъ тѣмъ легче, если при ея выходѣ онъ обратилъ на нее вниманіе и отмѣтилъ эпиграммой.

Уже вполнѣ ясно сказываются литературный вкусъ и симпатіи лицейскихъ поэтовъ въ эпиграммѣ

НА РАЗБОРЪ РОССІАДЫ.

Съ тобой согласенъ я — нѣтъ въ свѣтѣ ничего
Скучнѣе этого Эпическаго вздора
Окромѣ твоего. . . . .
Премудраго разбора! (Антол. № 19).

«Премудрый разборъ» Россіады—это, конечно, длинное и очень панегирическое изслѣдованіе о ней А. Ѳ. Мерзлякова, печатавшееся въ «Амфіонѣ» почти въ теченіе всего 1815 года (книги 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9). Этимъ датируется наша эпиграмма. А авторъ ея опредѣляется тѣмъ, что мы читаемъ въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 года (Переписка, изд. Ак. Н., т. I, стр. 3): «Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать

всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы Гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенія». Совпаденіе эпитета «премудрый» делаетъ предположеніе очень вѣроятнымъ.

Эпиграмма эта отражаетъ и борьбу литературныхъ школъ, поднятую Арзамасомъ противъ «Бесѣды», въ которой всѣ симпатіи Лицейскихъ поэтовъ были на сторонѣ молодого направленія. Въ то время, въ 1815—1816 годахъ, къ поэмѣ Хераскова еще относились съ уваженіемъ, видя въ ней нашъ единственный національный эпосъ, и назвать ее «эпическимъ вздоромъ» было извѣстнымъ вольномысліемъ. Ту же борьбу школъ, проявлявшуюся, какъ извѣстно, болѣе всего въ шуточныхъ и сатирическихъ стихахъ, отражаетъ и другая эпиграмма, подъ заглавіемъ

КАНТЕМИРЪ КНЯЗЬЯМЪ Ш.

Я взялъ весь умъ Князей и авторамъ Князьямъ
Прапрадѣдамъ моимъ по прозѣ и стихамъ
Ни капельки не дамъ

(Антол. № 27),

которую можно сопоставить съ эпиграммой Пушкина 1815 года: «Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ» и съ письмомъ къ кн. Вяземскому (отъ 27 марта 1816 года), гдѣ онъ называетъ его «княземъ, грозой всѣхъ князей-стихотворцевъ (на) Ш.» Къ концу 1815 и началу 1816 года и должна быть отнесена наша эпиграмма; можно также предположить, что Пушкинъ является ея авторомъ.

Вспомнимъ къ тому же и приведенную выше эпиграмму «И о тебѣ, какъ объ Омирѣ» (Ант. №), гдѣ поминается «Бесѣда дивная Славяно-Росскихъ сбродовъ».

Наконецъ, рядъ эпиграммъ, изъ которыхъ часть напечатана, относится къ тремъ авторамъ старой школы, уже въ то время вызывавшимъ насмѣшки и презрительные отзывы арзамасцевъ, друзей лицейскихъ поэтовъ, хотя дѣятельность ихъ была въ своемъ родѣ очень почтенна. Это — поэтесса и дидактическая писательница Нучкова, послѣдовательница «славяно-русской» школы Шишкова и графа Хвостова; С. А. Тучковъ — генералъ и сенаторъ, авторъ одъ и посланій въ архаическомъ стилѣ, напыщенныхъ переводовъ Горація

и передѣлокъ трагедій Расина; Макс. Ив. Невзоровъ, мистикъ и масонъ, послѣдователь Лопухина и Новикова, издатель дидактическаго журнала «Другъ Юношества» [1]). Эпиграммы Пушкина и Илличевскаго на Пучкову хорошо извѣстны; тѣ же, что относятся къ Тучкову и Невзорову, до сихъ поръ не были нигдѣ напечатаны.

Тучкову посвящены четыре эпиграммы. Первая изъ нихъ носитъ названіе «Эпитафія автору: Модной жены», что не совсѣмъ понятно, такъ какъ «Модная жена — одно изъ самыхъ извѣстныхъ и популярныхъ произведеній И. И. Дмитріева, а въ сочиненіяхъ Тучкова нѣтъ ничего подъ такимъ заглавіемъ. Къ Дмитріеву она относиться не можетъ, такъ какъ Тучковъ прямо въ ней названъ, да и не стали бы даже Лицейскіе, довольно смѣлые эпиграмматисты сочинять на весьма уважаемаго въ то время поэта такія рѣзкія и просто грубыя эпиграммы.

ЭПИТАФІЯ АВТОРУ: МОДНОЙ ЖЕНЫ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Тучковъ,
Который написалъ книгъ нѣсколько стиховъ,
О коихъ зналъ лишь Богъ, да господинъ Фроловъ [2]).

(Антол. № 53).

Три другія читаются такъ:

Тучкову, за восемь частей его стиховъ
Не надобно сулить ни розогъ, ни кнутовъ,
А надобно Тучкову
Отдать въ жены Пучкову.

(Антол. № 54).

Вопросъ рѣшенъ — Тучковъ писатель
Шесть томовъ подтверждаютъ слухъ —
А вотъ въ замѣнъ другой — кто будетъ имъ читатель,
Окромѣ прежнихъ двухъ. [3]).

(Антол. № 53).

---

[1]) См. о немъ статью въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», томъ «Нааке Накенскій — Николай Николаевичъ Старшій» стр. 176.

[2]) Имѣется въ виду и. д. директора Лицея Фроловъ, о которомъ въ посвященной ему національной пѣснѣ сказано: «Тучкова сказки выхваляешь».

[3]) Сочиненія Тучкова изданы въ 4-хъ частяхъ въ 1816 — 1817 годахъ, что опредѣляетъ время написанія эпиграммы.

Въ послѣдней изъ эпиграммъ, посвященныхъ Тучкову, мимоходомъ достается и Кюхельбекеру:

Въ сужденьяхъ нашихъ вѣчно или
Идетъ о Клитѣ слухъ такой —
Онъ добръ, какъ фабулистъ Василій [1])
Онъ золъ, какъ комикъ Стиховской — [2])
И о тебѣ различны мнѣнья:
Иные, господинъ Тучковъ!
Толкуютъ: глупъ ты отъ рожденья,
Другіе — глупъ ты отъ стиховъ.

(Антол. № 62).

Къ Невзорову обращены двѣ эпиграммы, представляющія два варіанта одной темы:

ИЗДАТЕЛЮ: ДР. ЮНОШЕСТВА.

Трудился ты, мой другъ, трудился,
Наставилъ здѣсь иконъ, крестовъ....
Положимъ — ты оборонился
Отъ дьявольщины и бѣсовъ —
Да охъ! ты лучше бъ оградился
Отъ мерзкой прозы и стиховъ.

(Антол. № 74).

ИЛИ.

О Вздоровъ! на твоемъ журналѣ
Наставилъ ты иконъ, крестовъ....
И думаешь, что отогнали
Они лукавыхъ всѣхъ бѣсовъ —
Не тутъ-то было: обманулся —
Бѣсъ новымъ видомъ обернулся —
И вышелъ изъ твоихъ листовъ
Бѣсъ мерзкой прозы и стиховъ.

(Антол. № 75).

Время написанія обѣихъ эпиграммъ опредѣляется тѣмъ, что «Другъ Юношества» прекратился въ апрѣлѣ 1815 года, т. е. онѣ принадлежатъ довольно ранней порѣ Лицейскаго творчества. Трудно сказать, кто ихъ авторъ — Пушкинъ ли, или Илличевскій, или тотъ

[1]) Вас. Льв. Пушкинъ.
[2]) Кн. Шаховской.

и другой; мы знаемъ, что эпиграммы на Пучкову написаны: двѣ — Пушкинымъ, а одна — до послѣдняго времени приписывавшаяся Пушкину — Илличевскимъ. Извѣстно къ тому же, что третья эпиграмма на Невзорова

Какая разница межъ публикой и имъ?
Онъ пишетъ: съ нами Богъ! мы говоримъ: Богъ съ нимъ!
(Антол. № 76).

принадлежитъ перу Илличевскаго и включена имъ въ передѣланномъ видѣ и безъ обозначенія, къ кому относится, въ «Опыты въ антологическомъ родѣ».

Остается еще одна эпиграмма, стоящая особнякомъ въ Лицейской антологической поэзіи: эпиграмма не литературнаго, не личнаго, но политическаго характера. Она переписана въ нашемъ Собраніи съ «цензурными», такъ сказать, пропусками; но текстъ ея легко возстановить и онъ читается такъ:

ДВУМЪ А. П. [Александрамъ Павловичамъ].

[Роман]овъ и Зерновъ лихой,
Вы сходны межъ собою:
Зерновъ! хромаешь ты ногой,
[Роман]овъ головою.
Но что, найду ль довольно силъ
Сравненіе кончить шпицомъ?
Тотъ въ кухнѣ носъ переломилъ,
А тотъ [подъ Австерлицомъ]
(Антол. № 24).

Имя Зернова — Александръ Павловичъ — и риѳма послѣдняго стиха «ицомъ» позволяютъ безошибочно расшифровать эпиграмму. Зерновъ былъ помощникомъ гувернера въ Лицеѣ, по словамъ А. Н. Рубца, автора памятной книжки профессоровъ и преподавателей Лицея за 100 лѣтъ [1]), съ 1812 по 1813 годъ, на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, дольше, если судить по упоминанію о немъ въ Лицейской пѣснѣ о Гауэншильдѣ «Въ Лицейской залѣ тишина», сочиненной не

[1]) А. Н. Рубецъ. «Наставникамъ, хранившимъ юность нашу», С.-Пб. 1911, стр. 49 и 84.

ранѣе конца 1814 года, во время директорства Гауэншильда [1]). Очень нелестную его характеристику даетъ въ своей запискѣ графъ М. А. Корфъ [2]). На тождествѣ именъ, соединенномъ съ физическимъ безобразіемъ и нравственными недостатками, основана соль эпиграммы. Трудно сказать, кто ея авторъ. Не искючена возможность и авторства Пушкина, особенно, если вспомнить всѣ его позднѣйшія (подлинныя, а зачастую и приписанныя ему) эпиграммы на Александра, и фразу изъ письма къ Жуковскому (въ январѣ 1826 года) о томъ, что онъ «подсвистывалъ ему (т. е. Императору Александру) до самого гроба». Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что уже въ такіе ранніе годы является у лицеистовъ сатирическое отношеніе къ «Россійскому полубогу», только что увѣнчанному лаврами и которому тѣ же лицейскіе поэты, иногда по заказу начальства, а часто и отъ чистаго сердца, писали привѣтственныя оды. Распространившееся въ обществѣ, принесенное изъ Франціи гвардіей «вольномысліе», выражавшееся, между прочимъ, и въ сатирической поэзіи, нынѣ большею частью утраченной, достигало и Лицея, и Пушкинъ долженъ былъ живо воспринимать его. Добавимъ къ этому и еще одно лицейское произведеніе: стихотвореніе изъ «Лицейскаго Мудреца» «Аристъ и Глупонъ» [3]), которому нужно придавать двоякій смыслъ: прямой, основанный на поговоркѣ «безъ царя въ головѣ», и переносный, намекающій на царя, который «гуляетъ по свѣту» уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ и нынѣ «въ конгрессѣ трудится (за краснымъ спитъ сукномъ), но долго, долго онъ домой не возвратится....». Эпиграмма «О двухъ А. П.», очень удачная сама по себѣ, крайне интересна для характеристики Лицейскихъ настроеній [4]).

Закончимъ на этомъ обзоръ «Собранія». Мы видимъ въ немъ обширный, разнохарактерный и разнокачественный матеріалъ, — начиная отъ школьныхъ товарищескихъ шутокъ и кончая довольно серьезной литературной и даже общественной сатирой; подъ

---

[1]) К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 217 — 218 и въ др. изданіяхъ. Наше собраніе — № 2. Гауэншильдъ былъ и. д. директора съ сентября 1814 года по январь 1816-го.

[2]) Я. К. Гротъ. «Пушкинъ... etc.» Изд. 2-е. С.-Пб. 1899, стр. 243.

[3]) К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 315. Наше Собраніе № 19.

[4]) См. подробнѣе объ этой эпиграммѣ въ нашемъ этюдѣ въ «Сборникѣ памяти С. А. Венгерова».

несамостоятельной формой, подъ заимствованными сюжетами и часто не своими общими мыслями видимъ уже большое умѣнье владѣть стихомъ, легкость и гибкость, простоту, краткость и выразительность языка, проступающія сквозь всѣ условности, которымъ подчинялись тогда маститые поэты гораздо болѣе, чѣмъ юные лицеисты; видимъ большую начитанность, литературный вкусъ и приверженность опредѣленному — молодому — литературному направленію какое мы бы теперь назвали «лѣвымъ». Собранные всѣ вмѣстѣ въ одну тетрадь, эти коротенькія пьески даютъ яркую и цѣльную картину поэтической жизни Лицея, его среды и интересовъ и служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ извѣстной намъ Лицейской поэзіи Пушкина. Нѣтъ нужды, что мы не можемъ точно опредѣлить, какія изъ пьесъ принадлежатъ ему и какія — его товарищамъ, Илличевскому и другимъ. Имѣетъ значеніе не каждая изъ нихъ сама по себѣ, но всѣ онѣ вмѣстѣ, въ цѣломъ, — а это цѣлое и ярко, и молодо, и живо и, мѣстами, блестяще выражено.

Н. Измайловъ.

ПИСЬМА БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА КЪ НЕВѢСТѢ.

1

[Начало іюня 1825 г.]

Увѣдомьте меня, милая Софья Михайловна, о вашемъ здоровьѣ и пожалѣйте о вашемъ Дельвигѣ. Онъ проснулся нынче съ огромною губою, проклятая муха поцѣловала его соннаго. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ больно отъ такой бездѣлицы сидѣть дома и только въ воображеніи цѣловать ваши ручки. Къ стати о ручкахъ: возвращаю вамъ кольцы, нечаянно мною вчера похищенныя. Любите меня, какъ васъ любитъ Дельвигъ.

Я какъ будто предчувствовалъ это горе, вспомните сколько разъ я говаривалъ вамъ объ кусающихъ мухахъ.

2

[Начало іюня 1825 г.].

Гораздо лучче, моя милая Софья Михайловна. Однако все думаю просидѣть нынче цѣлый день дома. Завтра надѣюсь увидѣть васъ и поблагодарить за драгоцѣнное вниманіе ваше къ человѣку для котораго вы все и который называется васъ обожающимъ

Дельвигомъ.

3

[Начало іюня 1825 г.].

Здоровъ, здоровъ! Я радъ, какъ дитя, и письму вашему и увѣренности, что васъ увижу черезъ нѣсколько часовъ. Цѣлую письмо моей Софіи, въ ожиданіи скоро разцѣловать ея ручки.

Дельвигъ.

4

[Начало іюня 1825 г.].

Другъ мой Сонинька. Лобановъ[1]) просидѣлъ у меня почти все утро и потому я опоздалъ освѣдомиться о твоемъ здоровьи. Онъ сказывалъ мнѣ, что въ городѣ говорятъ, что М. А.[2]) меня не любитъ. Суди, какъ это ново и не приятно мнѣ. Цѣлую тебя душа моя

твой *Дельвигъ*.

5

[Іюнь 1825 г.].

Милый другъ, я сей часъ только пріѣхалъ изъ Царскаго села. Вчера я получилъ отъ Михайлы Александровича[3]) записку, въ которой я увидѣлъ, какъ силенъ гнѣвъ его противъ меня. Въ отвѣтѣ моемъ я старался показать, какъ я уважаю и люблю его и тебя. Надѣюсь на единаго Бога, онъ дастъ наконецъ мнѣ утѣшеніе успокоить отца нашего. Молись! Заходилъ къ Карамзинымъ благодарить Н. М.[4]) за его старанія и проститься съ Вяземскимъ[5]). Все семѣйство тебѣ кланяется. Николай и Анна Александровна[6]) тоже. Завтра можетъ

---

[1]) Очевидно, писатель М. Е. Лобановъ (1787—1846).

[2]) Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, отецъ невѣсты Дельвига.

[3]) М. А. Салтыкова.

[4]) Н. М. Карамзинъ.

[5]) Князь П. А. Вяземскій.

[6]) Рохмановы; Николай Дмитріевичъ Рохмановъ — двоюродный братъ Дельвига; мать его была рожденная Красильникова, родная тетка поэта.

быть увижу тебя, единственная радость моя. Мысленно цѣлую тебя, прощай! Да будетъ съ тобой Божіе благословеніе.

Твой Дельвигъ.

6

[Іюнь 1825 г.].

Милый другъ Сонинька, я нынче здаровъ слава Богу и послѣ обѣда буду у тебя. Благодарю тебя за любовь твою, она при всѣхъ несчастіяхъ счастливитъ меня.—Братъ Николай съ Анной Александровной [1]) сей часъ пріѣхали изъ Царскаго Села и препоручили мнѣ увѣрить тебя въ ихъ родственной любви. Прощай душа моя, не переставай любить

твоего Дельвига.

7

[Конецъ іюня 1825 г.].

Ахъ, Сонинька, я читалъ письмо твое къ Амальи Ивановнѣ и незнаю, что дѣлать, какъ утѣшить, какъ подкрѣпить тебя! Нельзя ли намъ завтра видѣться? Быть у Амальи Ивановны въ два часа страшно для тебя. Человѣкъ можетъ донести ему [2]). Останься у нее обѣдать, т. е. отпусти карету, чтобъ въ три четверти третьяго я безопасно могъ увидѣть моего ангела. Неизвѣстность о положеніи твоемъ сводитъ съума меня. Ожидая отъ тебя записки къ Амальи Ивановнѣ я незналъ дождусь ли ее? Меня страшила мысль, что онъ [3]) перехватилъ мою записку и еще болѣе отяготилъ тебя жестокостями. Въ сто разъ легче самому терпѣть, чѣмъ воображать страдающею мою Сониньку, друга безцѣннаго моего, которой молю у Бога однаго счастія. Я точно въ твоемъ положеніи. Душа моя такъ больна, такъ больна, какъ будто я готовлюсь итти на смертную казнь. Я тебѣ говорилъ, кажется, я плакать не могу — у меня только тяж(ел)ѣтъ

---

[1]) Рохмановы (см. выше).

[2]) т. е. М. А. Салтыкову.

[3]) М. А. Салтыковъ.

голова и кажется хочетъ разорваться. Отъ брата [1]) писемъ нѣтъ. Пишетъ ли тебѣ Саша Корелина? Минутные счастливцы, мы называли ее несчастной! Мы не предвидѣли, что мы будемъ болѣе ее достойны сожалѣнія. Ѳ. Ѳ. [2]) я думаю уѣхалъ въ Царское. Завтра буду у Александры Дмитріевны, скажу ей что ты нездорова и уговорю ее побывать у тебя. Мнѣ страшно воображать тебя одну, совершенно одну. Береги себя моя милая, умоляю тебя любовью моею, береги себя! Благословляю, цѣлую тебя. Береги себя душа моя!

Аннѣ Францовнѣ я говорилъ о времени нашей свадьбы по его же словамъ [3]). Впрочемъ, если бы я назначилъ ей и Іюль и Августъ мѣсяцы все бѣды бы не было. Мои слова не обуздываютъ его воли. Молчи другъ мой, какъ Амалья Ивановна совѣтуетъ и люби меня. Несчастіе любовь не гаситъ, но усиливаетъ. Пускай могутъ разлучить насъ, но разлюбить тебя меня всѣ силы земныя и небесныя не принудятъ, или я буду ужаснымъ преступникомъ, недостойнымъ жить. Скоро восемь часовъ. Бѣгу получить письмо отъ тебя.

8

[Конецъ іюня — начало іюля 1825 г.].

Что-то ты мнѣ напишешь, свѣтъ мой! Ужели онъ [3]) все будетъ хуже и хуже. Боже, сохрани насъ! Я и такъ не знаю, какъ я еще не сошелъ съума. Нѣтъ ничего томительнѣе, когда незнаешь, какъ должно дѣйствовать и чего ожидать. Особливо въ такомъ дѣлѣ, каково наше: дожидаться величайшаго счастія или совершенной погибели. Его: р а з т а н т е с ь! разрушитъ всего меня, такъ разрушитъ, что ежели я останусь жить, то останусь по самой низкой подлости. Страшно подумать! Я всѣмъ къ тебѣ привязанъ. Нѣтъ чувства, нѣтъ способности во мнѣ, которыя бы жестоко не разорвались отъ этого: нѣтъ я отдался тебѣ на жизнь или на смерть. Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сдѣлать меня высочайшимъ

[1]) По всей вѣроятности, А. А. Дельвигъ говоритъ не о своемъ братѣ, а о братѣ С. М.—М. М. Салтыковѣ.

[2]) Ѳ. Ѳ. Рахмановъ?

[3]) М. А. Салтыковъ отложилъ свадьбу до осени (см. выше).

счастливцемъ, или скорѣе скажи: умри другъ — и я приму это слово, какъ благословеніе. Несчастная любовь дѣлаетъ человѣка жестокосердымъ. Вообрази, я молюся, чтобъ онъ скорѣе сердился на тебя, чѣмъ плакалъ. Ахъ Сонинька, Сонинька, ежели ты не будешь моею, я не знаю, что со мной будетъ.

Я ужъ и на будущее гляжу недовѣрчиво. Мущина, приведенный въ положеніе бездѣйственности, безнадежности — во сто разъ слабѣе женщины. Я чувствую, что мнѣ надобно бы утѣшать тебя, моего друга, и самъ прошу утѣшенія. Александра Дмитріевна вѣрно у тебя. Пошли ей Небо испол[не]нія ея желаній за ея доброе сердце. Она раздѣляетъ съ тобою печаль твою. Я вижу отъсюда — она плачетъ, сердится, она старается успокоить тебя, льститъ надеждами, она счаст[л]ивица, она подлѣ моей несчастной Сониньки, подлѣ души моей. Нѣтъ, я еще несчастнѣе сталъ послѣ нашего свиданія. Ты умѣешь упоить меня своею любовью до безумія. Твой голосъ, твои глаза, твои поцѣлуи — всего хочу я, чувствую надобность видѣть, слышать, цѣловать тебя. Все мало мнѣ, для всего мало жизни моей. Ахъ, если бы ты меня такъ любила, какъ бы я былъ спокоенъ, какъ бы я ждалъ терпеливо новыхъ несчастій! Какъ бы я былъ увѣренъ, что они болѣе и болѣе тебя укрѣпляютъ. Ужели до четверга съ тобою не видаться? Перенесешь ли ты всѣ его старанія тебя разлучить со мною? Душа моя, люби твоего Дельвига.

9

[Конецъ іюня — начало іюля 1825 г.].

Другъ мой Сонинька, я счастливъ, тебя видѣлъ и не ожидаю ничего дурнаго. Съ отцемъ твоимъ поступлю лояльно и надѣюсь переворотить дѣла по нашему. Обрадую тебя новостію. Отъ тебя поѣхалъ я къ Сленину[1]). У него познакомился съ роднымъ братомъ Корелина, съ человѣкомъ прекраснымъ. Онъ въ первый разъ отъ меня узналъ, что братъ его женатъ и сердечно обрадовался когда я

[1]) Книгопродавцу И. В. Сленину, издававшему альманахъ «Сѣверные Цвѣты».

ему разказалъ, на какомъ ангелѣ. Онъ увѣрилъ меня, что теперь онъ дѣятельно примется поправить его положеніе.

Онъ полковникъ, любимъ своими начальниками и можетъ брата перевести сюда, но медлилъ потому, что боялся его вѣтрености. Теперь же онъ женатъ и вѣроятно долженъ остепениться, теперь ни что не мѣшаетъ брату вытащить на хорошую дорогу заблудшаго брата. Провидѣніе, какъ будто въ награду за мои страданія, послало мнѣ подобную встрѣчу. Мы обѣщались другъ другу почаще видаться и дѣйствовать вмѣстѣ, какъ кому возможно. Онъ его переведетъ въ Петербургъ, а я сыщу выгодное штатское мѣсто.

Не видишь ли ты, что твое прекрасное сердце извѣстно Богу. Что оно у него записано на заглавномъ листѣ книги Промысла и что онъ старается вознаградить мою добрую Соню за ея слезы. Онъ даже изъ Оренбурга хочетъ вытащить друга твоего, чтобы ты ни въ чемъ не жаловалась на любовь его. Вотъ кого я люблю! Вотъ кто усладитъ, осчастливитъ жизнь мою! Вотъ кого я цѣлую и боготворю! Отецъ нашъ не чудовище, онъ отдастъ мнѣ тебя. Успокоивай Аксинью. Богъ милостивъ! Добрый къ намъ будетъ и къ ней добръ. — Завтра непремѣнно пиши ко мнѣ. Это необходимо нужно. Письмо къ нему написано. Мой ангелъ подастъ его и успѣхъ долженъ быть. Посылаю тебѣ стихи Сергѣя Львовича[1]) ко мнѣ. Онъ готовитъ еще Епиталаму. Читай ихъ и думай о томъ, кто цѣлуетъ и любитъ тебя до безумія. Обнимаю тебя, люба Ангелія моя, обнимаю тебя.

Къ письму приложено стихотвореніе С. Л. Пушкина, вложенное въ бумагу съ надписью: «Другу моему Дельвигу»:

Pour le Baron
Je chanterais l'Epithalame:
Je suis toujours de coeur et d'ame
Pour le Baron.

Pour le Baron
Je sens, prophétique delire!..
Au bout d'un an, je vois sourire
Petit Baron.

---

[1]) С. Л. Пушкина, отца поэта.

10

[Середина іюля 1825 г.].

3 часа.

Я рано нынче отдѣлался и въ 5-ть часовъ увижу Александру Дмитріевну. Въ 8-мъ буду у лавочки за безцѣннымъ письмомъ твоимъ, моя милая! Наша исторія удивительна! Какъ послѣ трехъ мѣсячной связи, вдругъ, неожиданно разлучить насъ? Пришли завтра ко мнѣ письмо, мнѣ нужно съ тобой видѣться, нужно поговорить, посовѣтоваться. Что онъ съ тобой дѣлаетъ? Не началъ ли опять нападенія? Сохрани тебя Боже! Мнѣ трудно перенести мысль, что онъ за меня мучаетъ тебя, невинную мою Сониньку. Ангелъ мой, ты меня любишь! Нѣтъ жертвъ, которыхъ бы я не принесъ за твое счастіе! Для тебя только живу и жить буду. Я увѣренъ, ты не измѣнишь мнѣ. Благодарю тебя, что ты бережешь себя. Это одно изъ сильныхъ доказательствъ любви твоей. Цѣлую всю тебя. Ты мнѣ вѣрно напишешь, что̀ твоя сыпь или я буду очень безпокоиться. Тебѣ-то и надобно быть здоровой, у насъ и безъ того много болѣзней душевныхъ. — Завтра заѣду къ Амальи Ивановны. Я не знаю, какъ изъявить ей всю мою благодарность, родственную привязанность. Ежелибы ее не было, ты бы совершенно была сиротою. Кто бы принялъ въ нашемъ теперешнемъ положеніи живое участіе? Кто бы раздѣлилъ съ тобою слезы? Мы никогда не забудемъ ея. Никогда не перестанемъ любить ее какъ мать. Кто знаетъ, можетъ быть, Богъ намъ позволитъ быть тѣмъ же для дѣтей ея, что она для насъ? Но молитвы добрыхъ отвратятъ отъ нихъ подобныя напасти. Съ нетерпеніемъ жду свиданія съ Александрой Дмитріевной. Что она мнѣ разкажетъ объ тебѣ? Сонинька, Сонинька, когда мы будемъ счастливы? О я увѣренъ, мы своей любовью помиримъ отца нашего съ жизнію. Никакія обстоятельства не погасятъ во мнѣ чувства бо[го]творенія къ тебѣ. Въ одной тебѣ я найду блаженство. Цѣль моей жизни будетъ одна до гроба: стараться быть тобою любимымъ. Никакихъ трудностей не буду чувствовать, трудяся для благосостоянія твоего. Ангелъ мой, святая, невинная, благородная подруга жизни моей, люби меня, услаждай всегда жизнь твоего друга, тебѣ ничего это не стоитъ. Цѣлую тебя. Дельвигъ.

Онъ и не спроситъ обо мнѣ, ему должна быть приятна наша разлука. А безъ его спроса прямо притти къ тебѣ покажется страннымъ. Не вздумаешь ли ты завести со мной явную переписку? Пришли ко мнѣ завтро какую нибудь книжку съ письмецомъ, я отвѣчу; послѣзавтро поутру нанишу я (или какъ завтра условимся) и послѣ обѣда я у тебя, моя радость, у тебя, жизнь, сердце, душа моя. Не безпокойся о моемъ здоровьѣ. Оно отъ одного взгляда твоего возвратится. Но я не могу похвастаться теперешнимъ положеніемъ моимъ. Дурно сплю, ничего ни ѣмъ или ѣмъ безъ апетита, насилу ношу голову и чувствую спазматической ознобъ. Но это можетъ сейчасъ пройти, просвѣтлѣетъ на душѣ и я здоровъ. Самая большая непріятность, я не могу все сидѣть дома. У меня куча дѣлъ по цвѣтамъ [1]), я цѣлое утро долженъ разъѣзжать, долженъ Богъ знаетъ объ чемъ говорить, въ то время, когда только объ одной тебѣ думаю. Вчера съ 9-ти часовъ ѣздилъ до трехъ, въ три часа нашелъ у Сленина Воейкова [2]), который сказалъ мнѣ, что Жуковской и Ал. Андр. [3]) въ Петербургѣ. Ѣду къ нимъ. Они мнѣ обрадовались. Жуковской препоручилъ мнѣ поцѣловать твою ручку, Воейкова разцѣловать тебя, все это, ты чувствуешь, еще больше разстерзало меня. Пріѣзжаю домой, подали мнѣ обѣдать, ничего не полезло въ горло, кинулъ обѣдъ и сталъ писать къ тебѣ, Ангелъ мой, небесная Сонинька. Съ письмомъ подхожу къ твоему окошку, вижу въ тебѣ какое-то безпокойство, Аксинья помѣнялась записками и скрылась — сердце сжалось, насилу дошелъ . . . . . [4]) чуть ли не правъ съ Плетневымъ. И ежели до 6-го Ноября онъ не кончитъ, то мнѣ кажется до Января откладывать нечего. Нѣтъ причины ему не отложить нашей свадьбы и до той жизни. Они точно правы, они правы Сонинька.

Жду съ нетерпеніемъ восми часовъ. Что ты напишешь мнѣ? Бѣдная Аксинья! Мнѣ жалко подумать объ ея положеніи. Мой Ефимъ

---

1) По альманаху „Сѣверные Цвѣты“.

2) А. Ф. Воейкова (1773—1839), издателя журналовъ, переводчика Делиля, автора сатиры „Домъ сумасшедшихъ“.

3) Александра Андреевна Воейкова (рожд. Протасова), жена А. Ф., „Свѣтлана“ Жуковскаго, Козлова, Языкова, Л. С. Пушкина, Е. А. Боратынскаго и др.

4) Кусокъ листка оторванъ.

незная причины печали моей, большое принимаетъ въ ней участіе.— Добрая . . . . . [1]) сладко быть тебѣ обязаннымъ этимъ счастіемъ. Это добрая мать мнѣ вымолила у Бога. Подобнаго счастія Онъ бы мнѣ недалъ безъ молитвъ ея. Благословляю тебя Ангелъ небесный мой, цѣлую всѣ строчки писемъ твоихъ.

11

[Середина іюля 1825 г.].

Вчерашнее.

На коленахъ молю тебя не соблазняйся его слезами. У тебя невинное, благородное, великодушное сердце, слезы отца—ужасно! Ужасно единственной другъ мой! Ты пожертвуешь собою и я погибъ. Я вижу ясно его намѣренія. Онъ протянетъ время до отъѣзда въ деревню и увезетъ тебя. Я погибъ, я теперь отъ одной мысли умираю, я горю въ болезненномъ огнѣ.

Онъ жалуется, что онъ будетъ одинъ въ деревнѣ съ крѣпостными людьми! За чѣмъ онъ бѣжитъ счастія? Онъ найдетъ его въ любви нашей. Не имѣй онъ куска хлѣба, не имѣй пристанища и тогда иди къ намъ: мы послѣднимъ своимъ платьемъ прикроемъ его, мы сами голодные готовы будемъ кровью своею напитать его.— За чѣмъ откладывать свадьбу? Онъ говоритъ, что мы будемъ счастливы?—за чѣмъ же замѣдлять наше счастіе. Что онъ думаетъ, что любовь наша въ два мѣсяца пройдетъ? Что онъ безъ препятствія увезетъ тебя, увезетъ спокойную? Нѣтъ, онъ увезетъ тебя черезъ мой трупъ. Ежели онъ тайно отъ меня уѣдетъ, я догоню, чтобы умерѣть у ногъ твоихъ. Я никогда не употреблю низкихъ мѣръ, чтобы соеди[ни]ться съ тобою. Я буду или почтительнымъ сыномъ его или грозною тѣнью, преслѣдователемъ его жестокаго сердца. Прости мнѣ, онъ твой отецъ. Но какъ мнѣ раздѣлить твоего отца отъ гонителя нашего! Люби меня, ежели моя жизнь дорога тебѣ.

---

[1]) Кусокъ листка оторванъ.

12

[Конецъ іюля—начало августа 1825 г.]

У Амальи Ивановны я неуспѣлъ быть, другъ мой. Завтра буду непремѣнно. Посылаю тебѣ Ипсибое [1]). Прочти; ежели достанетъ терпенья. Скажи мнѣ о твоемъ здоровьи? Какова ты? Все ли грустна, все ли на нашемъ небѣ неразгуливается? Когда-то мы будемъ счастливы! Николай, Анна Александровна [2]) и Баратынской [3]) тебѣ кланяются. Я съ Баратынскомъ только о тебѣ и говорю. Прости Ангелъ мой до завтра. Цѣлую тебя. Люблю тебя болѣе и болѣе.

Твой Дельвигъ.

13

[Первая половина августа 1825 г.].

Посылаю тебѣ, душа моя, записки Франклина. Этотъ философъ мною любимъ съ младенчества. Онъ изъ числа тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приятно воображать мою Сониньку. Бѣседуй съ нимъ, какъ съ моимъ добрымъ другомъ.—Пришли мнѣ обратно негоднаго Маркиза Д'Арленкура и табакерку, которую, ежели непотѣрялъ, вѣрно оставилъ у тебя. Дашковъ тебѣ кланяется, онъ обѣщаетъ доставить тебѣ послѣднія записки Г-жи Жанлисъ. Будь здорова, мой ангелъ. Цѣлую тебя, люблю тебя, умираю отъ скуки. Доживу ли до понедѣльника, до счастливаго пятаго часа.

Твой Дельвигъ.

14

[11 августа 1825 г.].

Посылаю тебѣ, милая Сонинька, 12-ю часть сочиненій Г-жи Котэнъ. Ничего нѣтъ лучше. Поищу однакоже. Что твое здоровье? Душа моя, я тебя нынче неувижу. Думай обо мнѣ. Вчера я бы могъ

1) Романъ д'Арленкура.
2) Н. Ф. и А. А. Рахмановы.
3) Поэтъ Е. А. Боратынскій.

еще посидѣть у тебя, Баратынскій ѣдитъ только теперь [1]). Ѣду къ нему. Прощай, моя радость, люби твоего друга. Пишу къ тебѣ рано и посылаю эту книгу для того, чтобы застать тебя дома. Кланяйся Амальи Ивановнѣ. Напиши мнѣ что нибудь. Хоть посмотрю на черты руки твоей.

15

[Конецъ сентября 1825 г.].

Цѣлое утро ѣздилъ и сей часъ опять пойду, милый другъ мой: ужасно трудно найти что нибудь похожее на квартеру. Въ сумерки возвращусь домой, прочту нѣсколько разъ письмо твое и пойду совѣтоваться къ Амальи Ивановнѣ. Какъ я успокоюсь, когда Богъ поможетъ мнѣ оттыскать порядочный приютъ для моей Сониньки. Когда то одна любовь только будетъ наполнять твоего друга? Анна Александровна и Николай тебѣ кланяются. Съ нетерпеніемъ желаютъ видать тебя. Завтро еще поутру я увѣдомлю тебя о удачѣ моихъ поисковъ. Не ходила ли твоя Ненила? Пришли мнѣ ея извѣстія. Каково здоровье Михайла Александровича? Каково твое? Будь здорова, мой Ангелъ! Ты знаешь, какъ мнѣ тяжело и здоровую не видать тебя цѣлый день. Прощай моя люба, обнимаю и цѣлую тебя. Думай о твоемъ Дельвигѣ, люби его, сколько онъ тебя любитъ.

Весь твой

—Д.—

Не пишу больше по очень важной причинѣ. Боюсь заставить тебя долго ждать и не воспользоваться свѣтомъ.

16

[Конецъ сентября 1825 г.].

Объѣздилъ цѣлый Петербургъ и нашелъ почти всё то же, что ты знаешь, мой милый другъ. На грязной улицѣ двѣ квартеры грязныя и сырыя. Ежели хочешь ихъ видѣть можешь изъ любопыт-

[1]) Е. А. Боратынский возвращался въ Финляндію, въ полкъ.

ства, чтобы узнать, какіе хозяива домовъ скоты. Онѣ по правую сторону отъ Амальи Ивановны въ нижнихъ етажахъ, на всѣй улицѣ только и есть два объявленія. Въ Троицкомъ переулкѣ въ домѣ Кривоносова, въ нижнемъ етажѣ до 1-го Октября занята. Посмотри ее съ Амальей Ивановной и рѣшись, ежели понравится. На всѣй Литейной и Владимірской не одной нѣтъ. У Синяго моста квартира Егермана, которую ты видѣла, не занята и мнѣ кажется хозяинъ склоненъ сдѣлать уступку. У Гурьева отдѣлывается и ты можешь посмотрѣть ее. Я даже въ Коломнѣ искалъ и все понапрасно. Поговори съ доброй Амальей Ивановной, посмотри квартеру въ Троицкомъ переулкѣ и Гурьева домъ и рѣшительно скажите ваше мнѣніе. Мнѣ вездѣ будетъ приятно, гдѣ моя Сонинька захочетъ жить и смотрѣть на меня весело. Цѣлую тебя душа моя. Твой.

Посылаю тебѣ ноты моихъ кудрей [1]) и трагедіи. Адельсинъ очень хорошъ, я два раза прочелъ его.

17

[30 сентября 1825 г.].

Съ помощію Амальи Ивановны я квартеру нашелъ и прекрасную. Красить нечего, она чиста, какъ игрушечка и въ ней будетъ стыдно не жить опрятно. Она въ большой Милльонной въ домѣ Г-жи Эбелингъ въ третьемъ этажѣ. Въ пятомъ часу буду у тебя, жизнь моя, и разкажу все подробно. Цѣлуетъ тебя твой

Дельвигъ.

18

Вторникъ. [Середина октября 1825 г.].

Каково твое здаровье, милая Сонинька? Какъ ты провела вчерашній день? Спокойно ли? Когда то будетъ пятой часъ? Хочу видѣть мою душу, мою голубочку. Анна Александровна подарила намъ пле-

[1]) Романсъ на слова А. А. Дельвига.

мянницу Прасковью Николаевну [1]). Николай уже находитъ въ ней сходство съ матерью. Я ищу ей жениха. Человѣколюбіе у ней врожденное чувство: она плачетъ когда при ней никого нѣтъ и спокойна при людяхъ.—Д'Арлинкуръ не только что скученъ, онъ и воръ: подъ полою Ипсибое я нашелъ твой серебреный ножечикъ. Цѣлую тебя, моя милая люба, прости до послѣ обѣда.

Весь твой Дельвигъ.

19

[Середина октября 1825 г.].

У Амальи Ивановны я былъ, моя милая Сонинька, она обѣщала похлопотать. Мы съ ней уговорились объ уборкѣ квартеры. Нынче Николай [2]) со мной ѣздилъ туда, ему очень понравились наши комнатки. Мы ихъ размѣрили и завтра поѣдимъ покупать мебели. Между тѣмъ вставятся зимнія рамы и вымоются полы и печки. Съ моей стороны все пойдетъ хорошо, другъ мой, и въ недѣли полторы все будетъ готово. Будь здорова и не грусти моя добрая люба. Мнѣ больно воображать тебя печальной. Я думаю ты лучше меня знаешь адресъ твоего брата [3]), я къ нему никогда не писывалъ и тебѣ ничего подобнаго не говорилъ. Пиши ему душа моя и скажи отъ меня побольше хорошаго. Увидѣть ли мнѣ завтра мою Софью? Господи, не оставь меня. Мнѣ такъ скучно, такъ скучно Сонинька, какъ только можно скучать человѣку. Анна Александровна тебѣ кланяется, Николай тоже и Шретеръ повстрѣчавшая меня на Невскомъ проспектѣ. Прости другъ мой, цѣлую тебя и благодарю за твое милое письмо, оно нѣсколько оживило твоего

Дельвига.

Теперь другой книги нѣтъ, достану надняхъ.

---

[1]) П. Н. Рахманова, родилась 14 октября 1825 г.
[2]) Н. Ф. Рахмановъ.
[3]) М. М. Салтыкова.

20

[Середина октября 1825 г.].

Милая Сонинька, Графиня Прасковья Петровна [4]) проситъ тебя не можешь ли ты быть у нее завтро въ одиннадцать часовъ и одна. Ей нужно съ тобой видѣться и поговорить о нашей свадьбѣ. Употреби ради любви моей всѣ старанія исполнить ея желаніе. Прощай душа моя, да постарайся о свидѣтельствѣ. Цалую тебя моего Ангела.

Твой Дельвигъ.

21

[Середина октября 1825 г.].

Изъ Гачины я воротился во второмъ часу ночи. Жуковской кланяется моей Софьѣ. Николай сказываетъ, что онъ тебя видѣлъ у Графини. Кажется это должно было навлечь тебѣ неприятности. Ахъ другъ мой, за что ты обречена страданію? И я причиной! Сердце у меня разрывается. Нѣтъ, ты меня не совершенно еще знаешь. Ты меня видѣла только страдающаго и влюбленнаго. Когда-то я буду спокойно любить тебя? Напиши мнѣ, какова ты? Увижу ли я тебя? Предчувствія меня мучаютъ. Другъ мой, твоя любовь высочайшее счастіе для меня, болѣе чего и Богъ не можетъ дать человѣку. Его мнѣ должно было купить страданіями и всякія страданія передъ нимъ малы.

Люби твоего единственнаго друга Д.

22

[20 октября 1825 г.]

Поздравляю моего Ангела, мою милинькую Сониньку съ днемъ рожденья. Дай Богъ ей всего прекраснаго, достойнаго ея сердца. Здорова ли ты? Весело ли встрѣтила нынѣшнее утро? Не плакала ли вчера? Я ежели бы могъ плакать, вѣрно бы не переставалъ целый вчерашній день: такъ мнѣ было скучно. Когда можно будетъ видѣть тебя? Прощай душа моя, цѣлую тебя.

Твой другъ.

23 [1])

[Послѣднія числа октября 1825 г.].

Будь покойна душа моя. Ты знаешь, что я люблю тебя и поступлю такъ, какъ только можно благородному человѣку въ моемъ положеніи. Не слушай утѣшеній пустыхъ отъ людей! Люби меня и помни, что я никогда не перестану любить тебя и уважать въ немъ отца твоего. Прости до свиданія. Цѣлую тебя.

Д.

24

[Послѣднія числа октября 1825 г.].

Буду, другъ мой Сонинька, увижу тебя. Сонъ самый лучшій докторъ, я проснулся здаровымъ. Цѣлую мильонъ разъ тебя мысленно, въ ожиданіи близкой существенности. Прощай душа моя люба Ангелъ, моя несравненная Соня.

Твой.

25

[Послѣднія числа октября 1825 г.].

Мнѣ казалось неприлично мѣшать въ послѣдніе дни дочери говорить съ отцемъ, отъ того ушелъ я. Въ утро у тебя буду. Къ моему пріѣзду будь совершенно здарова. Ангелъ мой утѣшь твоего друга.

* *
*

[1]) Послѣднія три записки написаны карандашомъ передъ самой свадьбой.

Напечатанныя выше письма барона А. А. Дельвига къ невѣстѣ — С. М. Салтыковой, — извлеченныя изъ архива села Мары, представляютъ исключительный интересъ для біографа Дельвига. Письма барона Дельвига, говорящія о возникновеніи и ростѣ того единаго на всю жизнь чувства, которое срослось съ его душой и въ конечномъ счетѣ явилось источникомъ его душевной драмы съ ея печальнымъ трагическимъ концомъ, — письма эти не менѣе интересны и въ другомъ отношеніи — въ томъ, что въ нихъ насквозь свѣтится лучезарная, мягкая, добрая и человѣчная душа поэта, — человѣка тонкой и хрупкой организаціи. Милая, добрая улыбка и болѣзненная впечатлительность, болѣзненная воспріимчивость грозной, безстрастной жизни, страхъ передъ жизнью, разбивающей идилліи сердца и поэтическія мечты, тяжелыя предчувствія-предвѣстія и богомольно открытое любви сердце—слышатся въ новонайденныхъ 25 письмахъ Дельвига.

Письма поэта не датированы, и наше расположеніе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ можетъ быть принято только какъ предположительное: оно основано на различіяхъ въ форматѣ и качествѣ почтовой бумаги, чернилъ, подписи и проч. Кромѣ этихъ чисто внѣшнихъ признаковъ, позволяющихъ, однако, разбить письма на нѣсколько группъ, признаковъ, провѣряемыхъ также содержаніемъ и тономъ писемъ, мы руководились слѣдующими данными при опредѣленіи времени написанія записокъ: 1) послѣдняя записка къ невѣстѣ не могла быть написана позже 30-го октября 1825 года, такъ какъ въ этотъ день Софья Михайловна Салтыкова стала баронессой С. М. Дельвигъ; 2) 22-ая записка, поздравляющая С. М. съ днемъ рожденія, написана 20-го октября (Салтыкова-Дельвигъ-Боратынская родилась 20-го октября 1806 года); 3) 18-я записка датируется серединой октября, такъ какъ въ немъ говорится о рожденіи П. Н. Рахмановой—племянницы Дельвига; 4) время написанія записокъ 12—14 опредѣляется пребываніемъ въ Петербургѣ Е. А. Боратынскаго, 11-го августа вновь уѣхавшаго въ Финляндію, и, наконецъ, 5) первыя записки относятся къ іюню 1825 года; время написанія ихъ опредѣляется слѣдующими фактами: А. А. Дельвигъ, пріѣзжавшій гостить къ своей двоюродной сестрѣ А. А. Рахмановой въ Царское Село, въ первой половинѣ мая 1825 года (между 10 и 14 мая), познакомился у нея съ восемнадцатилѣтней красавицей С. М. Салтыковой, ученицей П. А. Плетнева.

Плетневъ обратилъ вниманіе своего друга на свою ученицу, — и восторженный поэтъ вмѣстѣ съ С. М. восхищается природой и слушаетъ соловьевъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Въ послѣднихъ числахъ мая (26—30) Дельвигъ начинаетъ бывать почти каждый день у Салтыковыхъ, и мгновенно возникшее чувство такъ захватываетъ все его существо, что 30-го мая онъ выражаетъ его молодой восторженной красавицѣ — любительницѣ природы, поэзіи и музыки — и дѣлаетъ ей предложеніе; на другой день отъ его имени Н. А. Рахмановъ проситъ у М. А. Салтыкова руки его дочери, а еще черезъ день баронъ А. А. Дельвигъ пишетъ слѣдующее письмо своимъ родителямъ въ Витебскъ:

Любезнѣйшіе Родители.

Благословите вашего сына на величайшую перемену его жизни. Я люблю и любимъ дѣвушкою, достойною назваться вашей дочерью: Софьей Михайловной Солтыковой. Вамъ извѣстно я обязанъ знакомствомъ съ нею милой сестрицѣ Аннѣ Александровнѣ, которая знаетъ ее съ ранняго дѣтства. Плетневъ, другъ мой, былъ участникомъ ея воспитанія. Съ перваго взгляда я ее выбралъ и тѣмъ болѣе боялся не быть любимымъ. Но живши съ нею въ Царскомъ селѣ у брата Николая увѣрился, къ счастію моему, въ ея расположеніи. Анна Александровна третьяго дня приглошала съ братомъ въ Петербургъ и услышавъ отъ Софьи Михайловны, что отецъ ея Михаилъ Александровичъ говоритъ обо мнѣ съ похвалою, рѣшилась открыть ему мои намѣренія. Онъ принялъ предложенія мои и вчера позволилъ поцѣловать у ней ручку и просить вашего благословенія. Но просилъ меня еще никому не говорить объ этомъ и отложить свадьбу нашу до осени, чтобы успѣть привести въ порядокъ свои дѣла. Онъ даетъ за нею 80-ть тысячъ чистыми деньгами и завѣщаетъ сто тридцать душъ. Вы конечно заключите, что богатство ея небольшое, за то она богата душою и образованіемъ и я же ободренъ прекраснымъ примѣромъ счастливаго супружества вашего и тетушки Крестины Антоновны. Между тѣмъ я ищу себѣ мѣста, которое бы могло приносить мнѣ столько, что бы мы ни въ чемъ не нуждались. Когда вы позволите мнѣ исполнить лучшія желанія души моей; то я увѣдомлю

объ этомъ маминьку крестную и тетушекъ. Признаюсь вамъ я такъ занятъ ею, что незнаю, что писать вамъ, какъ не объ ней, объ моемъ счастіи. Я бы желалъ вамъ описать ее, но лучше вы сами ее увидите: вы вѣрно полюбите ее. Я сказалъ ей, что вы папинька были больны и она съ необыкновеннымъ участіемъ раздѣляетъ мое прискорбіе и обѣщалась мнѣ молиться Богу за ваше здоровье. Будьте здоровы, любезнѣйшіе родители и обрадуйте вашимъ священнымъ, родительскимъ благословеніемъ вашего покорнаго сына.

Баронъ *Дельвигъ*.

2-го іюня 1825 года.
Петербургъ.

P. S. Мое почтеніе любезнѣйшей тетушкѣ и дядюшкѣ, сестеръ и братьевъ цѣлую. Что Машинька скажетъ обо мнѣ?

Письмо къ родителямъ, насквозь проникнутое надеждой и дышащее однимъ безраздѣльно господствующимъ чувствомъ поэта къ невѣстѣ, является своего рода исключеніемъ на фонѣ его тревожныхъ писемъ-записокъ къ С. М. Салтыковой: такъ радостно-безмятежно смотрѣлъ на будущее своей личной жизни поэтъ только первыя недѣли знакомства съ Салтыковыми. Постепенно тревога все болѣе и болѣе входитъ въ душу Дельвига и охватываетъ его безпокойствомъ и предчувствіями. На пути къ безоблачному счастью поэта встаютъ внѣшнія и внутреннія препятствія, отравляющія радость и усиливающія его любовь: съ одной стороны, начинается вмѣшательство полусумасшедшаго деспота-отца Софьи Михайловны, старающагося всѣми способами отдалить свадьбу и даже вовсе разлучить поэта съ невѣстой, и поэтъ тревожится за будущее счастье, опасается, что его невѣста не устоитъ передъ мольбами и угрозами отца; съ другой стороны въ немъ возникаютъ и другія опасенія и тревоги: ему начинаетъ казаться, что его Сонинька не имѣетъ въ себѣ той великой всепоглощающей силы любви къ нему, какую онъ несетъ въ душѣ своей,—и онъ боится, что она ему «измѣнитъ». И тѣ и другія опасенія были, быть можетъ, не безосновательны: покорная чувству, женственная и страстная,

молодая красавица быстро воспламенилась и полюбила поэта — друга Пушкина и Плетнева, — но едва ли это чувство вросло глубоко всѣми своими корнями въ душу ея. Страстная и нѣжная, Софія Михайловна Салтыкова умѣла «упоить» Дельвига своею любовью до «безумія», но не умѣла внушить ему спокойной и сильной увѣренности въ ея любви [1]), — и встревоженный поэтъ постоянно умоляетъ свою невѣсту «беречь» его и его любовь: «Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сдѣлать высочайшимъ счастливцемъ, или скорѣе скажи: умри, другъ, — и я приму это слово какъ благословеніе».

30-го октября 1825 года состоялась свадьба, и молодая чета Дельвиговъ вступила въ радостный періодъ жизни. Недолго, однако, продолжалось это безоблачное счастье: молодая баронесса, не умѣвшая управлять своими чувствами и своей страстной натурой, испытала рядъ увлеченій и, смѣняя своихъ поклонниковъ, не уберегла того, кто «отдался ей на жизнь и на смерть» — барона А. А. Дельвига, 14-го января 1831 года переселившагося въ иной міръ, — «гдѣ нѣтъ болѣзни ни воздыханій».

М. Л. Гофманъ.

---

[1]) «Ахъ, если бы ты меня такъ любила, какъ бы я былъ спокоенъ, какъ бы я ждалъ терпѣливо новыхъ несчастій!» восклицаетъ — Дельвигъ непосредственно послѣ признанія: «Ты умѣешь упоить меня своею любовью до безумія».

АВТОГРАФЫ БАСЕНЪ КРЫЛОВА ВЪ ПУШКИНСКОМЪ ДОМѢ.

Въ собраніи рукописей Пушкинскаго Дома есть нѣсколько рукописныхъ текстовъ И. А. Крылова.

Какъ извѣстно, рукописи Крылова были тщательно собраны стараніемъ близкихъ къ нему лицъ (см. М. Лобановъ, стр. 45; Плетневъ, Соч. и перепис., т. III, стр. 27—28); да и самъ Крыловъ далеко не безразлично относился къ сохранности своихъ рукописей (Кеневичъ, Сборникъ Отдѣл. Русск. яз. и словесности, стр. XII—XIII). Впослѣдствіи первый работникъ надъ рукописями Крылова — В. Ѳ. Кеневичъ, изучивъ и использовавъ рукописи для своихъ цѣнныхъ «Примѣчаній», передалъ ихъ въ книгохранилище Академіи Наукъ, гдѣ онѣ и находятся. Это собраніе, вмѣстѣ съ богатымъ собраніемъ Публичной Библіотеки, почти исчерпываетъ рукописную традицію произведеній Крылова. Были находки рукописей баснописца, но находки случайныя: отдѣльные листы, альбомы, гдѣ вписывалъ и Крыловъ свои произведенія, и т. п. Такихъ отдѣльныхъ рукописей немного; всѣ онѣ были наперечетъ, и трудно было ждать чего-либо новаго.

Однако, за послѣдніе годы въ Пушкинскій Домъ, въ собраніяхъ котораго ранѣе былъ лишь автографъ съ отрывкомъ басни «Василекъ» (См. Временникъ Пушкинскаго Дома, С.-Пб. 1913), поступили рукописные тексты слѣдующихъ басенъ въ автографахъ Крылова: 1. Свинья подъ дубомъ, 2. Слонъ и Моська, 3. Фортуна и Нищій и 4. Чижъ и Голубь.

Цѣнность ихъ не одинакова; но если показателемъ богатства хранилища являются рѣдкости, то можно, на основаніи поступленій Крыловскихъ рукописей, говорить о сильномъ ростѣ молодого учрежденія.

I

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Рукопись написана на желтоватой бумагѣ, безъ водяныхъ знаковъ. Форматъ — полулистъ размѣра писчей бумаги. Въ лѣвомъ углу полулиста поставлена цифра «16». Цифра поставлена рукою самого Крылова. Она нѣсколько вскрываетъ время появленія рукописи: съ подобными цифрами мы встрѣчаемся въ рукописяхъ, хранящихся въ Академіи Наукъ — «Тетрадь № 2». Эта тетрадь составлялась для изданія басенъ 1825 года, и басни нумеровались въ порядкѣ помѣщенія ихъ въ изданіи, для VII книги, впервые появившейся въ свѣтъ въ 1825 г.

При печатаніи порядокъ басенъ въ VII книгѣ былъ измѣненъ. Басня «Свинья подъ дубомъ» была перемѣщена на 9 мѣсто (стр. 268 — 69), какъ она перепечатана была и въ изданіи 1830 года, — изданіи, представляющемъ точную перепечатку изданія 1825 г. Но Крыловъ, перерабатывая изданія своихъ басенъ, внимательно слѣдилъ за порядкомъ расположенія басенъ и по книгамъ, и въ предѣлахъ каждой книги. И въ дальнѣйшемъ басня «Свинья подъ дубомъ» снова перемѣщалась (изд. 1834 г.—10 мѣсто VII книги; изд. 1843 г. — 7-ое мѣсто той же книги), сообразуясь съ идеей книги, какъ она вырисовывалась баснописцу въ моментъ обработки изданія. Съ этой точки зрѣнія цифры, поставленныя въ углу рукописи, имѣютъ значеніе, какъ матеріалъ для опредѣленія принципа распредѣленія произведеній и выясненія идеи и ея развитія въ сознаніи писателя. Каждое изданіе басенъ является новымъ въ своей цѣльности произведеніемъ.

До сихъ поръ рукопись басни «Свинья подъ дубомъ» была неизвѣстна. Въ Академической «Тетради № 2», гдѣ она должна бы быть вмѣстѣ съ другими баснями VII книги, ея нѣтъ и не было даже у В. Ѳ. Кеневича. На ея мѣстѣ въ «Тетради» мы находимъ только черновую рукопись басни. Черновикъ написанъ неразборчивымъ почеркомъ, какъ писались черновые наброски, — написанъ онъ карандашомъ. Отъ времени карандашъ стерся, и рукопись можно считать почти погибшей. О потерѣ ея приходится жалѣть: судя по

всему, рукопись представляетъ большой интересъ. Тѣмъ болѣе приходится еще жалѣть, что мы для басни «Свинья подъ дубомъ» рукописной традиціи не имѣемъ. Такъ басня и трактовалась В. Ѳ. Кеневичемъ. За нимъ шелъ и В. В. Каллашъ, упомянувъ лишь о рукописи Академіи Наукъ. Пріобрѣтенная Пушкинскимъ Домомъ рукопись восполняетъ недостатокъ рукописной традиціи басни. Въ этомъ ея большая цѣнность.

Басня «Свинья подъ дубомъ» впервые была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1825 годъ (№ 5. Цензорская помѣтка: 9-го января 1825 г.). Появилась она, какъ новинка. Слѣдовательно, датировать басню можно 1824 годомъ. Въ первомъ печатномъ текстѣ ст. 14 читался:

«Неблагодарная! — промолвилъ Дубъ ей тутъ»

ст. 18 имѣлъ:

«Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ,

какъ онъ печатается и въ настоящее время. Стихъ же 14 окончательную редакцію — «Примолвилъ» получилъ въ изд. 1830 г., и въ послѣдующихъ изданіяхъ (1834 и 1843 г.г.) басня печаталась безъ измѣненій. Текстъ басни окончательную редакцію принялъ къ 1830 году.

Такова печатная традиція. Рукописную традицію надо вести отъ черновой, хранящейся въ Академіи Наукъ. Въ ней мы найдемъ отраженіе творческой работы надъ басней. Работа была упорная. Неудавалось начало (ст. 1 — 5) басни. Не сразу сформулировались слова Ворона (ст. 6 — 8) и отвѣтъ Свиньи (ст. 9 — 13). Отвѣтъ Дуба не укладывался въ ту краткую сентенцію, какую онъ получилъ (ст. 14 — 17) впослѣдствіи. Литературной, стилистической обработки басня не получила. И авторъ, какъ это было въ его обычаѣ, оставилъ рукопись.

Онъ перенесъ работу на другой листъ. Имъ и является, несомнѣнно, рукопись Пушкинскаго Дома. Рукопись, правда, написана четкимъ почеркомъ, какъ писались бѣловыя рукописи. Но въ нее были внесены поправки. При новой обработкѣ басни образы уже были продуманы; мысли сформулировались; намѣтилась основная картина. Вниманіе сосредоточено на Свиньѣ и Дубѣ; Воронъ — встав-

ное лицо; Дубъ — выявитель сущности поступка Свиньи. Отсюда и первоначальное заглавіе, какъ мы находимъ въ рукописи Пушкинскаго Дома:

«Свинья и Дубъ».

Заглавіе вполнѣ отвѣчаетъ обычаю Крылова въ заголовкѣ указывать дѣйствующихъ лицъ. Заголовки по темѣ басни, по ея морали у него не практиковались. Но заголовокъ съ двумя самостоятельными лицами, какъ приведенный, не совсѣмъ соотвѣтствовалъ бы ходу дѣйствія и степени участія лицъ заголовка. При выдѣленіи «Дуба», какъ самостоятельнаго дѣйствующаго лица, заголовокъ, въ сущности, раздвоялъ вниманіе читателя, отвлекалъ его отъ центральной фигуры — Свиньи. Вѣдь, «Дубъ» лишь подчеркиваетъ характеръ основного лица; въ немъ самомъ нѣтъ дѣйствія, онъ пассивенъ; главная роль остается за Свиньей. Съ этой точки зрѣнія заголовокъ «Свинья и Дубъ» не былъ удачнымъ; а заголовкамъ, какъ можно судить по рукописямъ, Крыловъ придавалъ значеніе.

Каждая деталь басни имъ обдумывалась. Заголовокъ часто появлялся не сразу. Первоначальные черновые наброски басенъ не всѣ имѣютъ заголовки. Заголовокъ являлся въ результатѣ творческой работы надъ сюжетомъ произведенія. И черновая рукопись (Акад. Наукъ) басни «Свинья подъ дубомъ» не имѣетъ заголовка. Да и поставленный уже заголовокъ при переработкѣ басни могъ, какъ это въ рукописяхъ и наблюдается, видоизмѣниться. Такъ было и съ нашей басней. Крыловъ зачеркиваетъ слова «и Дубъ» и оставляетъ «Дубъ» лишь, какъ показатель мѣста дѣйствія, что, выявляя содержаніе басни, не придаетъ Дубу значенія дѣйствующаго лица, хотя и подчеркиваетъ его роль. И въ рукописи Пушкинского Дома заголовокъ исправленъ въ ту его редакцію, какую находимъ въ печатномъ изданіи — «Свинья подъ дубомъ». А это показываетъ, что рукопись Пушкинскаго Дома написана до печати басни въ «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ она появилась уже изъ серіи басенъ, подготовленныхъ къ изданію 1825 года.

Измѣненіе заголовка — результатъ новой проработки басни, каковую мы наблюдаемъ въ данной рукописи. Работа, повидимому, была редакціонной. Я оставляю въ сторонѣ орѳографическія особенности рукописи (ст. 6 — «ето», ст. 12 — «ево», ст. 17 — «ети»,

ст. 18 — «такъ же», ст. 20 — «учоные»), — они обычны въ рукописяхъ Крылова; отмѣчу лишь тѣ особенности, какими характеризуется работа надъ басней.

Ст. 2 въ рукописи первоначально читался:

«Дубовыхъ желудей наѣлась до отвала»,

Въ такой редакціи стихъ и остался. Въ печатныхъ изданіяхъ слово «дубовыхъ», какъ излишнее при словѣ «желудей», было исключено, и новой поправкой (наѣлась желудей досыта, доотвала) была усилена мысль о сытости свиньи, что болѣе ярко оттѣняетъ и дальнѣйшее ея поведеніе.

Въ ст. 8 первоначально мы находимъ: —

«Коль корни обнажишь, оно завянуть можетъ»

Но уже въ самой рукописи глаголъ «завянуть» былъ замѣненъ словомъ «сохнуть» (засохнуть), что, усиливая мысль вреда, приносимаго дереву, придаетъ поступку свиньи всю безсмысленность ея жестокости — жестокости грубой.

Съ перваго взгляда поправки кажутся редакціонными — не больше. Но вдуматься въ нихъ, — и вскрывается большая творческая работа. Поправки вносятъ новыя, существенныя черточки въ обработку сюжета. Усиливая краски, художникъ рѣзко подчеркиваетъ основную мысль, и такими черточками ведетъ читателя къ мысли нравоученія. Главное дѣйствующее лицо получаетъ рѣзко очерченный образъ, ослабляя тѣмъ самымъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Измѣненіе заголовка послѣ этого вполнѣ естественно.

Къ такимъ же поправкамъ относится и поправка, внесенная въ ст. 13. Первоначально онъ читался:

«Лишь были бъ жолуди, отъ коихъ я жирѣю».

Слова «отъ коихъ» въ рукописи замѣнены: «вѣдь я отъ нихъ». Живость діалога отъ замѣны канцелярскаго стиля живымъ разговорнымъ оборотомъ только выиграла.

Ст. 18 въ рукописи имѣетъ:

«Невѣжа такъ же въ ослѣпленьѣ» —

какъ и было напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ».

Работа надъ рукописью была закончена къ изданію 1825 года, на которомъ стоитъ цензорская помѣтка «30 августа 1824 года». Къ этому времени и необходимо отнести басню, а не къ 1821 — 23 гг., какъ относитъ ее В. В. Каллашъ (О хронологіи басенъ Крылова, С.-Пб. 1907 г., стр. 14), и не къ 1825 г., какъ мы находимъ у В. Ѳ. Кеневича (Сборн., стр. 211). Дата цензора и фактъ напечатанія ее въ «Сѣв. Пчелѣ» въ началѣ 1825 года, когда само изданіе было уже сдано въ печать, говоритъ о 1824 годѣ. Крыловъ предварялъ свои изданія печатаніемъ послѣднихъ новинокъ; старый запасъ въ такомъ случаѣ онъ не пускалъ въ оборотъ.

Рукопись, поступившая въ Пушкинскій Домъ, до сихъ поръ не была извѣстна комментаторамъ Крылова. Кеневичъ о ней не упоминаетъ, какъ не упоминаетъ и о другой — черновой (Акад. Наукъ) рукописи (Сборн., стр. 211). Каллашъ зналъ о существованіи данной рукописи, но отмѣтилъ: «Рукопись этой басни есть еще у А. А. Журавлева, но намъ не удалось съ ней познакомиться» (т. IV, стр. 417). Въ настоящее время отъ Аркадія Аркадьевича Журавлева (умершаго въ Петроградѣ 18 (31) января 1919 года) рукопись и поступила въ Пушкинскій Домъ, будучи пожертвована туда ея владѣльцемъ.

II

ФОРТУНА И НИЩІЙ.

Рукопись басни «Фортуна и Нищій», поступившая въ Пушкинскій Домъ, представляетъ не меньшій интересъ, нежели рукопись басни «Свинья подъ дубомъ».

Рукописная традиція басни «Фортуна и Нищій» очень незначительна. До сихъ поръ мы имѣли лишь одну рукопись этой басни, хранящуюся въ Публичной Библіотекѣ (тетрадь F. XIV. 13). Тетрадь Публичной Библіотеки состоитъ изъ ряда басенъ, написанныхъ четкимъ, крупнымъ почеркомъ на бумагѣ разнаго достоинства и времени. Несомнѣнно, тетрадь создалась искусственно, музейнымъ порядкомъ, изъ автографовъ разновременныхъ поступленій. Басня «Фортуна и Нищій» въ этой тетради представляетъ рукопись на бѣлой бумагѣ со знакомъ «1812». Рукопись нельзя назвать бѣловой: въ ней есть по-

правки. Но она и не черновая: почеркъ ея говоритъ, что она явилась уже послѣ другой — черновой рукописи.

Но въ ней — въ рукописи Публичной Библіотеки — мы находимъ еще слѣды черновой работы. Такъ — не было еще стиха 1: басня начиналась со стиха 2-го по теперешнему счету стиховъ, безъ той черточки, — важной для конца басни, — что мы имѣемъ въ окончательной редакціи, — безъ обозначенія ветхости сумы нищаго. Стихи 17—18 тоже еще въ періодѣ работы: ст. 17 совершенно нѣтъ, а ст. 18, правда, внесенъ въ текстъ, но зачеркнутъ. Не было въ текстѣ и стиховъ 45 — 47: они введены, какъ новая для редакціи рукописи поправка. Между тѣмъ, эти стихи очень важное добавленіе — необходимое для цѣльности картины и концентраціи вниманія читателя: весь разсказъ ведется въ опредѣленномъ темпѣ времени совершающагося, а пропускъ этихъ стиховъ ускорялъ темпъ дѣйствія. Работа надъ басней шла и въ другомъ направленіи, о чемъ говорятъ варіанты стиховъ: 14 — «такъ, напримѣръ, тово хозяинъ дому»; ст. 33 — «Червонцевъ кучу я достала»; ст. 53 — «Разсыпалась казна и обратилась въ соръ»; послѣдній стихъ имѣетъ и исправленную редакцію: «и обратилась въ прахъ». Въ рукописяхъ еще шла работа надъ басней.

Въ печатныхъ изданіяхъ, начиная съ 1816 года, когда она впервые была напечатана, басня уже имѣется въ своей окончательной редакціи и перепечатывалась безъ измѣненія.

Рукопись Пушкинскаго Дома, поступившая изъ архива князей Голицыныхъ, находившагося въ Рязанской губерніи, въ составѣ рукописной традиціи представляетъ большой интересъ. Рукопись черновая. Написана рукопись трудно читаемымъ почеркомъ, какимъ писалось большинство начальныхъ набросковъ басенъ. Особенность манеры письма черновыхъ первыхъ набросковъ у Крылова сказывалась въ томъ, что слова полностью не писались, а лишь намѣчались первыми буквами. Такія рукописи представляютъ большую трудность для чтенія. Такъ написана и черновая рукопись басни «Свинья подъ дубомъ» и много другихъ, особенно изъ басенъ ранняго періода творчества. П. А. Плетневъ (Соч. и переп., т. II, стр. 27) передаетъ, что Крыловъ часто самъ, прочитавъ заглавіе басни, стиховъ ея уже прочитать не могъ. Существуетъ разсказъ о томъ, какъ Крыловъ, написавши басню, чрезъ нѣкоторое время не могъ ее прочитать (Каллашъ, т. IV,

стр. 467). Разсказъ, переданный внукомъ А. Н. Оленина, какъ бы подтверждается настоящей рукописью. На папкѣ рукописи (листъ, сложенный конвертомъ. На бумагѣ водяной знакъ: М. Г. С. О. М. М. 1817 г.) четкимъ крупнымъ почеркомъ написано: «Басня писанная Ив. Анд. Крыловымъ въ 1813 году которую по прошествіи нѣкотораго времени прочитать онъ былъ не въ состояніи». Надпись сдѣлана послѣ 1817 г. (водяной знакъ бумаги конверта) и интересна не только какъ подтвержденіе анекдота переданнаго внукомъ А. Н. Оленина.

Дѣло въ томъ, что хронологія басни опредѣлялась временемъ ее напечатанія — 1816 г. (Кеневичъ, 159; Каллашъ, Хронологія, стр. 13). Между тѣмъ бумага новой рукописи (синяя бумага, водяной знакъ: М. О. Ф. С. Ь. 1811), надпись на конвертѣ, самый почеркъ — заставляютъ относить басню къ болѣе раннему времени. Можно вполнѣ согласиться съ датой конверта, — т. е. съ 1813 годомъ. Въ этомъ году Крыловъ могъ написать басню при условіяхъ, переданныхъ А. Н. Олениным, — забыть объ этой баснѣ, не внести ее въ тетради, по которымъ онъ читалъ басни во дворцѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ 1813 и 1814 гг. (1 января и 12 мая), тѣмъ болѣе, что она и не была обработана, а позднѣе, при подготовкѣ новаго изданія, возстановить басню, что мы и находимъ въ рукописи Публичной Библіотеки.

Рукопись Пушкинскаго Дома имѣетъ слѣдующіе варіанты:

Заголовокъ басни трудно поддается чтенію [1]).

Ст. 1 — въ рукописи отсутствуетъ.
» 6 — (по горло).
» 10 — 11 Что (новаго) чтобъ новаго богатства добывая (?).
» 14 — Вотъ напримѣръ того (богат) хозяинъ дому
» 15 — Сщастливо началъ торговать.
» 17 — . . . . . остальной свой . . . . . .
» 18 — въ рукописи отсутствуетъ.
» 21 — Денежки ево . . . все море поглотило
» 28 — Короче тьма такихъ примѣровъ есть.
» 33 — Червонцевъ кучу я достала
» 38 — (это) то сдѣлается соромъ.
» 39 — Смотри я напередъ тебя остерегла.

[1]) Зачеркнутыя слова введены въ скобки. Неразобранныя мѣста рукописи обозначаются многоточіемъ.

Ст. 43 — Вотъ Нищій мой отъ радости чуть дышитъ.
» 45 — Подставилъ свой кошель и . . . . . рѣкой
» 46 — (Вдругъ по) Вдругъ полился въ него червонцевъ дождь . . . .
» 47 — Сума ужъ стала тяжела.
» 48 — Довольно. Нѣтъ еще [1]).
» 49 — 51 (Смотри ты крезомъ сталъ. Еще).
— (Ей полно. Посмотри). — Сравн. стихъ 51.
— (Ей полно. Не треснула бъ сума)
— Смотри ты крезомъ сталъ. Еще еще немножко.
— Ей полно. Посмотри: сума ползетъ ужъ врозь

Еще еще немножко
Хоть горсточку подбрось.

» 52 — Но тутъ кошель (прорвал) прорвался
» 54 — Фортуна скрылась. Одинъ хламъ остался

Черновой характеръ рукописи невольно обращаетъ на себя вниманье при взглядѣ на варіанты. Варіанты стиховъ 1, 14, 18, 33 мы встрѣтимъ и въ дальнѣйшей работѣ (рукопись Публ. Библіотеки) надъ басней. Ст. 10—11 еще только намѣчаются въ своей мысли. Яркости въ обрисовкѣ алчности нищаго еще нѣтъ. Отмѣчено лишь простое стремленіе разбогатѣть. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и ст. 15—«счастливо началъ»,—а не «пошелъ», какъ въ дальнѣйшей обработкѣ. «Пошелъ» — указываетъ на опредѣленное состояніе, которое могло бы удовлетворить не алчнаго (ст. 10) человѣка, и могло бы привести его къ мысли о достаточности имѣющагося богатства. При такой обрисовкѣ, конечно, ст. 18 ненуженъ, а ст. 21 долженъ дать понятіе не о сокровищахъ, а о «денежкахъ», какъ мы и находимъ въ рукописи. Скромныя сравнительно выраженія нищаго при обрисовкѣ имъ положенія богатаго, мысли объ одномъ лицѣ обобщаются имъ до крайнихъ предѣловъ—«тьмы примѣровъ» (ст. 28). При мягкости, неопределенности тоновъ богатства, конечно, эта «тема» возможна и психологически, даже съ точки зрѣнія реальнаго языка нищаго, естественна, какъ естественна и самая формулировка его отношенія ко всему этому: «нерѣдко удивлялся». Въ разсужденіяхъ нищаго нѣтъ ни озлобленія, ни негодованія; нѣтъ даже и иронiи: нищій добродушенъ и спокойно философствуетъ.

[1]) Не треснула бъ сума.

Можетъ быть, въ зависимости отъ такой разработки образа нищаго не поддавалась обработкѣ вторая половина басни,—второй актъ сюжета, — наказанная жадность нищаго. Жадность нищаго не была подчеркнута. И работа надъ басней не могла быть закончена. Ст. 43 отличается ненужной длинностой, что можно сказать также и про ст. 45, а ст. 46 со своимъ «вдругъ» идетъ совершенно вразрѣзъ со всѣмъ предыдущимъ: неожиданности быть не могло. Не удался и діалогъ стиховъ 48—52. Онъ соединяетъ въ себѣ два момента: предупрежденіе Фортуной нищаго въ соотвѣтствіи съ его собственными разсужденіями о богачахъ и ихъ осужденіи (ст. 16 — 18, 26 — 27), а съ другой стороны — этотъ стихъ долженъ былъ отмѣтить всю живость дѣйствія въ соотвѣтствіи съ общимъ темпомъ, взятымъ авторомъ.

Объединеніе того и другого и не удавалось, и мысли ст. 51—52 даже въ черновой редакціи предшествуютъ стиху 50-му. Діалогъ въ рукописи былъ оставленъ незаконченнымъ, принялъ онъ стройность во второй рукописи (Публичной Библіотеки).

Но здѣсь, во второй рукописи, подверглась переработкѣ и первая часть басни—именно слова нищаго. Передѣлка коснулась въ направленіи оттѣнка стиха 3-го—«и жалуясь на жребій свой». Въ богатствѣ нищему, жалующемуся на свой жребій, рисуется уже жадность, алчность. Появляется, въ связи съ этимъ, ст. 10, усиливается мысль ст. ст. 15 и 21, появляется и ст. 18. Правда, онъ еще зачеркивается пока, но необходимость его осознана, и въ печатныхъ редакціяхъ онъ возстанавливается. Даются, наконецъ, редакціонныя поправки къ ст. ст. 6, 14, 33, 54. Басня въ рукописи получаетъ почти законченную редакцію и переписывается набѣло. Но, какъ часто бывало у Крылова, бѣловая редакція его не удовлетворила, когда онъ снова взялся за ея просмотръ для печатания. У Крылова, пока басня не напечатана, она все время передѣлывается. Да и послѣ напечатанія всегда требовательный къ себѣ писатель не оставлялъ басню; къ новому задуманному изданію многія басни снова и снова перерабатывались. Но съ басней «Фортуна и Нищій» этого не произошло. Обработанная къ изд. 1816 года она въ послѣдующія изданія входила безъ измѣненія. Окончательная ея редакція относится ко времени 1816 года.

III

СЛОНЪ И МОСЬКА.

Рукопись басни «Слонъ и Моська» находится въ чудомъ уцѣлѣвшемъ альбомѣ (одномъ изъ двухъ) академика П. И. Кеппена, поступившемъ въ Пушкинский Домъ вмѣстѣ съ немногими другими документами, сохранившимися отъ разгрома въ 1919 г. квартиры (на Васильевскомъ Островѣ), въ которой хранились рукописи сына академика, извѣстнаго зоолога Ѳ. П. Кеппена.

Басня «Слонъ и Моська», какъ и предыдущія басни, бѣдна рукописной традиціей. До сихъ поръ была извѣстна рукопись Публичной Библіотеки. Рукопись бѣловая (собраніе автографовъ). Помѣтка цифрой «9» въ углу рукописи показываетъ, что басня переписана къ подготовлявшемуся изданію басенъ въ 1811 году, когда она впервые появилась въ собраніи басенъ. Раньше она была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» (1808 г., ч. IV, л. 85, стр. 55 — 56)—съ варіантами

къ ст. 4 — смотрители
— — 13 И лаю твоего со всемъ

Въ рукописи Публичной Библіотеки варіанты лишь орѳографическаго характера (ст. 5 — отъ колѣ, на встрѣчу; ст. 6 — на нево; ст. 10—шафка; ст. 11—ужь; ст. 12—въ передъ; ст. 13 — твоево). Въ печатныхъ редакціяхъ изданій басенъ варіантовъ не находимъ. Текстъ окончательно былъ установленъ къ изданію 1811 года.

Въ рукописи альбома Кеппена мы находимъ такіе варіанты:

Ст. 4—такъ за слономъ толпы зѣвакъ бродили.
— 9— страмиться
— 10—шафка—
— 12— — въ передъ —
— 13 — твоево.

Изъ приведенныхъ варіантовъ лишь варіантъ ст. 4 даетъ редакціонную поправку, отмѣчая медленный, пассивный характеръ дѣй-

ствія. Остальные—въ области орѳографіи. Но и варіантъ стиха 4-го не является важнымъ для изученія работы надъ басней.

Дѣло въ томъ, что рукопись альбома Кеппена рукою И. А. Крылова датирована: «19 авг. 1821 года». Другими словами — басня попала въ альбомъ уже гораздо позднѣе написанія и напечатанія, послѣ того, какъ была установлена окончательная редакція басни. При такихъ условіяхъ варіанты новой рукописи, конечно, не имѣютъ большого значенія. Крыловъ написалъ въ альбомъ то, что, несомнѣнно, пришло ему на память, воспроизвелъ старую басню. 1821 годъ—это одинъ изъ тѣхъ годовъ, когда творческая работа баснописца была слабѣе, нежели въ другіе годы: къ 1821 году можно отнести,—и то съ большой натяжкой,— 1 — 2 новыхъ басни. А фактъ переписки Крыловымъ своихъ старыхъ, уже напечатанныхъ басенъ установленъ. Такъ, онъ переписывалъ басни съ печатного экземпляра изданія 1819 года, что отмѣчено В. Ѳ. Кеневичемъ (Сборн., стр. XII).

Басня «Слонъ и Моська» написана на 93 листѣ альбома мелкимъ, четкимъ почеркомъ. Подъ басней подпись: «И. Крыловъ. Августа 19—1821 года». Внизу листа рукою Кеппена приписано: «Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ 1768 году 2-го февраля, это сочтено его помощникомъ по Имп. Библіот. Дельвигомъ».

Трудно опредѣлить, — служебныя ли причины заставили Дельвига высчитывать годъ рожденія, или что другое. Въ 1828 году, при представленіи Крылова къ знаку отличія безпорочной службы, его формуляръ составлялся заново — за неименіемъ такового отъ прежнихъ лѣтъ. Возникла большая переписка (Дѣло Управленія Имп. Публичной Библіотеки. 1828 г., № 31). Для опредѣленія его возраста необходимо было знать и годъ его рожденія. Это могло заставить и Дельвига заняться высчитываніемъ времени рожденія баснописца, исходя изъ его собственныхъ, далеко неустойчивыхъ показаній. Результаты подсчета и были сообщены Кеппену, вносившему въ свой альбомъ свѣдѣнія объ его участникахъ.

Но могли быть и иныя какія-либо обстоятельства, даже просто просьба Кеппена. Вообще въ эти годы интересъ къ Крылову былъ очень оживленъ въ связи съ чисто-литературными фактами. Въ 1823 году Крыловъ становится предметомъ вниманія. А. А. Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» даетъ лестную характеристику Крылова (стр. 21). Въ Парижѣ выходитъ переводъ нѣкоторыхъ басенъ Крылова

(Anthologie Russe....). Въ 1824 году Н. И. Гречъ въ «Сынѣ Отечества» (ч. 91, № 2, стр. 76) сообщаетъ о возобновившейся послѣ перерыва творческой работѣ Крылова. Я. Н. Толстой защищаетъ Крылова отъ нападокъ французской критики за басню «Сочинитель и Разбойникъ». Возникаетъ полемика Ѳ. Булгарина по поводу статьи князя П. А. Вяземскаго объ И. И. Дмитріевѣ («Литер. Листки» 1824 г., ч. I, стр. 61). Въ этомъ же году и Дельвигъ приготовилъ къ печати «Сѣверные Цвѣты» на 1825 г. (Цензурная помѣта: 9 августа 1824 г.), гдѣ участвовалъ и Крыловъ. Все это могло создать интересъ и къ даннымъ біографіи Крылова, чѣмъ воспользовался Кеппенъ.

А Кеппену біографическія данныя были нужны для альбома. Альбомъ Кеппена въ этомъ отношеніи представляетъ, помимо литературнаго матеріала, значительный интересъ. Судя по датамъ записей альбома, идея созданія альбома возникла у владѣльца его въ концѣ второго десятилѣтія, когда Кеппенъ, послѣ своихъ поѣздокъ по Россіи (1819 г.) и во время ихъ, завелъ обширныя знакомства съ представителями культурной жизни Россіи. Это значительно расширило кругъ его знакомыхъ среди Русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Съ послѣдними его сближало и участіе въ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. У него и возникла мысль альбома.

Большинство записей альбома и относится къ 1819—1821 годамъ, — ко времени его приготовленій къ поѣздкѣ заграницу. Среди участниковъ альбома мы находимъ и представителей науки, какъ Строевъ, Калайдовичъ, Митрополитъ Евгеній, Анастасевичъ, Малиновскій, Каченовскій и др., такъ и представителей литературы—Жуковскій, Карамзинъ, Кюхельбекеръ, Дельвигъ, Шаховской, Гнѣдичъ и другіе. Среди послѣднихъ — Крыловъ. Любопытно, что большинство въ своихъ запискахъ сообщали и даты своего рожденія, а нѣкоторые даже просто сообщали главные факты своихъ біографій. Къ записямъ, послѣ смерти авторовъ ихъ, владѣлецъ альбома прибавлялъ и самъ свѣдѣнія о ихъ жизни или же ставилъ годъ ихъ смерти. Въ этомъ отношеніи альбомъ Кеппена представляетъ цѣнность.

И, конечно, при такомъ характерѣ альбома появленіе даты рожденія Крылова вполнѣ естественно. Самъ Крыловъ мало что могъ сообщить о себѣ (см. мою замѣтку объ изданіи сочиненій Крылова подъ редакціей В. В. Каллаша — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ», т. XII (1907), кн. 1, стр. 421—453), и Кеппенъ обра-

тился за справкой къ Дельвигу, какъ помощнику Крылова по службѣ въ Библіотекѣ. Подсчетъ Дельвига не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (см. мою статью: «Замѣтка о годѣ рожденія Крылова»—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1904 г., кн. X, стр. 102—113), но для того времени эта дата была употребительна. Она была взята и послѣ, въ 1828 году, и внесена въ формуляръ Крылова.

IV

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Рукопись басни «Чижъ и Голубь» относится къ категоріи такихъ же рукописей, какъ и предшествующая басня. Она находится въ альбомѣ композитора А. С. Даргомыжскаго, пріобрѣтенномъ въ 1920 году Пушкинскимъ Домомъ.

Альбомъ Даргомыжскаго по составу записей прежде всего—альбомъ музыкальныхъ дѣятелей; изъ писателей мы не находимъ въ немъ никого, кромѣ Крылова и Жуковскаго, давшаго свой автографъ на томъ же листѣ, гдѣ Крыловъ написалъ свою басню. Жуковскій, какъ извѣстно, стоялъ очень близко къ Даргомыжскому. О знакомствѣ съ нимъ Крылова было извѣстно очень мало. Вѣроятно, Крыловъ познакомился съ нимъ чрезъ Жуковскаго же. Судя по участію въ альбомѣ, Крыловъ былъ въ своихъ отношеніяхъ къ композитору далеко не безразличенъ. Музыка была ему близка; въ былые годы онъ и самъ игралъ, были у него и музыкальныя знакомства, и сношенія съ композиторами, особенно по поводу своей оперы (см. Лобановъ, стр. 32—37, 65; Каллашъ, т. II, стр. 95—98). Съ Даргомыжскимъ Крыловъ познакомился въ концѣ своей жизни; басня въ альбомѣ датирована: «20 февраля 1841 года». Какъ и въ альбомъ Кеппена, Крыловъ записалъ въ альбомъ Даргомыжскаго одну изъ старыхъ, уже напечатанныхъ басенъ и даже—очень старыхъ. Басня «Чижъ и Голубь» не безъ основанія датируется 1814 годомъ (Кеневичъ, стр. 131; Каллашъ, О хронологіи, стр. 13); основаніемъ для этого служитъ рукопись Публичной Библіотеки (Ѳ. XIV)—«Тетрадь 1814 года», по которой Крыловъ читалъ 12 мая 1814 года свои басни у Имп. Маріи Ѳеодоровны. Если въ такой датировкѣ и есть неточность, то очень

небольшая. Читая басни въ 1814 году, въ началѣ года, по экземпляру, набѣло переписанному, Крыловъ написать басни могъ и раньше. Если судить по бумагѣ рукописи этой басни, принадлежащей Академіи Наукъ (тетрадь № 1), гдѣ мы находимъ водяной знакъ «1812», — можно предположить, что басня написана въ 1812—13 г.г. Но поправка, конечно, незначительная.

Въ печати басня «Чижъ и Голубь» появилась впервые въ изданіи 1816 года съ варіантомъ въ ст. 4:

«Середь бѣлого дня»,—

какъ она и печаталась до изд. 1834 года, когда редакція этого стиха была измѣнена въ:

«Средь бѣлаго дня».

Но въ изд. 1843 года снова стихъ передѣлывается. Мы находимъ:

«Средь бѣла дня».

Такимъ образомъ окончательно текстъ басни былъ установленъ только къ 1843 году. Отсюда—рукопись Пушкинскаго Дома, т. е. запись въ альбомѣ Даргомыжскаго, сдѣланная въ 1841 году, получаетъ нѣкоторое значеніе. Она можетъ быть внесена въ цѣпь фактовъ рукописной традиціи басни. Тѣмъ болѣе, что рукописная традиція у этой басни хотя и есть, но она ограничивается указанными рукописями Публ. Библіотеки и Академіи Наукъ. Эти рукописи обѣ бѣловыя. Черновыхъ рукописей басни нѣтъ. Рукопись Публ. Библіотеки была написана набѣло для чтенія Императрицѣ. Рукопись же Академіи Наукъ, вѣроятно, болѣе поздняя: въ ней 49 басенъ, пронумерованныхъ порядковыми числами. Порядковыя числа не совпадаютъ съ расположеніемъ басенъ въ какомъ-либо печатномъ изданіи. Можетъ быть, они переписывались въ періодъ подготовки изданія 1816 г. (бумага тетради съ водянымъ знакомъ «1812»), а можетъ быть и позднѣе для какой-то, пока неизвѣстной цѣли. Во всякомъ случаѣ и въ этой тетради мы имѣемъ дѣло съ бѣловой записью.

Но въ варіантахъ рукописей мы все же находимъ кое-что и любопытное. Изъ рукописныхъ варіантовъ прежде всего надо отмѣтить заголовокъ басни: «Голубь и Чижъ». Вниманіе читателя обращалось на голубя, какъ основное лицо. Но такой порядокъ заголовка

не соотвѣтствовалъ порядку хода дѣйствія въ баснѣ,—и при печати это несоотвѣтствіе было устранено перестановкой словъ заглавія. Уже въ изданіи 1816 года мы находимъ измѣненное заглавіе: на первую роль былъ выдвинутъ «Чижъ»; онъ, вѣдь, первое лицо для выявленія морали басни. Съ такимъ заголовкомъ басня помѣщена и въ альбомѣ Даргомыжскаго. Заголовокъ здѣсь взятъ съ печатнаго текста. Въ альбомномъ заголовкѣ мы находимъ одну поправку: «Чижъ и (Ежъ) Голубь». Но эта поправка говоритъ только о томъ, что Крыловъ первоначально хотѣлъ написать другую басню, но, вѣроятно, не могъ возстановить ее въ памяти.

Къ варіантамъ такого же порядка относится и первоначальный пропускъ при записи по памяти стиха 7-го. Онъ уже написалъ «Анъ смотришь», но зачеркнулъ и внесъ текстъ стиха 7-го.

Стихъ 4-й въ альбомѣ редактированъ, какъ и въ другихъ рукописяхъ (Публ. Библ. и Акад. Наукъ),—

«Середь бѣлова дня»,

а это въ печатныхъ изданіяхъ до 1834 года давало, согласно съ оффиціальной орѳографіей, — «бѣлаго», что нарушало ритмическій строй стиха. Эта редакція, особенно въ изд. 1834 года,—«бѣлаго», не удовлетворяла Крылова, и къ изд. 1843 года онъ нашелъ выходъ и далъ редакцію, удовлетворяющую и требованію ритма, и оффиціальной орѳографіи.

Этимъ и ограничивается то, что можетъ дать рукопись альбома Даргомыжскаго.

Альбомъ Даргомыжского возникъ въ 1841 году. Запись Крылова въ немъ первая — на первомъ нумерованномъ листѣ (на третьемъ ненумерованномъ). Внизу — подъ басней Крылова — автографъ Жуковскаго. Остальныя записи альбома относятся къ позднѣйшимъ годамъ.

Л. Ильинскій.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ Н. И. ГРЕЧУ.

(Изъ Дашковскаго собранія Пушкинскаго Дома).

Собираніе и изданіе писемъ Жуковскаго, въ большомъ количествѣ еще не напечатанныхъ, — неотложная задача историка Русской литературы.

Письма Жуковскаго необычайно цѣнны — не только, какъ матеріалъ для біографіи самого Жуковскаго и характеристики его личности («чертовски небесной души», по выраженію Пушкина), но и какъ матеріалъ для исторіи цѣлой эпохи Русской жизни начала XIX вѣка.

Къ сожалѣнію, теперь не представляется вполнѣ возможнымъ издать многочисленныя письма Жуковскаго, хранящіяся въ Пушкинскомъ Домѣ.

Пользуемся случаемъ напечатать три письма Жуковскаго къ Н. И. Гречу [1]), касающіяся литературной жизни Петербургскаго общества 30-хъ годовъ прошлаго вѣка.

1

29 Января 1838 г. Петербургъ.

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ!

Вѣроятно, Вамъ уже извѣстно, что есть намѣреніе праздновать день рожденія Ивана Андреевича Крылова (будущаго 2-го Февраля).

[1]) Н. И. Гречъ (род. 1787, ум. 1867)—журналистъ, филологъ и педагогъ, первый издатель «Сына Отечества», соредакторъ «Сѣверной Пчелы», авторъ многочисленныхъ работъ по русской грамматикѣ, и «Чтеній о Русскомъ языкѣ».

Всѣ литераторы, находящіеся въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія захотятъ принять участіе въ этомъ національномъ праздникѣ. Мы съ своей стороны собираемъ подписку; помогите намъ съ Вашей. Посылаю Вамъ подписной листъ; возьмите на себя трудъ пригласить на Литературный пиръ нашъ знакомыхъ Вамъ писателей. Весьма было бы желательно, что бы этотъ листъ съ именами подписавшихся и съ собранными деньгами былъ мнѣ возвращенъ не позже утра 1-го Февраля. Прошу Васъ покорно удостоить меня отвѣта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
покорнымъ слугою

В. Жуковскій.

P. S. Прилагаю здѣсь билеты, которые прошу васъ раздать при подпискѣ. Тѣ, кои не будутъ розданы, благоволите возвратить.

«29» Генваря 1838 г.
С.-Петербургъ.
Е. П. Н. И. Гречу.

2-го Февраля 1838 г. Крылову исполнялось 70 лѣтъ со дня рожденія.

На этомъ юбилѣе Жуковскій, какъ извѣстно, произнесъ краткую, но вдохновенную рѣчь [1]) въ формѣ привѣтствія знаменитому баснописцу и благодарности ему отъ имени современниковъ «за самихъ себя», «за юношей», «за знаменитость имени Крылова». Въ своей рѣчи Жуковскій между прочимъ сказалъ: «не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ не достаетъ *двухъ*, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ, знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой... Другой, едва расцвѣтшій и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспо-

[1]) Напечатана въ полномъ собраніи сочиненій Жуковскаго (любое изданіе)

минаніе о Дмитріевѣ и Пушкинѣ само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ Крылова».

Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1838 г., № 1, такъ разсказано о рѣчи Жуковскаго на «Литературномъ пирѣ» въ честь Крылова:

«Пѣвецъ отечественной славы и одинъ изъ первыхъ учредителей праздника привѣтствовалъ Крылова рѣчью, въ которой съ глубокимъ выраженіемъ чувства, отличительнымъ преимуществомъ своего прекраснаго генія, онъ былъ изъяснителемъ народной благодарности къ любимому Русскому баснописцу.

Рукоплесканія нѣсколько разъ прерывали рѣчь Жуковскаго».

2.

1-го декабря, 1839 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ.

Принося Вамъ искреннюю благодарность за присылку мнѣ билета и приглашенія на Ваши чтенія о русскомъ языкѣ, спѣшу изъявить сожалѣніе мое, что именно нынче долженъ себя лишить удовольствія Васъ слышать: я долженъ быть въ 8-мь часовъ вечера у Е. В. Великой Княгини Ольги Николаевны. Надѣюсь вознаградить себя за потерю удовольствія въ слѣдующую пятницу; но жаль, очень жаль, что не могу слышать вашего введенія. Надѣюсь, что лекціи Ваши будутъ напечатаны [1]).

Съ увѣреніемъ въ совершенномъ почтеніи честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашимъ покорнымъ слугою
Жуковскій.

1 Декабря 1839.

На оборотѣ: Его Превосходительству Николаю Ивановичу Гречу.

---

[1]) «Чтенія о Русскомъ языкѣ» Н. И. Греча были изданы въ 2-хъ частяхъ, въ 1840 г. (С.-Пб.).

3

[Конецъ декабря 1839 г. Петербургъ].

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ.

Благодарю Васъ за любезное Ваше приглашеніе. Но какая то враждебная судьба мѣшаетъ мнѣ по сію пору попасть на Ваши любопытныя для меня чтенія. На первое не попалъ, потому, что былъ долженъ провести тотъ вечеръ у Великой Княгини Ольги Николаевны; на второе собрался, вдругъ приглашеніе къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Теперь Вы зовете на особенное чтеніе, котораго бы такъ пріятно было въ маломъ кругѣ послушать, а я самъ утерялъ у Карамзиныхъ чтеніе Гоголя, которому другаго дня избрать невозможно, который скоро отъ сюда уѣзжаетъ и хочетъ прочитать главы изъ новаго начатаго имъ романа. Сожалѣю, а дѣлать нечего. Авось будущей пятницы судьба у меня не отыметъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашимъ
покорнымъ слугою

Жуковскій.

На оборотѣ: Его Превосходительству Николаю Ивановичу Гречу.

Новый романъ Гоголя, о которомъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ Жуковскій,—«Мертвыя души». Гоголь началъ его еще въ 1836 г. Послѣ смерти Пушкина, уѣхавъ въ Италію, Гоголь продолжалъ писать романъ, какъ бы завѣщанный ему самимъ Пушкинымъ, и по пріѣздѣ въ Россію въ 1839—1840 г.г. читалъ первыя главы въ салонѣ Кармазиныхъ, гдѣ собиралось обыкновенно все современное Петербургское литературное общество.

Сообщилъ: *Б. Копланъ.*

КОМЕДІЯ ТУРГЕНЕВА «ЧУЖОЙ ХЛѢБЪ» («НАХЛѢБНИКЪ») [1].

Рукопись комедіи И. С. Тургенева «Чужой хлѣбъ» («Нахлѣбникъ») написана на 18 листахъ почтовой бумаги большого формата. Второе дѣйствіе писано на бумагѣ другого сорта, бѣлѣе и еще больше. Листъ 14-ый утраченъ. Писана рукою И. С. Тургенева: мелкимъ, четкимъ, связнымъ, красивымъ почеркомъ. Укажемъ нѣкоторыя графическія особенности рукописи. Буква *л* иногда пишется (обыкновенно лишь въ срединѣ словъ, гдѣ удобно начинать ее сверху) какъ латинское *h*. Буква *я* иногда пишется по старинному: начинается сверху и верхняя часть ея перваго элемента такова же, какъ у буквы *Е* заглавное; иногда же весь онъ является, какъ латинское *s*, выведенное выше строки. Второй элементъ буквы *р* и послѣдній буквы *ф* часто начинаются снизу. Буквы *к*, *г*, *с* и *ь* часто выходятъ выше строки. Буква *х* изображается обыкновенно въ видѣ перекрещивающихся элементовъ, при чемъ первый элементъ бываетъ иногда такой же какъ въ буквѣ *р*, но тонкій и часто не далеко уходитъ подъ строку. Первый элементъ буквы *м*, такъ же какъ и *л*, имѣетъ часто закругленіе сверху, иногда же бываетъ тонкій, безъ точки и придаетъ этой части буквы видъ остраго угла. Буква *ч* иногда выходитъ за строку внизъ. Буква *в* иногда изображается въ видѣ выходящаго изъ строки десятеричнаго *і* (безъ точки), то перечеркнутаго сверху и съ ковычкой въ срединѣ, то просто съ одной ковычкой. Буква *ш*

---

[1]) Рукопись Пушкинскаго Дома, полученная отъ В. А. Ляцкой-Пыпиной № 3542. XVIII 6. 80.

часто подчеркивается. Многоточіе обыкновенно изображается двумя точками, стоящими рядомъ.

Описокъ въ рукописи немного. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести: зубАскалъ (л. 1 об.), гдѣ первое *а* написано, вѣроятно, подъ зрительнымъ воздѣйствіемъ слѣдующаго, и: мнѣ мучите (л. 13 об.). Несмотря на то, что текстъ много исправлялся, въ немъ остались кое-какія неслаженныя мѣста. Напримѣръ, управитель Егоръ называется по отчеству то «Алексѣичь», то «Андреичь» (л. 2 и л. 2 об.), стряпчій Лычковъ сначала называется «Иванъ Артемьичь», а потомъ «Иванъ Архипычь» (л. 7 об.), шампанское въ одно и то же время пьютъ и рюмками, и бокалами (л. 9 и 10).

Рукопись носитъ на себѣ слѣды внимательной и большой переработки, производившейся, повидимому, въ нѣсколько пріемовъ. Одно время переработка заключалась въ сокращеніи текста, при чемъ зачеркнутыя мѣста вымарывались чернилами такъ, что ихъ на первый взглядъ нельзя разобрать. Потомъ былъ пересмотръ, при которомъ части текста просто зачеркивались, при чемъ зачеркнутыя мѣста читаются легко. Поправокъ перваго рода довольно много, — второго сравнительно небольшое число. Вставокъ другого, поздняго почерка, въ текстѣ немного.

Для образца исправленій, приведемъ примѣры съ 1-го листа рукописи (со ссылками на страницы посмертнаго изданія 1883 г.).

Зачеркнутыя слова и фразы, не вошедшія въ текстъ (ставимъ ихъ въ скобкахъ):

(Нахлѣбникъ) Чужой хлѣбъ

Носитъ (дворянскій) сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами. (Эта роль назначена Михайлѣ Семенычу; слѣд. мнѣ прибавлять нечего. Онъ изъ нея сдѣлаетъ, что захочетъ). Л. 1. = Стр. 164.

Это безпорядокъ! (Это безпорядокъ!) Я во всемъ здѣсь нахожу безпорядокъ!—Л. 1 об.=Стр. 165.

(Мы) ничего (здѣсь не дѣлаемъ)! Ничего! Л. 1 об. = Стр. 166.

Чтожъ онъ не входитъ? (Чтоже онъ тамъ стоитъ?) Чего дожидается? Л. 1 об.=Стр. 166.

Точно такъ-съ (— портной). Л. 1 об. = Стр. 166.

Ну ты, старина, исполнилъ приказаніе (— исполнилъ)? Л. 1 об.= Стр. 167 (гдѣ слово «старина» безъ ударенія).

И не говори! (И не говори!)... Л. 1 об.=Стр. 167.

Большая часть помарокъ уничтожаетъ повтореніе словъ и фразъ, которое отличало рѣчь нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, напримѣръ, Трембинскаго.

Другая, небольшая часть помарокъ, очевидно, удовлетворяетъ цензурно-политическимъ требованіямъ. Для нихъ перемѣнено заглавіе комедіи, для нихъ уничтожались самыя невинныя намеки на барство и крѣпостное право. Такъ, при фразѣ: «Чистятъ ли дорожки въ саду?» зачеркнута слѣдующая: «Барыня прогуливаться любитъ». Тамъ, гдѣ Кузовкинъ говорилъ Иванову: «ты—помѣщикъ, ты—баринъ», послѣднія два слова зачеркнуты.

Иногда поправки Тургенева касаются языка комедіи. Напримѣръ, на л. 13 об. во фразѣ, первоначально написанной: «я желаю правды, правды — я желаю знать правду»—зачеркнуто второе слово «правды» и на мѣсто отвлеченнаго «желаю» поставлено болѣе настойчивое «хочу», такъ что получилось: «я хочу правды, я хочу знать правду» («Современникъ», стр. 116, посмертное изданіе, стр. 225).

Нѣкоторыя исправленія относятся къ художественной обработкѣ характеровъ и положеній. Такъ, отношенія между Кузовкинымъ и Кориной послѣ смерти ея мужа въ комедіи являются совершенно закрытыми. Это настолько входило въ планы автора, что онъ уничтожилъ фразу, которая нѣсколько открывала эти отношенія. Въ рукописи послѣ словъ: «въ лицо ей глядѣть боялся» («Современникъ», стр. 121, посмертное изданіе, стр. 233) стояли зачеркнутыя потомъ слова: «такъ что подъ конецъ она сама — ласковая душа! меня ободрять начинала» (л. 15 об.).

На рукописи, въ лѣвомъ верхнемъ углу, надпись карандашомъ, рукою А. А. Краевскаго: «Отпечатать особо пятнадцать экз. Кр.». Затѣмъ сдѣланы карандашомъ типографскія размѣтки о шрифтахъ для наборщика и на поляхъ отмѣчены фамиліи лицъ, набиравшихъ текстъ. Подъ заглавіемъ подпись карандашомъ: «Посвящено М. С. Щепкину», зачеркнутая.

Когда написана эта рукопись? На это нѣтъ въ ней никакихъ прямыхъ указаній. Напечатана пьеса въ «Современникѣ» 1857 года, книга 3-ья (т. LXII, отд. I, стр. 81—133).

Дѣйствительное время выхода этой 3-ей книжки видно изъ объявленія «Сѣверной Пчелы»: №, вышедшій въ «четвертокъ, 21

Марта», даетъ извѣщеніе, что вышла и раздается Гг. подписавшимся 3-я книжка «Современника» на 1857 годъ, въ содержаніи которой значится и: «Чужой хлѣбъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, И. С. Тургенева».

Время написанія и исправленія данной рукописи опредѣляется довольно ясно изъ писемъ И. С. Тургенева. 7 (19) января 1849 года онъ писалъ А. А. Краевскому изъ Парижа: «31-го числа января (т. е. черезъ 24 дня) будетъ дана въ Москвѣ для бенефиса Щепкина моя комедія въ 2-хъ актахъ подъ названьемъ: Нахлѣбникъ. Хотите вы ее напечатать въ О[течественныхъ] З[апискахъ], если она не шлепнется разумѣется? Я сегодня же пишу объ этомъ Щепкину, который тотчасъ, по полученіи отъ васъ письма, вамъ ее вышлетъ. Только ради Бога, чтобы не было опечатокъ!!! Если вы на это согласны, я съ своей стороны буду очень радъ... Если вы напечатаете Н[ахлѣбник]а, то велите поставить: «Посвящена М[ихайл]ѣ С[еменович]у Щепкину». Если можно напечатайте 10 отдѣльныхъ экземпляровъ»... (Изъ собранія автографовъ Импер. Публичной Библіотеки. Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена къ А. А. Краевскому. С.-Пб. 1893, стр. 2). Цензура однако оказала препятствія и къ постановкѣ, и къ печатанію данной пьесы. Извѣщенный объ этомъ Краевскимъ, Тургеневъ писалъ ему изъ Парижа 1 (13) марта 1849 года: «Я, ей же ей, не понимаю, что̀ могла найти цензура въ НахлѣбникѢ, и съ нетерпѣньемъ ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся комедія, какъ вы увидите, написана болѣе для одной роли (Щепкина), и вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было непріятно неисполненіе Н[ахлѣбник]а въ его бенефисъ. Ну, однако, дѣло сдѣлано, и я желаю только, чтобы въ вашемъ журналѣ ее бы не исказили» (Тамъ же, стр. 3). Цензурныя препятствія оказались непреодолимыми. 2 (14) апрѣля 1849 года Тургеневъ писалъ Краевскому: «Съ недѣлю тому назадъ, любезный Краевскій, получилъ я ваше письмо съ извѣстіемъ объ окончательномъ кораблекрушеніи злополучнаго «Нахлѣбника». Миръ его праху! [1])» (тамъ же, стр. 4).

---

[1]) Подробности запрещенія у проф. Ю. Г. Оксмана: «И. С. Тургенев. Исследования и материалы». Вып. I, стр. 78 — 81; также «Литературный Музеумъ», т. I, стр. 369 — 372; ср. еще замѣтку Л. С. Утевскаго въ ж. «Бирюч» 1918 г., № 9.

Всѣ данныя рукописи показываютъ, что это она въ началѣ 1849 года была въ рукахъ А. А. Краевскаго, очевидно получившаго ее отъ М. С. Щепкина.

Въ письмѣ къ П. Віардо изъ Парижа, отъ 5 (17) января 1848 г., Тургеневъ сообщалъ: «Я работаю надъ одной комедіей, предназначенною для одного московскаго актера». (Письма И. С. Тургенева къ Паулинѣ Віардо, М. 1900, стр. 77). Конечно, это не «Холостякъ», какъ поясняетъ редакторъ названнаго изданія въ сноскѣ къ приведенному мѣсту (Комедія «Холостякъ» написана, какъ показываетъ письмо къ Краевскому отъ 1 (13) марта 1849 года, въ началѣ этого года. См. стр. 3), а «Нахлѣбникъ», какъ справедливо указываетъ Н. М. Гутьяръ («Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева». С.-Пб. 1910, стр. 12). Описываемая нами рукопись, видимо, и есть бѣловой текстъ комедіи «Нахлѣбникъ», написанный и оконченный въ 1848 году. Этотъ текстъ былъ посланъ Щепкину, а отъ него перешелъ къ Краевскому.

Мы не знаемъ точно, когда именно отправленъ въ этомъ году Щепкину 1-ый актъ комедіи «Нахлѣбникъ». Когда Щепкину былъ посланъ 2-ой актъ и черезъ кого былъ отправленъ 1-ый, мы видимъ изъ письма Тургенева къ Щепкину изъ Парижа отъ 3 (15) декабря 1848 г. («Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи», 1898 г., вып. IV, стр. 118—119), гдѣ читаемъ: «Вы уже должно быть недѣлю тому назадъ получили второй актъ моей комедіи, любезный и почтенный Михайла Семенычь — и вѣроятно уже мнѣ отвѣтили, но я пишу къ вамъ сегодня на всякій случай: если вы до сихъ поръ не получили этого второго акта (первый вамъ долженъ былъ доставить г-нъ Селивановъ), значитъ мое письмо затерялось и мнѣ надобно будетъ поскорѣй его переписать вторично... Кромѣ желанья узнать дошло ли мое письмо — во мнѣ еще есть другое, весьма понятное: мнѣ хочется узнать, какъ вамъ понравился мой Нахлѣбникъ и возьмете ли вы его въ свой бенефисъ. Пріятель нашъ Г. [1]), которому я читалъ мою комедію, сдѣлалъ два небольшихъ замѣчанія, которыя просилъ мнѣ [2]) сообщить вамъ (и съ которыми я совершенно согласенъ). Во первыхъ онъ находитъ, что Кузовкину не

---

[1]) По разъясненію Н. М. Гутьяра, рѣчь идетъ о Герценѣ, съ которымъ Тургеневъ часто встрѣчался въ Парижѣ въ 1848 году.

[2]) Меня.

слѣдъ носить дворянскій сюртукъ, а частный, а во вторыхъ онъ въ сценѣ, гдѣ Елецкій выходитъ отъ жены, уже все узнавши, и видитъ, что Тропачевъ забавляется надъ Кузовкинымъ — въ словахъ: «Да съ, Θлегонтъ [1]) Александровичъ, я признаюсь удивляюсь: что вамъ за охота съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашимъ образованьемъ заниматься такими — с м ѣ ю с к а з а т ь пустыми шутками» предлагаетъ «смѣю сказать» замѣнить фразой «извините за выраженіе», потому что по его мнѣнію с м ѣ ю с к а з а т ь не идетъ въ устахъ Петербургскаго чиновника. Я съ нимъ вполнѣ согласенъ — притомъ же это такая мелочь, что я бы устыдился писать Вамъ о ней, если бы онъ этого не потребовалъ».

Мы видѣли, что при позднѣйшей переправкѣ комедіи съ Кузовкина былъ снятъ «дворянскій» сюртукъ, который не очень шелъ къ его убогой, смиренной фигурѣ, притомъ еще одѣтой въ платье съ чужого плеча, какъ онъ самъ жалуется въ началѣ комедіи. Выраженіе же «смѣю сказать» осталось не тронутымъ въ печатныхъ текстахъ («Современникъ», стр. 126; Салаевское изд., стр. 212; посмертное стр. 241). Это удаленіе со сцены «дворянскаго» мундира должно было произойти и по соображеніямъ политически-цензурнымъ. Поэтому, можетъ быть, оно и не было забыто Тургеневымъ. Но въ данныхъ приведеннаго письма значительны не поясненія фактовъ: въ нихъ очень важно указаніе относительно настойчиваго вліянія друзей писателя на выработку текста его произведеній.

Что касается до «Нахлѣбника», то дѣло о его печатаніи и постановкѣ, послѣ неуспѣшныхъ хлопотъ Краевскаго и Щепкина, должно было положить въ долгій ящикъ въ ожиданіи лучшаго времени. Это время пришло не скоро. Нѣкоторое освобожденіе печати стало возможно лишь въ новое царствованіе. Тогда явился и благопріятный случай провести въ печать и на сцену «злополучную» комедію Тургенева. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Θ. А. Бурдинъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Островскомъ.

«Временно назначенъ былъ исправляющимъ должность начальника III Отдѣленія генералъ Анненковъ, братъ извѣстнаго писателя П. В. Анненкова».

---

[1]) Такъ, съ Θ, писалъ это слово Тургеневъ и въ концѣ комедіи; въ началѣ же писалъ съ Ф.

«Пьеса И. С. Тургенева «Нахлѣбникъ» была подъ запрещеніемъ; П. В. Анненковъ, какъ другъ И. С. Тургенева, просилъ брата разрѣшить эту комедію».

« — Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ — и не только эту, а и всѣ тѣ, которыя ты признаешь нужными; только присылай поскорѣе, потому что на этомъ мѣстѣ я останусь очень недолго». («Вѣстникъ Европы» 1886 г., кн. 12-я, стр. 671—672, въ статьѣ: «Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ»).

Изложенныя обстоятельства, конечно, должны были сильно отразиться на рукописной обработкѣ и печатной передачѣ комедіи. Работа дѣлалась очень спѣшно, чѣмъ и объясняются случаи недосмотровъ, противорѣчія и непослѣдовательность текста (впрочемъ, немногіе и незначительные).

Къ концу 1856 г. рукопись опять уже была въ рукахъ автора. Такъ, 3-го октября н. с. (21-го сентября) 1856 г. Тургеневъ писалъ И. И. Панаеву: «За «Нахлѣбника» я примусь тотчасъ, какъ только переѣду въ Парижъ и вышлю его немедленно». («И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, съ приложеніемъ писемъ». Изд. 3-е, С.-Пб. 1888, стр. 404). 15-го октября Тургеневъ обѣщалъ Панаеву прислать «Нахлѣбника» въ измѣненномъ видѣ къ серединѣ ноября (тамъ же, 403). 10-го ноября н. с. 1856 года онъ писалъ И. И. Панаеву изъ Парижа: «Я принялся за «Нахлѣбника» и постараюсь въ самомъ скоромъ времени его выслать» (тамъ же, стр. 404). Въ письмѣ отъ 12 (24) января 1857 года Тургеневъ предлагалъ Панаеву: «Попробуйте напечатать «Нахлѣбника»; мнѣ Анненковъ пишетъ, что теперь его, пожалуй, позволятъ. Если его пропустятъ (списки достать, я думаю, легко), то поручаю Толстому держать корректуру, а въ случаѣ надобности—сдѣлать поправки и сокращенія. Попроси его отъ моего имени объ этомъ...» (тамъ же, стр. 406).

Кажется, что въ это время рукопись еще не находилась въ рукахъ Панаева. Поэтому Тургеневъ и говоритъ о печатаніи по какому-либо списку, который можно было найти у его друзей. 16-го (28-го) февраля 1857 года онъ писалъ Дм. Яковл. Колбасину: «Я отправилъ слегка выправленнаго «Нахлѣбника» (съ перемѣною заглавія) къ Панаеву, — посмотримъ пропуститъ ли цензура». («Новое Время» 2 ноября 1894 г., № 6710). Передъ самымъ печатаніемъ Тургеневъ, въ письмѣ отъ 6 (18) марта 1857 г., просилъ

Панаева послать ему «Чужой хлѣбъ» по почтѣ — отдѣльными листами (тамъ же, стр. 407). Сложенные вчетверо и мѣстами разорвавшіеся на перегибѣ листы нашей рукописи носятъ на себѣ эти явные слѣды дальнихъ почтовыхъ пересылокъ. Авторъ спѣшилъ и вслѣдъ за письмомъ къ Панаеву отправилъ письмо къ Е. Я. Колбасину. 8-го марта 1857 года Тургеневъ писалъ ему изъ Парижа: «Я узналъ, что мою комедію: «Нахлѣбникъ» пропустили подъ заглавіемъ: «Чужой хлѣбъ». Я просилъ Панаева, чтобы онъ, не дожидаясь отправленія мартовскаго нумера, послалъ бы по почтѣ листы этой комедіи. — Такъ какъ я не очень вѣрю его дѣятельности, то сдѣлайте одолженіе, напомните ему объ этомъ или возьмите эти листы и перешлите сами». («Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», С.-Пб. 1885, стр. 50). Друзья Тургенева тоже не медлили. Черезъ 20 дней, — въ теченіе которыхъ комедія была получена авторомъ въ Парижѣ, исправлена имъ, послана въ редакцію «Современника», набрана и напечатана, — въ письмѣ отъ 26-го марта с. ст., авторъ уже благодарилъ Панаева за высылку комедіи, полученной имъ въ печатномъ видѣ.

Что касается предположенія, чтобы Левъ Николаевичъ Толстой держалъ корректуру «Чужого хлѣба», оно не могло осуществиться, потому что Л. Н. съ 29 января 1857 года выѣхалъ изъ Москвы за границу и возвратился оттуда въ Москву только 30 октября (П. Бирюковъ, Л. Н. Толстой. Біографія, Т. I, стр. 315, 330).

Правописаніе рукописи И. С. Тургенева, очень послѣдовательное и обдуманное, особенно въ отношеніи знаковъ препинанія, вообще не удерживается въ печатныхъ текстахъ комедіи, и очень часто—въ ущербъ имъ. Видно, что, обработавши внѣшнюю сторону текста въ рукописи, Тургеневъ всецѣло отдавался потомъ, при печатаніи, издателямъ своихъ произведеній и надѣялся, что они добросовѣстно и умѣло передадутъ его текстъ. Несомнѣнно, что буквальная передача письменнаго текста и не ставилась необходимымъ условіемъ печатанія; корректорамъ предоставлялось право исправлять «погрѣшности», вольныя и невольныя. Въ области пунктуаціи Тургеневъ часто прямо пропускалъ необходимые знаки, особенно запятыя. Въ общемъ, бравшіеся за дѣло литературные пріятели автора, или наши малообразованные корректоры-ремесленники типографій просто сводили все дѣло къ тому, чтобы дать тексту свою личную орѳографію и пунктуацію, при чемъ сплошь и рядомъ на мѣсто литературной тра-

диціи и сознательнаго письма широко и серьезно образованнаго автора, они ставили формы, обнаруживавшія привычки узкой школы, подчиненіе капризамъ обычая, а иногда просто доказывающія небрежность и невѣжество корректора. Во время составленія даннаго текста Тургеневъ еще держался отчасти правописанія эпохи Карамзина. Въ его рукописи мы видимъ орѳографическія формы конца XVIII вѣка и начала XIX: ведь, нѣкому, нѣкогда въ значеніи: нѣтъ времени-приѣхать и т. п. Многія написанія еще основываются на произношеніи. Таковы формы: цалуетъ (л. 4), прозьба, щастье (л. 17 об.), раззорены (л. 5), горнишная (л. 1), шашешница (л. 1 об.), скушно (л. 17). Таково же и обычное *о* послѣ шипящихъ подъ удареніемъ: жолчное (л. 1), жолтаго (л. 1 обл.), жолтенькую (л. 1 об.), пошолъ (л. 1 об.) и т. п. Родит. падежъ ед. числа прилагательныхъ и другихъ частей рѣчи, сходно съ ними склоняющихся, подъ удареніемъ и безъ него оканчивается на *аго*: портнаго (л. 1 об.), другаго (л. 1 об.), этаго и т. д. Имена отечественныя, какъ Николаичъ (л. 1), Семенычъ (л. 1) и т. п. имѣютъ на концѣ *ъ*. Стариной вѣетъ и отъ употребленія прописныхъ буквъ. Уже на первомъ листѣ рукописи мы видимъ съ большими буквами слова: Коллежскій Совѣтникъ, Шотландскій жилетъ, Бѣлорусское произношеніе, Госпожа (барыня). Все это и подобное, конечно, не могло перейти въ текстъ «Современника», — гдѣ впервые была напечатана комедія Тургенева, — такъ какъ тамъ уже установилась прочно орѳографія новой литературной эпохи.

Не всегда, однако, Тургеневъ отставалъ въ правописаніи; въ его письмѣ есть случаи, гдѣ онъ шелъ впереди другихъ. Такъ, онъ писалъ: сыскалъ съ ы, что жъ и др. послѣдовательно съ твердымъ знакомъ, что̀ корректоры «Современника» передѣлывали на: съискалъ, что жь. Любопытно, что живому языку Тургенева было свойственно произношеніе «юпочку», съ *п*, встрѣчающееся и у другихъ авторовъ его времени, но, конечно, не допущенное въ печатномъ текстѣ. Старая орѳографическая традиція, къ сожалѣнію, совершенно у насъ утраченная, побуждала Тургенева обозначать случаи, гдѣ е произносится какъ ё,—что онъ дѣлалъ чрезвычайно послѣдовательно; авторъ также ставилъ иногда удареніе, которое обычно не передавалось въ печати. Все это даетъ возможность узнавать въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ произношеніе словъ, свойственное автору или рекомендуемое имъ; напримѣръ: (домъ) «превосходно расположёнъ

(л. 4 об.), «съ распростёртыми объятьями» (л. 16 об.). Въ другихъ—легко различаются двусмысленныя формы. Такъ, на л. 5 об. мы можемъ читать сказуемое предложенія: «Ольга Петровна вѣроятно не узнаетъ меня», какъ форму будущаго времени: «не узна́етъ», такъ какъ, по правописанію рукописи, настоящее время имѣло бы форму съ ё: не узнаётъ. Это вниманіе автора къ живому произношенію рѣчи особенно цѣнно въ драматическомъ произведеніи. Современный исполнитель комедіи, конечно, можетъ затрудниться произношеніемъ словъ, которыя въ печатномъ текстѣ имѣютъ видъ: «Карпаче», «Корина», «Колобердово». Рукопись давала на этотъ счетъ точныя указанія, обозначая ударенія и ё въ послѣднемъ словѣ: «Карпа̀че» (л. 7), «Корино́й» (л. 10 об.), «Колобёрдово» (л. 16 об.). Все это нигдѣ не передается въ печатныхъ текстахъ.

Изящная пунктуація рукописи Тургенева въ печатной передачѣ нерѣдко грубо искажалась. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Л. 2 рукописи: «Вообразите себѣ напримѣръ. Спрашиваю: музыканты имѣются?» Текстъ «Современника» (стр. 84) и посмертнаго изданія (стр. 169): «Вообразите себѣ, напримѣръ, спрашиваю: музыканты имѣются?» (здѣсь нарушена обозначенная авторомъ ясная граница предложеній и уничтожена возможность отнести слово« напримѣръ», куда слѣдуетъ, и текстъ стал неграмотно двусмысленнымъ и неудобочитаемымъ). Листъ 3-ій рукописи: «Ты съ ней въ куклы игрывалъ—велико дѣло!» Текстъ посмертнаго изданія (стр. 174): «Ты съ ней въ куклы игрывалъ—велико дѣло?». (Почему здѣсь восклицательная фраза обозначена, какъ вопросительная — понять трудно). Листъ 7-ой рукописи: «Человѣкъ—стулья! (Пётръ подаётъ стулья. Трембинскій хлопочетъ около Господъ. [1]) Елецкій съ Тропачевымъ садятся)». Здѣсь пунктуація безукоризненная. Передѣлка ея можетъ быть только слѣдствіемъ непониманія и непочтенія къ авторской рукописи, и вотъ что изъ нея сдѣлали корректоры «Современника» (стр. 98): «Человѣкъ! стулья... (Петръ подаетъ стулья, Трембинскій хлопочетъ около господъ. Елецкій съ Тропачевымъ садятся)». Эта пунктуація идетъ противъ естественной интонаціи, противъ грамматики, противъ смысла. Зачѣмъ усиленный звательный падежъ по отношенію къ «человѣку», который стоитъ тутъ же въ комнатѣ? По-

[1]) Мы уже отмѣтили, что двѣ рядомъ стоящія точки въ рукописи Тургенева означаютъ многоточіе.

чему равносильныя предложенія, отдѣленныя у автора точками, въ одномъ случаѣ отдѣлены запятой, а въ другомъ точкой? Какъ можно было пропустить авторское многоточіе, которое очевидно показываетъ, что на сценѣ долженъ быть небольшой промежутокъ, наполненный хлопотами Трембинскаго? И эта дурная пунктуація дошла до нашего времени (см. посмертное изданіе, стр. 195). Приведемъ еще одинъ примѣръ порчи авторскаго текста вслѣдствіе произвольной и легкомысленной разстановки знаковъ препинанія. Вотъ текстъ на листѣ 10-мъ об. рукописи: «Служилъ, служилъ по провіантейской части—знать наворовалъ тамъ тьму тьмущую». Въ посмертномъ изданіи (стр. 211) видимъ: «Служилъ, служилъ по провіантейской части—знать; наворовалъ тамъ тьму-тьмущую». Здѣсь мало того, что измѣненъ ясный смыслъ авторской рѣчи,—само приведенное мѣсто текста сдѣлалось сомнительнымъ и нескладнымъ. Вѣдь, невѣроятно, чтобы Кузовкинъ, мѣстный житель, не зналъ, гдѣ служилъ Гангинместеръ, и не похоже на правду, чтобы такой скромный человѣкъ безоговорочно обвинялъ хотя бы и своего врага въ воровствѣ. Самое словорасположеніе опредѣляетъ смыслъ авторской рѣчи; при другомъ значеніи оно могло бы измѣниться.

Нечего и говорить о томъ, что печатные тексты Тургенева не передаютъ тѣхъ тонкихъ оттѣнковъ смысла и произношенія, которые опредѣляются его рукописью. Авторъ, напримѣръ, согласно съ правописаніемъ его времени, конечно, отличаетъ настоящія междометія *ну*, *о*, *э* отъ таковыхъ же усилительныхъ частицъ, не имѣющихъ значенія и примыкающихъ въ произношеніи къ слѣдующимъ словамъ. Такія слова-привѣски у Тургенева обыкновенно не отдѣляются запятыми въ рукописи. Тамъ мы находимъ: «Ну такъ чѣмъ же у васъ разговоръ кончился?» (*Л.* 16). «Э полноте» (*л.* 16 об.). «О полноте» (*л.* 17). Уже корректоръ «Современника» считалъ это правописаніе «ошибкой» и аккуратно «исправлялъ» автора, стирая въ подобныхъ случаяхъ слѣды его замѣчательной наблюдательности, знанія и изощреннаго вниманія къ вопросамъ о письменномъ выраженіи тонкихъ оттѣнковъ живой рѣчи. Правда, корректору предстояла нелегкая задача разобраться въ постановкѣ запятыхъ, нерѣдко пропускаемыхъ у автора. Въ помощь ему однако могли бы служить общепринятыя тогда грамматики (напримѣръ, Греча и Востокова), которыя даютъ по данному вопросу ясныя указанія, а также тѣ

примѣры необходимыхъ запятыхъ и знаковъ восклицанія, которые даетъ рукопись автора. Таковы: «Ну, я понимаю, Вамъ нельзя было больше (л. 5 об.). «Э! да онъ совсѣмъ пьянъ!» (л. 11). «Э, братъ, это нехорошо» (л. 16 об.). Съ одной стороны Тургеневъ пропускалъ запятыя, съ другой онъ несомнѣнно избѣгалъ втискивать своеобразные обороты богатаго русскаго языка въ тѣсныя рамки искусственной пунктуаціи. Эта послѣдняя черта правописанія Тургенева, можно сказать вообще, не была оцѣнена и понята издателями его рукописи. Печатный текстъ явился болѣе или менѣе поврежденнымъ неискусной корректурой. Чтобы кончить съ пунктуаціей, приведу еще одно сравненіе рукописнаго и печатнаго текста. Рукопись, л. 3-ій: «Казачокъ Васька вбѣгаетъ сломя голову и кричитъ:». Текстъ «Современника»: «Казачокъ Васька вбѣгаетъ, сломя голову, и кричитъ:». Какой грубый реальный смыслъ придали нарѣчному выраженію «сломя голову» корректоры «Современника», выдѣливши его запятыми, какъ «сокращенное» придаточное предложеніе! (Любопытно, изъ чего оно «сократилось»?). И это знакоположеніе утвердилось и въ послѣдующихъ изданіяхъ (См. изд. Салаевыхъ, т. VI, М. 1869 г., стр. 157, посмертное изд., т. 10, стр. 175).

Тургеневъ замѣтно предпочиталъ въ употребленіи такихъ существительныхъ, какъ «терпѣніе», «молчаніе» и подобныхъ съ церковно-книжнымъ окончаніемъ іе,—русскія формы на ье; корректоры «Современника» и послѣдующихъ изданій безцеремонно передѣлывали ихъ окончаніе на іе. Такъ, въ рукописи видимъ: «съ изумленьемъ», «удивленья» (л. 2), «молчанья» (л. 2 об., л. 3), «волненья» (л. 13) и т. п. довольно часто, даже «бестья» (л. 7). Въ печатныхъ текстахъ читаемъ: «съ изумленіемъ», «удивленія», «молчанія», «волненія». Но тамъ, гдѣ авторъ употреблялъ формы съ лишнимъ слогомъ, очевидно болѣе соотвѣтствующія его произношенію и представленіямъ о принятомъ употребленіи: «имѣніе» (л. 18), «биліардъ» (л. 16), «фамиліарностью» (л. 16),—тамъ, корректоры обратно передѣлывали слова на слогъ съ ь: «имѣнье» («Современникъ», стр. 131), «бильярдъ» (тамъ же, стр. 124), «фамильярностью» (тамъ же, стр. 124).

Иногда корректоры не понимали формъ языка въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ и передѣлывали ихъ по-своему. Такъ, выраженіе: Каковò тебѣ наша молодая показалась?» (л. 4), вслѣдствіе того, что авторъ опредѣлилъ удареніемъ его точную форму, въ

«Современникѣ» удержалось (стр. 90), но потомъ все-таки было переиначено въ печати на: «Какова тебѣ наша молодая показалась?» (изд. Салаевыхъ, т. VI, М. 1869, стр. 162, посмертное изд., стр. 180) [1]. Слово «подстава» (станція, гдѣ мѣняютъ лошадей) еще вѣрно передано «Современникомъ» (стр. 119), но въ посмертномъ изданіи является уже въ нелѣпой формѣ «подставка»: «На первой же подставкѣ сосѣдка его ждала» (стр. 230).

Языкъ Тургенева вообще сильно проникнутъ народнымъ элементомъ въ фонетикѣ, этимологіи, синтаксисѣ, словарѣ. Воспитанные на книжномъ языкѣ, горожане-корректоры относились съ полной нетерпимостью къ простонароднымъ формамъ Тургеневской рѣчи и старательно передѣлывали ихъ въ печати, совершенно не считаясь съ различными условіями ихъ употребленія. Лишь въ немногихъ случаяхъ образованная рѣчь временъ молодости Тургенева теряла употребляемыя имъ народныя формы. Во многихъ случаяхъ онѣ еще преобладали въ широкихъ кругахъ образованнаго общества. Иногда онѣ вводились, какъ необходимое изобразительное средство, какъ живописная черта.

Вотъ примѣры передѣлокъ, которыя, хотя и нельзя считать необходимыми, но можно оправдать такъ или иначе, особенно при нынѣшнемъ состояніи языка. Тургеневъ послѣдовательно употреблялъ форму «эдакъ» съ д (см., напр., л. 15, л. 17 рукописи), которая «Современникомъ» еще передавалась точно, но потомъ измѣнена на «этакъ» (см. посмертное изд., стр. 231, 242). Форма «изъ саду» (л. 5 об.), повторенная и въ «Современникѣ» (стр. 94), потомъ уже является въ видѣ «изъ сада» (см., напр., изд. Салаевыхъ, М. 1869 г., т. VI, стр. 168, посмертное изд., стр. 188). Русское полногласное слово «перерывается» (л. 4, о голосѣ), сохраненное «Современникомъ» (стр. 89), держится и послѣ (изд. Салаевыхъ, стр. 160), но потомъ передѣлано на церковно-книжное «прерывается» (посм. изданіе, стр. 178), но подобная полногласная форма «середину» (л. 6 об.), уже въ «Современникѣ» переиначена на «средину» («Современникъ»,

[1]) Впрочемъ, удареніе, которымъ вообще Тургеневъ точнѣе опредѣлялъ и охранялъ свой текстъ, не достигало своей цѣли даже при первомъ печатаніи произведенія. Такъ, фраза: «развѣ у тебя тамъ... дѣла...» (л. 12) передана въ «Современникѣ»: «развѣ у тебя тамъ .... дѣло ....» (стр. 111).

стр. 97). Эти сравнительно невинныя отступленія отъ авторскаго текста могли бы совсѣмъ не обратить нашего вниманія, если бы рядомъ съ ними не являлись передѣлки совершенно не допустимыя. Такъ, авторъ употребилъ въ рѣчи Кузовкина народное слово «жисть». «Онъ мнѣ всю жисть вредилъ» (л. 10 об.), причемъ окончаніе с т ь было даже подчеркнуто. Корректоръ «Современника» намудрилъ, исправивши с на з. Послѣдующіе редакторы, конечно, должны были исправлять такое необыкновенное слово «жизть» («Современникъ», стр. 108) и передѣлали его на чисто литературное «жизнь» (изд. Салаева, стр. 187, посмертное изд., стр. 212)[1]. Казачокъ Васька говоритъ, какъ и подобаетъ казачку: «Нарцысъ К о с к е н к и н ы ч ь» (л. 3), и это первоначально передавалось въ печати («Современникъ», стр. 87, изд. Салаевыхъ, стр. 157), но посмертное изданіе даетъ уже неумѣстно правильное «К о н с т а н т и н ы ч ъ» (стр. 175), а въ словахъ Егора уже и это «Константинычь» (л. 7) передѣлано потомъ въ печати на «Константиновичъ», уже безукоризненно правильное, но совершенно неумѣстное.

Мы видимъ, что въ языкѣ комедіи Тургенева не только есть народный элементъ, но есть и жаргонъ, который былъ совершенно не понятъ издателями текста. Въ силу этого по рукописи лакей Петръ говоритъ всегда, какъ вообще говорятъ слуги: «Чего извольте-съ?» (л. 2, л. 4 об., л. 12 об.). Уже въ «Современникѣ» это было «исправлено» на: «Чего изволите-съ?» (стр. 83, 91, 113) и въ такомъ видѣ утвердилось и въ послѣдующихъ печатныхъ текстахъ (изд. Салаевыхъ, стр. 151, 163, посмертное, стр. 168, 182). Точно такъ же и «тэ-акъ-съ» въ произношеніи Егора (л. 2 рукописи) въ печати обратилось потомъ въ «та-акъ-съ» (посмертное изд., стр. 169, изд. Салаевыхъ, стр. 152).

Для передѣлки простонародныхъ словъ и произношеній рукописи Тургеневской комедіи установители печатнаго текста могли сослаться на дурно понятую ими необходимость употреблять въ печатномъ произведеніи исключительно правильный литературный языкъ (какъ и насколько они его понимали). Съ легкимъ сердцемъ и съ

---

[1]) Слова: ж и с т ь, болѣ с т ь, съ окончаніемъ с т ь,—чисто русскія, народныя. Слова на з н ь: ж и з н ь, болѣ з н ь, пр і я з н ь—церковно-книжныя.

сознаніемъ своей забронированной грамотности они передѣлывали авторское «эдакъ» на «этакъ», «кинарейка» (л. 4) на «канарейка», «семьдесять», «восемьдесять» (л. 4 об., л. 7 об.) на «семьдесятъ», «восемьдесятъ», «здоровывались», «здоровывался» (л. 16 об.: «А Вы сегодня, кажется, съ Карпачовымъ не поздоровывались? (Карпачову. Карпаче, ты съ Васильемъ Семёнычемъ по вчерашнему не здоровывался?»)—на «поздоровались», «здоровался».

Но ничѣмъ нельзя оправдать многочисленныхъ мелкихъ (а иногда и крупныхъ) отступленій отъ рукописнаго текста, состоящихъ въ переиначиваніи словъ, въ перестановкѣ ихъ, въ многочисленныхъ пропускахъ,—явныхъ слѣдахъ спѣшной и небрежной типографской работы. Въ рукописи Трембинскій, удивляясь безпорядку, поднимаетъ руки къ небу (л. 1 об., такъ и въ «Современникѣ», стр. 83), въ современномъ печатномъ текстѣ онъ поднимаетъ руку (посмертное изд., стр. 167, то же въ Салаевскомъ изд., стр. 150; какъ будто Трембинскій — школьникъ, желающій отвѣчать учителю. Кстати: какую руку ему слѣдуетъ поднять?), Ольга суетъ Кузовкину бумагу въ руку (л. 17 об.), въ печати оказывается: — въ руки («Современникъ», стр. 129), въ рукописи Тропачовъ смотритъ альбомы (л. 18), въ печати: — альбомъ («Современникъ», стр. 130), въ рукописи Ивановъ останавливается у двер е й (т. е. у створчатыхъ дверей богатаго дома), въ печати: — у двери («Современникъ», стр. 132,—словно рѣчь идетъ о деревенской избѣ). Карташовъ по рукописи 50-ти лѣтъ, по печатному тексту 60-ти.

Отъ этихъ недосмотровъ текстъ теряетъ немало; онъ значительно портится также тамъ, гдѣ въ печати передѣланы видовыя глагольныя формы. Напримѣръ, въ рукописи: «А зачѣмъ ему насъ в ы г о н я т ь?» (л. 3), въ печати «в ы г н а т ь» («Современникъ», стр. 86, посмертное изд., стр. 173), въ рукописи: «Какъ Вы с к а з ы в а т ь изволите-съ» (л. 7 об.), въ печати со временемъ явилась не имѣющая смысла форма «сказать» (посмертное изданіе, стр. 197).

Перестановка словъ сдѣлана въ слѣдующемъ мѣстѣ: «туда съѣздить собирается» (л. 18) — «съѣздить туда собирается» («Современникъ», стр. 131).

Пропуски словъ и выраженій такъ нерѣдки, что мы приведемъ для нихъ лишь нѣсколько примѣровъ, печатая пропущенное курсивомъ.

Рукопись.	Текстъ 1883 г.
Человѣкъ дюжинный, не злой, но *въ сущности* безъ сердца. *Л.* 1.	Человѣкъ дюжинный, не злой, но безъ сердца. Стр. 164.
... дворецкій и метръ д'отель Елецкихъ, *40 лѣтъ*. *Л.* 1.	... дворецкій и метръ-д'отель Елецкихъ. Стр. 165.
Г-на Иванова. *Л.* 2 об.	Иванова. Стр. 171.
Ольга. Пойдёмъ же, Paul... *Елецкій. Пойдёмъ*, (пойдёмъ)... [1]) (Оба идутъ въ гостиную). *Л.* 4.	Ольга. Пойдемъ же, Paul. (Оба идутъ въ гостиную). Стр. 179.
Улыбка одна чего стоитъ.. а голосъ? а? *Нѣтъ, Ваня, скажи, а?* Малиновка, просто кинарейка. *Л.* 4.	Улыбка одна чего стоитъ.... А голосъ, а? Малиновка, просто, канарейка. Стр. 181. (Совершенно неумѣстна запятая послѣ «просто»!).
говорятъ, что просто взялъ. *Запугалъ да и взялъ*. Я самъ того же мнѣнья. *Л.* 9.	говорятъ, что просто взялъ. Я самъ того же мнѣнья. Стр. 204.
Тропачёвъ. *Тѣмъ лучше.* (Кузовкину). Вы не хотите пѣть? *Л.* 10.	Тропачевъ (Кузовкину). Вы не хотите пѣть? Стр. 208.

Въ слѣдующихъ изданіяхъ текстъ Тургенева въ этомъ отношеніи портился все больше и больше. Такъ, въ посмертномъ изданіи, на стр. 229, недостаетъ уже около 2-хъ строкъ, еще бывшихъ въ «Современникѣ», гдѣ на стр. 119 читаемъ: «часто даже на ночь домой не пріѣзжалъ. Начала ваша матушка сокрушаться, сохнуть, плакать... Онъ сперва, было, и попріудержался, да нѣтъ! осилилъ лукавый. Худо пошли дѣла. Въ посмертномъ изданіи, на стр. 229, напечатанное здѣсь разбивнымъ шрифтомъ мѣсто пропущено; то же въ изданіи Салаевыхъ (см. стр. 202).

Мы не будемъ, конечно, упрекать издателей за тѣ, впрочемъ, немногія отступленія отъ текста, которыя, кажется, вызваны стремленіемъ сдѣлать его безукоризненно цензурнымъ. Можетъ быть, они даже и сдѣланы цензоромъ. Такъ, въ характеристикѣ Аннадиста, изложенной въ рукописи словами: «Дряхлый, выжившій изъ ума, сильно

[1]) Слово «пойдемъ», поставленное въ скобкахъ, зачеркнуто.

заѣзженный и сѣвшій на ноги дворовый человѣкъ» слова «сильно заѣзженный» въ печати замѣнены словомъ «изнуренный».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, удержалась удачная, осмысленная опечатка. Напримѣръ, въ рукописи, на листѣ 3-емъ читаемъ: «Не всёжъ ей было съ своей тёткой жить». Въ «Современникѣ» напечатано: «Не вѣкъ же ей было со своей теткой жить» (стр. 86).

Однако несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами корректоры первопечатнаго текста брали на себя смѣлость исправлять выраженія автора «Записокъ Охотника». Такъ, въ рукописи стоитъ: «въ теченьи разсказа» (л. 8), въ «Современникѣ» напечатано: «во время разсказа» (стр. 103), что ни сколько не лучше и при томъ имѣетъ болѣе отвлеченный и менѣе ясный смыслъ. Если Ивановъ «въ теченьи разсказа» не разъ дергалъ за полу разгоряченнаго Кузовкина, то это значитъ, что онъ выбиралъ для этого моменты въ зависимости отъ хода разсказа. Выраженіе «во время разсказа» этого не показываетъ. Въ рукописи было «Черты его выражаютъ мучительную борьбу» (л. 13 об.), въ «Современникѣ» явилось: «Черты лица его» (стр. 116).

Нѣкоторыя различія между рукописью и послѣдующими печатными изданіями на столько значительны, что вызываютъ мысль о промежуточной редакціи, принадлежащей автору послѣ напечатанія комедіи въ «Современникѣ».

Такъ, слова Карпачова о предводителѣ, сходныя въ рукописи (л. 7) и въ «Современникѣ» (стр. 99): «Какого ещё надобно?» въ позднѣйшихъ изданіяхъ читаются: «Какого еще имъ рожна надобно?» (Изд. Салаевыхъ, стр. 175, посмертное, стр. 196). Сравнимъ также еще одно мѣсто. Рукопись даетъ: «Это не хорошо робѣть, почтеннѣйшій.» (л. 9). Текстъ «Современника»: «Это не хорошо, почтеннѣйшій!», съ пропускомъ слова «робѣть» (стр. 103). Текстъ Салаевскаго изд. (стр. 181) и посмертнаго (стр. 204) даетъ это мѣсто съ исправленіемъ и дополненіемъ: «Это не хорошо, почтеннѣйшій! Робѣть.... въ порядочномъ обществѣ это не принято».

Конечно, самому автору должна принадлежать и замѣна на заголовкѣ комедіи въ позднѣйшихъ изданіяхъ слова «актъ» словомъ «дѣйствіе», какъ читаемъ въ Салаевскомъ изданіи и въ посмертномъ.

Вѣроятно, этотъ (не особенно пристальный!) пересмотръ комедіи былъ произведенъ авторомъ, когда онъ подготовлялъ для печати собраніе своихъ сценъ и комедій, вышедшее «въ первый разъ» въ VI томѣ Салаевскаго изданія (М. 1869), въ которое вошла значительная вставка во второмъ дѣйствіи, возвышающая личность и характеръ бѣднаго дворянина. Это — мѣсто Салаевскаго изданія на стр. 213—217, начинающееся словами: «Только позвольте мнѣ не сопровождать васъ» и оканчивающееся фразою: «Ну хоть убей онъ меня....». Въ посмертномъ изданіи оно находится на стр. 242—247. Здѣсь же въ первый разъ комедія явилась въ печати подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ «Нахлѣбникъ».

Изучая рукописный текстъ комедіи Тургенева «Нахлѣбникъ» и его печатныя передачи, въ общемъ мы убѣждаемся, что рядомъ съ авторской работой исправленія и усовершенствованія написаннаго произведенія шла весьма замѣтная типографская работа: прогрессирующая порча текста небрежной передачей и неумѣлыми исправленіями. Въ посмертномъ изданіи мы видимъ, напримѣръ, такое правописаніе, какъ: «видѣнъ собою» (стр. 164; собственно значитъ: видѣлъ самъ себя, напримѣръ: въ зеркалѣ, во снѣ и проч.); въ рукописи и «Современникѣ»: «виденъ собою») и такія искаженія фразъ, какъ: «Служитъ въ кавалеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ» (стр. 164), вмѣсто авторскаго: «служилъ». Не обходится тутъ дѣло и безъ досадныхъ опечатокъ; напримѣръ, на стр. 196 видимъ «выпиваю» вмѣсто «выпивая». Между тѣмъ, это изданіе должно бы быть самымъ авторитетнымъ, какъ послѣднее, просмотрѣнное авторомъ. Интересующій насъ 10-ый томъ, съ комедіями, пересматривался въ началѣ 1883 г. (См. «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», стр. 542, 545, 546). Впрочемъ, самъ И. С. Тургеневъ, вѣроятно, даже совсѣмъ не перечитывалъ этого тома, поручивши «проредактировать» его А. Ѳ. Онѣгину, который, судя по его письму объ этомъ порученіи, мало сознавалъ, въ чемъ заключается возложенная на него по дружеской благосклонности Ивана Сергѣевича отвѣтственная обязанность «редактора» его сочиненій. Изъ этого же письма Онѣгина видно, что онъ былъ не очень свѣдущъ въ русской орѳографіи и могъ только внести путаницу въ ранѣе напечатанные исправные тексты произведеній И. С. Тургенева, съ орѳографіей котораго новый редакторъ совсѣмъ не хотѣлъ считаться. (См. «М. М. Стасюлевичъ и его современники

въ ихъ перепискѣ», С.-Пб. 1912, т. III, стр. 229; ср. также письмо И. С. Тургенева за № 338, на стр. 228).

Будущему добросовѣстному издателю текстовъ знаменитаго русскаго писателя предстоитъ воспользоваться всѣми матеріалами для того, чтобы приготовить и выпустить въ свѣтъ его сочиненія въ видѣ, достойномъ его трудовъ и памяти. Въ этомъ отношеніи рукопись комедіи «Чужой хлѣбъ» («Нахлѣбникъ»), принадлежащая Пушкинскому Дому, должна явиться незамѣнимымъ пособіемъ. Изслѣдователю условій и пріемовъ литературной работы Тургенева эта рукопись тоже дастъ весьма цѣнныя свѣдѣнія.

1920 г.

Уже при чтеніи корректурныхъ гранокъ настоящей статьи авторъ познакомился съ важными новѣйшими изслѣдованіями текста «Нахлѣбника»: 1) «Проф. Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Выпуск I», Одесса, 1921, стр. 75—89. 2) «Литературный Музеумъ. (Цензурные Матеріалы I-го Отд. IV секціи Государственнаго Архивнаго Фонда). I. Подъ Редакціей А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана», Петербургъ. Во второй книгѣ напечатанъ текстъ «Нахлѣбника» по корректурнымъ листамъ, представленнымъ 16-го февраля 1849 года редакціей «Отечественныхъ Записокъ» въ С.-Пб. Цензурный Комитетъ, имъ задержаннымъ и найденнымъ недавно въ архивѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Въ «Примѣчаніяхъ»— интересныя статьи о «Нахлѣбникѣ» Ю. Г. Оксмана и М. К. Клемана (стр. 368—380).

Сравнивая текстъ «Нахлѣбника» по изданію «Литературнаго Музеума» съ рукописью Пушкинскаго Дома, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Рукопись Пушкинскаго Дома служила оригиналомъ и для изданія «Отечественныхъ Записокъ», не вышедшаго, и для изданія «Современника», которое легло въ основѣ всѣхъ послѣдующихъ изданій «Нахлѣбника».

2) Корректуры «Отечественныхъ Записокъ» (судя по изданію «Литературнаго Музеума») тоже передаютъ авторскій текстъ не вполнѣ исправно. Уже съ самаго начала комедіи встрѣчаются, напримѣръ, пропуски цѣлыми фразами.

Такъ, въ «Литературномъ Музеумѣ» на стр. 192 читаемъ: *Трембинскій* (беретъ табакъ у Егора и нюхаетъ).—Вы не повѣрите, Егоръ Алексѣевичъ, не ожидалъ я въ такомъ большомъ имѣніи найдти подобные безпорядки.

Въ рукописи автора на стр. 2 находится: Трембинскій (берётъ табакъ у Егора и нюхаетъ). Вы не повѣрите, Егоръ Алексѣичь, въ какихъ я хлопотахъ съ утра.—Признаюсь Вамъ откровенно, Егоръ Алексѣичь, не ожидалъ я въ такомъ большомъ имѣніи найти подобные безпорядки.

Даже въ этихъ немногихъ фразахъ пострадали при печатной передачѣ и языкъ автора («Алексѣичь» передѣлано на «Алексѣевичъ», и его орѳографія («найдти» вмѣсто «найти»). Во всемъ текстѣ промаховъ и неудачныхъ исправлений такого рода найдется не мало.

3) Рукопись Пушкинскаго Дома даетъ двѣ редакціи «Нахлѣбника».

Первая, пространная, вошла въ изданіе «Отечественныхъ Записокъ», корректуры которыхъ сохраняютъ почти все зачеркнутое Тургеневымъ въ рукописи.

Вторая, сокращенная, представляетъ текстъ «Современника», дающій все не зачеркнутое въ рукописи. Сокращенія производились въ два пріема: въ первомъ случаѣ текстъ старательно вымарывался, такъ что его обыкновенно трудно или невозможно прочитать (эти мѣста сохранились въ изданіи «Отечественныхъ Записокъ»), во второмъ исправленіи нѣсколько словъ и фразъ просто перечеркнуто и разбираются легко.

Изслѣдованіе того, какъ отразились въ этой переработкѣ измѣнившіеся художественные замыслы Тургенева, находится въ названныхъ выше статьяхъ Ю. Г. Оксмана.

В. Чернышевъ.

ПЕРЕПИСКА ТУРГЕНЕВА СЪ М. Н. ЛОНГИНОВЫМЪ.

Печатаемыя ниже письма Тургенева и извѣстнаго изслѣдователя и библіографа Михаила Николаевича Лонгинова (род. 2-го ноября 1823, ум. 23-го января 1875), общимъ числомъ двадцать, — хранятся нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи Пушкинскаго Дома; письма Тургенева къ Лонгинову (въ количествѣ 10 №№) поступили въ Пушкинскій Домъ въ составѣ всего Лонгиновскаго архива, принесеннаго, вмѣстѣ съ его богатой библіотекой, въ даръ Пушкинскому Дому княгиней Александрой Михайловной Козловской, дочерью Лонгинова, въ 1916 г.,— а десять писемъ Лонгинова къ Тургеневу перешли вмѣстѣ съ частью архива П. В. Анненкова, пріобрѣтенною Домомъ отъ сына послѣдняго. Письма эти, за небольшими перерывами, обнимаютъ время отъ октября 1856 до октября 1872 года и привлекаютъ вниманіе своимъ богатымъ и интереснымъ историко-литературнымъ содержаніемъ.

Знакомство Тургенева съ Лонгиновымъ началось, повидимому, задолго до начала ихъ переписки. Можно предполагать, что они познакомились въ Петербургѣ, куда семья Тургеневыхъ переѣхала въ 1834 г. и гдѣ Иванъ Сергѣевичъ окончилъ курсъ Университета (1836), а затѣмъ получилъ степень кандидата (въ концѣ 1837 г.); Лонгиновъ окончилъ курсъ того же Университета въ 1843 г. и до 1846 года жилъ въ Петербургѣ, служа въ Комиссаріатѣ. Вѣроятнѣе всего, что молодые люди сошлись или въ концѣ 1842 г., когда Тургеневъ осенью изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Канцелярію Министра Внутреннихъ Дѣлъ,—или въ теченіе 1843 (когда Тургеневъ отъ января до апрѣля и всю осень прожилъ въ Петербургѣ) и 1844 (когда Тургеневъ весь годъ провелъ въ столицѣ, уѣзжая лишь на лѣтніе мѣсяцы въ Парголово) годовъ. Но къ 1854 г. Тургеневъ во всякомъ случаѣ уже близко зналъ Лонгинова, о чемъ

свидѣтельствуетъ большое «Посланіе къ М. Н. Лонгинову», сочиненное Тургеневымъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Дружининымъ и начинавшееся словами: «Недавній гражданинъ дряхлѣющей Москвы» (Лонгиновъ въ 1854 году былъ переведенъ въ Москву въ число чиновниковъ по особымъ порученіямъ при Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ») [1]).

Дружескія отношенія Тургенева и Лонгинова длились долгіе годы; изъ переписки ихъ видно, что они были на «ты»; въ раннихъ письмахъ Тургенева сквозитъ доброжелательное, даже любовное отношеніе къ своему корреспонденту, онъ искренно радуется каждому письму его, писанному его «четкимъ, круглымъ, восхитительнымъ почеркомъ», радуется семейному его счастью, называетъ его «милымъ толстякомъ» и, передъ отъѣздомъ изъ чужихъ краевъ на родину, мечтаетъ о томъ, что скоро увидитъ его «симпатическое, вѣчно-веселое лицо». Тургеневъ, почти въ каждомъ письмѣ своемъ къ Михаилу Николаевичу, даетъ ему какое-нибудь дружеское порученіе, обращается къ нему съ самыми разнообразными вопросами и просьбами, зная, что тотъ все исполнитъ со свойственными ему готовностью, аккуратностью и точностью. Лонгиновъ, со своей стороны, съ большимъ участіемъ вникаетъ въ интересы Тургенева, извѣщаетъ его, жившаго на чужбинѣ, обо всемъ, происходившемъ въ Россіи и замѣчательномъ въ литературномъ или общественномъ отношеніи. Въ письмахъ его къ Тургеневу чувствуется нѣжная почтительность и преданность знаменитому другу. Онъ съ радостью исполняетъ всѣ его желанія и съ рѣдкой точностью даетъ отчетъ о результатахъ своихъ хлопотъ, не забывая мельчайшихъ подробностей...

Впрочемъ, съ теченіемъ времени, тонъ переписки нѣсколько мѣняется. Съ назначеніемъ Орловскимъ губернаторомъ (1867), а

---

[1]) Не исключена, конечно, возможность знакомства Тургенева съ Лонгиновымъ и до 1842 г.: или въ бытность его въ УниверситетѢ (1834—1837), или тотчасъ по его окончаніи, до мая 1838 г. (въ маѣ Тургеневъ уѣхалъ за-границу, гдѣ пробылъ до конца 1839 г.). Быть можетъ, молодые люди могли встрѣтиться и въ 1840 г., хотя тогда Тургеневъ лишь до марта прожилъ въ столицѣ, куда вернулся потомъ только осенью 1842 года. Но въ силу того, что Лонгиновъ тогда былъ еще очень молодъ, естественнѣе предположить, что знакомство его съ Тургеневымъ произошло позднѣе, какъ мы думаемъ, — въ 1843—1844 гг.

потомъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати (1871), Лонгиновъ перестаетъ «трунить надъ цензорами», перестаетъ возмущаться «жалкой полувозможностью говорить и писать, при которой... истина должна изыскивать полу-намеки, чтобы высказать нѣсколько полувнятныхъ словъ въ опроверженіе» шарлатанства [1]),—онъ превращается постепенно чуть-ли не въ отъявленнаго противника всѣхъ реформъ, предпринятыхъ въ царствованіе Императора Александра II, и дѣлается «неудобозабываемымъ», по выраженію А. В. Никитенка, преемникомъ приснопамятнаго М. Р. Шидловскаго. Естественно, что дружескія чувства Тургенева къ Лонгинову должны были охладѣть,— и даже настолько, что въ письмахъ своихъ къ друзьямъ онъ высказываетъ о своемъ прежнемъ пріятелѣ нѣсколько весьма рѣзкихъ сужденій [2]).

Мы сказали, что переписка Тургенева съ Лонгиновымъ представляетъ большой интересъ. Дѣйствительно, въ ней можно почерпнуть много цѣнныхъ и любопытныхъ свѣдѣній и сообщеній; кромѣ того, она вводитъ въ обстановку и атмосферу литературныхъ круговъ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Передъ внимательнымъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ любопытныхъ фактовъ и занятныхъ подробностей изъ жизни тогдашней литературной среды, цѣлый рядъ именъ извѣстныхъ писателей и дѣятелей... По усернымъ и точнымъ сообщеніямъ Лонгинова своему другу, можно до мелочей прослѣдить весь непріятный эпизодъ столкновенія Тургенева съ Катковымъ по поводу «обязательнаго соглашенія» его съ «Современникомъ», можно получить представленіе о многихъ журналахъ той эпохи, о борьбѣ враждующихъ литературныхъ партій, о полемикѣ славянофиловъ и западниковъ, о послѣднихъ, животрепещущихъ литературныхъ новостяхъ. Наконецъ, изъ этихъ же писемъ можно составить нѣкоторое представленіе объ отношеніяхъ разныхъ писателей между собою.

Воспользуюсь случаемъ, чтобы напомнить здѣсь о небольшой, но характерной сценкѣ изъ жизни Льва Толстого и отношеній его къ Лонгинову; я имѣю въ виду одну непріятную «исторію», случившуюся въ началѣ 1856 г. и долгое время бывшую извѣстной лишь тремъ лицамъ: Толстому, Некрасову и Лонгинову; въ декабрѣ 1906 г.

---

[1]) См. письмо № 14.

[2]) На это указано въ примѣчаніяхъ къ письмамъ №№ 18 и 19.

о ней случайно узналъ П. А. Сергѣенко, который и сообщилъ о ней въ 1913 г. въ «Русскомъ Словѣ (№ 20, 24 янв.) въ видѣ комментарія къ письму Толстого, напечатанному въ «Русскомъ Словѣ» 1913 г. (№ 16, 19 янв.) и найденному въ архивѣ А. Н. Пыпина. Въ этомъ письмѣ къ Некрасову, отъ 2-го іюля 1856 г., Толстой, между прочимъ, писалъ: «Можете себѣ представить, что только теперь, въ деревнѣ, вспомнивъ исторію съ Лонгиновымъ, я убѣдился, до какой степени я глупо и нехорошо поступилъ во всемъ этомъ дѣлѣ. И теперь отъ души прошу у васъ извиненія и то же сдѣлаю съ Лонгиновымъ, какъ только его увижу. И хотѣлъ бы ему разсказать всю исторію. Согласны ли вы, чтобы я сказалъ ему про письмо? Теперь этого я прошу вовсе безъ кровожадныхъ замысловъ»... Въ объясненіе этихъ словъ П. А. Сергѣенко въ своихъ комментаріяхъ сообщаетъ, что однажды въ Ясной Полянѣ, въ 1906 г., случайно, слушая разсказъ о какой-то дуэли между знакомыми Толстыхъ, онъ вспомнилъ непонятное для него мѣсто въ Толстовской «Исповѣди», гдѣ авторъ говоритъ, что онъ «убивалъ людей на войнѣ и вызывалъ на дуэли, чтобы убить». Эти слова, по указанію самого Толстого, къ его дуэли съ Тургеневымъ (въ 1862 г.) не относились. На вопросъ Сергѣенка Толстой разсказалъ ему слѣдующее: «Объ этомъ я еще никому не разсказывалъ. Когда я жилъ въ Петербургѣ, пріѣхавъ туда изъ Севастополя, тамъ былъ нѣкто Лонгиновъ. Онъ... имѣлъ какое-то отношеніе къ литературѣ, водилъ знакомство съ сотрудниками «Современника» и считалъ себя большимъ либераломъ. Однажды у Некрасова былъ вечеръ, на которомъ и я присутствовалъ; отъ Лонгинова было получено письмо, прочитавъ которое, Некрасовъ почему-то нашелъ нужнымъ показать мнѣ. Въ письмѣ къ Некрасову Лонгиновъ спрашивалъ, правда ли, что гр. Толстой, т. е. я, съ дрянной душонкой, т. е. не раздѣляю какихъ то либеральныхъ воззрѣній. Я былъ страшно возмущенъ и, вернувшись домой, написалъ Лонгинову грубое, рѣзкое письмо съ вызовомъ на дуэль. И на другой день послѣ вызова, будучи на одномъ собраніи, гдѣ присутствовалъ и Лонгиновъ, я нарочно нѣсколько разъ проходилъ мимо него съ вызывающимъ видомъ. Но исторія эта внезапно осложнилась съ неожиданной стороны. Некрасовъ, узнавъ о моемъ вызовѣ на дуэль, заявилъ мнѣ:—«Ежели вы будете стрѣляться съ Лонгиновымъ, то должны будете стрѣляться и со мною, потому что истин-

ный виновникъ всего этого недоразумѣнія—я, сдѣлавъ неосторожность и показавъ вамъ письмо Лонгинова»... Я не сдавался. Но такъ-какъ никакого отвѣта со стороны Лонгинова на мой вызовъ не послѣдовало, то, въ концѣ концовъ, вся эта нелѣпая исторія и закончилась, къ счастью, ничѣмъ» [1]). Вотъ о какихъ «кровожадныхъ событіяхъ» упоминалъ Толстой въ своемъ письмѣ» — прибавляетъ Сергѣенко. Однако, уже къ концу 1856 г. отношенія Толстого и Лонгинова улучшились; по крайней мѣрѣ 20-го января 1857 г. Лонгиновъ писалъ Тургеневу: «Толстой тоже здѣсь... мы много о тебѣ вспоминаемъ» [2]).

Для большей полноты картины, въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ письмамъ нами даны сопоставленія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ переписки Тургенева и Лонгинова съ письмами Тургенева къ другимъ его корреспондентамъ и сообщены краткія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ лицахъ и событіяхъ.

С. Шахматова.

1

ЛОНГИНОВЪ—ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 23-го Октября 1856 г.

Исполняю свое обѣщаніе, любезный другъ Тургеневъ, и пишу къ тебѣ въ шумную Лютецію изъ тихой Москвы. Сожалѣю, что не много у меня въ запасѣ веселенькой ерунды, чтобъ тебя позабавить.

---

[1]) Письмо Л. Н. Толстого къ Некрасову, извлеченное изъ архива А. Н. Пыпина, было напечатано въ 1-ой книгѣ «Современника» за 1913 г. Тамъ же помѣщено письмо Некрасова къ М. Н. Лонгинову (на стр. 234), въ которомъ онъ проситъ извиненія за свою неосторожность и признаетъ себя единственно-виноватымъ въ этомъ дѣлѣ.

[2]) См. въ письмѣ № 8.

Назадъ тому съ недѣлю читалъ я у Боткина [1]) письмо твое отъ 30 Сент. и душевно порадовался, что ты доволенъ и счастливъ въ обществѣ добрыхъ друзей, которыхъ не зная, готовъ любить за то, что они тебя любятъ. Мы здѣсь послѣ шума коронаціи [2]) опять наслаждаемся той тишиной, которая составляетъ настоящую прелесть Москвы для людей, которыхъ утлый челнъ (по выраженію Мих. Ал. Языкова) [3]), успокоился въ мирной пристани. Приступаю къ немногимъ литературнымъ извѣстіямъ. Во первыхъ о твоемъ Фаустѣ [4]). Онъ нравится многимъ, но съ полной откровенностью скажу: не мнѣ. Находя въ немъ иногда тѣ прелестныя особенности, которыми отличаются твои повѣсти, я не могъ напр. по прочтеніи перваго письма не воскликнуть съ наслажденіемъ: «Экъ, собака, росписываетъ. Каково! Вѣдь далъ же Господь такой даръ!» Но признаюсь всю повѣсть нахожу неестественною и считаю, что ты въ ней не въ своей сферѣ, зачерпнувши немного изъ мутнаго колодца твореній моего друга Одоевскаго [5]). Что же касается до неестественности, ты самъ чувствуешь ее, когда заставляешь героя сомнѣваться, кстати ли онъ выбралъ Фауста для перваго чтенія? Выборъ точно неудаченъ и едва ли можетъ это великое твореніе не только такъ подѣйствовать, но и быть понято непосредственной и не развитой натурой женщины, не читавшей ничего кромѣ книгъ положительныхъ до Всеобщей

---

[1]) Василій Петровичъ Боткинъ (род. 1810, ум. 1869).—извѣстный писатель, занимавшійся изученіемъ искусствъ, особенно живописи и музыки, и горячо любившій театръ, авторъ извѣстныхъ въ свое время «Писемъ объ Испаніи»; былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими писателями—Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ, Тургеневымъ, Анненковымъ. Тургеневъ въ сентябрѣ 1856 г. жилъ въ Куртавнелѣ, откуда переѣхалъ 20-го октября (1 ноября) на зиму въ Парижъ.

[2]) Коронація Александра II совершилась 26-го августа 1856.

[3]) Михаилъ Александровичъ Языковъ (род. 2-го сент. 1811, ум. 22 янв. 1885) былъ связанъ тѣсными дружескими узами почти со всѣми выдающимися литературными дѣятелями 1840—1860-хъ годовъ. О немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго во «Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 г.», стр. 100.

[4]) 18/30 августа 1856 г. Тургеневъ при письмѣ къ И. И. Панаеву послалъ изъ Парижа рукопись своего «Фауста», который и былъ напечатанъ въ 10-ой книгѣ «Современника» (стр. 91—130) 1856 г.

[5]) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій (род. 1803, ум. 1869)—извѣстный писатель и общественный дѣятель, энциклопедически образованный: беллетристъ, критикъ, музыкантъ, химикъ.

стряпухи включительно. Нѣтъ, и нашему брату, не выросшему на Германской и философской почвѣ, стоитъ усилія раскусить Фауста. Вообще характеръ героини составленъ изъ разныхъ отдѣльныхъ чертъ, которыя какъ то не вяжутся и образъ ея не остается цѣльнымъ въ воображеніи читателя. Твой Фаустъ напечатанъ по странному случаю въ одномъ № съ почтеннымъ переводомъ (впрочемъ идіота) Струговщикова [1]), представляющимъ явную улику въ неестественности повѣсти. Стихотворенія Некрасова [2]) вышли въ свѣтъ 19-го Октября. Они у всѣхъ въ рукахъ и производятъ, какъ и быть надлежало, сильное впечатлѣніе, впрочемъ еще не успѣвшее высказаться. Едва ли это не самая многознаменательная книга нашего времени и пусть послѣ нея попробуютъ сказать «que toute vérité n'est pas bonne à dire». Въ числѣ разнородныхъ гостей Москвы, во время празднествъ, Петербургская литература представила краснорѣ-

---

[1]) Александръ Николаевичъ Струговщиковъ (род. 1808, ум. 1878); въ 10-ой книгѣ «Современника» (стр. 131—280) напечатанъ былъ его переводъ 1-ой части трагедіи Гёте «Фаустъ».

[2]) Въ 1856 г. стихотворенія Некрасова вышли отдѣльнымъ изданіемъ впервые. «Стихотворенія Некрасова произвели большую сенсацію»,—писалъ актеръ П. А. Каратыгинъ одному своему пріятелю 20-го ноября 1856 г. «Большая ихъ часть была напечатана въ Современникѣ: много вещей слабыхъ и двѣ-три піесы дѣйствительно прекрасныя... Но особенный интересъ публики возбудили два-три отрывка съ либеральнымъ оттѣнкомъ, и въ двѣ недѣли разошлось до тысячи экземпляровъ... Разнесся слухъ, будто второе изданіе запрещено, и теперь, ради запрещеннаго плода, остальные экземпляры вмѣсто полутора рубля продаютъ по 5 да по 6! Ахъ! какъ мы еще юны; какая ребяческая страсть казаться взрослыми; какая высокая цѣна за дешевенькій либерализмъ! Муза Некрасова не поетъ, а ноетъ, и его гражданская скорбь наводитъ скуку!

Что новаго сказалъ ты, новый нашъ поэтъ?
На новый ладъ все старыя погудки,
Нападки на людей, на общество, на свѣтъ,
Болѣзненная желчь, язвительныя шутки
И парадоксами приправленная ложь,
На дружбу и любовь поклепы, небылицы...
Какъ «скорбные листы» твои прочтешь,
То такъ и кажется, что вышелъ изъ больницы!—

(«Русск. Вѣстн.» 1880 г., кн. IX, стр. 156).

О Некрасовѣ и Лонгиновѣ см. въ статьяхъ Н. В. Яковлева въ сборникѣ «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из собраний Пушкинского Дома», Пгр. 1922. стр. 105—117 и 227—241.

чиваго полковника Лебедева третьяго [1]) и изящнаго водевилиста Кони [2]), который въ СентябрѢ не безъ гордости ходилъ въ газетной Англійскаго Клуба около стола, гдѢ красовалась (и красуется) АпрѢльская книжка Пантеона. СожалѢю, что не прибылъ Брантъ [3]), напечатавшій, впрочемъ, въ ПчелѢ оду, по случаю бывшихъ торжествъ. Кстати о ПчелѢ. Въ ней появились было «открытыя письма» какого то анонима, обѢщавшаго въ 6-ти письмахъ представить обзоръ успѢховъ умственной дѢятельности въ Россіи и объявившаго обширную программу. НѢкоторые глубокомысленные читатели заподозрѢли въ введеніи какую то премудрость, уговорили меня прочесть статью и даже нѢсколько оскорбились, когда я объявилъ ее сущимъ сумбуромъ, я бы прибавилъ чернокнижіемъ, если бы это было понятно рѢченымъ глубокомысленнымъ читателямъ Пчелы. Въ редакціи ея произошла по поводу этихъ статей какая то непріятность и дѢло кончилось тѢмъ, что Видокъ-Фигляринъ [4]) печатно заявилъ, что они напечатаны въ его отсутствіе, а продолженія оныхъ не будетъ. Анонимъ же, нападавшій и на Слафянофиловъ и на Европеистовъ и на Натуралистовъ (такъ дѢлитъ онъ писателей), оказался Касторомъ Никифоровичемъ Лебедевымъ [5]), но не Полковникомъ и не третьимъ, а

---

[1]) Петръ Семеновичъ Лебедевъ 3-ій, полковникъ съ 1853 г., состоялъ по Генеральному Штабу и былъ профессоромъ Военной администраціи, Военной исторіи и Русской словесности въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, съ 1852—помощникъ редактора и дѢятельный сотрудникъ, а съ 1855 по 1861—редакторъ «Русскаго Инвалида»; род. 1817, ум. 1875, въ чинѢ генералъ-маіора; авторъ сочиненій по теоріи военнаго дѢла и по военной исторіи.

[2]) Ѳедоръ АлексѢевичъ Кони (род. 1809, ум. 1879), извѢстный водевилистъ, съ 1847 года редактировалъ «Пантеонъ» и «Репертуаръ и Пантеонъ»; журналъ этотъ прекратился на 6-ой книжкѢ 1856 года.

[3]) Леопольдъ Васильевичъ Брантъ, беллетристъ, сотрудникъ «СѢверной Пчелы». Въ №219 «СѢв. Пчелы» отъ 5-го окт. 1856 г. (стр. 1113) было напечатано стихотвореніе Бранта: «26-ое августа 1856 г.» (день коронаціи Имп. Александра II).

[4]) Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ (род. 1789, ум. 1859), писатель и журналистъ, названный здѢсь «Видокомъ Фигляринымъ» по извѢстной эпиграммѢ на него Пушкина.

[5]) К. Н. Лебедевъ (род. 1812, ум. 21-го мая 1876 г.) былъ оберъ-прокуроромъ въ I ОтдѢленіи 6-го (Московскаго) Департамента Сената, впослѢдствіи, съ 186 г. сенаторъ. Его Дневники и Записки—въ «Русскомъ АрхивѢ» 1888, 1889, 189 1897, 1900, 1901 гг. Дневникъ за 1856 г. и исторія съ его «Открытыми письмами»

Оберъ-Прокуроромъ Сената и номера неизвѣстнаго. Этотъ лебедь пропѣлъ послѣднюю пѣснь (она же и первая), надѣлавшую скандалъ, который и по службѣ можетъ причинить ему непріятности, какъ говорятъ, отъ Панина [1]), нелюбящаго встрѣчать въ подчиненныхъ авторскихъ поползновеній. Отечеств. Зап. мещутъ громъ и молнію по случаю объявленія Современника о контрактѣ съ тобой [2]) и пр. Статейка эта нелѣпа, какъ и все, что внушается безсильною злобою, потемняющею здравый смыслъ пишущаго.

(въ «Сѣв. Пчелѣ» 1856 г., № 202, стр. 1030—1032; № 214, стр. 1089—1092) см. въ «Русск. Арх.» 1893 г., кн. I, стр. 357, 358—359). Третья часть «Открытыхъ писемъ» была напечатана въ № 251 «Сѣв. Пчелы» 1856 г., стр. 1264—1268.

[1]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (род. 1801, ум. 1864) — многолѣтній министръ юстиціи. Подробнѣе сказано о немъ въ письмѣ № 11.

[2]) Въ «Отечеств. Зап.» 1856, октябрь, въ отдѣлѣ: «Литературныя и журнальныя замѣтки», на стр. 77, была напечатана слѣдующая статейка:

«...Въ русскомъ языкѣ,—этомъ неисчерпаемомъ сокровищѣ вымысловъ и оборотовъ, легко отъищатся точныя реченія для замѣны реченій иностранныхъ, которыхъ у насъ такъ много... ...Новѣйшее, если не послѣднее доказательство неистощимаго богатства нашего языка мы видимъ въ объявленіи «Объ изданіи Современника въ 1857 («Моск. Вѣд.», 114). Въ немъ, между прочимъ, сказано: «Взаимный обмѣнъ мыслей, здѣсь (въ Объявленіи) изложенныхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ обязательное соглашеніе между редакціей Современника и нѣсколькими литераторами». Обязательное соглашеніе! да что же это иное, какъ не контрактъ? Двумя русскими словами замѣнено здѣсь одно иностранное, и не только замѣнено, но и опредѣлено въ точности... Контрактъ между нѣсколькими литераторами и редакторами «Современника», которые тоже литераторы (?), это что-то совершенно новое, неслыханное въ нашей литературѣ, даже несовмѣстимое съ понятіемъ о литературѣ... Литераторъ, какъ мы привыкли думать, служитель слова. Слово, значитъ, для поэта также и священное дѣло, прямое обязательство... Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, обязанъ быть рабомъ своему слову. Онъ до того ему крѣпокъ, что въ другой крѣпости или въ другомъ рабствѣ не видитъ ни малѣйшей нужды. Поэтому «обязательное соглашеніе» въ отношеніи къ литераторамъ — странный плеоназмъ, бросающій грустную тѣнь на обѣ обязывающіяся стороны... Развѣ соглашеніе или согласіе, произнесенное просто-на-просто голосомъ, т. е. выраженное изустно, не есть своего рода обязательство?.. Предки наши, не знавшіе ни иностраннаго слова контрактъ, ни перевода его на русскій языкъ «обязательное соглашеніе», говорили коротко и просто: «кто измѣнитъ своему слову, тому да будетъ стыдно». Отчего мы не подражаемъ ихъ достохвальному примѣру? Неужели оттого, что—страшно даже вымолвить—мы потеряли стыдъ? Или почтенная краска древняго стыда замѣнилась у насъ невозмутимостью духа новѣйшей снисходительности, которая избрала своимъ девизомъ названіе комедіи Островскаго: «Свои люди—сочтемся»?

Вотъ тебѣ, любезный другъ, первая цыдулка, хочешь, такъ продолженіе впредь. Крайне бы обрадовалъ, если бы писнулъ хоть словечко. Я поживаю какъ нельзя лучше и счастливъ и женою и дочерью [1]), которая ужъ становится по немногу занимательна. Желаю тебѣ быть такъ же довольнымъ судьбой, какъ и я. Прощай, обнимаю тебя и остаюсь

истинно любящимъ тебя

Мих. Лонгиновымъ.

Новый мой адресъ: Въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Рясовскаго № 254.

2

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ.
19/7 Ноября 1856 г.

Ну душа моя Михаилъ Николаевичь, порадовалъ ты меня своимъ письмомъ!—Я какъ нарочно всё это время ни отъ кого строки не получалъ—и вдругъ твой четкій, круглый, восхитительный почеркъ! Спасибо тебѣ что не забылъ своего обѣщанья—и въ доказательство моей благодарности, отвѣчаю тебѣ тотчасъ.

Скажу тебѣ о себѣ что я поселился на постоянную квартеру—Rue de Rivoli, № 206—и всѣмъ былъ бы доволенъ еслибъ не проклятый мой пузырь, котораго чортъ дернулъ опять разболѣться! Это сильно меня огорчаетъ и вѣроятно нѣсколько охладитъ мое рвеніе къ работѣ. Однако постараюсь не поддаться.—

---

[1]) М. Н. Лонгиновъ былъ женатъ на Александрѣ Дмитріевнѣ, рожд. Левшиной (род. 5-го іюня 1836, ум. 27-го января 1877, черезъ два года послѣ смерти мужа). Дочь ихъ Александра Михайловна, тогда младенецъ, впослѣдствіи вышла замужъ за князя Михаила Іоновича Козловскаго (ум. 25-го февраля 1915); въ 1916 г. она принесла въ даръ Пушкинскому Дому знаменитую библіотеку своего отца и его архивъ, изъ котораго и извлечены печатаемыя здѣсь письма Тургенева къ ея отцу; она скончалась въ Москвѣ 1-го іюля 1921 г., въ бѣдственномъ положеніи, въ больницѣ; погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Хотя большинство моихъ пріятелей хвалитъ мою послѣднюю повѣсть [1])—однако ты не одинъ её порицаешь—(Александръ Ивановичь [2]) и Огаревъ [3]) раздѣляютъ твое мнѣніе). Поразмысливъ хорошенько дѣло, я согласенъ съ тобою—не потому что я всегда охотнѣе соглашаюсь съ тѣми кто меня порицаетъ—а потому что я чувствую справедливость словъ твоихъ.—И «Фаустъ» неудачно выбранъ—и напрасно хватилъ я фантастическаго элемента. Видно мнѣ было написано на роду заплатить ему дань. Теперь мы съ нимъ квиты.—Я задумалъ теперь очень большую повѣсть [4])—надѣюсь что она выдетъ порядочною.—Сперва напишу маленькій разсказъ для Дружи-

---

[1]) «Фаустъ», см. выше, стр. 142, примѣчаніе 4-ое. Такъ, напримѣръ, «Фаустъ» очень понравился Дружинину, что видно изъ письма къ нему Тургенева (отъ 30-го окт. 1856, изъ Парижа), въ которомъ Иванъ Сергѣевичъ, между прочимъ, писалъ: «Я очень радъ, что мой разсказъ: Фаустъ—вамъ понравился,—это для меня ручательство; я вѣрю въ вашъ вкусъ». (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, С.-Пб. 1885, стр. 25). Тургеневъ былъ увѣренъ, что «Фаустъ» не понравится Л. Н. Толстому, и потому сочувствіе послѣдняго его» искренно и глубоко обрадовало» (тамъ-же, стр. 33).

[2]) Герценъ (род. 1812, ум. 1870) жилъ въ это время, съ 25-го августа 1852 г. въ Лондонѣ и оживленно переписывался съ Тургеневымъ.

[3]) Николай Платоновичъ Огаревъ (род. 1813, ум. 1877)—извѣстный поэтъ, другъ А. И. Герцена.

[4]) ...Объ этой «большой повѣсти» Тургеневъ часто упоминаетъ въ письмахъ своихъ къ Панаеву. Впервые онъ пишетъ о ней изъ Куртавнеля от 3/15 окт. 1856 г.: «Моя новая большая повѣсть поспѣетъ, если я буду живъи здоровъ, къ новому году—вы ее можете напечатать въ февральской книжкѣ». Но 16/28 декабря, изъ Парижа, Тургеневъ уже жалуется на свою болѣзнь: «Глупая моя болѣзнь дѣйствительно помѣшала мнѣ работать и я не въ состояніи окончить мою большую повѣсть ко 2 № Совр. будущаго года». Письмо отъ 12/24 янв. 1857 г. Тургеневъ начинаетъ слѣдующими словами: «Письмо мое огорчитъ тебя, милый Панаевъ, я это знаю напередъ: фунтъ конфектъ ты проигралъ и ко 2-му № «Совр.» я ничего прислать не могу». Только въ 1858 г., 1/13 января, Тургеневъ увѣдомлялъ Панаева изъ Рима: «Я теперь принялся за большую повѣсть, которую надѣюсь привезть съ собою въ Россію въ маѣ мѣсяцѣ»... Эта «большая повѣсть»—есть его знаменитое «Дворянское гнѣздо». Въ іюлѣ 1858 г. Тургеневъ извѣщалъ г-жу П. Віардо, что началъ работать надъ «Дворянскимъ гнѣздомъ», а 28 декабря Никитенко уже слушалъ чтеніе его у Тургенева («Записки и дневникъ» Никитенка, I, 541); появилось оно въ печати въ 1-й книгѣ Современника» 1859 г.; въ этомъ же году романъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ (А. Ф. Базунова, М. 1859).

нина [1]). Кстати, я прочелъ его программу. Мнѣ она понравилась—и я думаю что журналъ его пойдетъ хорошо—хотя и не замѣнитъ Современника въ глазахъ молодаго поколѣнья.—Б. для Ч. будетъ слишкомъ холодна, безстрастна—и Русскаго въ ней будетъ мало. Но журналъ выдетъ дѣльный, почтенный и полезный—и надо постараться дать ему ходъ.

Я никогда не сомнѣвался въ огромномъ успѣхѣ Стихотвореній Некрасова.—Радуюсь что мои предсказанія сбылись; радуюсь такъже тому, что эта книга прошла безъ большихъ поврежденій.

Что ни толкуй его противники—а популярнѣе его нѣтъ теперь у насъ писателей—и по дѣломъ [2]).—Онъ теперь въ Римѣ съ А. Я. [3]) и съ Фетомъ [4]); я отъ него получилъ нѣсколько писемъ. Скучаетъ немного—но въ здоровьи очень поправился. Это главное.

---

[1]) Александръ Васильевичъ Дружининъ (род. 8-го окт. 1824 г., ум. 14-го янв. 1864 г.), извѣстный критикъ и беллетристъ. Въ концѣ 1856 г. онъ сталъ во главѣ редакціи «Библіотеки для Чтенія» и работалъ въ ней до начала 1861 года.—Тургеневъ обѣщалъ Дружинину сотрудничество (см. Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева (1840—1883): письма 14, 15, 17, 23) и послалъ 2 марта изъ Дижона Анненкову для Дружинина разсказъ «Поѣздка въ Полѣсье» (неизданный отрывокъ изъ «Записокъ Охотника»). Разсказъ этотъ былъ начатъ Тургеневымъ въ 1853 г., оконченъ въ началѣ 1857 г. и напечатанъ въ 10-ой книгѣ «Библіотеки для Чтенія» 1857 г. (стр. 219—234).

[2]) Доказательствомъ этой популярности можетъ служить, напримѣръ, хранящійся нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ толстый, переплетенный въ видѣ книги, томъ стихотвореній Некрасова, любовно собранный и каллиграфически переписанный горячимъ почитателемъ музы Некрасова, Львомъ Николаевичемъ Модзалевскимъ (род. 1837, ум. 1896), тогда студентомъ-филологомъ: онъ зналъ наизусть чуть ли не всѣ произведенія Некрасова и отовсюду собиралъ ихъ и вписывалъ въ свой сборникъ (см. объ этомъ сборникѣ въ статьѣ Б. И. Коплана въ книгѣ: «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома», Пгр. 1922, стр. 135—157).

[3]) Авдотья Яковлевна Головачева-Панаева (род. 1820, ум. 1893), рожд. Брянская, писательница, сотрудница Некрасова, жена литератора И. И. Панаева, авторъ извѣстныхъ «Воспоминаній о Тургеневѣ».

[4]) Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ—извѣстный поэтъ (род. 23-го ноября 1820 г., ум. 21-го ноября 1892 г.)—осенью 1856 г. отправился заграницу и въ началѣ декабря прибылъ въ Римъ, гдѣ прожилъ до половины января 1857 г.

Тебѣ вѣроятно извѣстно что мои Повѣсти и разсказы, изданныя Анненковымъ [1]) (за исключеніемъ Записокъ Охотника) должны выйти на дняхъ—или даже вѣроятно уже теперь вышли.—Пожалуйста, перечти ихъ—и сообщи мнѣ съ полнѣйшей откровенностью и собственное твоё мнѣніе и мнѣніе публики на ихъ счётъ.—Ты меня этимъ крайне обяжешь.—Голосъ критики нигдѣ такъ не благотворенъ какъ если самъ находишься въ отдаленіи отъ родины [2]).—Такъже прошу тебя сообщить мнѣ: какое мѣсто въ глазахъ публики занимаетъ Русская бесѣда [3])—сравнительно съ Русскимъ Вѣстникомъ—и что подѣлываетъ Русское воззрѣніе?—Тебѣ не нужно будетъ пускаться въ подробности: два слова, метко сказанныхъ—(ты на это мастеръ)—достаточны.

Сердечно сочувствую твоему счастью и радуюсь ему.—Какъ мнѣ ни хорошо душевно, признаюсь, внѣ роднаго круга, внѣ постоянныхъ, правильныхъ отношеній нѣтъ прочнаго счастья.—А тутъ ещё болѣзнь примѣшалась, которая, по словамъ докторовъ, тоже происходитъ отъ вліянія Парижскаго климата.—Я, можетъ быть, вернусь въ Россію скорѣе чѣмъ предполагалъ [4]).

Я ещё не осмотрѣлся здѣсь, какъ слѣдуетъ,—и, пока, не дѣлаю новыхъ знакомствъ. Но я намѣренъ сойтись съ здѣшними литераторами. Русскихъ здѣсь, кажется, очень много—но интересныхъ мало между ними; я видаю здѣсь одну твою пріятельницу, Княгиню Вяземскую [5])—(урожденную Новосильцеву), которая велитъ тебѣ кланяться.—

---

[1]) Въ ноябрѣ 1856 г. вышло первое отдѣльніе изданіе (П. В. Анненкова) «Повѣстей и разсказовъ» Тургенева въ 3-хъ томахъ.

[2]) Въ письмѣ къ Е. Я. Колбасину, отъ 14-го декабря 1865 г., Тургеневъ очень просилъ его всѣ критики, которыя только появятся на «Повѣсти и разсказы», присылать ему въ оригиналахъ, т. е. въ вырѣзкахъ или въ спискахъ, сдѣланныхъ на его счетъ (Перв. собр. писемъ Тургенева, № 19).

[3]) «Русская Бесѣда» издавалась въ Москвѣ въ 1856—1860 г. г. кружкомъ славянофиловъ подъ редакціей А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова (1856—1857), Кошелева (1858) и И. С. Аксакова (1859—1860); въ 1858—1859 г. г. при журналѣ, въ видѣ приложенія, выходилъ ежемѣсячный сборникъ «Сельское Благоустройство».

[4]) Тургеневъ вернулся въ Россію только въ началѣ іюня 1858 г. (см. ниже, въ письмѣ № 10).

[5]) Княгиня Екатерина Петровна Вяземская, рожд. Новосильцова (род. 26-го окт. 1825, ум. 10-го апр. 1858 г. въ Москвѣ), жена князя Николая Сергѣевича Вяземскаго (род. 1814, ум. 1881 г.).

Ну прощай, милый толстякъ;—пиши мнѣ Rue de Rivoli, № 206.—Я ни однаго твоего письма не оставлю безъ отвѣта.—Я дней десять тому назадъ писалъ Боткину — получилъ ли онъ моё письмо? [1]) Да, кстати, вотъ тебѣ ещё одно порученіе.—Узнай (ты ведь всѣхъ знаешь) гдѣ находится Графиня Ламбертъ (урожденная Канкрина) [2]) и напиши мнѣ: въ Петербургѣ ли она или гдѣ?—Не забудь этого.

Ещё разъ тебя обнимаю, кланяюсь твоей женѣ и остаюсь на всегда

Душевно тебя любящій

Ив. Тургеневъ.

P. S. Не франкируй своихъ писемъ; онѣ такъ вѣрнѣе доходятъ; я своё тоже не франкирую.

3

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 18-го Ноября 1856.

Посылаю тебѣ, любезный другъ Тургеневъ, отрывокъ изъ объявленія объ изданіи Русскаго Вѣстника на 1857 годъ [3]). Я обѣщалъ писать тебѣ о разныхъ литературныхъ новостяхъ; считаю, что въ настоящемъ случаѣ не должно откладывать сообщеніе тебѣ обстоятельства, касающагося до тебя, тѣмъ болѣе, что иначе ты можешь очень долго остаться въ неизвѣстности касательно того что пишутъ

---

[1]) См. ниже, въ письмѣ № 3; писемъ Тургенева къ Боткину въ печати еще не появлялось.

[2]) Графиня Елизавета Егоровна Ламбертъ (ум. 1883 г.), рожд. графиня Канкрина; письма Тургенева къ графинѣ Ламбертъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго, изданы Румянцовскимъ Музеемъ въ Москвѣ, въ 1915 г.

[3]) См. приложеніе въ концѣ письма.

о тебѣ и такъ сказать къ тебѣ по поводу дѣлающаго столько шуму «обязательнаго соглашенія» твоего и другихъ писателей съ Современникомъ [1]).

Признаюсь, не понимаю изъ чего поднимаютъ шумъ. Права печатать гдѣ хочешь ни у кого отнять нельзя, а Соврем. самъ объявилъ, что контрактъ Вашъ не относится до произведеній, обѣщанныхъ прежде въ другіе журналы. Стало быть ихъ еще можно удовлетворить. Притомъ объявленіе имени въ числѣ сотрудниковъ не обязательно же для всѣхъ 100 или болѣе лицъ, помѣщенныхъ въ программѣ и изъ которыхъ можетъ быть болѣе половины не напечатали ни слова въ журналѣ. Значитъ, тутъ дѣло идетъ о дѣлахъ частныхъ, домашнихъ. Сожалѣя, что у тебя выходитъ контра съ такимъ отличнымъ журналомъ, какъ Вѣстникъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что тучка эта пройдетъ и порядочные люди и честные писатели какъ ты и редакторъ его [2]) не поссоритесь, а устраните сообща возникающее недоразумѣніе. Считаю, что посылая тебѣ этотъ отрывокъ, выведу тебя изъ непріятнаго положенія узнать дѣло не точно или поздно.

Писать много некогда. Библіотека для Чтенія подъ редакціей Дружинина оживаетъ съ первой же книжки [3]). Стихотворенія Некрасова возбуждаютъ фуроръ. Твои повѣсти и разсказы «идутъ шибко», какъ говорятъ. Какъ я былъ радъ встрѣтить вмѣстѣ и «Двухъ

---

[1]) Въ 1856 г., въ 10-ой книжкѣ «Современника», было напечатано объявленіе объ изданіи журнала въ слѣдующемъ, 1857 году; редакторы «Современника» извѣщали, что четыре первоклассныхъ литератора, во избѣжаніе неудобствъ конкурренціи, согласились печатать свои произведенія исключительно въ журналѣ «Современникъ». Имена этихъ четырехъ исключительныхъ сотрудниковъ явились съ 1-го № журнала на 1857 на его обложкѣ: это были Д. В. Григоровичъ, А. Н. Островскій, гр. Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ. Дальнѣйшая исторія этого «обязательнаго соглашенія» подробно разсказана въ нижеслѣдующихъ письмахъ и соотвѣтствующихъ къ нимъ примѣчаніяхъ.

[2]) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (род. 1818, ум. 1887) — извѣстный публицистъ, съ 1856 г. былъ издателемъ «Русскаго Вѣстника», а въ 1863 г. сталъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

[3]) Тургеневъ въ письмѣ къ А. В. Дружинину отъ 5-го дек. 1856 г. писалъ: «Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи о великолѣпномъ перерожденіи «Б. для Чтенія», — и я рукоплещу и радуюсь».

пріятелей», и «Затишье» и «Рудина» и «Постоялый дворъ» и «Муму» [1]) и всѣхъ этихъ добрыхъ друзей, которыхъ люблю по тебѣ столько же сколько тебя по нимъ! Боткинъ уѣхалъ тому 6 дней въ Петербургъ и сообщилъ мнѣ письмо твое [2]). Надѣюсь, что твоя болѣзнь прошла или по крайней мѣрѣ стихаетъ. Черкни словечко, а не то теперь ничего про тебя не узнаю. Прощай и не забывай

истинно тебя любящаго

Мих. Лонгинова.

Къ письму приложено извлеченіе объявленія о «Русском Вѣстникѣ», помѣщеннаго въ № 138 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ субботы, 17 ноября 1856 г., слѣдующаго содержанія:

«Что же касается до внутренней стороны изданія, то и въ этомъ отношеніи Редакція чувствуетъ себя гораздо сильнѣе, чѣмъ передъ началомъ текущаго года. Въ ея портфеляхъ заготовленъ огромный запасъ болѣе или менѣе значительныхъ литературныхъ трудовъ, и возбужденная новымъ журналомъ дѣятельность безпрерывно доставляетъ ей новые матеріялы. Обширныя сочиненія по всѣмъ частямъ литературы или уже оканчиваются или предпринимаются собственно для «Русскаго Вѣстника». Какъ ни велико было число лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и поименованныхъ въ объявленіи объ его открытіи, оно теперь значительно увеличилось и безпрерывно возрастаетъ. Въ нашемъ журналѣ появилось уже нѣсколько новыхъ писателей, которые съ первыхъ шаговъ заняли почетное мѣсто въ первыхъ рядахъ нашей литературы. Но мы должны также сказать, что изъ списка нашихъ сотрудниковъ выбыли

---

[1]) Въ трехъ частяхъ «Повѣстей и разсказовъ» Тургенева были помѣщены слѣдующія его произведенія: I. Андрей Колосовъ; Бреттеръ; Три портрета; Жидъ; Пѣтушковъ; Дневникъ лишняго человека; Три встрѣчи; II. Разговоръ на большой дорогѣ; Муму; Постоялый дворъ; О соловьяхъ; Два пріятеля; Затишье; III. Переписка; Яковъ Пасынковъ; Рудинъ; Фаустъ.

[2]) См. упоминаніе о немъ выше, въ письмѣ № 2.

гг. Аксаковы, которые, какъ ближайшіе участники «Русской Бесѣды», намѣрены посвятить всю свою дѣятельность этому журналу; сверхъ того упомянемъ еще о четырехъ литераторахъ, которыхъ «Современникъ» объявляетъ своими исключительными сотрудниками въ будущемъ году [1]).

---

[1]) Въ объявленіи объ изданіи въ будущемъ году журнала «Современникъ» значится, что четверо литераторовъ, изъ которыхъ назовемъ здѣсь только двухъ, И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстаго (Л. Н. Т.), заключили съ этимъ журналомъ «обязательное соглашеніе» помѣщать только въ немъ свои сочиненія. Заключеніе формальнаго обязательства и оглашеніе его въ публикѣ имѣло своею причиною, сколько можно заключать изъ упомянутаго объявленія, желаніе поддержать, при опасностяхъ усилившейся конкурренціи, тотъ журналъ, въ которомъ и безъ того первый изъ поименованныхъ литераторовъ преимущественно, а второй исключительно печатали до сихъ поръ свои труды. Мы обязаны войдти по этому поводу въ нѣкоторыя объясненія. Объявляя въ прошломъ году объ открытіи изданія «Русскаго Вѣстника», мы, въ числѣ своихъ сотрудниковъ, поименовали обоихъ уважаемыхъ нами литераторовъ, основываясь на изъявленномъ ими согласіи. Особенно со стороны г. Тургенева встрѣчено было новое изданіе живымъ сочувствіемъ. Онъ вызывался принимать въ немъ самое дѣятельное участіе. Для «Русскаго Вѣстника» былъ имъ предпринятъ особый трудъ. Въ письмѣ своемъ къ редактору онъ предлагалъ объявить заблаговременно, что въ одной изъ первыхъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» будетъ помѣщена его повѣсть подъ заглавіемъ: Призраки (вѣроятно, весьма сходная по содержанію съ разсказомъ, который появился въ сентябрьской книжкѣ «Современника», подъ заглавіемъ: «Фаустъ»). Неоднократно извѣщалъ онъ насъ о ходѣ своей работы, которая, какъ онъ писалъ, замедлилась отъ разныхъ обстоятельствъ, и откладывалъ доставленіе ея въ Редакцію отъ одной книжки до другой. Наконецъ, въ августѣ, онъ уѣхалъ за границу, а Редакція «Современника» напечатала вышеупомянутое объявленіе объ его «обязательномъ соглашеніи» съ нею. Зная лично г. Тургенева и имѣя основанія уважать его не только какъ литератора, но и какъ человѣка, мы увѣрены, что въ его глазахъ данное слово должно быть обязательнѣе самаго формальнаго обязательства, а потому мы не сомнѣваемся, что онъ, рано или поздно, очиститъ и себя и насъ передъ нашею публикою. Онъ можетъ быть покоенъ: успѣхъ «Русскаго Вѣстника» отъ этого не до такой же степени увеличится, чтобы причинить ущербъ «Современнику». Въ нашихъ глазахъ, изданіе журнала не можетъ имѣть смысла и не стоитъ труда, если успѣхъ его долженъ зависѣть отъ подобныхъ случайныхъ поддержекъ.

4

ЛОНГИНОВЪ—ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 22-го Ноября 1856 г.

Третьяго дня писалъ я къ тебѣ коротенькое письмецо [1]), любезный другъ Тургеневъ, единственно почти съ цѣлію увѣдомить тебя о выходкѣ Вѣстника. Вчера имѣлъ великое утѣшеніе получить письмо твое отъ 7/19 Ноября [2]). Еще болѣе обрадовался бы ему, еслибы узналъ изъ него, что твоя болѣзнь совсѣмъ прошла. Все таки надѣюсь, что при Парижскихъ медицинскихъ пособіяхъ ей не удастся развиться. Теперь приступлю къ отвѣтамъ на пункты твоего письма и сообщенію разныхъ могущихъ интересовать тебя извѣстій. Не знаю какъ и когда кончится это письмо: съ присѣсту или съ нѣсколькихъ пріемовъ? Это все равно; было бы обстоятельно и полно. На нѣкоторые пункты ты уже получилъ отвѣты изъ послѣдняго моего письма. Таковы полученіе Боткинымъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ твоего письма [3]) и выходъ въ свѣтъ твоихъ повѣстей [4]). Изданіе ихъ довольно и даже весьма изящно. Жаль, что не помѣщены заодно и драматическія пьесы, впрочемъ, надѣюсь, что они скоро выйдутъ [5]). Думаю, что теперь и «Нахлѣбника» [6]) пропустятъ. Я уже

---

[1]) См. письмо № 3.

[2]) См. письмо № 2.

[3]) См. въ письмѣ № 3.

[4]) См. письмо № 3.

[5]) См. примѣч. 1-ое на стр. 152.

[6]) Тургеневъ началъ работать надъ комедіей «Нахлѣбникъ» еще въ началѣ 1848 г. и снова принялся за него въ сентябрѣ 1856 г.; 3/15 окт. 1856 г. онъ писалъ изъ Куртавнеля И. И. Панаеву, что тотъ можетъ напечатать въ декабрьской книжкѣ «Современника»—«Нахлѣбника», «котораго ты получишь въ измѣненномъ видѣ въ половинѣ ноября (если только цензура его пропуститъ)».—12/24 января 1857 г. изъ Парижа Тургеневъ просилъ Панаева: «... попробуйте напечатать «Нахлѣбника»; мнѣ Анненковъ пишетъ, что теперь его, пожалуй, позволятъ». Комедія эта была напечатана подъ заглавіемъ: «Чужой хлѣбъ» въ 3 книгѣ «Современника» 1857 г. См. выше статью В. И. Чернышева о «Нахлѣбникѣ» по поводу авторской рукописи этой комедіи, принадлежащей Пушкинскому Дому.

говорилъ тебѣ какое впечатлѣніе истинно услаждающее вкусъ и шевелящее мысли и чувства произвело лично на меня собраніе во едино этихъ добрыхъ друзей, которые называются повѣстями И. С. Тургенева [1]). Мы съ женой перечитали ихъ вновь почти всѣ и обязаны имъ многими сладкими минутами, съ которыми простились только до свиданія при новомъ перечитываньи. О впечатлѣніи въ публикѣ судить вполнѣ еще нельзя, но можно сказать, что ты много выиграешь особенно у читателей, которые не имѣли случая прочесть всѣ твои повѣсти, или помнятъ ихъ поодиночкѣ. О литературномъ мірѣ говорить нечего: ты признанъ имъ единодушно; даже въ мірѣ бывшихъ доносовъ твой талантъ не отвергается: Булгаринъ [2]) недавно напечаталъ это въ «Пчелѣ», при чемъ обругалъ Писемскаго за «Плотничью артель» [3]), которую, кажется, всякую недѣлю бранитъ на всѣ лады [4]). Кстати на дняхъ вышла книжка «Очерковъ изъ крестьянскаго быта» Писемскаго (Питерщикъ, Лѣшій и Артель) [5]). Тоже явилось два тома Толстаго: «Дѣтство и отрочество» и «Военные

---

[1]) Объ этомъ изданіи см. выше, въ письмѣ № 3.

[2]) См. въ письмѣ № 1.

[3]) Въ № 250 «Сѣверной Пчелы» отъ 10 ноября 1856 г. (стр. 1258) Булгаринъ писалъ: «... Мы вполнѣ признаемъ дарованія въ нѣкоторыхъ писателяхъ нынѣшней эпохи, какъ напр. въ И. С. Тургеневѣ, Лермонтовѣ, гр. Л. Н. Толстом, Вонлярлярскомъ, гр. В. А. Соллогубѣ и гр. Растопчиной...». Далѣе, послѣ выпада противъ «натуральной школы», Булгаринъ говорилъ: «... Русская словесность непремѣнно возвратится на прежній путь, ведущій къ умственному и душевному развитію и усовершенствованію, къ прекрасному и высокому!.. Водворяя въ народѣ любовь къ своему, къ Русскому, къ народному, Русскіе писатели найдутъ богатые матеріалы для этого въ чувствованіяхъ простого Русскаго народа, какъ нашли ихъ Загоскинъ и другіе. Неужели для Русскаго простолюдина нѣтъ другой сцены для дѣйствія, какъ питейный домъ, какъ Петербургскіе углы, какъ буйная Плотничья Артель?»

[4]) Такъ, напр., въ № 223 «Сѣверной Пчелы» отъ 10 окт. 1858 (стр. 1132) Булгаринъ кончалъ свою статью словами: «... Нѣтъ никакого сомнѣнья, что хорошія произведенія литературы и изящныхъ искусствъ—вѣнецъ человѣческаго разума, но, воля ваша, вкусное, здоровое кушанье во сто кратъ предпочтительнѣе такихъ письменныхъ произведеній «натуральной школы», какъ напримѣръ «Плотничья артель!..»

[5]) Въ составъ «Очерковъ изъ крестьянскаго быта» вошли только три названныя повѣсти Писемскаго: «Питерщикъ», «Лѣшій» и «Плотничья артель».

разсказы» [1]). Мы съ нимъ видѣлись недавно, онъ теперь въ Петербургѣ и скоро будетъ сюда [2]). Некрасовъ по прежнему производитъ впечатлѣніе невообразимое, но критики не знаютъ что объ немъ сказать, понятно почему. Замѣчаніе твое о Дружининѣ и Б. для Ч. совершенно справедливо [3]). У насъ не можетъ еще наступить періодъ успѣха для безстрастія и сопряженной съ нимъ безцвѣтности, хотя бы на это потратилось и много знаній и таланта. Притомъ же съ Друж. читатели будутъ en pleine (perfide) Albion, а для насъ свои бобыли, бирюки и пр. и привлекательнѣе и любезнѣе, какъ ни полезно сближать насъ съ духомъ и произведеніями означеннаго коварнаго острова. Въ Ноябрской книжкѣ напечатана первая статья Др. о критикѣ Гоголевскаго періода и досталось крѣпко Чернышевскому за безусловное поклоненіе Бѣлинскому [4]). Умно и отчасти справедливо, но признаюсь считаю статью рановременною. Дайте еще время разжевать для безтолковыхъ значеніе, громадную силу и талантъ покойника; дайте умереть Пчелиному улью и прочимъ упрямымъ старовѣрамъ и не давайте повода ихъ хотя и не слишкомъ многочисленнымъ прихожанамъ хоть къ чему нибудь придраться. Скоро выведется это отродье и тогда пишите что хотите. Вотъ что сказалъ бы я Д. Похвалы его прейдутъ молчаніемъ, а честныя за-

---

[1]) «Дѣтство и отрочество» и «Военные разсказы» Л. Н. Толстого появились въ печати отдѣльнымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ 1856 г.

[2]) Л. Н. Толстой 26 ноября 1856 г. вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Москву въ началѣ декабря и пробылъ здѣсь до Новаго Года. По словамъ П. Бирюкова, «съ выходомъ Л. Н. въ отставку начинается новый періодъ его жизни, литературно-общественный... Несмотря на свою рѣзкость сужденій, на непризнаніе авторитетовъ, Л. Н. былъ желаннымъ гостемъ и драгоцѣннымъ членомъ литературнаго кружка «Современника» (П. Бирюковъ. Біографія, т. I, М. 1906).

[3]) См. письмо № 2.

[4]) Статья Дружинина была напечатана подъ заглавіемъ: «Критика Гоголевскаго періода Русской литературы и наши къ ней отношенія». «Вполнѣ цѣня и уважая всѣхъ нашихъ товарищей по дѣлу современной русской критики», писалъ онъ здѣсь: «мы не можемъ не признаться, однако же, въ комическихъ впечатлѣніяхъ, иногда производимыхъ на насъ нѣкоторыми изъ отчаянныхъ поклонниковъ старой критики. Подобные отзывы, плодъ безсилія, соединеннаго съ упрямымъ фетишизмомъ, возбуждали въ насъ не одинъ только смѣхъ, но вмѣстѣ со смѣхомъ и порядочную досаду». Въ одномъ изъ примѣчаній Дружининъ называетъ А. Д. Галахова и С. С. Дудышкина «спасительнымъ примѣромъ для молодыхъ писателей, склонныхъ къ фетишизму въ критикѣ».

мѣчанія обратятъ въ ядовитое оружіе. Я познакомился съ С. Т. Аксаковымъ [1]), благодаря моимъ библіографическимъ запискамъ [2]), которые его очень занимаютъ и родили у него воспоминанія о Шатровѣ [3]) и Николевѣ [4]) и водевилистѣ Писаревѣ [5]). Я доставилъ ему нѣкоторыя книги и справки и мы видимся часто и съ

---

[1]) Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ (род. 1797, ум. 1859) принималъ живое участіе въ періодическихъ изданіяхъ, внимательно слѣдилъ за ходомъ литературы и театра и составилъ обширный кругъ друзей изъ писателей, ученыхъ и артистовъ. Своимъ гостепріимствомъ онъ пріобрѣлъ себѣ имя «истаго хлѣбосола-москвича». Въ 1856 г. въ «Русской Бесѣдѣ» былъ напечатанъ 4-й отрывокъ изъ «Семейной Хроники» (т. III) и «Литературныя и театральныя воспоминанія» (т. IV).

[2]) Мих. Ник. Лонгиновъ сталъ доставлять свои «Библіографическія Замѣтки» въ редакцію «Современника» съ апрѣля 1856 г. Первый опытъ его былъ напечатанъ въ т. LVII, отд. V, стр. 1—18. Статьи и замѣтки Лонгинова представляютъ большой интересъ и важное научное значеніе своими цѣнными біографическими, родословными, историческими и литературными матеріалами о многихъ писателяхъ и журналахъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Лонгиновъ напечаталъ много любопытныхъ свѣдѣній о стихотвореніяхъ Батюшкова, Фета, Лермонтова, о трудахъ Озерова, о неизданныхъ стихотвореніяхъ, посланіяхъ и эпиграммахъ Пушкина, Жуковскаго; о Шишковистахъ и Карамзинистахъ и т. д. Всѣ эти «Библіографическія Замѣтки» перепечатаны въ т. I сочиненій М. Н. Лонгинова, изданномъ въ Москвѣ Л. Э. Бухгеймомъ въ 1915 году.

[3]) Николай Михайловичъ Шатровъ (род. 1765, ум. 1841)—стихотворецъ конца XVIII и начала XIX в., ревностный приверженецъ школы Шишкова и противникъ Карамзина. Сотрудничалъ въ «Амфіонѣ», «Свв. Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества», «Трудахъ Общ. Люб. Росс. Словесности при Моск. Университетѣ».

[4]) Николай Петровичъ Николевъ (род. 1758, ум. 1815)—поэтъ и драматургъ. Воспитывался подъ надзоромъ своей родственницы, знаменитой княгини Ек. Ром. Дашковой. Онъ ослѣпъ, когда ему не было 30-ти лѣтъ, но до глубокой старости продолжалъ писать и заниматься. Екатерина II его отличала, Павелъ I любилъ за проницательный умъ и благородство мыслей и называлъ его «l'aveugle clairvoyant».

[5]) Александръ Ивановичъ Писаревъ, (род. 1803, ум. 1828)—извѣстный и плодовитый водевилистъ, рано умершій. С. Т. Аксаковъ, въ своей «Некрологіи А. И. Писарева», далъ краткую его характеристику: «Глубокій, проницательный умъ, чуждый оковъ пристрастія и предразсудковъ литературныхъ; строгій, вѣрный вкусъ: сила мыслей новыхъ, свѣжихъ; смѣлость, рѣзкость въ ихъ выраженіи; ѣдкая, убійственная острота; любовь къ справедливости; ненависть къ пороку...—все заставляло ожидать отъ него комедій Аристофановскихъ... (См. «Театральныя и литературныя статьи и замѣтки»).

нимъ и съ Конст. Сергѣев. [1]) С. Т. называетъ меня если не авторомъ, то ужъ родителемъ этихъ статей, которыя явятся въ «Бесѣдѣ» [2]). Что это за милые люди и какъ тебя любятъ! Что же касается до Бесѣды, то и она и ея направленія убиты на повалъ въ общемъ мнѣніи: «cause jugée et perdue»; несостоятельность Славянофильства и его соподвижниковъ совершенно обнаружилась, когда имъ сдѣлалось вольготно писать и они сами не съумѣли высказать (какъ и должно было ожидать) что такое Русское воззрѣніе? т. е. то о чемъ хлопотали. Алармисты могутъ успокоиться, партія не опасна [3]). Лучшія статьи въ Бесѣдѣ, это обозрѣніе Черкасскаго (Влад.) [4]), т. е. совсѣмъ не славянофильскія. Послѣднее (о внутреннемъ законодательствѣ въ нынѣшнее царствованіе) просто chef-d'oeuvre искусства писать и говорить дѣло. Есть кромѣ того статьи довольно интересныя особливо спеціальныя, но много хлама, а есть и немного гадостей, какъ статья Г. Селиванова [5]) (брата тебѣ извѣстнаго) [6]) о годѣ Русскаго селянина, гдѣ авторъ съ «беатитюдой» восхищается поборами яицъ и краюхъ хлѣба попами и дьячками, уговариваетъ вѣрить нелѣпымъ примѣтамъ и т. п. Но редакція и главные сотрудники такіе

---

[1]) Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ (род. 1817, ум. 1860) —старшій сынъ Сергѣя Тимоѳеевича, глубоко привязанный къ отцу, поэтъ и писатель, одинъ изъ крупнѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей «славянофильскаго» направленія.

[2]) О «Русской Бесѣдѣ»—см. въ письмѣ № 2.

[3]) Тургеневъ и Лонгиновъ были западниками и взглядамъ славянофиловъ не сочувствовали.

[4]) Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій (род. 1824, ум. 1878)—извѣстный государственный дѣятель. Съ основаніемъ «Русской Бесѣды» онъ принялъ живое участіе въ ея редакціи. Для первой ея книжки онъ далъ: «Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 г.» («Р. Б.» 1856 г., т. I). Въ III т. «Русской Бесѣды» за 1856 г. было помѣщено его: «Обозрѣніе внутренняго законодательства».

[5]) Василій Васильевичъ Селивановъ (род. 1813, ум. 1875)—литераторъ и Рязанскій земскій дѣятель. Въ 1856 г. въ «Русской Бесѣдѣ» была помѣщена его извѣстная статья: «Годъ русскаго земледѣльца». 1) «Весна» (во II т.) и 2) «Лѣто» (въ IV т.).

[6]) Лонгиновъ имѣлъ въ виду Илью Васильевича Селиванова (род. 1810, ум. 1882). Съ половины пятидесятыхъ годовъ (1856 г.) онъ началъ помѣщать въ «Современникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» свои «Провинціальныя воспоминанія» и разсказы «обличительнаго направленія».

благородные и славные люди, такіе честные писатели, что имъ прощаешь ихъ эксцентрическій конекъ, какъ въ Лондонѣ напр. прощаютъ Лорду Ворду (бывшему здѣсь на Коронаціи) фантазію его каждый годъ возобновляющуюся, будто онъ брюхатъ и скоро родитъ, что не мѣшаетъ ему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ быть достойнѣйшимъ и очень умнымъ джентельменомъ. Теперь здѣсь хлопочутъ о возобновленіи Общ. Любит. Рос. Слов. и особенно Аксаковы. Я доставилъ разныя справки о немъ; оно не уничтожено, но въ 1835 году какъ то разошлось, любопытно бы его возобновить [1]). Теперь зани-

[1]) Общество Любителей Россійской Словесности было четвертымъ ученымъ обществомъ, основаннымъ при Московскомъ Университетѣ. Изъ учредителей Общества слѣдуетъ назвать А. А. Прокоповичъ-Антонскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. Ѳ. Мерзлякова, В. Л. Пушкина и др. Уставъ Общества былъ утвержденъ 6 іюня 1811 г. Задачей Общества было: «распространить свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ на Россійскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ Собраніи». Въ 20-хъ годахъ, когда возрасла и окрѣпла общественная мысль, обратившаяся въ области литературы отъ формы къ содержанію, и новая жизнь эта проходила мимо Общества,—сталъ сказываться его упадокъ, и оно окончательно замерло къ 1837 году. Было немало попытокъ возстановить заглохшую дѣятельность Общества, но онѣ не приводили ни къ чему; лишь съ половины 50-хъ годовъ,—въ знаменательный періодъ русской общественной жизни,—снова и съ новой силой зашла рѣчь о возобновленіи Общества. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ главную роль играли: К. С. Аксаковъ, А. С. Хомяковъ, М. Н. Лонгиновъ и М. А. Максимовичъ. Ихъ усиліями Общество Любителей Россійской Словесности и возродилось въ 1858 году къ новой жизни. Во главѣ Общества сталъ А. С. Хомяковъ; его помощниками были М. А. Максимовичъ и М. Н. Лонгиновъ. Послѣдній всею душой отдался дѣятельности и своими трудами не мало послужилъ Обществу. Съ 1859 по 1864 г. Лонгиновъ былъ секретаремъ Общества. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ вспоминаетъ о немъ съ большимъ сочувствіемъ: «Его заботливость объ Обществѣ и энергія были безпримѣрны. Онъ искалъ, понуждалъ, торопилъ. Самый первоклассный режиссеръ театра могъ позавидовать въ рвеніи и искусствѣ, съ какимъ Лонгиновъ ставилъ засѣданіе,—можно такъ выразиться. Сейчасъ вижу его на публичныхъ собраніяхъ. Онъ весь впивался въ чтеніе; можно сказать, сопутствовалъ чтецу, читалъ только молча, вмѣстѣ съ авторомъ. Въ ожиданіи счастливаго мѣста рѣчи приготовительная улыбка уже озаряла лицо; глаза расширялись и всѣ мускулы начинали ходить, когда ожидаемый эффектъ достигнутъ и публика рукоплескала... Ему дорогъ былъ шумъ и блескъ, внѣшнее проявленіе свободы и сценическій эффектъ чтенія»... Лонгиновъ принималъ большое участіе въ публичныхъ собраніяхъ Общества и издавалъ подъ своей редакціей разныя

маетъ вопросъ о свободѣ торговли; въ Петербургѣ особая Коммиссія изъ Тенгоборскаго, Заблоцкаго, Н. Милютина, Шерера, Бутовскаго, Мейендорфа, Мальцова, занимается проэктомъ пониженія тарифа. Въ журналахъ открытая война: твой двоюродный, кажется, дядя Скуратовъ, Яхонтовъ и пр. протекціонисты, а главные фритрейдеры Вернадскій и Сенковскій [1]). Пчела, разумѣется, противъ прогресса и Булгаринъ недавно напечаталъ предположеніе, что Сенковскій

книги, по порученію Общества. Въ 1864 г. Лонгиновъ, съ 1858 г. бывшій дѣйствительнымъ членомъ Общества (см. Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, 1811—1911, гдѣ помѣщена статья о М. Н. Лонгиновѣ, стр. 171), оставилъ секретарство по случаю отъѣзда изъ Москвы; къ тому же его дѣятельность и взгляды къ тому времени измѣнились и онъ уже «ревностно не посвящалъ Обществу своихъ досуговъ». (См. Общество Люб. Росс. Словесности при Моск. Унив., М. 1911).

[1]) Членами таможенно-тарифной комиссіи были: извѣстный политико-экономъ, членъ Государственнаго Совѣта Людвигъ Валеріановичъ Тенгоборскій (род. 1793, ум. 1857), Директоръ Департамента Сельскаго хозяйства Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій—одинъ изъ дѣятелей Литературнаго Фонда (род. 1808, ум. 1881), поборникъ и участникъ дѣла освобожденія крестьянъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ (род. 1818, ум. 1872), профессоръ Технологическаго Института Александръ Александровичъ Шереръ (ум. 1875), Викторъ Ивановичъ Бутовскій (род. 1815, ум. 1881), баронъ Александръ Казиміровичъ Мейендорфъ (род. 1798, ум. 1865),—впослѣдствіи Директоръ Московскаго Строгановскаго Училища, финансистъ и предсѣдатель Московскаго Мануфактурнаго Совѣта, и Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ (род. 1807, ум. 1880), извѣстный заводчикъ и дѣятель промышленности. Результатомъ работъ Комиссіи былъ Таможенный тарифъ 1857 года. Дмитрій Петровичъ Скуратовъ (род. 1802, ум. 1885), одинъ изъ основателей Общества содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ, потомокъ родного брата извѣстнаго Малюты Скуратова, былъ женатъ на Фаинѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, а Тургеневу приходился родственникомъ, дѣдомъ-дядей, по Апухтинымъ: бабка Ивана Сергѣевича—Елизавета Петровна Тургенева, рожд. Апухтина, была дочерью Екатерины Алексѣевны Апухтиной, рожд. Скуратовой, родной сестры отца Д. П. Скуратова—Петра Алексѣевича.—Д. П. Скуратовъ много писалъ по вопросамъ экономическимъ и публицистическимъ; Лонгиновъ имѣетъ въ виду его статью въ № 126 «Сѣверной Пчелы» 1856 г. «По поводу статьи г. Вернадскаго «О внѣшней торговлѣ» и другую статью его же—въ № 97 «Московскихъ Вѣдомостей» 1856 г. Статья профессора Ивана Васильевича Вернадскаго (род. 1820, ум. 1884) «О внѣшней торговлѣ» появилась въ апрѣльской книгѣ «Русскаго Вѣстника» 1856 г. (кн. 2, стр. 603—624), вызвавъ длинный рядъ статей сторонниковъ обоихъ направленій, т. е. протекціонистовъ и фритредеровъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», «Московскихъ Вѣдомо-

хочетъ завоевать популярность въ Англіи и ѣхать туда, ожидая, что его встрѣтятъ овацiями и митингами; словомъ доносъ во всей формѣ. Въ послѣдней «Бесѣдѣ» есть очень неловкая и неумѣстная статья: «Т. Н. Грановскій до его профессорства». Ужъ одно то, что авторъ ея В. В. Григорьевъ (Оріенталистъ) можетъ дать понятіе о ея тонѣ. Ты знаешь какъ Гран. и Григ. были въ разныхъ лагеряхъ послѣдніе годы, хотя въ Университетѣ и были пріятелями. Теперь Григорьевъ хамскимъ языкомъ съ халдейскими прибаутками разсказываетъ юность Гран., выдаетъ его юношескія тайны, печатаетъ его стихи, которые покойный просилъ его всегда ему возвратить и т. п. Статья начинается тѣмъ, что Гранов. былъ для иныхъ кумиромъ и что это понятно, потому что у насъ бывали «кумирчики и поплоше». Вообще же замѣтна цѣль уронить Гран. какъ «ученаго», доказывая, что онъ до 23 лѣтъ ничѣмъ серьезнымъ не занимался и не имѣлъ фундаментальной учености, предаваясь «эпикуреизму». Это могутъ говорить только нелицепріятные друзья, а не «Бесѣда», которой адепты не признавали заслугъ Гран. вполнѣ, а потому и нельзя ожидать, чтобы они дорожили мелочами его юношеской жизни, а слѣд. выставляютъ ихъ для другой цѣли. Аксаковы, кажется, недовольны этой статьею [1]).

стяхъ», «С.-Пб. Вѣдомостяхъ», «Москвитянинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Сынѣ Отечества»; всѣ эти статьи (въ томъ числѣ и С. Яхонтова) перечислены въ «Русской Исторической Библіографіи» 1856 г., стр. 85, № 1169.

[1]) Василій Васильевичъ Григорьевъ (род. 1816, ум. 1881)—оріенталистъ; съ 1851 г. по 1872 г. онъ былъ въ Оренбургскомъ краѣ начальникомъ пограничной экспедиціи, въ 1863 г. занялъ каѳедру исторіи Востока въ С.-Пб. Университетѣ а въ 1874 г. замѣстилъ М. Н. Лонгинова въ должности Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Его статья: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» («Русская Бесѣда» 1856 г., ноябрь) вызвала сильное негодованіе въ литературномъ мірѣ и производила непріятное впечатлѣніе своимъ развязнымъ тономъ. Такъ, напр., авторъ писалъ про Грановскаго: «Общительный, мягкосердечный, скромный и вмѣстѣ остроумный, мѣткій въ словѣ, онъ естественно становился душею каждой бесѣды. Никто не смѣлъ усомниться въ чистотѣ его помысловъ, а между тѣмъ онъ причастенъ былъ всѣмъ слабостямъ общества. Какъ же было не любить его обществу, которое находило въ немъ блестящее оправданіе своимъ слабостямъ. По той же причинѣ не проникались чувствомъ вражды къ нему и люди противнаго образа мыслей, но одинаковаго образ дѣйствій. Въ немъ не было ничего рѣзкаго, ничего колючаго для другихъ. Съ его достаточно эпикурейской точки зрѣнія, не изъ чего было враждовать...

Продолжаю письмо мое уже 25 Ноября. Вчера получилъ письмо отъ Боткина изъ Пет. Цензоромъ Современника назначенъ Лажечниковъ [1])

Многіе считаютъ Грановскаго ученымъ... Я не нахожу въ немъ самостоятельности, тѣмъ менѣе оригинальности мысли...» и т. д. Герценъ былъ возмущенъ статьей Григорьева и высказалъ это въ письмѣ къ М. К. Рейхель отъ 31 января 1857 г.: «Въ «Русскихъ Бесѣдахъ» есть статья о Грановскомъ; совѣтую вамъ... дать знать, хоть Коршу, что имъ грѣшно позволять такія гадости. Это, видите, разсказъ о его молодости; сдѣланъ какимъ-то Григорьевымъ будто бы въ похвалу ему; тамъ встрѣчаются такія штуки: по окончаніи курса онъ сталъ предаваться эпикуреизму, который въ послѣдніе годы жизни совершенно овладѣлъ имъ, и еще лучше: «этотъ непорочный юноша, къ удивленію моему, часто посѣщалъ «островъ Цитеры» и разъ былъ влюбленъ въ одну нимфу». Неужели у Грановскаго не осталось ни одного близкаго друга въ Россіи, который бы палкой отдулъ этого мерзавца? Я, пожалуй, пошлю письмо въ «Моск. Вѣд.» анонимное, да только, вѣдь, это тѣмъ то срамъ...» (А. И. Герценъ, Собр. соч. и пис., т. VIII, стр. 395). Статья Григорьева заканчивалась словами: «Тѣмъ же, кому можетъ показаться, что мнѣ, бывшему нѣкогда другомъ Грановскаго, не прилично судить о немъ съ большею, нежели другіе, строгостью, отвѣчу старинным, но вѣковѣчнымъ: «amicus Plato, sed magis amica veritas...» По замѣчанію М. К. Лемке, статья эта «не осталась безъ отповѣди со стороны Кавелина и др.».

А. В. Никитенко писалъ въ Дневникѣ своемъ (26-го янв. 1857) по поводу статьи о Грановскомъ: «Этотъ Григорьевъ былъ когда-то посланъ въ Лифляндію, за свою сомнительную дѣятельность, въ которой, по возвращеніи, получилъ крестъ. Во время моего цензорства, онъ написалъ было статью—прямой доносъ на противную себѣ партію Русскихъ литераторовъ. Словомъ, этотъ любезный господинъ съ успѣхомъ шелъ по слѣдамъ Булгарина. Теперь ему сильно не понравилась высокая и чистая репутація Грановскаго, и онъ задумалъ столкнуть его въ грязь».

Шевыревъ также возсталъ противъ статьи Григорьева и въ письмѣ къ Погодину высказывалъ свое возмущеніе: «Вчера прочелъ я статью Григорьева о Грановскомъ. Вѣдь тутъ есть нехорошій поступокъ. Какъ могъ рѣшиться на него Григорьевъ? И какъ рѣшилась «Бесѣда» всю статью напечатать? Статья Григорьева открываетъ глаза на многое и въ этомъ отношеніи поучительна; но все-таки она остается дурнымъ поступкомъ—и мнѣ душевно жаль, что «Русская Бесѣда» взяла на себя его половину». Кошелеву Шевыревъ писалъ: «Грановскій письмами своими много выигрываетъ, какъ человѣкъ искренній, изливающій душу свою въ душу другого. Но что касается до этого д р у г а, то къ нему не только всякое сочувствіе исчезаетъ, а чувствуешь омерзѣніе. Мнѣ кажется, тутъ спора быть не можетъ...» (см. Н. П. Барсуковъ: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XV, 206—207).

[1]) Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, (род. 1792, ум. 1869), извѣстный писатель, піонеръ русскаго историч. романа, былъ въ 1856—1858 гг. цензоромъ въ С.-Пб.

вмѣсто Бекетова [1]), удаленнаго за перепечатку въ Совр. 3-хъ стихотвореній Некрасова, при статьѣ о выходѣ ихъ въ свѣтъ [2]). Не знаю останется ли Бекетовъ цензоромъ; дѣло, кажется въ томъ, что на книжку стиховъ не обращаютъ такого вниманія, какъ на журналъ, имѣющій обширнѣйшій кругъ читателей. Впрочемъ, кажется, и на продажу книжки наложенъ амбарго; вчера всѣ книгопродавцы пересылались, чтобы получить экземпляры, но ихъ ужъ расхватали, тѣмъ болѣе, что выпущено было на первый разъ въ продажу не очень то много. Если что узнаю скоро объ этомъ дѣлѣ, такъ припишу послѣ. Касательно выходки Каткова противъ тебя, Боткинъ, которому я немедленно ее сообщилъ (и кстати, потому что въ Пет. не читаютъ вовсе Моск. Вѣд.), пишетъ, что оно произвело общее негодованіе въ Пет., даже между друзьями Каткова и всѣ признаютъ тебя послѣ этого освобожденнымъ отъ своего обѣщанія Вѣстнику. Я не понимаю этой выходки: 1) Совр. объявилъ, что ты, Толстой и пр. выговорили себѣ право исполнить прежнія обязательства съ другими журналами, 2) Подозрѣвать, что Фаустъ и Призраки одно и то же нѣтъ никакого основанія, 3) Отчего напали на одного тебя, когда тутъ же говорится объ Аксаковыхъ и Толстомъ безъ ожесточенія, а о Григоровичѣ и Островскомъ, которые, кажется, тоже были

Цензурномъ Комитетѣ; этой дѣятельностью онъ очень тяготился. Панаевъ писалъ о немъ: «Лажечниковъ едва ли не единственный изъ литераторовъ своего времени... съ полнымъ сочувствіемъ всегда протягивавшій руку всѣмъ замѣчательнымъ дѣятелямъ послѣдующихъ литературныхъ поколѣній». (Панаевъ, Литературныя воспоминанія, ч. II, гл. VIII, стр. 275).

[1]) Владиміръ Николаевичъ Бекетовъ (род. 8-го янв. 1809 г., ум. 18?) долголѣтній цензоръ С.-Пб. Цензурнаго Комитета. Д. В. Григоровичъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», говоря о «безсмысленной придирчивости» и «суровыхъ, молчаливыхъ приговорахъ» цензоровъ, такъ отзывался о «разумномъ отношеніи къ печати» Бекетова: «Единственнымъ, вполнѣ просвѣщеннымъ и расположеннымъ къ литературѣ былъ цензоръ Бекетовъ (однофамилецъ нашего товарища по Инженерному Училищу); его посчастливилось достать «Современнику» («Литературныя воспоминанія».—Полн. собр. соч. Д. В. Григоровича, изд. А. Ф. Маркса, 3-е, С.-Пб. 1896, т. 12-й, стр. 307); таковъ же отзывъ о немъ и другого лица: по словамъ извѣстнаго педагога А. А. Чумакова, Бекетовъ, «пользовавшійся еще при грозномъ Мусинѣ-Пушкинѣ славой человѣка либеральнаго и неустрашимаго», принадлежалъ «несомнѣнно» «къ числу цензоровъ, редакціями наиболѣе желанныхъ» («Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 590).

[2]) Объ этомъ см. въ письмѣ № 5.

объявлены сотрудниками Вѣстника, даже не упоминается? Видно, что за тебя крѣпко держатся, не смотря на колкости и увѣренія, что ты не такъ то ужъ нуженъ. Притомъ же отъ того, что въ рукахъ есть пріятельскія твои письма, а отъ другихъ ихъ нѣтъ, нѣтъ причины нападать на тебя печатно прямо конфиденціальными документами. 4) Можно согласиться быть сотрудникомъ журнала и потомъ перемѣнить свое намѣреніе, особенно если печатно не заявлено, что именно то то и то то будетъ напечатано, а Вѣстникъ кое что поименовалъ и не напечаталъ изъ сочиненій другихъ авторовъ. 5) Твое сотрудничество въ Вѣстникѣ было объявлено на 1856 годъ, а контрактъ съ Совр. начинается съ 1857. Много еще наберется такихъ пунктовъ; но довольно. Дѣло въ томъ, что у тебя положительно и здѣсь множество защитниковъ и очень жаркихъ, изъ которых назову наприм. Влад. Черкасскаго [1]) съ женой. А всё таки я отъ души желаю, чтобъ мирныя конференціи такъ или иначе скорѣй открылись по этому вопросу. Вообще Вѣстникъ, лишенный почти совсѣмъ бельетристическаго достоинства, тѣмъ не менѣе очень занимаетъ общественное мнѣніе и по справедливости: ученыя и политическія статьи, этюды и пр. полны интереса и писаны по большей части превосходно, кромѣ того Вѣстникъ отличается удивительною современностію въ выборѣ статей оригинальныхъ и переводныхъ, онъ затронулъ почти все: и Испанскія дѣла, и Итальянскій вопросъ, и Американскія партіи и происшествія, и Зундскую пошлину, и биржевыя спекуляціи и всѣ живые интересы нашего времени. Появились новые мастера писать: Ѳеоктистовъ [2]), Дмитріевъ [3]), Чиче-

---

[1]) О немъ см. выше.

[2]) Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ (род. 1829, ум. 1898), впослѣдствіи редакторъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Часть архива его нынѣ хранится въ Пушкинскомъ Домѣ; среди бумагъ и дневниковъ Ѳеоктистова оказались его чрезвычайно интересныя и цѣнныя Воспоминанія о Тургеневѣ, писанныя въ 1887 г. и напечатанныя Б. Л. Модзалевскимъ въ «Тургеневскомъ Сборникѣ» подъ редакціей А. Ф. Кони, Петербургъ. 1921, стр. 155—195.

[3]) Ѳедоръ Михайловичъ Дмитріевъ (род. 1829, ум. 1894), сынъ поэта М. А. Дмитріева и внучатный племянникъ И. И. Дмитріева, профессоръ Московскаго Университета, историкъ-юристъ, выступилъ на литературное поприще въ эпоху возрожденія Россіи послѣ Крымской войны, какъ западникъ, и сталъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей».

ринъ [1]) и др. доселѣ неизвѣстные. Часто слышится вопросъ не «какъ ваше здоровье?» а «читали вы послѣдній Вѣстникъ?» Симптомъ утѣшительный, а для журнала лестный. Вкусы и потребности читателей обозначились рѣзко въ одинъ годъ: ихъ занимаютъ наши жизненные вопросы и интересы общечеловѣческіе, а не бредни о Лужницкихъ Славянахъ, восторги отъ Чешскихъ пѣсенъ, знаніе наизусть именъ кречетовъ Алексѣя Михайловича [2]) и прочія статьи «für Wenige» [3]), которыми часто пробавляется Бесѣда, читающаяся больше какъ курьезъ, часто снотворный.

О себѣ скажу тебѣ, что я временами порядочно занятъ службой по управленію Рогожскаго раскольничьяго Кладбища и Ремесленной управой [4]); пріятно то, что меня, не хвастаясь скажу, полюбили мнѣ подвѣдомственные, которыхъ болѣе или менѣе подлежитъ мнѣ не одна тысяча, даже не одинъ десятокъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ всякій можетъ имѣть завтра до меня дѣло. Грубить и важничать я не умѣю, а справедливымъ быть стараюсь; кажется въ этомъ и весь почти секретъ. Закревскій [5]) имѣетъ ко мнѣ довѣріе, котораго я не обману. Впрочемъ, ты можешь видѣть, что дѣла служебныя не мѣшаютъ мнѣ слѣдить за литературой и пр., впрочемъ едва ли и могу я прожить безъ этого. Извѣстная закваска существуетъ во мнѣ съ дѣтства; интересъ къ умственному ходу нашей жизни проходилъ хоть маленькой струйкой даже по бурнѣйшему періоду моихъ кутежей, театральствъ и пр.; этому обязанъ я тѣмъ, что вынесъ много свѣжаго и цѣлаго изъ омута, въ которомъ такъ долго купался и теперь не знаю скуки, бросивши то, что съ лѣтами должно насъ само бросить. Русская моя библіотека [6]) умножается чрезвычайно и просто

---

[1]) Борисъ Николаевичъ Чичеринъ (род. 1828, ум. 1904) — извѣстный юристъ и философъ.

[2]) Во II т. «Русскаго Вѣстника» была напечатана статья Андрея Николаевича Попова: «Сокола и кречета Царя Алексѣя Михайловича».

[3]) Для немногихъ.

[4]) М. Н. Лонгиновъ исправлялъ тогда должность смотрителя Рогожскаго Богодѣльнаго дома и былъ Попечителемъ Московскаго Ремесленнаго Общества.

[5]) Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, Московскій военный генералъ-губернаторъ. Лонгиновъ состоялъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій.

[6]) Цѣннѣйшая, многотомная, заключающая въ себѣ многія библіографическія рѣдкости библіотека Лонгинова нынѣ является собственностью Пушкинскаго Дома, которому была принесена въ даръ, вмѣстѣ съ архивомъ Лонгинова, дочерью его, княгиней Александрой Михайловной Козловской.

доставляетъ великое наслажденіе, которое стараюсь раздѣлить съ охотниками въ Библіографическихъ запискахъ, возбудившихъ одобреніе и продолжающихся. Если не далъ Богъ таланта творить, то надо послужить общему дѣлу по мѣрѣ возможности собраніемъ матеріаловъ и рѣдкостей, что̀ и дѣлаю. По воспоминанію и для потѣхи хочу немного заняться чернокнижіемъ, которому неисправимый Дружининъ посвящаетъ нѣсколько страницъ въ каждой книжкѣ Библіотеки [1]). Если ты тамъ увидишь имя: «Урванецъ-Подстегинъ», то знай что это псевдонимъ знаменитаго пѣвца: Хотинскаго, Свадьбы Кукольника и пр. Кстати, вотъ тебѣ послѣдній экспромтъ Соболевскаго [2]) одной здѣшней дамѣ, которая была неравнодушна къ гусарскому Полковнику Графу Тулузѣ де Лотреку, недавно уѣхавшему въ Польшу, гдѣ онъ получилъ гусарскій полкъ [3]).

Дочерямъ своимъ Лотъ рекъ:
«Лейте мнѣ вина побольше!»
Тоже самое Лотрекъ
Говоритъ панёнкамъ въ Польшѣ.
Я вчера надѣлилъ въ шаръ—
Бацъ его... да не въ ту лузу;
Всѣ вскричали: «вотъ гусаръ!»
Не намекъ ли на Тулузу?

---

[1]) Дружининъ часто писалъ подъ псевдонимомъ «Чернокнижникова» съ тѣхъ поръ, какъ въ 1850 г. напечаталъ свое: «Сентиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по Петербургскимъ дачамъ». Дружининъ называлъ «Чернокнижіемъ»—циклъ стиховъ, пародій, посланій и литературныхъ шалостей, составившихъ цѣлую рукописную литературу и въ составленіи которыхъ принимали живое участіе самъ Дружининъ, остроумный М. А. Языковъ съ его уморительными анекдотами и веселый И. И. Пановъ съ его шутками.

[2]) Сергѣй Александровичъ Соболевскій (род. 10-го сент. 1803 г., ум. 6-го окт. 1870 г.)—извѣстный библіофилъ, библіографъ и юмористъ, остроумный стихотворецъ, знатокъ русской и иностранной литературы, другъ Пушкина, Жуковскаго и многихъ другихъ писателей (см. «Эпиграммы и экспромпты» С. А. Соболевскаго, подъ ред. В. В. Каллаша, М. 1912 г., а также книжку, изданную «Парѳеноном»: «Соболевский, друг Пушкина», С.-Пб. 1922). Приведенный экспромптъ въ сборникъ В. В. Каллаша не вошелъ.

[3]) Графъ Валеріанъ Александровичъ Тулуза де-Лотрекъ, полковникъ съ 1849 года, въ 1859 г. былъ командиромъ Смоленскаго Уланскаго полка, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, род. 1811 г., ум. въ Тифлисѣ 6-го января 1881 г.

Я сейчасъ воротился отъ Аксаковыхъ; про Бекетова еще точныхъ подробностей нѣтъ, но Цензоромъ онъ остался, хоть у него и взятъ Современникъ [1]). Дѣла по возобновленію Общ. Любителей Рос. Слов. идутъ успѣшно; надѣюсь скоро тебѣ сообщить хорошія о немъ вѣсти [2]). Хорошее дѣло: литературные антагонисты (конечно честные) сходятся и видятъ другъ въ другѣ уже не звѣрей, какъ казалось издали, а хорошихъ людей, спорятъ—и дѣло выигрываетъ. Не такъ ли было напр. съ тобой и Аксаковыми, или съ Ап. Григорьевымъ и Боткинымъ, Панаевымъ, тобой? Вотъ выгода обществъ литературныхъ и чего можно ожидать. Кончаю письмо и очищаю послѣдній пунктъ: Гр. Ламбертъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Петербургѣ [3]). Кланяйся отъ меня Кн. Вяземской [4]), а самъ пиши, когда есть время; ты не можешь сомнѣваться какъ мнѣ пріятно съ тобой бесѣдовать хоть заочно. Прощай, будь здоровъ. Жена тебѣ кланяется и благодаритъ за память.

Искренно тебя любящій

Мих. Лонгиновъ.

Кончено письмо въ ночь съ 25-го на 26-ое Ноября 1856.

5

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ. 4/16 Декабря 1856 г.

Изъ письма твоего, милый Лонгиновъ, вижу я что ты ещё не получилъ моего письма, посланнаго тебѣ недѣли три тому назадъ [5]). Очень тебѣ благодаренъ что ты не забываешь меня—и такъже приношу тебѣ великое спасибо за присылку отрывка изъ М-хъ Вѣдомо-

---

[1]) О Бекетовѣ см. выше.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ Обществѣ Любителей Россійской Словесности указаны выше.

[3]) Тургеневъ спрашивалъ о ней въ письмѣ № 2.

[4]) О ней см. въ письмѣ № 2.

[5]) Т. е. 7/19 ноября; см. письмо № 2.

стей [1]). Теперь у меня до тебя слѣдующая прозьба: ты кормилъ до усовъ, корми до бороды. А именно: помѣсти, пожалуйста, прилагаемое письмо къ редактору М. В.... въ Московск. Вѣдомостяхъ [2])... Ты увидишь, что оно написано въ самомъ умѣренномъ тонѣ—но я не могъ оставить намёка Каткова (на то что Фаустъ—переодѣтые «Призраки») безъ отвѣта. Напечатавши, пришли мнѣ экземпляръ (т. е. отрывокъ Вѣдомостей) въ письмѣ. Я не думаю, чтобы могли встрѣтиться затрудненія—но я сильно надѣюсь на твою дружбу. Постарайся это сдѣлать поскорѣе [3]).

Мнѣ нѣкогда писать тебѣ длинное письмо—не могу однако мимоходомъ не побранить Панаева [4]) за извѣстную тебѣ глупость [5]).—

---

[1]) См. приложеніе въ концѣ письма № 3. На слѣдующій день, 5-го декабря, Тургеневъ сообщалъ А. В. Дружинину: «М. Н. Лонгиновъ сообщилъ мнѣ выходку противъ меня «Русскаго Вѣстника» — въ объявленіи объ изданіи въ 1857 году — (въ Московскихъ Вѣдомостяхъ). Эта выходка — (между нами будь сказано) — меня почти-что порадовала — несмотря на ея болѣе нежели безцеремонный тонъ. — Теперь я считаю себя освобожденнымъ отъ обязанности дать имъ статью — и уже послалъ объ этомъ дѣлѣ въ Моск. Вѣдом. — и письмо, написанное впрочемъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. — Дрязги эти смѣшны немножко — и непріятно занимать публику своей особой — да дѣлать нечего».

[2]) Редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» былъ въ это время Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ, — талантливый журналистъ и историкъ литературы (род. 1828, ум. 1883). См. приложеніе къ письму № 6.

[3]) Это письмо Тургенева было напечатано въ «Моск. Вѣдом.» отъ 18 декабря 1856 г. Въ Первомъ собраніи писемъ Тургенева (изд. 1885, стр. 40 — 41) дата этого письма ошибочно указана, какъ 4-е января 1857 г.

[4]) Иванъ Ивановичъ Панаевъ (род. 1812, ум. 1862) — извѣстный журнальный дѣятель и беллетристъ, авторъ извѣстныхъ «Литературныхъ воспоминаній», (С.-Пб. 1888). Въ 1847 г. онъ и Некрасовъ стали во главѣ редакціи «Современника» и возродили его. Въ «СовременникѢ» Панаевъ подъ псевдонимомъ «Новаго поэта» писалъ фельетоны.

[5]) «Глупость» Панаева состояла въ томъ, что онъ помѣстилъ въ ноябрьской книгѣ «Современника» три стихотворенія Некрасова, перепечатавъ ихъ изъ только что вышедшаго въ свѣтъ изданія его «Стихотвореній»: 1) «Поэтъ и гражданинъ»; 2) «Забытая деревня» и 3) «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго». Тургеневъ сообщилъ объ этомъ Некрасову въ Римъ, и Некрасовъ писалъ ему по этому поводу (въ письмѣ от 6/18 декабря 1856 г.) слѣдующее: «Письмо твое застигло меня въ самомъ разгарѣ работы и какъ варомъ обдало. (Изъ Петербурга мнѣ объ этомъ не пишутъ)... Панаевъ неисправимъ, это я зналъ. Гроза могла миновать «Современникъ», будь хоть ты

Некрасову, вѣроятно, придется возвратиться въ Петербургъ скорѣе чѣмъ онъ думалъ. Я отъ него на дняхъ получилъ письмо изъ Рима.—

тамъ. Такіе люди, какъ онъ, и трусятъ и храбрятся — все не къ стати. Я не меньше люблю «Современникъ» и себя или мою извѣстность, — недаромъ же я не рѣшился помѣстить «Поэтъ и Гражданинъ» въ «СовременникѢ»? Такъ нѣтъ! надо было похрабриться. Впрочемъ, Панаева винить смѣшно! не гнилой мостъ виноватъ, когда мы проваливаемся»!.. (А. Н. Пыпинъ; «Н. А. Некрасовъ», стр. 152). Въ тотъ же день Некрасовъ отправилъ письмо П. В. Анненкову слѣдующаго содержанія: «Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ! Въ затруднительномъ или непріятномъ случаѣ, гдѣ нужно пособіе другого, самъ собою рѣшается вопросъ: на кого можно положиться? Вы, и никто болѣе, пришли мнѣ на память, когда я подумалъ: кто мнѣ можетъ объяснить въ точномъ видѣ мѣру непріятностей, вызванныхъ моимъ стихотвореніемъ «Поэтъ и гражданинъ». Согласитесь, что мнѣ это нужно знать въ отношеніи къ «Современнику» (въ которомъ я — по убѣжденію своему и Тургенева — не нашелъ удобнымъ помѣстить это стихотвореніе, какъ и нѣкоторыя другія, явившіяся въ книгѣ; а зачѣмъ я его помѣстилъ въ книгѣ — это не касается никого, кромѣ меня, равно какъ зачѣмъ его перепечатали въ «Современникѣ» — касается другихъ, — спросите!), въ отношеніи къ дальнѣйшимъ моимъ писаніямъ и даже въ отношеніи ко мнѣ лично. Объясните же мнѣ, — будьте другъ — весь ходъ дѣла съ его послѣдствіями, уже совершившимися и тѣми, которыя, можетъ быть, надо ждать. Я васъ объ этомъ прошу именемъ моего безпокойства, которое застигло меня очень некстати — въ жару работы. 39 дней я трудился съ небывалою еще во мнѣ энергіей, постоянствомъ и, кажется, удачей; но теперь не знаю, хватитъ ли силъ и духу кончить вещь, которая, быть можетъ, заслужила бы ваше одобреніе. По крайней мѣрѣ не буду въ состояніи приняться, пока не выйду изъ неизвѣстности. Въ отдаленіи все принимаетъ большіе размѣры, и я же болѣлъ. Но хоть бы эти размѣры и точно были велики, я — не ребенокъ: я зналъ, что дѣлалъ. Книга моя вся висѣла на волоскѣ, и мнѣ приходилось или сжечь ее, или поступить, какъ поступилъ я; выбору не было. Напишите мнѣ и о томъ, какъ ее приняла публика. Ваше слово для меня важно»... (П. Анненковъ: Литературныя воспоминанія, стр. 635 — 36). Тургеневъ былъ непріятно пораженъ бѣдой, стряслейся надъ «Современникомъ». Такъ, въ письмѣ своемъ къ Дружинину отъ 5 дек. онъ, между прочимъ, писалъ: «Хороша выходка Панаева! Признаюсь — это меня очень раздосадовало. Этакій неисправимый свистунъ. — Результатомъ этой штуки можетъ быть—возвращеніе Некрасова въ Петербургъ»... Въ письмѣ своемъ къ А. И. Герцену отъ 3/17 декабря Тургеневъ сообщалъ ему: «На дняхъ Современникъ получилъ сильнѣйшій нагоняй и Бекетова отъ него отставили за перепечатаніе трехъ стихотвореній Некрасова изъ его книжки, которую Мусинъ-Пушкинъ въ своей попечительской агоніи пропустилъ не безъ задней мысли. Надобно сознаться, что въ этомъ дѣлѣ Панаевъ поступилъ, какъ мальчишка».

Повидимому, въ литературныхъ кругахъ вообще господствовало недовольство на И. И. Панаева. Это подтверждается словами самого Некрасова,

Онъ очень много работалъ въ послѣднее время. Фетъ тоже тамъ [1]).

Не забывай меня—и исполни мою прозьбу.. Здоровье моё порядочно—пузырь всё не хочетъ угомониться.

Прощай — обнимаю тебя —

Твой

Ив. Тургеневъ.

сова, какъ видно изъ его письма къ Тургеневу отъ 7/19 декабря: «Напишу Панаеву, что не одинъ я бѣшусь, зачѣмъ онъ пачкаетъ «Современникъ» стишонками Гербеля и Грекова, за что я ему написалъ на дняхъ ругательство».

Чрезвычайно любопытно признаніе Чернышевскаго, напечатанное Пыпинымъ въ его книгѣ «Н. А. Некрасовъ» (С.-Пб. 1905, стр. 256). «На стран. CLXXV («Біограф. свѣдѣній») говорится, что помѣщенное въ «Современникѣ» за 1856 г., въ томѣ LX на страницахъ 1 — 12 (по нумераціи библіографическаго отдѣла) «краткое извѣстіе о выходѣ собранія стихотвореній» (Некрасова) съ выпискою нѣкоторыхъ пьесъ — «статья самого Некрасова»; нѣтъ, эта статья написана мною, и пьесы, приведенныя въ ней, выбраны для помѣщенія въ ней мною. Это дѣло моей неопытности и несообразительности имѣло чрезвычайно тяжелое вліяніе и на «Современникъ», и на судьбу «Стихотвореній» Некрасова (навлекло на нихъ цензурное гоненіе)... Цѣлые четыре года цензура оставалась лишенною возможности дозволить второе изданіе его «Стихотвореній»; оставалась бы лишена и дальше, если бы по счастію не принялъ на себя заботу о разрѣшеніи цензурѣ этого дозволенія графъ Адлербергъ»...

[1]) Некрасовъ писалъ Тургеневу 25 ноября (7 декабря) и оканчивалъ письмо свое такимъ образомъ: «На закуску вотъ тебѣ прелестнѣйшее стихотвореніе Фета, какими и онъ не часто обмолвливается»:

У КАМИНА.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ.
Такъ плещетъ на багровомъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.
Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ, усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.
Встаютъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

(Пыпинъ. — Н. А. Некрасовъ. — Письма къ И. С. Тургеневу, № 33, стр. 152). Автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ М. П. Фетъ, рожд. Боткиной, хранящемся въ Пушкинскомъ Домѣ.

6

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва, 18-го Декабря 1856.

Любезный другъ Тургеневъ, письмо твое отъ 4/16 Декабря съ приложеніемъ отвѣта Каткову [1]) получилъ я въ Субботу 15-го Декабря вечеромъ. Утромъ 16-го отвѣтъ твой былъ у Корша [2]), который по просьбѣ моей обѣщалъ напечатать его въ первомъ имѣющемъ появиться нумерѣ М. Вѣд., что и исполнилъ сегодня. Посылаю тебѣ, по твоему желанію, печатный экземплярчикъ. Выходка Каткова появилась въ первый разъ 17-го Ноября, слѣд. aller et venir [3]) составляетъ ровно мѣсяцъ; кажется, недолго. Если появится возраженіе (чего надо ожидать) [4]), то ты получишь его отъ меня немедленно съ тою же скоростью. Писать къ тебѣ теперь больше не стану, потому что пишу эти строки на тычкѣ, въ Конторѣ Англійскаго Клуба [5]), желая послать ихъ на почту завтра, чтобъ скорѣе дошло до тебя желаемое извѣстіе. На дняхъ, на досугѣ, напишу длинное письмо, а теперь пока прощай, обнимаю тебя; здѣсь все благополучно.

Сердечно тебя любящій

Мих. Лонгиновъ.

---

[1]) См. въ предыдущемъ письмѣ № 5.

[2]) О Коршѣ см. въ письмѣ № 5.

[3]) Исходный и конечный пунктъ. *Ред.*

[4]) Возраженіе появилось въ видѣ письма Каткова къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 20-го дек. 1856 г. О немъ см. ниже, въ письмѣ № 7.

[5]) Лонгиновъ съ начала 50-хъ годовъ былъ членомъ Московскаго Англійскаго Клуба. А. Я. Головачева-Панаева вспоминаетъ, что онъ «записывалъ туда на обѣды Тургенева, Некрасова и Панаева» и усердно хлопоталъ, чтобы двухъ послѣднихъ выбрали членами въ Англійскій Клубъ, точно отъ этого зависѣло все благо ихъ жизни»... (Русскіе писатели и артисты, С.-Пб. 1890, изд. Губинскаго).

Узнай rébus [1]):

P. S. За Вами визитъ, почтенный Иванъ Сергѣевичъ. На какой точкѣ земнаго шара придется мнѣ это удовольствіе?—

Не забывайте насъ во мѣстечкѣ [2]).

Преданный вамъ $1^1/_2$ цкій. [3])

дек. $^{18}/_{30}$.

Приложеніе къ письму М. Н. Лонгинова:

Письмо къ редактору.

Парижъ, 4-го (16-го) декабря.

М. Г.

Я на-дняхъ получилъ № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично до меня касающагося—я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю «Русскаго Вѣстника» повѣсть подъ названіемъ: «Призраки», за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями «Современника» условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выго-

---

[1]) Далѣе—рукою С. Д. Полторацкаго. *Ред.*

[2]) «Мѣстечкомъ» тогда въ шутку называли Парижъ: «мѣстечко Парижъ», «въ мѣстечкѣ Парижѣ».

[3]) Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій (род. 1803, ум. 1884) — извѣстный библіофилъ и библіографъ; онъ имѣлъ большую коллекцію первыхъ по времени русскихъ газетъ и періодическихъ изданій. Съ Лонгиновымъ его соединяла общая ихъ любовь къ книгѣ, библіофильство.

ворилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику». Слѣдовательно вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ «Фаустъ» въ № IX «Современника», тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, ни кѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что содѣйствіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію, ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ «Русскаго Вѣстника»—лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Иванъ Тургеневъ.

7

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ 1-го/13-го Янв. 1857.

Я только что собирался отвѣчать на твои два письма, милый другъ Лонгиновъ—на большое и на маленькое съ вырѣзкой изъ М. Вѣд. (сирѣчь, съ моимъ письмомъ) [1]—какъ уже летитъ отъ тебя третье—съ отвѣтомъ Каткова) [2]. Не знаю какъ благодарить тебя за

---

[1] См. письма № 4 и 6.

[2] Этого письма въ архивѣ Тургенева не сохранилось. Отвѣтъ Каткова былъ напечатанъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 20-го декабря 1856 г., № 152. Приводимъ его полностью:

твоё участіе, аккуратность и готовность услужить. Просто, ты милѣй-

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Въ послѣднемъ нумерѣ «Моск. Вѣд.» напечатано письмо къ намъ г-на Тургенева, вызванное замѣчаніемъ, сдѣланнымъ мною въ объявленіи объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ 1857 г. Считаю своимъ долгомъ объясниться передъ публикой.

Единственнымъ источникомъ этого замѣчанія была законная потребность, скажу болѣе — необходимость, отдать отчетъ публикѣ, почему одно изъ положительныхъ обѣщаній, данныхъ редакціей при открытіи подписки, не было исполнено. Отношенія между редакціей журнала и публикой должны быть совершенно чисты и ясны. Честь журнала требуетъ строжайшей добросовѣстности, даже щекотливости, когда дѣло идетъ объ исполненіи данныхъ обѣщаній. Не встрѣтивъ въ продолженіи цѣлаго года статьи г-на Тургенева, которая, по обѣщанію редакціи, должна была появиться въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала, читатели имѣли полное право думать, что обѣщаніе это дано было опрометчиво и можетъ-быть не совсѣмъ основательно, что редакція подхватила какое-нибудь мимоходомъ брошенное слово и воспользовалась имъ въ своихъ видахъ. Мудрено-ли, что въ публикѣ могло бы возникнуть такое мнѣніе, когда самъ г-нъ Тургеневъ утверждаетъ теперь, что исполненію своего обѣщанія онъ не назначалъ опредѣленнаго срока? Слѣд., онъ могъ помѣстить въ Русскомъ Вѣстникѣ свою повѣсть черезъ 3, черезъ 4 года; слѣд., редакція не имѣла права упоминать о ней въ договорѣ своемъ съ публикою на 1856 г. Смѣемъ увѣрить г-на Тургенева, что мы не увлеклись бы такого рода обѣщаніемъ. Онъ забылъ, какъ происходило дѣло; этою забывчивостью съ его стороны объясняю я и все недоразумѣніе, возникшее между нами. Г. Тургеневъ писалъ мнѣ отъ 28 ноября 1855 года, что обѣщанный имъ разсказъ *готовъ будетъ къ 15-му и непремѣнно уже къ 20-му декабря, и тотчасъ же пришлется*. (Собственныя слова г. Тургенева изъ его записки, уцѣлѣвшей въ редакціи). Не прежде, какъ получивъ *такое* обѣщаніе, редакція, въ свою очередь, обѣщала публикѣ разсказъ г-на Тургенева. Послѣ того онъ неоднократно, и черезъ общихъ знакомыхъ, и въ письмахъ, изъявлялъ сожалѣніе, что работа его замедлялась разными обстоятельствами, назначалъ разные сроки и обѣщалъ даже не приниматься ни за какую другую работу прежде чѣмъ не исполнитъ этого обязательства. Прошла бо́льшая половина года, онъ уѣхалъ за-границу, заключивъ свое извѣстное условіе съ «Современникомъ» и не бросивъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» ни одного объяснительнаго слова, не давъ никакого указанія, что сказать ей по этому случаю въ своемъ отчетѣ публикѣ. Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г-на Тургенева. Догадка эта распространилась прежде моего замѣчанія, съ нѣкоторыми не совсѣмъ лестными для редакціи комментаріями, я слышалъ ее отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Высказывая

шій человѣкъ и я лобызаю тебя въ чело и въ ланиты.—Изъ прила-

---

эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія. Авторъ властенъ надъ развитіемъ своего произведенія, одинъ и тотъ же мотивъ можетъ развиться въ двухъ параллельныхъ произведеніяхъ, и два различные мотива могутъ слиться въ одномъ. Чистосердечно извиняюсь передъ г-мъ Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ, и объявляю, что силу моего упрека полагалъ я не въ этомъ. Теперь, когда г-нъ Тургеневъ объявилъ, что между Фаустомъ и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе «Призраки», нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ, а потому и нахожу неумѣстнымъ распространяться о тѣхъ основаніяхъ, которыя заставляли меня и другихъ догадываться о сходствѣ между этими двумя разсказами. Сущность же дѣла, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что если бы г-нъ Тургеневъ не забылъ силы и формы своего обѣщанія, еслибъ онъ потрудился представить себѣ всю непріятность положенія, въ какомъ должна была, по этому случаю, находиться редакція новаго журнала, то вмѣсто тоій повѣсти, которую въ мысли своей онъ назначалъ для «Русскаго Вѣстника» и которая не удавалась ему, онъ могъ бы доставить другую повѣсть, которую успѣлъ окончить. Мы были бы въ правѣ считать свое обязательство передъ публикой исполненнымъ, если бы вмѣсто Призраковъ представили ей Фауста. Думаемъ, что г-ну Тургеневу было бы тѣмъ легче сдѣлать этотъ обмѣнъ, что редакція «Современника», при открытіи подписки на нынѣшній годъ, не обѣщала Фауста, и потому могла бы пожертвовать имъ въ ожиданіи Призраковъ и многихъ другихъ произведеній г-на Тургенева, какъ своего исключительнаго сотрудника на будущее время.

Г-нъ Тургеневъ пишетъ теперь, что въ условіи съ «Современникомъ» онъ выговорилъ себѣ право исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику». Объ этомъ узнаемъ мы теперь въ первый разъ. Правда. въ объявленіи «Современника» было сказано, что литераторы, заключившіе съ нимъ условіе, выговорили себѣ право исполнить свои прежнія обѣщанія, но прибавлено, что это право для каждаго не превышаетъ одной повѣсти; вслѣдъ затѣмъ редакція «Библіотеки для Чтенія» объявила, что это единственное исключеніе сдѣлано въ ея пользу. Охотно вѣрю г-ну Тургеневу, что онъ, при заключеніи своего условія, вспомнилъ о «Русскомъ Вѣстникѣ», но прошу его также повѣрить мнѣ, что я ничего не зналъ объ этомъ. Странно, что объ этомъ уговорѣ въ пользу «Русскаго Вѣстника», мы узнали отъ г-на Тургенева впервые въ ту самую минуту, когда онъ нашелъ для себя достаточный поводъ отказаться отъ исполненія даннаго слова. Г-нъ Тургеневъ находитъ въ свою очередь страннымъ, что я, позволивъ себѣ оскорбившее его замѣчаніе, заявляю свое уваженіе къ нему. На это скажу ему, что нравственное достоинство поступковъ опредѣляется прежде всего ихъ побужденіями; въ побужденіяхъ же г-на Тургенева, относительно меня, я не могъ предполагать ничего дурного, и все недоразумѣніе объясняю тою забывчивостью, которой доказательства нашли мы въ его письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Сверхъ

гаемаго письма къ редактору М. В. [1]) (которое прошу помѣстить тотъчасъ по полученіи)—ты увидишь въ чёмъ дѣло.—Вся эта тревога изъ вздорной повѣсти мнѣ кажется очень смѣшною и нелѣпою—и чѣмъ её скорѣе прекратить, тѣмъ лучше. Кажется, на мой отвѣтъ возраженія нельзя ожидать.—Да и что̀ возражать? Вину я беру на себя—а что̀ выговоръ права дать повѣсть Р-у В-у былъ expressément сдѣланъ—это фактъ, въ которомъ Катковъ можетъ убѣдиться какъ только ему вздумается.—Стало-быть, объ этомъ больше толковать нѣчего и не стоитъ.—А всё таки я тебѣ въ ножки кланяюсь.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ я твоё большое письмо.—Оно очень интересно и мило—и что̀ меня особенно порадовало—оно дышетъ спокойствіемъ удовлетворенія и счастья.—Видно что жизнь твоя течётъ гладко и плавно—и остаётся воскликнуть: «Похвальный листъ тебѣ! Ведёшь себя исправно!»—Отъ риѳмованныхъ каламбуровъ С-го [2]) я смѣялся сильно—и ребусъ угадалъ—(благо онъ не труденъ)—и жму любезному 1½ цкому крѣпко руку [3]).—Про себя я не могу сказать ничего дурнаго да и ничего хорошаго.—Веду цыганскую жизнь (въ 38 лѣтъ—поздненько!)—дѣлаю мало—(однако на дняхъ отправляю Дружинину статейку) [4])—и стараюсь уловить хоть нѣкоторыя стороны Парижской жизни.—Пузырь всё болитъ—вотъ что скверно. Чортъ знаетъ, что за глупая штука!—

того, мы полагаемъ различіе между поступкомъ и человѣкомъ, и не одобряя поступка, можемъ сохранять полное уваженіе къ человѣку, особенно, если онъ самъ готовъ сознать свою ошибку. Прошу васъ, М. Г., дать гласность моему письму и принять и проч.

М. Катковъ.

[1]) Это письмо Тургенева къ редактору «Моск. Вѣд.» перепечатано въ «Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева (1840—1883 гг.), С.-Пб. 1884, стр. 41, № 22. Тургеневъ писалъ въ немъ, что повѣсть его осталась неоконченной, потому что «въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало», но что «всю отвѣтственность за эту неисправность (если только стоитъ употреблять такія громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла)» онъ принимаетъ на себя. Тургеневъ, кромѣ того, совѣтовалъ Каткову обратиться къ Панаеву, «у котораго хранится оригиналъ условія» Тургенева съ «Современникомъ», чтобы «убѣдиться въ совершенной справедливости» его словъ...

[2]) О Соболевскомъ и его экспромптѣ см. въ письмѣ № 4.

[3]) О ребусѣ Полторацкаго см. въ концѣ письма № 6.

[4]) Объ этой статейкѣ: «Поѣздка въ Полѣсье» — подробно указано выше въ письмѣ № 2.

А. И. Г. [1]) узнавъ что Некрасовъ въ Римѣ, написалъ мнѣ что это ему кажется чѣмъ-то въ родѣ «щуки въ оперѣ» [2]). Я очень хохоталъ этому вздору: посмѣйся и ты.

Спѣшу отправить это письмо—и потому прекращаю его на этомъ пунктѣ.—Это ты не считай отвѣтомъ—отвѣтъ за мной. Кстати, что это у тебя за таинственные гіероглифы на печати?— Прощай мой милый и 1000 разъ спасибо. «За всё, за всё тебя благодарю я» [3]). Кланяюсь твоей женѣ.

Твой *И. Т.*

8

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 20 Января 1857.

Любезный другъ Тургеневъ, письмо твое отъ 1/13 Января [1]) со вложеніемъ письма къ редактору М. Вѣд. получилъ я 12/24 Января, въ субботу. Въ Воскресенье приложеніе было въ редакціи и въ

---

[1]) Т. е., Александръ Ивановичъ Герценъ. Ред.

[2]) Герценъ, дѣйствительно, писалъ Тургеневу 3 декабря 1856 г.: «Некрасовъ въ Римѣ... это что-то звучитъ въ родѣ щуки въ оперѣ»... Въ отвѣтъ на это Тургеневъ восклицалъ въ письмѣ своемъ къ Герцену отъ 17-го декабря: «А стихотворенія «Щуки въ оперѣ» (я хохоталъ до нельзя надъ этимъ именемъ) имѣютъ успѣхъ громадный, по согласному показанію всѣхъ моихъ корреспондентовъ»... — Герценъ, вообще, не любилъ Некрасова; онъ такъ отзывался о немъ въ одномъ изъ писемъ Тургеневу (отъ 11-го января 1857 г.): «Я нахожу и находилъ въ немъ сильный талантъ, хотя сопряженный съ какой-то злой сухостью и угловатой обрывчатостью; мнѣ еще не удалось хорошенько почитать. Первая статья — сумбуръ какой-то, не оригинальный, а Пушкино-Гете-Лермонтовскій и какъ-то Некрасову вовсе не идутъ слова «Муза», «Парнасъ». Гдѣ это у него классическая традиція? Да и что за чинъ «поэтъ»?.. пора и это къ чорту... «Псовая охота» зато прелесть»... Тургеневъ 26/16 февраля 1857 г. писалъ Герцену: «Некрасовъ (котораго ты не любишь) былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ»... На это Герценъ возразилъ ему 2-го марта 1857 г.: «Ты напрасно думаешь, что я ненавижу Некрасова; право, это вздоръ. Въ его стихотвореніяхъ есть такія превосходныя вещи, что не цѣнить ихъ было бы тупосердіе»...

[3]) Этимъ стихомъ начинается извѣстное стихотвореніе Лермонтова: «Благодарность» (1840 г.).

[4]) См. выше письмо № 7.

первомъ за тѣмъ нумерѣ, во Вторникъ, 15-го, появилось въ печати [1]). Я замедлилъ высылкой тебѣ печатнаго листочка, потому что хотѣлъ тебѣ послать вмѣстѣ съ тѣмъ возраженіе Каткова, буде бы оно появилось; но вотъ прошелъ Четвергъ, потомъ Суббота и ничего нѣтъ, изъ чего и заключаю, что дѣло кончено и посылаю тебѣ листокъ. Если что нибудь появится, то будь увѣренъ, что немедленно тебѣ отправлю [2]). Жду отъ тебя обѣщаннаго письма, но при сей оказіи не могу не сообщить кое-чего, что тебѣ можетъ быть интересно. Здѣсь война Славянофиловъ съ Западниками во всемъ разгарѣ. Самая жаркая полемика завязалась на магистерскомъ диспутѣ Чичерина, защищавшаго въ концѣ Декабря диссертацію «Объ областныхъ учрежденіяхъ въ XVI вѣкѣ» [3]). Русская бесѣда (№ 4) подала поводъ къ жестокимъ спорамъ. Чичеринъ, Ѳ. Дмитріевъ и пр. подъ разными псевдонимами напали на К. Аксакова, возвеличившаго Русскихъ богатырей [4]), не смотря на ихъ дикость и на Бѣляева за оправданіе древняго «правежа» [5]). Кромѣ того сотрудники Вѣстника, подписавшись именемъ Челышовскаго, сообща напечатали разборъ всего 4 №

---

[1]) Объ этомъ письмѣ Тургенева см. въ письмѣ № 7.

[2]) Возраженіе Каткова появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», отъ 24-го января 1857 г., № 11. Приводимъ его полностью въ примѣчаніи къ письму № 9.

[3]) Въ концѣ 1856 г. въ Москвѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе любимаго ученика Т. Н. Грановскаго—Бориса Николаевича Чичерина, посвященное памяти учителя, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Сочиненіе это стяжало почетную извѣстность автору. Но противъ направленія Чичерина вооружилась «Русская Бесѣда», и между Востокомъ и Западомъ продолжалась ожесточенная война. 21-го декабря 1856 года Б. Н. Чичеринъ публично защищалъ въ Московскомъ Университетѣ свое сочиненіе. На диспутѣ, въ качествѣ оппонента, выступилъ Никита Ивановичъ Крыловъ—профессоръ Римскаго Права. Онъ написалъ чуть не цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: «Критическія замѣчанія на сочиненіе Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ», и напечаталъ ее въ «Русской Бесѣдѣ» конца 1856 г. Въ № 4, 1857 г., было напечатано окончаніе этой длинной статьи.

[4]) Въ № 4 «Русской Бесѣды» была напечатана статья К. С. Аксакова: «Богатыри временъ Великаго Князя Владимира, по Русскимъ пѣснямъ»...

[5]) Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ (род. 1810, ум. 1873)—извѣстный историкъ-юристъ, членъ славянофильскаго лагеря. Въ № 4 «Русской Бесѣды», въ отдѣлѣ критики, была помѣщена полемическая статья его: «Споръ о сельской общинѣ С. Соловьева» («Русскій Вѣстникъ», № 22)».

Бесѣды [1]). Аксаковъ, Черкасскій и др. имъ возражали и конца не предвидится; то и дѣло перепалки, доходящія до того, что западники печатно объявили, что послѣ диѳирамба К. Аксакова Добрынѣ Никитичу и его подвигамъ отъ автора можно ожидать панегирика Нерону! Арена бойцовъ—Московскія Вѣдомости [2]). Въ другихъ сферахъ дѣло принимаетъ оборотъ еще менѣе парламентарный. Въ прошлый Понед. въ засѣданіи Общ. поощренія художниковъ Шевыревъ сталъ отстаивать отъ гр. Вас. Алексѣев. Бобринскаго честность Русскаго человѣка; дѣло дошло до личностей, ругательствъ и наконецъ до такой потасовки, что Шевыревъ лежитъ полу-мертвый. Какова гадость! Не знаютъ чѣмъ это кончится, но по всей Москвѣ только и толковъ, что про это происшествіе [3]). Вѣстникъ открылся чудес-

---

[1]) Этотъ «разборъ» былъ напечатанъ въ одномъ изъ послѣднихъ (№ 153-мъ) номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1856 г. (отъ 22-го декабря) подъ заглавіемъ: «Литературныя замѣтки»: «Русская Бесѣда» — 3 книги 1856 г.» и за подписью Н. Челышовскаго.

[2]) Дѣйствительно, съ самаго 1-го номера «Московскихъ Вѣдомостей» началась ожесточенная полемика славянофиловъ и западниковъ, Такъ, въ № 1 появилась статья: «Нѣсколько словъ по поводу статьи г-на Челышовского о «Русской Бесѣдѣ»; въ № 2, отъ 3-го января: «Два слова о правежѣ по поводу 4-ой книги «Русской Бесѣды»—статья Любителя старины; въ № 4, отъ 8-го января, было напечатано «Письмо Любителя новизны къ Любителю старины» (вѣроятно, Черкасскому) по поводу статьи К. Аксакова; въ № 5, отъ 10-го января, появились статьи 1) Н. Челышовского: «Отвѣтъ г. Сотруднику Русской Бесѣды», 2) Сотрудника «Русской Бесѣды»: «Отвѣтъ на два слова о правежѣ въ № 2-мъ «Московскихъ Вѣдомостей»; въ № 6, января 12-го, Любитель старины помѣстилъ свой «Отвѣтъ г. Сотруднику «Русской Бесѣды»; въ № 8-мъ, отъ 17-го января, было напечатано «Второе письмо къ г. Любителю старины»—Любителя новизны; и «Письмо къ г. Любителю новизны» отъ Провинціальнаго читателя «Московскихъ Вѣдомостей»....

[3]) Рѣчь идетъ о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ (род. 1806, ум. 1874), извѣстномъ историкѣ Русской литературы, съ 1833 г. по 1857 г. профессорѣ Московскаго Университета, и о графѣ Василіи Алексѣевичѣ Бобринскомъ и о ссорѣ ихъ, окончившейся весьма печально. Ссора эта, въ свое время надѣлавшая большого шума, произошла 14-го января 1857 года, на вечернемъ засѣданіи Совѣта Московскаго Художественнаго Общества, у А. Д. Черткова. Графъ Бобринскій явился на это засѣданіе въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи и въ разговорѣ сталъ въ рѣзкой формѣ нападать на Русскіе порядки и неустройства, воскликнувъ, что самое имя Русское становится противнымъ. Шевыревъ, сочтя, что графъ этимъ позоритъ и унижаетъ Россію и все Русское, запальчиво

ной статьей Гагемейстера [1]) о торговлѣ и промышленности Россіи и любопытнымъ отрывкомъ о Пугачевщинѣ изъ записокъ покойнаго Мертваго [2]). Я видѣлся на дняхъ съ Салтыковымъ, авторомъ «Провинціальныхъ очерковъ», производящихъ фуроръ. Онъ пріѣзжалъ сюда на два дня, посѣтилъ меня и я долго бесѣдовалъ съ нимъ, послѣ почти 9 лѣтней разлуки [3]). Отъ него должно ждать многаго. Л. Н.

сталъ укорять его въ недостаткѣ патріотизма. Графъ отвѣчалъ съ горячностью, и споръ ихъ сталъ принимать бурный характеръ. Шевыревъ кричалъ, что графу дорогъ лишь его титулъ, а ему, Шевыреву, дороже всего честь Русскаго имени. Графъ требовалъ дуэли, Шевыревъ отказывался и, отступая отъ Бобринскаго, схватился за стулъ. Графъ замахнулся, задѣлъ Шевырева, смялъ его совершенно и даже повредилъ ему ребро. Только тутъ удалось разнять дравшихся, и Шевырева унесли домой. Извѣстіе объ этомъ происшествіи мгновенно распространилось по Москвѣ и было доведено Московскимъ ген.-губ. А. А. Закревскимъ до свѣдѣнія Государя. По Высочайшему повелѣнію, Шевыреву предложено было оставить званіе члена Московскаго Художественнаго Общества, подать прошеніе объ увольненіи отъ должности профессора Университета и выѣхать изъ Москвы въ Ярославль. «Графу же Бобринскому повелѣно было оставить столицу и жить безвыѣздно в своей деревнѣ»... (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», С.-Пб., 1901 г., кн. XV, стр. 321 — 323; ср. письма семого Шевырева—«Русск. Стар.» 1890 г., № 9, стр. 627—630, и юмористическое письмо объ этомъ событіи Тургенева къ А. И. Герцену отъ 5-го марта 1857 г., въ изд. Писемъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Женева. 1892, стр. 107—108).

[1]) Юлій Андреевичъ Гагемейстръ (род. 1806, ум. 1878)—финансистъ, Директоръ Канцеляріи Министерства Финансовъ. Статья его—въ № 1 «Русскаго Вѣстника» 1857 г.

[2]) Дмитрій Борисовичъ Мертваго (род. 1760, ум. 1824) — Таврическій губернаторъ, сенаторъ; онъ оставилъ «Записки» (напечатаны полностью въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г., №№ 8 и 9), начинающіяся съ разсказа о Пугачевщинѣ, который и былъ помѣщенъ въ № 1 «Русскаго Вѣстника» 1857 г.

[3]) Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (род. 15-го янв. 1826 г., ум. 28-го апр. 1889 г.) въ февралѣ 1856 г. вернулся въ Петербургъ изъ Вятки, куда былъ высланъ въ апрѣлѣ 1848 г. Въ 1856 г. «надворный совѣтникъ Щедринъ» помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первые изъ своихъ «Губернскихъ Очерковъ», сразу доставившихъ ему громкую извѣстность. Тургеневъ не очень сочувственно упоминалъ о немъ въ письмѣ къ Е. Я. Колбасину отъ 8-го марта 1857 г.: «...Если г. Щедринъ имѣетъ успѣхъ,—то, говоря его словами, писать уже «не для-че». Пусть публика набиваетъ себѣ брюхо этими пряностями.—На здоровье!»— Е. Я. Колбасинъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе къ этимъ словамъ Тургенева: «Этотъ отзывъ Тургенева относится только къ первымъ годамъ литературной дѣятельности Щедрина. Впослѣдствіи, какъ мнѣ извѣстно, Тургеневъ радикально

Толстой тоже здѣсь и на дняхъ ѣдетъ за границу; мы много о тебѣ вспоминаемъ [1]). Съ Аксаковыми вижусь безпрестанно; не раздѣляя ихъ взглядовъ, я не могу не любить ихъ сердечно и находить особенное удовольствіе въ ихъ обществѣ. Тебя можно поздравить съ явными недоброжелателями изъ прежнихъ почитателей. Дудышкинъ [2]) такъ тебя похвалилъ—въ № 1 От. Зап., что всякій мало-мальски знающій dessous des cartes читатель пойметъ откуда и почему такая

измѣнилъ свой взглядъ въ этомъ отношеніи и говорилъ, что наконецъ Щедринъ попалъ на настоящую дорогу, которая доставитъ ему славную страницу въ исторіи русской литературы, какъ русскому сатирику»... (Первое собраніе писемъ И, С. Тургенева, 1885 г., стр. 50).

[1]) Л. Н. Толстой выѣхалъ изъ Москвы 29-го января. Объ его свиданіи съ Тургеневымъ въ Парижѣ см. въ письмѣ № 10 и примѣч. къ нему.

[2]) Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ (род. 1828, ум. 1866)—журналистъ. Въ 1846 г. къ нему перешли отдѣлы библіографіи, а впослѣдствіи и критики въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ томѣ CX за 1857 г. Дудышкинъ помѣстилъ свою первую статью о Тургеневѣ, посвященную разбору его «Повѣстей и разсказовъ» (С.-Пб. 1856 г.). Критикъ доказывалъ, что «Три портрета, Бреттёръ, Жидъ, Пѣтушковъ» написаны подъ вліяніемъ Лермонтова, Гоголя, Карамзина. «Тургеневъ не сказалъ еще ничего новаго... Онъ описываетъ личность почти до осязательности... Это все та же больная личность русскаго человѣка XIX ст. Съ помощью своего тонкаго и наблюдательнаго ума, которому, къ сожалѣнію, часто измѣняетъ смѣлость творчества, онъ представилъ намъ въ лицахъ всю «Думу» Лермонтова. Въ главныхъ лицахъ повѣстей г. Тургенева мало тѣла. Это дурной признакъ. Онъ можетъ доказывать одно изъ двухъ: или у автора недостало силъ сдѣлать лица осязательными..., или на самомъ дѣлѣ люди эти безцвѣтны и однообразны... Въ самомъ дѣлѣ, они слишкомъ однообразны и безцвѣтны, потому что живутъ отвлеченно отъ жизни, не прикасаются къ ней, не знаютъ ее»... Тургеневъ писалъ по поводу этой статьи Д. Я. Колбасину 26-го января 1857 г.: «Статья Дудышкина обо мнѣ представляетъ, вѣроятно, много справедливаго и дѣльнаго, но при всемъ моемъ невысокомъ мнѣніи о моемъ талантѣ, мнѣ все-таки не хочется согласиться съ нимъ, что лучше было бы мнѣ вовсе не писать. По крайней мѣрѣ теперь узнаешь о себѣ всю правду до самой подноготной». Боткинъ, сообщая Дружинину 8-го марта 1857 г. о мрачномъ настроеніи Тургенева (см. ниже письмо № 10), между прочимъ высказалъ такое предположеніе: «Тотъ необходимый искусъ..., черезъ который долженъ пройти всякій даровитый писатель, — этотъ искусъ только теперь насталъ для него. Вѣроятно до него дошелъ и разборъ Дудышкина. Все вмѣстѣ наконецъ заставило его внимательно взглянуть на себя, а сверхъ всего этого и тяжкое душевное состояніе способствуетъ ипохондрическому раздумью о себѣ».

статеечка, въ которой есть даже выписки изъ твоихъ юношескихъ поэмъ! Библіотека ведется вообще умно и по своему интересно [1]).

Прощай, любезный другъ, напиши о своемъ житіѣ, мнѣ еще столько надо сегодня писать, что оставляю до другого раза подробныя вѣсти. Будь здоровъ и помни, что у тебя есть въ Москвѣ человѣчекъ, искренно тебя любящій и тебѣ преданный. Жена тебѣ кланяется.

Мих. Лонгиновъ.

9

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 28 Января 1857 г.

Любезный другъ Тургеневъ, считаю необходимымъ для полноты дѣла послать къ тебѣ прилагаемое письмо Каткова. Я ждалъ его долго и потому замедлялъ высылку твоего письма, чтобы отправить ихъ вмѣстѣ. Наконецъ, думая что возраженія не будетъ, послалъ тебѣ твое послѣднее письмо изъ М. Вѣд. [2]) и пропустилъ заглянуть въ два послѣдніе номера. Вчера нечаянно увидѣлъ я прилагаемое новое возраженіе Каткова и высылаю его немедля [3]). Оно касается больше

---

[1]) Говорится о «Библіотекѣ для Чтенія». — Тургеневъ былъ того же мнѣнія, когда писалъ Дружинину 3-го марта: «Библіотека» не въ примѣръ самый интересный теперь журналъ»...

[2]) См. письмо № 8.

[3]) См. о немъ еще выше, въ примѣчаніяхъ къ письму № 8. Приводимъ его полностью:

Письмо къ редактору.

«М. Г. Позвольте еще разъ обратиться къ вашему посредству, чтобы и съ своей стороны сказать нѣсколько словъ для заключенія моего публичнаго объясненія съ г. Тургеневымъ, а главное для обличенія непонятной выходки со стороны того журнала, которому принадлежитъ теперь литературная дѣятельность г. Тургенева.

Редакція «Современника» сочла нужнымъ вмѣшаться въ наше объясненіе съ авторомъ Фауста и принять его подъ свою защиту. Для этой цѣли она нашла всего удобнѣе перепечатать письмо г. Тургенева, помѣщенное въ № 151-мъ «Московскихъ Вѣдомостей», а изъ моего письма извлечь три-четыре

Современника, чѣмъ тебя, тѣмъ болѣе, что К. говоритъ, что «стратагема Современника вызвала его на новое объясненіе». Поэтому я полагаю, что переписка Ваша въ вѣдомостяхъ кончится. Не могу

фразы, предварительно лишивъ ихъ всякой связи,—именно тѣ самыя фразы, которыя, какъ и сказано въ моемъ письмѣ, не относятся къ сущности вопроса Уваженіе къ публикѣ и наконецъ къ собственному журналу обязывало редакцію «Современника» перепечатать вполнѣ и мое письмо. Она могла истолковывать дѣло, какъ ей угодно, но не должна была ронять себя такою уловкою. Вотъ въ какомъ видѣ редакція «Современника» приводитъ мое письмо для своихъ читателей *).

«Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ Призраковъ, обѣщанныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ Фаустомъ, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г. Тургенева. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между Фаустомъ и планомъ другой повѣсти, которой дастъ онъ названіе Призраковъ, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ».

Эту мастерскую выдержку изъ моего письма «Современникъ» сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Въ этомъ «чистосердечномъ извиненіи» г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность письма г. Каткова».

Читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» извѣстно мое письмо, напечатанное въ № 152 этой газеты за прошлый годъ. Но чтобы напомнить «Современнику», въ чемъ состояла сущность моего письма, достаточно сослаться на письмо г-на Тургенева, напечатанное въ № 7-мъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ этомъ письмѣ г. Тургеневъ сознается, что обѣщаніе его дѣйствительно заключало въ себѣ назначеніе опредѣленнаго срока. Онъ присовокупляетъ только, что срокъ этотъ не былъ обязателенъ. Но и при формальномъ обязательствѣ никто бы не сталъ требовать, чтобы онъ доставилъ свою повѣсть именно въ назначенный день, то есть 20-го декабря 1855 года, какъ это было имъ обѣщано (см. письмо мое въ «Моск. Вѣд.» № 152). Дни, недѣли и даже мѣсяцы могли быть въ его распоряженіи. Но давъ редакціи журнала положительное право обѣщать публикѣ его повѣсть, г. Тургеневъ принялъ на себя нравственное обязательство исполнить свое обѣщаніе по крайней мѣрѣ въ теченіе 1856 года, по прошествіи котораго договоръ редакціи съ публикой долженъ былъ измѣниться. Г. Тургеневъ («Москов. Вѣдом.», № 7) добросовѣстно сознаетъ теперь свою неисправность и принимаетъ на себя всю отвѣтственность за нее: пусть же замѣтитъ это редакція «Современника» и пожалѣетъ, что такъ потаропилась своею выходкою. Я согласенъ съ г. Тургеневымъ, что въ дѣлѣ сочинительства мало одной доброй воли. Разныя препятствія, и внутреннія и внѣшнія, могутъ помѣшать окончанію труда.

*) Письмо напечатано въ № 152 «Моск. Вѣд.»

еще приняться за подробное письмо къ тебѣ о здѣшнихъ новостяхъ; потому что писать—такъ писать пространно, а я такъ заваленъ письмомъ другого рода по службѣ, что некогда приняться за то, что бы и хотѣлось сдѣлать. Напиши что-нибудь о себѣ.

Истинно тебя любящій

Мих. Лонгиновъ.

Мало ли что можетъ задумывать писатель, и мало ли чего можетъ онъ никогда не исполнить? Никакое обязательство не должно стѣснять свободу литературнаго труда и никто не можетъ требовать, чтобъ писатель исполнилъ именно тотъ или другой изъ своихъ проектовъ, составляющихъ его авторскую тайну. Но если г. Тургеневъ не успѣлъ окончить одну повѣсть, то въ прошедшемъ же году успѣлъ окончить другую, которая никакимъ журналомъ не была обѣщана публикѣ. Помѣщеніемъ «Фауста» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Тургеневъ исполнилъ бы свое обѣщаніе, снялъ бы съ меня отвѣтственность передъ публикой и предотвратилъ бы всѣ эти объясненія, непріятныя для него и для меня,—«предотвратилъ бы также неудачную стратагему «Современника», которая вызвала меня теперь на новое объясненіие. Ничего бы этого не было, и г. Тургеневъ сверхъ того не имѣлъ бы надобности включать особое условіе въ свой контрактъ съ «Современникомъ».

Что касается до этого контракта, то я не имѣлъ никакого права любопытствовать объ его содержаніи и силѣ. Редакція «Современника» объявила о немъ все то, что считала нужнымъ объявить, и всякія дальнѣйшія справки были бы нескромностью. Напрасно г. Тургеневъ или редакторъ «Современника» сами не извѣстили меня о томъ, что въ ихъ контрактѣ касалось моего журнала. Отъ г. Панаева я получилъ первое положительное извѣстіе объ этомъ уже послѣ моего замѣчанія и почти въ одно время съ появленіемъ перваго письма г. Тургенева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Отчего же не сдѣлать было этого прежде? Но, признаюсь, я не имѣлъ и надобности въ этихъ справкахъ. Повѣсть г. Тургенева была обѣщана редакціею «Русскаго Вѣстника», при открытіи подписки на 1856 годъ; а передъ подписчиками 1857 года редакція уже не связана этимъ обѣщаніемъ.

Г. Тургеневу легко было сказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ «игра не стоитъ свѣчъ»: всякій отдастъ справедливость его авторской скромности. Но положеніе редакціи въ этомъ отношеніи совсѣмъ иное. Она не можетъ отговариваться незначительностью обѣщанной статьи и должна по крайней мѣрѣ представить публикѣ отчетъ, имѣла ли она достаточныя основанія обѣщать ее. Эти основанія я представилъ публикѣ тамъ, гдѣ было нужно, вовсе не предвидя длинныхъ и скучныхъ объясненій, когда дѣло само по себѣ такъ ясно и просто. Примите и пр. М. Катковъ».

10

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ.
7-го Марта
23-го Февраля 1857

Милый Лонгиновъ!

Я въ долгу у тебя за два письма [1]) (съ приложеніями изъ Моск. Вѣд-ей)—но я всё это время былъ нездоровъ (проклятый мой пузырь опять разболѣлся)—и въ слѣдствіе этаго хандрилъ, ничего не дѣлалъ и не писалъ.—Мнѣ и теперь нехорошо—но я утѣшаю себя мыслію что я скоро покину Парижъ и—болѣзнь меня покинетъ—что́ уже случалось неоднократно [2]).

---

[1]) См. письма № 8 и 9.

[2]) Тургеневъ въ половинѣ мая пріѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ пробылъ пять недѣль. Тургеневъ съ самаго начала 1857 г. въ большинствѣ писемъ жаловался на тягостное состояніе духа. Уже 13-го января онъ писалъ Дружинину: «Нахожусь я въ препакостномъ настроеніи духа; болѣзнь моя приняла дурной оборотъ, меня опять жгутъ и т. д. Словомъ, гадко.—Я повѣсилъ носъ и руки опустилъ... Чувствую въ себѣ пустоту выпотрошенной рыбы, кислоту непрививного яблока и глупость, подобную — невозможно сыскать сравненія... Я думаю отсюда непремѣнно черезъ два мѣсяца выѣхать. Куда? Не знаю—можетъ быть въ Лондонъ. Здѣшній климатъ мнѣ рѣшительно вреденъ»... Я. П. Полонскому Тургеневъ писалъ 17-го февраля. «... Мнѣ всячески скверно—и физически и нравственно; но въ сторону это! Надѣюсь, что мнѣ лучше будетъ черезъ мѣсяцъ, то есть когда я выѣду изъ Парижа. Сдолонъ онъ мнѣ пришелся—Богъ съ нимъ!... Я остаюсь здѣсь еще мѣсяцъ,—а тамъ ѣду въ Лондонъ, а изъ Лондона—домой. Авось дома приведу себя въ порядокъ, а то здѣсь я никуда не годенъ сталъ»... Въ письмѣ къ Е. Я. Колбасину отъ 8-го марта Тургеневъ все не могъ еще сообщить о себѣ ничего утѣшительнаго: «Болѣзнь грызетъ меня неотступно и не даетъ жить. Авось, выѣхавъ изъ Парижа, лучше будетъ. Здѣсь я остаюсь еще до 15-го апр. нов. ст. и ѣду тогда въ Лондонъ... Будьте здоровы съ братомъ.—Это главное въ жизни—остальное все побрякушки».— Толстой видѣлся съ Тургеневымъ во время своего пребыванія въ Парижѣ и такъ отзывался объ его здоровьѣ въ письмѣ изъ Женевы къ теткѣ своей, П. А. Ергольской: «Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически и еще болѣе морально. Его несчастная связь съ M-me V. и ея дочерью держатъ его здѣсь въ климатѣ, который вреденъ ему и на него жалко смотрѣть. Я никогда не

Благодарю тебя за твою аккуратность и дружелюбіе. Слава Богу, глупой этой перепалкѣ съ Катковымъ положенъ предѣлъ.—Очень насъ всѣхъ заинтересовали сообщенныя тобою новости.—Пожалуйста, съ полученія этаго письма напиши мнѣ чѣмъ кончилось ратоборство Б. съ Ш. [1])—и вообще всё что тебѣ покажется любопытнымъ или поучительнымъ.—Твоё письмо меня застанетъ еще въ Парижѣ—но мой адрессъ теперь: Rue de l'Arcade, № 11.

Некрасовъ былъ здѣсь, прожилъ три недѣли и ускакалъ опять въ Римъ, куда влекла его старинная привязанность [2]). — Толстой

думалъ, чтобы онъ могъ такъ любить» (П. Бирюковъ.—Біографія Л. Н. Толстого, т. I, стр. 318). В. П. Боткинъ сообщалъ Дружинину 8-го марта, что «вчера получилъ.... наконецъ письмо отъ Тургенева—мрачное, унылое. Видно, что онъ переживаетъ какое-то сильное душевное разстройство; ни въ какія подробности онъ не вдается, а говоритъ только что онъ отравленъ. Но этого мало—отрава, кажется, проникла и въ его умственную дѣятельность. Вотъ что между прочимъ онъ пишетъ: «Что касается до меня, то скажу тебѣ на ухо съ просьбой не пробалтываться: ни одной моей строчки никогда напечатано (да и написано) не будетъ до скончанія вѣка. Третьяго дня я не сжегъ (потому что боялся впасть въ подражаніе Гоголю), но изорвалъ и бросилъ въ water-clozet всѣ мои начинанія, планы и т. д. Все это вздоръ. Таланта съ особенною физіономіею и цѣлостностью—у меня нѣтъ—были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали—повторяться не хочется. Въ отставку! Это не вспышка досады, повѣрь мнѣ, это выраженіе или плодъ медленно созрѣвшаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей ничего мнѣ не сказалъ новаго. Все это довольно странно послѣ обязательнаго соглашенія,—mais je m'en lave les mains».—Что скажете вы объ этомъ?... мнѣ кажется, что въ нашемъ пріятелѣ совершается какой-то духовный кризисъ... Положеніе его меня душевно безпокоитъ»... (Сборникъ Об-ва для пособія нужд. лит. и уч.—XXV лѣтъ, С.-Пб. 1884, стр. 500—502).

[1]) Тургеневъ имѣетъ въ виду столкновеніе Шевырева съ гр. Бобринскимъ, о которомъ писалъ ему Лонгиновъ 20-го янв. (см. письмо № 8 и примѣчаніе къ нему). Письмо свое отъ 5/17 марта къ Герцену Тургеневъ озаглавилъ такъ: «Подробное историческое описаніе побоища, происходившаго въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ между графомъ Бобринскимъ и профессоромъ элоквенціи Шевыревымъ». Разсказавъ объ этомъ «побоищѣ», Тургеневъ приписалъ въ концѣ письма: «Вотъ тебѣ, милый Герценъ, подробное и во всѣхъ своихъ подробностяхъ точное описаніе этой знаменитой драки, отъ которой по всей Москвѣ стонъ стоялъ стономъ»...

[2]) Тургеневъ писалъ 26-го января Колбасину:—«Я живу теперь съ Некрасовымъ, который пріѣхалъ сюда изъ Рима. Здоровье его, кажется, поправилось, хотя онъ хандритъ и киснетъ сильно. Онъ кое-что сдѣлалъ, но слухи, до него дошедшіе объ участи его стихотвореній, нѣсколько пріостановили его дѣятель-

здѣсь. Онъ уже двѣ недѣли какъ пріѣхалъ.—Я вижусь съ нимъ ежедневно—и нахожу что онъ измѣнился къ лучшему во многомъ.—Онъ работаетъ прилежно—и должно думать что изъ него выдетъ большой человѣкъ [1]).

Здѣсь довольно много Русскихъ и между прочими Кн. Орловъ [2]) (сынъ извѣстнаго Орлова)—человѣкъ очень хорошій, добрый и благо-

---

ность. Впрочемъ онъ успокаивается по немногу». (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева (1840—1883 г.г.), С.-Пб. 1885, стр. 45, письмо 24).

[1]) Левъ Толстой прибылъ въ Парижъ 21-го февраля (нов. ст.). Тургеневъ: ждалъ его уже давно и писалъ объ этомъ Дружинину 13-го января: «Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать... Скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня. Впрочемъ я ему самъ напишу. По письмамъ его я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны—и я радуюсь тому, «какъ нянька старая»... (Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева (1840—1883), С.-Пб. 1885, стр. 44). Въ письмѣ своемъ отъ 17-го февраля, Тургеневъ сообщалъ Я. П. Полонскому: «Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему весьма значительная. Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ за собою глубокій слѣдъ»... Въ началѣ марта Тургеневъ ѣздилъ съ Л. Н. Толстымъ на нѣсколько дней въ Дижонъ, «для перемѣны воздуха» и писалъ, Дружинину 3-го марта «Толстой очень милъ и работаетъ». Отношенія Толстого и Тургенева всегда колебались и, несмотря на все ихъ стараніе, они не могли тѣсно сблизиться. Въ письмѣ къ Е. Я. Колбасину, отъ 8-го марта, Тургеневъ говорилъ: «Я здѣсь часто вижу Толстого.... Съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ». Боткинъ въ письмѣ своемъ къ Дружинину отъ 8-го марта приводилъ отзывъ Толстого о Тургеневѣ и Некрасовѣ, котораго Л. Н. засталъ еще въ Парижѣ· «... Вотъ что пишетъ Толстой о свиданіи своемъ съ нимъ: «Оба они блуждаютъ въ какомъ-то мракѣ, грустятъ, жалуются на жизнь, ничего не дѣлаютъ и тяготятся, какъ кажется, каждый своимн респективными отношеніями». (XXV лѣтъ (1859—1884). Сборникъ, С.-Пб. 1884. Изъ бумагъ Дружинина, стр. 501). Въ апрѣлѣ Толстой уѣхалъ изъ Парижа въ Швейцарію. О столкновеніи Толстого съ Лонгиновымъ см. выше, въ предисловіи.

[2]) Князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, бывшій впослѣдствіи посломъ въ Парижѣ. Отецъ его, генералъ-адъютантъ, извѣстный любимецъ Николая I, князь Алексѣй Ѳедоровичъ (1786—1861), былъ, послѣ смерти Бенкендорфа,—шефомъ жандармовъ и Главнымъ Начальникомъ Третьяго Отдѣленія. — Тургеневу очень нравился Н. А. Орловъ; такъ, онъ упоминалъ о немъ въ письмѣ къ Герцену отъ 16-го января 1857: «Ты никогда не угадаешь, отъ кого я не далѣе, какъ вчера, слышалъ великія похвалы тебѣ... Отъ князя Орлова (раненаго подъ Силистріей),—сына извѣстнаго Орлова.... Онъ мнѣ чрезвычайно понравился; несчастье его отрезвило да и вообще натура въ немъ высказывается хорошая. Вотъ по неволѣ воскликнешь: Où la vertu va-t-elle se nicher? Онъ всю зиму пробудетъ здѣсь; мы, я надѣюсь, будемъ видѣться».—Въ отвѣтъ на это

намѣренный.—Желательно бы было, чтобы онъ современемъ получилъ вліяніе въ Россіи.

Я познакомился со многими литераторами, и съ Меримѐ [1]). Похожъ на свои сочиненія: холоденъ, тонокъ, изященъ, съ сильно-развитымъ чувствомъ красоты и мѣры и съ совершеннымъ отсутствіемъ нетолько какой-нибудь вѣры, но даже энтузіазма.—

Сюда ждутъ вел. Князя Константина Никол. и готовятъ ему всевозможныя празднества [2]).

Я имѣлъ случай попасть въ Императорскую Капеллу и видѣлъ вблизи Императора и его жену [3]).—Онъ очень некрасивъ—а у ней незначительная фигурка.

Напиши мнѣ какія-нибудь интимныя подробности о журналахъ.—Правда ли что «Русскій Вѣстникъ» забилъ всѣ остальные [4])?

письмо, Герценъ писалъ Тургеневу 18-го января: «Такъ какъ ты видишься съ Орл., спроси-ка ты тамъ—съ дальними апрошами....,—а что, молъ, еслибъ можно было воротиться, какая, молъ, судьба ожидаетъ автора, который такъ расписалъ вашу бабушку (Жеребцову). Я его самъ видѣлъ разъ... Да не поѣдетъ ли онъ въ Лондонъ? Какъ бы познакомиться?» (А. И. Герценъ, Сочиненія, подъ ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 391, № 902).

[1]) Проспѐръ Мериме (род. 1803, ум. 1870),—извѣстный французскій писатель. Онъ чуть ли первый во Франціи оцѣнилъ достоинства нашей литературы и сталъ учиться по-русски, чтобы въ подлинникѣ читать Пушкина и Гоголя. Съ Тургеневымъ онъ познакомился зимой 1849—1850 г., и тотъ ему усиленно помогалъ въ дѣлѣ изученія Русской литературы. Меримѐ перевелъ на французскій языкъ цѣлый рядъ произведеній Пушкина и Гоголя и былъ большимъ почитателемъ таланта Тургенева; онъ написалъ предисловіе къ французскому переводу «Отцовъ и Дѣтей», вышедшему въ Парижѣ въ 1864 г., а въ 1865 г. перевелъ «Призраки» а затѣмъ, разсказы: «Жидъ», «Пѣтушковъ», «Собака» и «Странная исторія»... Мериме очень сочувственно отзывался о Тургеневѣ и его произведеніяхъ и цѣнилъ въ немъ то, что Тургеневъ прежде всего любилъ правду и являлся «защитникомъ слабыхъ и обиженныхъ» (См. «Иностранная критика о Тургеневѣ», отзывъ Проспера Мериме, стр. 112).

[2]) Великій Князь Константинъ Николаевичъ (р. 9-го сент. 1827 г., ум. 13-го янв. 1892) совершилъ въ началѣ 1857 г. большое заграничное путешествіе. Выѣхавъ 25-го декабря 1856 г. изъ Петербурга и побывавъ въ Германіи, Швейцаріи и Ниццѣ, онъ въ апрѣлѣ прибылъ въ Парижъ и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, на возвратномъ пути въ Россію, посѣтилъ Англію.

[3]) Императоръ Наполеонъ III (род. 1808, ум. 1873) въ 1853 г. женился на Евгеніи Монтихо, графинѣ Теба.

[4]) «Русскій Вѣстникъ» открылся въ 1857 г. очень удачными статьями: см. выше, письмо № 8.

Русская Бесѣда такъ ли окончательно провалилась, какъ пишутъ [1])? — Мы здѣсь получаемъ всѣ журналы, только весьма поздно и неаккуратно.

Я надѣюсь быть въ Россіи въ началѣ Іюня — и около 15-го буду имѣть удовольствіе видѣть твоё симпатическое и вѣчно-веселое лицо [2]).

Дай Богъ тебѣ всего хорошаго—поклонись отъ меня твоей женѣ и будь здоровъ.

Любящій тебя

Ив. Тургеневъ.

11

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва, 10 Ноября 1859.

Очень я обрадовался, любезный другъ Тургеневъ, твоему письму, во-первыхъ какъ вѣсти о тебѣ, а во-вторыхъ какъ знаку сочувствія напоминанію моему о памятникѣ Бѣлинскому [3]). Я получилъ письмо

---

[1]) Тургеневъ имѣлъ въ виду ожесточенныя нападки западниковъ на № 4 «Русской Бесѣды», о которыхъ сообщалъ ему Лонгиновъ 20-го января (см. въ письмѣ № 8).

[2]) О страстномъ стремленіи Тургенева покинуть Парижъ и вернуться въ Россію см. подробности выше. Въ февралѣ же писалъ онъ и Герцену: «Я вылечусь только тогда, когда брошу Парижъ. А брошу я его черезъ мѣсяцъ и покачу въ Англію, въ Лондонъ, къ тебѣ.—Авось тамъ я поправлюсь. — А оттуда въ Россію и засяду тамъ на вѣки вѣковъ»... (см. выше, въ примѣчаніяхъ къ письму № 2).

[3]) По поводу могилы Бѣлинскаго въ «Воскресномъ Досугѣ» за 1865 г. (№ 124, 2 іюня) напечатаны слѣдующія строки: «Похороненъ онъ (т. е. Бѣлинскій) на Волковомъ кладбищѣ и подъ простымъ кускомъ гранита, не имѣющимъ кромѣ высѣченнаго на немъ имени никакихъ другихъ украшеній, и до сихъ поръ ни одинъ изъ многочисленныхъ поклонниковъ его таланта не подумалъ о томъ, чтобы поставить надъ могилой знаменитаго писателя какой-нибудь памятникъ». Но, повидимому, друзья и почитатели покойнаго уже давно задались стремленіемъ воздвигнуть памятникъ на его могилѣ. Въ Пушкинскомъ Домѣ хранится, полученная съ бумагами П. А. Ефремова, «Книга пожертвованій на надгробный

твое третьяго дня, а вчера приступилъ къ дѣлу, переговоривши о немъ съ Кетчеромъ [1]), который въ томъ случаѣ лицо необходимое. Вотъ что онъ мнѣ сказалъ: для подписки на памятникъ Бѣлинскаго учреждена книга, хранящаяся у него; въ ней записано пожертвованій до 1000 р. сер. Кетчеръ полагаетъ полезнымъ, если я съ своей стороны открою листъ, сборъ по которому сосредоточится тамъ же. Другой листъ ты можешь повезти въ Петербургъ. Но при этомъ Кетчеръ говоритъ, что настоятельнѣе всего—немедленно купить мѣсто, гдѣ похороненъ Бѣлинскій, и огородить его, а потомъ уже думать о памятникѣ. Безъ этого гробъ его заваленъ другими гробами и все пропадетъ. И такъ я справлюсь съ книгой Кетчера и открою подписку; когда ты пріѣдешь сюда, мы вмѣстѣ переговоримъ обо всемъ и ты можешь повезти въ Петербургъ другой листъ и что̀ будетъ собрано изъ денегъ; тамъ прежде всего тебѣ нужно будетъ распорядиться покупкой мѣста, а тамъ пойдетъ «und so weiter» [2]). Сію минуту подали мнѣ Московскія Вѣдомости, гдѣ напечатано, что съ новаго года будетъ выходить газета Н. Ф. Павлова «Наше Время» [3])

памятникъ В. Г. Бѣлинскому», 1857 г., со вкладами К. Д. Кавелина, П. А. Ефремова, Д. Я. Колбасина и подписями многихъ извѣстныхъ писателей (Анненкова, Галахова, Вл. Ламанскаго, Ал. Пыпина, П. Пекарскаго, Н. Добролюбова, Н. Чернышевскаго, Щербины, Некрасова). Когда именно былъ поставленъ памятникъ, не знаемъ, но въ 1872 г. онъ уже существовалъ, что видно изъ «Альбома Выставки, устроенной Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ память В. Г. Бѣлинскаго», Москва. 1898, гдѣ помѣщенъ снимокъ съ него, относящійся къ этому году.

[1]) Николай Христофоровичъ Кетчеръ (род. 1809, ум. 1886) — врачъ и извѣстный переводчикъ Шекспира. Онъ былъ пріятелемъ Бѣлинскаго, хотя принадлежалъ къ кружку Станкевича и былъ близкимъ другомъ Герцена и Огарева. Кетчеръ, вмѣстѣ съ А. Д. Галаховымъ, редактировалъ «Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго» въ изданіи Солдатенкова.

[2]) И такъ далѣе. *Ред.*

[3]) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 10-го ноября 1859 г., № 267, въ отдѣлѣ «Смѣсь» было объявлено слѣдующее: «Носятся слухи, что въ будущемъ 1860 году Н. Ф. Павловъ будетъ издавать ежедневную политическую и литературную газету подъ названіемъ «Наше Время». Николай Филипповичъ Павловъ (род. 7-го сентября 1805 г., ум. 29-го марта 1864 г.) дѣйствительно съ 1860 до 1863 г. издавалъ газету «Наше Время», затѣмъ переименованную имъ въ «Русскія Вѣдомости» (3-го сентября 1863 г.).

(argent pas; attendez [1]), вспомнилось мнѣ, съ фигурой Мельгунова) [2] и что въ послѣднихъ книжкахъ нынѣшняго года или въ первыхъ—будущаго, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», появится новый романъ И. С. Тургенева «Наканунѣ», за которымъ «извѣстный писатель нашъ много трудился въ послѣднее время» [3]. При этомъ прибавлено, что

---

[1]) Денегъ нѣтъ; подождите.—*Ред.*

[2]) Николай Александровичъ Мельгуновъ (род. 1804, ум. 1867)—писатель. Съ 1834 г. жилъ то въ Москвѣ, то за границей, а въ серединѣ 1850-хъ годовъ—въ Парижѣ, гдѣ постоянно видался съ Тургеневымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ письма Тургенева къ Герцену за 1856 и 1857 годы. Такъ, 8-го января 1857 г., Тургеневъ писалъ: «А Мельгуновъ, вообрази (только это между нами), далъ наканунѣ новаго года réveillon, который стоилъ ему навѣрно франковъ триста. Гости были Пинто, Грибовскій, я, два офицера въ мундирахъ... да нѣсколько отставныхъ лоретокъ. Мельгуновъ, съ свойственной ему флегматической важностью, отвелъ меня въ сторону и держалъ слѣдующую рѣчь. «Здѣсь вы можете видѣть то, что называется въ Парижѣ demi-monde, но предупреждаю васъ, не судите о немъ по этому обращику; ибо здѣсь находящіяся лоретки или стары, или некрасивы». Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на его лобъ съ надвинутой ермолкой и думалъ: «Да изъ чего же ты тратишься въ такомъ случаѣ?»—Этотъ человѣкъ—чудакъ перваго сорта, vom reinsten Wasser,—а премилый со всѣмъ тѣмъ...». (Письма И. С. Тургенева къ А. И. Герцену. Съ объясн. примѣч. Драгоманова, Женева. 1892, стр. 97). Герценъ отзывается о Мельгуновѣ всегда въ шутливомъ тонѣ, называетъ его «плутомъ», «Донъ-Жуаномъ Комартиновской улицы» (по поводу вышеприведеннаго разсказа Тургенева) и т. д. Также нѣсколько разъ упоминаетъ онъ о постоянномъ отсутствіи денегъ у Мельгунова (на что въ настоящемъ письмѣ намекаетъ и Лонгиновъ), а въ одномъ изъ писемъ Герцена къ М. А. Рейхель (отъ 24-го янв. 1857) находимъ на это и прямое указаніе въ слѣдующихъ строкахъ: «Мельгуновъ опять просилъ денегъ; это досадно, потому что, повидимому, Павл. ему не пришлетъ. А если ужъ очень услышите о его безденежьи, то черкните мнѣ; я тогда, пожалуй, отъ 500 до 1000 фр. пришлю (но не говорите объ этомъ ни слова). Онъ на новый годъ давалъ пиръ, гдѣ были разныя лоретки и чортъ знаетъ какіе фензервы; что же это? Вѣдь если онъ этимъ путемъ пойдетъ, то лѣтъ въ 60 совсѣмъ сдѣлается блуднымъ сыномъ и гамэномъ-шалуномъ. И это, не имѣя денегъ...» (Герценъ, Собр. соч. и писемъ, ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 394).

[3]) Вслѣдъ за объявленіемъ о газетѣ Н. Ф. Павлова въ № 267 «Московскихъ Вѣдомостей» было напечатано слѣдующее: «Кстати: упомянемъ объ одной, весьма пріятной литературной новости. Извѣстный писатель нашъ И. С. Тургеневъ много трудился въ послѣднее время надъ новымъ своимъ романомъ, подъ заглавіемъ: «Наканунѣ». Романъ этотъ нѣсколько болѣе объемомъ другаго произведенія того же автора, «Дворянскаго Гнѣзда», и назначенъ имъ для «Русскаго Вѣстника». Мы слышали, что новый романъ г. Тургенева по-

новый романъ «нѣсколько болѣе объемомъ Дворянскаго гнѣзда». Милости просимъ, сударь!

Въ Петербургѣ идетъ дичь страшная. Между тѣмъ все ещё занимаются пустяками: на-дняхъ уволенъ цензоръ Палаузовъ за пропускъ драмы Лажечникова «Опричники» [1]). Опричь сего, Бекетовъ получилъ выговоръ за какой то вздоръ. «Quousque tandem» [2])... будутъ играть въ коклюшки? пишутъ нелѣпые циркуляры и пр. Одинъ изъ нихъ «о гласности» носили по редакторамъ и Ив. Аксаковъ росписался такъ: «читалъ и не понялъ». Въ этомъ же № Вѣдомостей, гдѣ говорится о тебѣ, читаю, что Графъ Панинъ опять вступилъ въ должность [3]). Жаль, что не прибавлено «съ чѣмъ и имѣемъ честь поздравить Россійскую Имперію вообще и Россійскую Юстицію въ особенности».

Прощай, любезный другъ, желаю тебѣ быть здоровымъ и жду тебя къ себѣ какъ можно скорѣе: я живу у Успѣнія на Могильцахъ, въ домѣ Суворовой.

Искренно любящій тебя

М. Лонгиновъ.

явится на страницахъ этого журнала или въ концѣ нынѣшняго, или въ первой книжкѣ будущаго года...». Тургеневъ началъ писать «Наканунѣ» въ Виши 16/28 іюня 1859 г. (какъ видно изъ помѣтки на черновой рукописи «Наканунѣ», хранящейся въ Публ. Библіотекѣ) и кончилъ его 25-го октября того же года. 13-го ноября Тургеневъ сообщалъ И. С. Аксакову изъ Спасскаго, что кончилъ повѣсть, въ основаніе которой положена мысль о необходимости сознательно-героическихъ натуръ для того, чтобы дѣло подвинуть впередъ...». Повѣсть «Наканунѣ» была напечатана въ 1-й книгѣ «Русскаго Вѣстника», вышедшей въ февралѣ 1860 г.

[1]) Драма Лажечникова «Опричники», написанная въ 1842 году, была пропущена цензурою только въ 1859 году.

[2]) «Доколѣ, наконецъ»,—начало одной изъ рѣчей Цицерона. *Ред.*

[3]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (род. 1801, ум. 1874), занималъ постъ Министра Юстиціи съ 1839 г. по 1862 г. Въ 1859 г. въ вышеуказанномъ № 267 «Моск. Вѣд.», въ отдѣлѣ: «Постановленія и распоряженія Правительства», было объявлено: «Г. Министръ Юстиціи (1-го ноября) предложилъ Правительствующему

12

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва, 20 мая 1861.

Любезный другъ, посылаю тебѣ доставленныя мнѣ изъ Парижа вырѣзки статьи Делаво [1]) о переводѣ «Наканунѣ», появившемся въ

Сенату, что онъ, по возвращеніи изъ заграничнаго отпуска, вступилъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ управленіе Министерства Юстиціи...».

[1]) О Делаво, переводчикѣ, упоминаетъ Фетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Фетъ пріѣхалъ въ Парижъ въ августѣ 1856 г. и отправился къ Тургеневу. «Пока мы разговаривали, разсказываетъ онъ: вошелъ высокаго роста худощавый съ просѣдью брюнетъ. Тургеневъ познакомилъ насъ, назвавши мнѣ господина Делаво. Оказалось, что г. Делаво прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, гдѣ познакомился съ русской литературой и съ литературнымъ кружкомъ раньше моего съ послѣднимъ знакомства. Такъ, зналъ онъ Панаевыхъ, Некрасова, Гончарова, Боткина, Тургенева и даже меня по имени. Въ настоящее время онъ въ Парижѣ занимался переводами съ русскаго языка и, какъ сказывалъ мнѣ Тургеневъ, долженъ былъ перебиваться весьма затруднительно въ денежномъ отношеніи. Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ, по выраженію Тургенева, единственномъ знакомомъ мнѣ французѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ французъ, получившій основательное классическое образованіе, настолько же отличался любознательностью, какъ и примѣрною скромностью. Такъ, напримѣръ, будучи по происхожденію маркизомъ Делаво, онъ никогда не именовался и не подписывался маркизомъ и однажды, на вопросъ мой по этому поводу отвѣчалъ, что находитъ такой титулъ несоотвѣтственнымъ своему матеріальному положенію. Для меня, совершеннаго новичка въ Парижѣ, милый и образованный Делаво являлся совершеннымъ Виргиліемъ, водившимъ меня по всему Парижу, начиная съ Лувра и до послѣдняго студенческаго бала и поющей кофейни. При этомъ, къ совершенному моему отчаянію, невозможно было уплатить за него даже двухъ франковъ, неизбѣжныхъ при входѣ. Никто яснѣе его не видалъ того плачевнаго состоянія, въ которомъ всякая власть во Франціи находится со времени революціи, будучи вынуждена заботиться не о благѣ, а лишь объ угожденіи вкусамъ толпы. Послѣднюю задачу Наполеонъ III въ то время понималъ и исполнялъ во всемъ объемѣ...» (ч. I, стр. 148—149). 8-го ноября 1861 г. Тургеневъ въ письмѣ Фету изъ Парижа, упоминая о своей повѣсти

«Correspondant», который выдаетъ тебя въ свѣтъ «ad usum Delphini». Надѣюсь, что ты потѣшишься надъ стыдливостію «Correspondant».

Будь здравъ.

Весь твой

М. Лонгиновъ

«Отцы и Дѣти», писалъ, что о ней «благопріятно отозвался все тотъ же единственный французъ, «ночной фортопіанистъ». Фетъ въ примѣчаніи объясняетъ эти слова: «Делаво, о которомъ выше говорено, имѣлъ привычку, разсуждая, закрывать глаза и усиленно перебирать своими костлявыми пальцами, за что въ разговорѣ съ Тургеневымъ я прозвалъ этого прекраснаго человѣка «ночнымъ фортопіанистомъ», а Тургеневъ прибавилъ, что это единственный знакомый мнѣ французъ. Если прибавить: изъ литературнаго міра, то это будетъ справедливо...» (ч. I, стр. 382). А. Я. Головачева-Панаева въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ, что она встрѣчалась съ Делаво въ Парижѣ, въ половинѣ 1850-хъ годовъ, когда онъ былъ занятъ переводомъ на французскій языкъ «Записокъ Охотника». По ея словамъ, Тургеневъ постоянно жаловался на переводчика, называя его «тупицей» и «дурындой», а Делаво былъ недоволенъ той небрежностью, съ какой Тургеневъ выплачивалъ ему гонораръ. А. Я. пишетъ: «Переводчикъ чуть ли не съ дѣтства жилъ въ Москвѣ, гдѣ, кажется, давалъ уроки французскаго языка. Онъ переселился въ Парижъ уже лѣтъ 30, гдѣ существовалъ на скудный заработокъ, переводя изъ русскихъ газетъ разныя извѣстія во французскія газеты; переводчикъ зналъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ литераторовъ и коротко былъ знакомъ съ В. П. и Н. П. Боткиными; послѣдній меня и познакомилъ съ нимъ...» («Русскіе писатели и артисты», С.-Пб., 1890, стр. 233—234) Н. В. Щербань, разсказывая о жизни Тургенева въ Парижѣ въ 1861 г., вспоминаетъ, что Иванъ Сергѣевичъ тогда еще плохо ладилъ съ французами и не сходился съ ними: «Постоянно бывалъ у него одинъ только Делаво, переводившій тогда его повѣсти,—переводившій въ высшей степени добросовѣстно, чуть не «надоѣдая» своею кропотливостью. Тургеневъ былъ, разумѣется, доволенъ, что произведенія его попали въ руки человѣка, который не приметъ (какъ передъ тѣмъ Шарьеръ) «арапникъ» за «арапа»; но слегка тяготился просмотромъ его рукописей и сличеніе ихъ съ оригиналомъ подчасъ довѣрялъ Боткину или мнѣ...» («Русскій Вѣстникъ» 1890, кн. 7, с. 9). Делаво зналъ и Герценъ. Онъ часто упоминаетъ о немъ въ своихъ письмахъ. Онъ предлагалъ ему переводить «Воспоминанія» С. Т. Аксакова. Делаво перевелъ и «Записки» Герцена въ 1856 г. Самъ Тургеневъ упоминаетъ о Делаво еще въ письмѣ своемъ къ И. И. Панаеву отъ 12/24 янв. 1857 г. (см. «Воспоминанія И. И. Панаева», стр. 406).

13

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

С. Спасское, 14-го Іюня 1861.

Милый Михаилъ Николаевичь!

Спасибо тебѣ за присланную вырѣзку [1]): это поучительно и забавно. — Видно, этому несчастному «Наканунѣ» суждено было пройти черезо всѣ возможныя мытарства: но изъ этаго горнила онъ всё таки не выдетъ золотомъ, по причинѣ мѣдной натуры, которой я его надѣлилъ [2]).—Не знаю, каковъ то выдетъ новый романъ, который я теперь оканчиваю [3])—Будемъ надѣяться что нынѣшній годъ для меня будетъ болѣе удаченъ.—

---

[1]) См. предыдущее письмо Лонгинова № 12.

[2]) Тургеневъ намекаетъ на то недоброжелательство, съ какимъ большинство читающей публики встрѣтило его новый романъ. Тургенева обвиняли въ томъ, что онъ «выставилъ героя не Русскаго именно въ противоположность Русскимъ, лишеннымъ будто бы всѣхъ тѣхъ элементовъ, которыми обладалъ Инсаровъ и обладаютъ, по мнѣнію Тургенева, всѣ народы, исключая Русскихъ, элементовъ, изъ которыхъ состоитъ революціонеръ, то есть идеальный человѣкъ нашего времени. (Изъ записокъ Е. А. Штакеншнейдеръ (1859—1860)—«Русск. Вѣстн.» 1901 г., іюль, стр. 413). Тургеневъ рѣшился даже уничтожить свой романъ послѣ того, какъ графиня Ламбертъ «неопровержимо доказала» ему, что «онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z», и «поселила въ немъ отвращеніе къ своему продукту». И только дружеская поддержка П. В. Анненкова нравственно подбодрила его (Анненковъ: Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ. 1856—1862—«Вѣстникъ Европы» 1885 г., мартъ, стр. 31). Но университетская молодежь, писатели и ученые отнеслись къ «Наканунѣ» съ большимъ сочувствіемъ. Такъ, напр., Боткинъ писалъ Фету изъ Парижа 20-го марта 1860: «Не смотря на всѣ недоразумѣнія, «Наканунѣ» я прочелъ съ наслажденіемъ... Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по утиному и любитъ глотать цѣликомъ... Я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и все-таки я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни» (А. А. Фетъ, «Мои воспоминанія», ч. I, М. 1890, стр. 323).

[3]) Тургеневъ писалъ въ это время романъ «Отцы и Дѣти». Планъ его былъ у него готовъ «до малѣйшихъ подробностей» уже въ концѣ сентября

Сдѣлай одолженіе, передай приложенную записку Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой (наставницѣ Великой княжны), которую ты навѣрное знаешь. — Она о нужномъ дѣлѣ — (записка — а не наставница)... [1]) Попрошу тебя положить её въ конвертъ и выставить адрессъ твоей фантастически-правильной и красивой рукой.

A propos d' адрессъ [2]), пришли мнѣ свой — а то я долженъ писать тебѣ черезъ Каткова.

Да ещё будь такъ добръ; исполни слѣдующую прозьбу: уѣзжая изъ Москвы [3]) я взялъ *1*, *3*, и *4-й* томы моего изданія въ 2 экземплярахъ: а 2-го (Плещеевскаго) не взялъ [4]). — Я писалъ о высылкѣ

1860 года. 12/24-го октября онъ извѣстилъ Герцена: «Я принялся за работу, но она идетъ безобразно туго...», но уже 13-го декабря 1860 г. сообщилъ Е. Я. Колбасину изъ Парижа: «Я принялся за работу серьезно — и сижу теперь надъ большой повѣстью (разумѣется, еще больше «Дворянскаго гнѣзда»); надѣюсь одолѣть ее къ марту и тиснуть ее въ «Русскомъ Вѣстникѣ». О дальнѣйшей судьбѣ «Отцовъ и Дѣтей» подробнѣе сказано дальше, въ примѣчаніяхъ къ письму № 14.

[1]) Анна Ѳедоровна Тютчева, дочь поэта Ѳедора Ивановича Тютчева, была фрейлиной Высоч. двора; 12-го января 1865 г. она вышла замужъ за Ивана Сергѣевича Аксакова, извѣстнаго славянофила, публициста и поэта. Записку эту просилъ, очевидно, переслать въ Москву Тургенева Д. Я. Колбасинъ, ибо въ этотъ же день, т. е. 14-го іюня, Тургеневъ писалъ ему: «Просьба ваша немедленно мною исполнена, и я сегодня же отправилъ письмо къ Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, которая находится теперь въ Москвѣ. Я увѣренъ, что она все сдѣлаетъ, что отъ нея будетъ зависѣть, и что всѣ останетесь ею довольны...». Лонгиновъ исполнилъ просьбу Тургенева, о чемъ и сообщаетъ ему въ письмѣ отъ 7-го іюля (№ 17).

[2]) Кстати объ адресѣ. *Ред.*

[3]) Тургеневъ, въ апрѣлѣ выѣхавъ изъ Парижа, прибылъ въ Москву въ началѣ мая и, проживъ здѣсь нѣсколько дней, 9-го мая пріѣхалъ въ Спасское.

[4]) Въ концѣ 1861 г. вышли «Сочиненія И. С. Тургенева», изданныя Н. А. Основскимъ въ Москвѣ — части I, III и IV. Часть II вышла въ слѣдующемъ году. Это изданіе, — по словамъ П. В. Анненкова, — «окончилось третейскимъ судомъ издателя со своими заимодавцами въ Москвѣ и полнымъ фіаско». Тургеневъ былъ раздраженъ недобросовѣстностью Основскаго. 17-го декабря 1860 г. въ письмѣ своемъ къ Фету онъ просилъ его взять на себя всѣ сношенія съ Н. А. О... по дѣлу изданія его сочиненій и поручилъ ему получать отъ г. О... слѣдуемые ему деньги и экземпляры. Въ началѣ января 1861 г. Тургеневъ сообщилъ Анненкову, что получилъ письмо отъ Плещеева съ подробнѣйшимъ изложеніемъ дѣла»; Тургеневъ ему въ тотъ же день отвѣтилъ «и поручилъ ему сговориться съ Фетомъ для обоюдо-остраго дѣйствія». Анненковъ разсказываетъ о формальномъ отказѣ Тургенева «участвовать въ какихъ-либо заявленіяхъ и про-

двухъ вторыхъ томовъ Маслову дважды—но до сихъ поръ не получалъ.[1])—Устрой это, пожалуйста, черезъ Маслова или черезъ самаго Плещеева.

тестахъ противъ издателя, нанесшаго такой ущербъ ему и погубившаго цѣлое предпріятіе». (Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ. 1856—1862—«Вѣстн. Европы» 1885, апрѣль, стр. 484). Гуманность Тургенева ярко сказалась въ письмѣ къ Фету отъ 2-го января 1861 г., въ которомъ онъ спѣшитъ сообщить ему о томъ, что Основскій выслалъ уже половину денегъ. Тургеневъ прибавлялъ: «... потому положите подъ сукно все, что я вамъ сообщилъ по этому поводу и пріостановитесь. Я душевно радъ, что всѣ распущенные слухи оказались ложными; радъ и за себя, а главное за О..., котораго мнѣ было какъ то дико воображать не совершенно честнымъ человѣкомъ...». 10-го января Тургеневъ писалъ Фету изъ Парижа: «... авось онъ мнѣ весной заплатитъ остальныя деньги... Онъ обѣщался было выслать мнѣ экземпляръ, но обѣщаніе это вмѣстѣ со многими другими кануло въ воду»... (Фетъ.—«Мои воспоминанія», ч. I, стр. 361—362). Вскорѣ послѣ этого, Тургеневъ получилъ отъ Основскаго длинное письмо, о чемъ и сообщалъ Анненкову 16-го января: «Оказывается, что онъ дѣйствительно былъ оклеветанъ—и достоинъ сожалѣнія. До него, между прочимъ, дошли слухи—будто я поручалъ вамъ употребить противъ него полицейскія мѣры; будьте такъ добры, напишите ему въ двухъ словахъ, что я ничего подобнаго вамъ не поручалъ: это подниметъ этого придавленнаго человѣка, который въ одно и то же время разоренъ и опозоренъ. Зная ваше доброе сердце, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы немедленно это сдѣлаете. Я не могъ не усомниться въ немъ, вслѣдствіе писемъ отъ его же пріятелей, но я никогда не позволилъ бы себѣ осудить окончательно человѣка бездоказательно» (Анненковъ, тамъ же, с«р. 486). Что касается до II тома (вышедшаго въ 1861 г.), то не совсѣмъ ясно, почему Тургеневъ называетъ его «Плещеевскимъ». Изъ нижеслѣдующаго объявленія явствуетъ, что Плещеевъ никакой роли въ изданіи сочиненій Тургенева не игралъ»: Въ 51 № «Искры» 1860 г. съ удивленіемъ прочелъ я, что наблюденіе надъ печатаніемъ 2-й части послѣдняго изданія соч. И. С. Тургенева принимаетъ на себя А. Н. Плещеевъ. По случаю пребыванія самого автора за границей, всѣ сношенія его по теперешнему изданію поручены мнѣ; и я положительно могу завѣрить, что оно, какъ было, такъ и остается въ завѣдываніи Н. А. Основскаго. Ни И. С. Тургеневымъ, ни мною, его уполномоченнымъ, не сдѣлано въ этомъ отношеніи никакихъ другихъ распоряженій. Поэтому всякое объявленіе о будущемъ печатаніи 2-й части, отъ кого бы то ни было и въ другомъ смыслѣ, прошу считать недѣйствительнымъ. А. А. Фетъ («Моск. Вѣд.», отъ 12-го января 1861 г., № 9).

[1]) Иванъ Ильичъ Масловъ (род. 1817, ум. 1891), пріятель Тургенева, былъ управляющимъ Московской Удѣльной Конторой. О немъ, какъ о своемъ товарищѣ по Университету, упоминаетъ А. В. Никитенко въ дневникѣ за 1826 г., 14-го января: «Масловъ—флегматикъ, но не глупъ. Это будетъ вполнѣ дѣловой

Вопросъ: ты какъ издатель понимаешь что значитъ въ Стихотвореніи Вяземскаго, помѣщенномъ въ Современной Лѣтописи слова:— «и мнѣнію въ чести?» [1]) Я не понимаю.

Жму тебѣ руку и остаюсь

преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ.

человѣкъ» («Записки и Дневникъ», С.-Пб. 1904, т. I, стр. 137). Тургеневъ, со свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ, называлъ его «лѣнивѣйшимъ изъ хохловъ». Бывая въ Москвѣ, Тургеневъ постоянно останавливался въ «великолѣпной и гостепріимной» квартирѣ Маслова. Относительно высылки вторыхъ томовъ своихъ сочиненій Тургеневъ напоминалъ Маслову въ письмѣ отъ 7-го іюня изъ Спасскаго: «Что же ты не отвѣчалъ на мое письмо—и до сихъ поръ не высылаешь тѣ два экземпляра второго тома моихъ сочиненій (Плещеевскаго изданія), о которыхъ я тебя просилъ?» («Первое Собраніе писемъ И. С. Тургенева», изд. 1885, стр. 90).

[1]) Тургеневъ имѣлъ въ виду стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, помѣщенное имъ, подъ заглавіемъ «Замѣтка», въ «Современной Лѣтописи» 1861 г. (Іюнь, № 23). Приводимъ его полностью:

«Вы гласность любите, но въ одиночку,—съ правомъ,
Чтобъ голосъ вашъ одинъ руководилъ толпу;
Но голосу другихъ, драконовскимъ уставомъ,
Нѣтъ мѣста гласности у васъ на откупу.

Неволи худшей нѣтъ—свободы по заказу,
Когда во славу ей и мнѣнію въ чести,
Такъ, а не иначе, велятъ и видѣть глазу,
Такъ, а не иначе, устами рѣчь вести.

Односторонній умъ лишь годенъ на стоянку;
Свободнымъ плаваньемъ онъ не заходитъ въ даль,
Онъ тотъ же Фамусовъ,—но только на изнанку,
Молчалинъ тотъ же онъ,—но только жалкій враль.

Сужденья своего имѣть и онъ не смѣетъ,
Но затвердивъ наказъ урочныхъ фразъ и словъ,
Послушливый и въ томъ, чего не разумѣетъ,
Передовому онъ поддакивать готовъ,

14

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

Москва, 7-го Іюля 1861 г.

Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, не думай, что я не исполнилъ твоихъ комиссій. Письмо твое къ Тютчевой было отправлено по назна-

---

Очаковскихъ временъ исчезли бригадиры,
Но сѣмя ихъ въ иномъ подобьи расцвѣло;
Есть новые тузы, есть новые кумиры,
И старое тряпье въ подкраску перешло.

Прихвостниковъ найдешь и въ ложныхъ либералахъ,
Но держатся они не прежняго хвоста;
Неурожая нѣтъ въ льстецахъ и подлипалахъ,
Но ихъ пріемъ не тотъ и вывѣска не та.

Будь новый Ювеналъ, будь новый Грибоѣдовъ,
А Репетиловыхъ отыщетъ чуткій носъ;
И съ внуковъ взыщется за осмѣянье дѣдовъ:
А кто смѣшнѣй изъ нихъ? сомнительный вопросъ».

Редакція получила это стихотвореніе при слѣдующемъ письмѣ: «Препровождая къ вамъ, для помѣщенія въ Современной лѣтописи «Русскаго вѣстника», одно изъ новѣйшихъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго, пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить въ вашемъ журналѣ извѣстіе, которое, безъ сомнѣнія, обрадуетъ всѣхъ любителей русской литературы. Князь П. А. Вяземскій въ скоромъ времени исполнитъ одно изъ давнишнихъ желаній публики и подаритъ ей большой томъ избранныхъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «На дорогѣ и дома». Большая часть ихъ написана имъ въ недавнее время и никогда еще не была напечатана. Почтенный авторъ оказалъ мнѣ драгоцѣнный знакъ довѣрія и расположенія, возложивъ на меня лестное порученіе быть издателемъ этой книги. Дѣлать оцѣнку ея теперь не время и не мѣсто. Скажу только, что читатели найдутъ въ ней, рядомъ съ живою и привлекательною панорамой разнохарактерныхъ странъ, посѣщенныхъ авторомъ, поэтическія, задушевныя думы его, исполненныя той прелести и свѣжести чувствъ и мыслей, которою всегда отличались его стихотворенія,—и наконецъ остроумныя мѣткія характеристики и картины современныхъ причудъ, странностей, нелѣпостей и пороковъ, подмѣченныхъ умомъ тонкимъ и наблюдательнымъ и осмѣянныхъ сти-

ченію черезъ день по полученіи его мною [1]). Тогда же вытребовалъ я отъ Маслова объясненія по невысылкѣ тебѣ 2 экземпляровъ 2 тома твоихъ сочиненій и предложилъ ему исполнить это дѣло вмѣсто него [2]). Но онъ предпочелъ оставить его за собою, такъ какъ онъ уже началъ его. На-дняхъ Масловъ сказалъ мнѣ, что эти книги будутъ высланы тебѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. Надѣюсь, что это уже сдѣлано.

Какъ идутъ твои занятія по имѣніямъ [3]) и по писанію? Питаюсь надеждой видѣть въ печати новое твое дѣтище осенью или зимой [4]).

Каковы статьи Чернышевскаго въ № 6 «Современника»! Поздравляю тебя: онъ самъ заявилъ, что убѣжденія твои не согласны съ его воззрѣніями. Для толпы, непонимающей дѣла, это не лишнее; теперь и она увѣрится, что ты не имѣешь ничего общаго съ по-

---

хами, полными силы и оригинальности. Къ послѣднему разряду принадлежитъ цѣлый рядъ стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ: «Замѣтки», изъ числа которыхъ и заимствована прилагаемая піеса. М. Лонгиновъ». Всѣ рукописи этого изданія, въ томъ числѣ много автографовъ Вяземскаго, хранятся нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ, въ составѣ архива Лонгинова.

[1]) О Тютчевой и письмѣ къ ней см. предыдущее письмо № 13.

[2]) Тургеневъ просилъ Лонгинова переговорить съ Масловымъ въ письмѣ своемъ отъ 14-го іюня (см. № 13).

[3]) Тургеневъ, пріѣхавъ въ Спасское, занялся «хозяйственными и литературными дѣлами». Въ письмѣ своемъ къ Я. П. Полонскому отъ 21-го мая онъ писалъ: «Съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо—потому что я имъ сдѣлалъ всѣ возможныя уступки,—но затрудненія предвидятся впереди. Многіе не хотятъ идти на оброкъ,—а безъ оброка выкупъ (а вѣдь это главная цѣль)—невозможенъ». 14-го іюля Тургеневъ извѣщалъ Полонскаго: «Крестьянскія дѣла—ничего себѣ; впередъ пока подвигаются плохо, но и назадъ нейдутъ. Надо вооружиться терпѣніемъ и выжидать. Все-таки это дѣло громадное—и то, что уже сдѣлано и осталось,—составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнятъ только наши потомки...»

[4]) Лонгиновъ имѣлъ въ виду романъ «Отцы и Дѣти», надъ которымъ Тургеневъ усиленно работалъ въ ту пору. Онъ писалъ Д. Я. Колбасину 14-го іюня; «Теперь я сижу здѣсь, въ своемъ флигелькѣ, оканчиваю новую большую повѣсть для «Русскаго Вѣстника». 8-го августа онъ уже извѣщалъ Е. Я. Колбасина: «Романъ я свой кончилъ и отдалъ его Каткову въ Москвѣ».—«Отцы и Дѣти» появились въ печати въ 1862 г., во 2-й книгѣ «Русскаго Вѣстника». Въ томъ же году повѣсть эта вышла отдѣльнымъ изданіемъ (К. Т. Солдатенкова, М. 1862 г.).

добными господами. «Собственное сознаніе—паче всякаго свидѣтельства» [1]).

Черн. говоритъ, что «начинаетъ пріобрѣтать извѣстность». Онъ можетъ теперь сказать, что «пріобрѣлъ ее вполнѣ». Онъ первый въ своемъ родѣ! Никогда еще ни что подобное не являлось въ нашей журналистикѣ, пріучившей насъ однако къ столь многому: мы пережили Воейкова, Сенковскаго, Булгарина! Но въ родѣ Чернышевскаго никто еще не искушался. Это новая, осьмая нота въ гаммѣ наглости журнальной, которой аккорды пріобрѣли невѣдомую доселѣ полноту и звучность. И вотъ до чего довела насъ эта жалкая полувозможность говорить и писать, при которой нелѣпость и невѣжество могутъ забрать монополію поученія толпы, а истина должна изыскивать полу-намеки, чтобы высказать нѣсколько полу-внятныхъ словъ въ опроверженіе шарлатанства! А оно гордо говоритъ: «вамъ меня не сломить, потому что у васъ языкъ связанъ, а у меня нѣтъ!» Пора полной возможности необходима.

Ты спрашиваешь; что значитъ стихъ: «Когда въ угоду ей (свободѣ) и мнѣнію въ чести». Очень просто: «въ угоду свободѣ и мнѣнію, которое находится въ чести» [2]).

---

[1]) Статья Н. Г. Чернышевскаго подъ названіемъ: «Полемическія красоты», коллекція первая. Красоты, собранныя изъ «Русскаго Вѣстника»,—были напечатаны въ «Современникѣ» 1861 г., въ «Современномъ обозрѣніи» за іюнь. Чернышевскій такъ отозвался о Тургеневѣ: «Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого Тургенева». Далѣе, въ статьѣ 3-ей, Чернышевскій писалъ: «Моя репутація увеличивается—говорю это, не прикидываясь скромнымъ, потому что не слишкомъ-то горжусь своей литературной дѣятельностью..... Я вижу, что уже начинаю входить въ число, уважаемыхъ писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько»... Чернышевскій тутъ-же, въ сноскѣ, замѣчаетъ: «Изъ всего этого можно будетъ «Русскому Вѣстнику» извлечь очень насмѣшливыя замѣчанія противъ меня: г. Чернышевскій думаетъ, что его репутація увеличивается,—какое пріятное самообольщеніе!.. Онъ скорбитъ о томъ, что онъ уважаемый писатель,—пусть онъ не горюетъ объ этомъ, его никто не уважаетъ» и т. д. и т. д.—Всѣ эти насмѣшки могутъ быть ѣдки и забавны, если написаны будутъ умно и живо...»

[2]) Объ этомъ стихѣ князя П. А. Вяземскаго см. выше, въ письмѣ № 13.

До свиданія, любезный другъ. Если тебѣ что будетъ нужно, то черкни словечко и я всегда радъ сдѣлать тебѣ угодное. Вѣрь моей искренней дружбѣ.

М. Лонгиновъ.

Москва, 7 іюля 1861.

На Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Уманецъ, № 583.

15

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ. 20-го апрѣля 1863 г.

Mon cher ami.

Je vous recommande par la présente M-r le pasteur Long, anglais, membre de la société de la paix et grand ami de la Russie, ce qui est malheureusement assez rare parmi ses compatriotes. Ces sentiments sont un titre auprès de vous, qui aimez si profondément notre patrie;—permettez moi de compter aussi sur ce que notre ancienne amitié inspirera à votre bienveillance, dont M-r Long est dureste parfaitement-digne.—J'espère que vous voudriez bien vous mettre à sa disposition—et en vous en remerciant d'avance, je vous prie d'accepter l'assurance de mes sentiments les plus cordialement affectueux.

J. Tourguéneff.

Paris ce 20 Avril 1863.

При письмѣ конвертъ: Monsieur Michel Longuinoff. Secrétaire de la Société des amateurs de la littérature russe à Moscou.

Переводъ:

Дорогой другъ.

Направляю къ Вамъ съ этимъ письмомъ пастора Лонга, англичанина, члена Общества Мира и большого поклонника Россіи, что такъ рѣдко среди его соотечественниковъ. Такія чувства—лучшая

рекомендація для Васъ, столь глубоко любящаго наше отечество. Позвольте же мнѣ надѣяться, что и старинная дружба наша съ Вами побудитъ Васъ благосклонно отнестись къ г-ну Лонгу, который вполнѣ этого достоинъ. Надѣюсь, что Вы согласитесь удѣлить ему свое вниманіе и, заранѣе Вамъ благодарный, прошу Васъ принять увѣреніе въ самыхъ сердечныхъ къ Вамъ чувствахъ.

И. Тургеневъ.

Парижъ 20 апрѣля 1863.

При письмѣ конвертъ: Г-ну Михаилу Лонгинову. Секретарю Общества Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ [1]).

16

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

С. Петербургъ.
Гостинница Франція.
Пятница, 21 Фев. 1864.

Любезнѣйшій Михаилъ Николаевичь, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ отсюда [2]) обращаюсь къ тебѣ съ покорнѣйшей прозьбой, которая впрочемъ не относится прямо ко мнѣ потому именно—me tient très à coeur [3]). А именно: я здѣсь издалъ собраніе двѣнадцати стихотвореній Пушкина—Фета (и одно моё)—положенныхъ на музыку Г-жей Віардо [4]).—Ты, помнится, не любилъ её какъ пѣвицу—но тутъ

---

[1]) Тургеневъ почти одновременно—26-го апрѣля—и по-тому же поводу писалъ и Ег. П. Ковалевскому письмо аналогичнаго содержанія. Оно напечатано въ Первомъ собраніи писемъ Тургенева, С.-Пб. 1885, стр. 114.

[2]) Тургеневъ въ началѣ января 1864 г. пріѣхалъ въ Россію, гдѣ пробылъ до двадцатыхъ чиселъ того-же февраля.

[3]). Т-е., очень близка моему сердцу. *Ред.*

[4]) Изданный Тургеневымъ альбомъ: «Двѣнадцать стихотвореній Пушкина, Фета и Тургенева, положенныя на музыку Полиною Віардо Гарсіа»,—вышелъ 20-го февраля 1864 г. По поводу этого изданія Тургеневъ переписывался съ Боденштедтомъ,—нѣмецкимъ поэтомъ и переводчикомъ (род. 22-го апр. 1819,

дѣло идётъ объ ея композиторскомъ талантѣ.—Она положила на музыку прилагаемыя двѣнадцать стихотвореній превосходно—такихъ романсовъ у насъ на Руси не бывало и я прямо расчитываю на твою старинную дружбу чтобы ударить въ набатъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Современной Лѣтописи и вообще гдѣ ты найдешь

ум. 18-го апр. 1892). Впервые Тургеневъ упоминалъ объ этомъ альбомѣ въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена, отъ 6-го іюля 1863 г.: «Мой добрый другъ, писалъ онъ, г-жа Віардо (знаменитая пѣвица) воспользовалась своимъ пребываніемъ въ Баденѣ, чтобы переложить на музыку—поистинѣ съ неподражаемымъ талантомъ—нѣсколько русскихъ стихотвореній, на которыя я ей указалъ (она занимается также изученіемъ нашего языка). Музыкальное значеніе этихъ романсовъ такъ велико, что мы рѣшились издать ихъ въ видѣ альбома въ Карлсруэ, съ соотвѣтствующимъ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Когда дѣло коснулось перевода, то, весьма естественно, я подумалъ о васъ,—самомъ превосходномъ и искусномъ изъ переводчиковъ. Поэтому я обращаюсь къ вамъ съ просьбою принять участіе въ этомъ изданіи. Работа, какъ увидите, будетъ не особенно велика: альбомъ будетъ состоять изъ 6 стихотвореній Пушкина: «Заклинаніе», «Туча», «Цвѣтокъ», «Ночь», «На холмахъ Грузіи», «Для береговъ отчизны дальней» и изъ 5 стихотвореній Фета: «Топоръ», «Полуночные образы», «Тихая звѣздная ночь», «Волна», «Неподвижно», «Полно спать».....». 15-го іюля Тургеневъ уже благодарилъ Боденштедта за письмо съ переводомъ пяти стихотвореній Пушкина и посылалъ еще одно стихотвореніе Фета, прибавляя при этомъ: — «Такъ что ихъ будетъ всего двѣнадцать»... Въ письмахъ отъ 17-го и 23-го іюля, Тургеневъ излагалъ Боденштедту неточности и неправильности нѣкоторыхъ его переводовъ, писалъ длинныя замѣчанія и поправки и выражалъ глубокую признательность за его трудъ, «исполненный такъ быстро и талантливо». 8-го октября 1863 г. Тургеневъ вновь обратился къ Боденштедту съ просьбой: «Надобно перевести еще одно маленькое стихотвореніе—на этотъ разъ мое собственное произведеніе, что еще болѣе необычайно. Я сочинилъ эти 4 маленькіе, довольно незначительные, куплета, слушая пѣніе синицы, и г-жа Віардо написала къ нимъ прелестную музыку, поэтому я обращаюсь къ вамъ, умоляя васъ извинить меня за мою нескромность и за ничтожность того произведенія, надъ которымъ вамъ придется трудиться. Вотъ стихотвореніе, о которомъ я говорю:

СИНИЦА (DIE MEISE).

Слышу я: звенитъ синица
Средь желтѣющихъ вѣтвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вѣстница осеннихъ дней!

* * *

удобнымъ. Сдѣлай одолженіе, исполни ты эту мою кровную просьбу и я тебѣ отслужу когда угодно и какъ угодно. Напиши мнѣ два слова по слѣдующему адрессу: Paris, rue de Rivoli, 210. Я буду ждать твоего письма.

Обнимаю тебя, кляняюсь твоей женѣ и остаюсь

преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ.

На оборотѣ: Михаилу Николаевичу Лонгинову отъ Тургенева.

Хоть грозитъ онъ намъ ненастьемъ,
Хоть зимы онъ намъ пророкъ—
Дышитъ благодатнымъ счастьемъ
Твой веселый голосокъ.

* * *

Въ пѣсенкѣ твоей привѣтной
Слухъ плѣненъ ужели-жъ мой
Лишь природы безотвѣтной
Равнодушною игрой?

* * *

Иль безпечно распѣваетъ
И въ тебѣ охота жить—
Та, что людямъ помогаетъ
Смерть и жизнь переносить.

Изъ письма отъ 25-го января 1864 г. можно заключить, что въ то время переводы уже начали печататься. Тургеневъ, 16-го марта, по возвращеніи изъ Петербурга въ Баденъ, писалъ Боденштедту: «Я привезъ съ собою нѣсколько альбомовъ г-жи Віардо и съ особеннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ одинъ изъ нихъ. Замѣчательное изящество и точность перевода подмѣчены всѣми.—Покуда напечатано всего 12 романсовъ: остальные три оставлены для слѣдующаго альбома, который, надобно думать, будетъ изданъ будущую зиму»....

Въ мартѣ 1865 г. Тургеневъ увѣдомлялъ Боденштедта: «Г-жа Віардо сочинила вторую тетрадь, состоящую также изъ 12 русскихъ пѣсенъ, изъ коихъ шесть еще не переведены. Не будетъ ли съ моей стороны слишкомъ большимъ посягательствомъ на вашу любезность, если я снова прибѣгну къ вамъ въ этомъ случаѣ?....» Боденштедтъ изъявилъ полную готовность взяться за переводъ романсовъ; въ ихъ числѣ были: «Буря» Пушкина и «Русалка» Лермонтова. Второй альбомъ романсовъ вышелъ во второй половинѣ августа 1865 года. («Русская Старина» 1887 г., май, стр. 480—488; 492—496; переводъ В. В. Тимощукъ).

17

ЛОНГИНОВЪ — ТУРГЕНЕВУ.

2-го марта 1864 г. Москва.

Любезный другъ Иванъ Сергѣевичь, я получилъ письмо твое черезъ Маслова въ Среду, 26 Февраля. Ты конечно повѣришь удовольствію, которое я испыталъ, получивши извѣстіе о тебѣ прямо отъ тебя и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность сдѣлать тебѣ что нибудь пріятное. Я распорядился немедленно слѣдующимъ образомъ:

1. Написалъ и отвезъ въ тотъ же день въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» прилагаемую статейку, которая на другой день и была напечатана [1]).

---

[1]) Статья Лонгинова появилась въ печати (въ № 47 «Московскихъ Вѣдомостей», отъ 27-го февраля 1864 г.) подъ заглавіемъ: «Музыкальная новость». Приводимъ ее полностью:—«Москвѣ памятно имя г-жи Віардо, пѣніе которой такъ очаровало ее въ концертахъ, данныхъ здѣсь этою знаменитою пѣвицей. Публикѣ конечно, извѣстно, что г-жа Віардо надѣлена отъ природы многими разнообразными талантами и въ томъ числѣ замѣчательнымъ даромъ музыкальной композиціи, который соединяется въ ней съ глубокими познаніями въ музыкальномъ искусствѣ, признанными единогласно со стороны ученѣйшихъ знатоковъ дѣла.—Артистамъ и любителямъ, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно узнать, что недавно издано нѣсколько прелестныхъ піесъ для пѣнія съ аккомпанементомъ фортопіано, сочиненныхъ г-жою Віардо и особенно близкихъ намъ, Русскимъ. Это—«Двѣнадцать стихотвореній Пушкина, Фета и Тургенева, положенныя на музыку Полиною Віардо-Гарсіа».—Піесы эти суть слѣдующія: а) Пушкина—«Цвѣтокъ»,—«На холмахъ Грузіи»,—«Заклинанія»,—«Ночью»,—«Узникъ»,—«Птичка Божія»; б) Фета—«Тихая звѣздная ночь»,—«Полуночные образы»,—«Шепотъ, робкое дыханье»,—«Двѣ розы»,—«Звѣзды»; в) Тургенева—«Синица». Къ русскому тексту приложенъ и нѣмецкій переводъ его, исполненный извѣстнымъ Боденштедтомъ. Піесы эти продаются здѣсь въ музыкальномъ магазинѣ А. Гутхейля. Изданіе романсовъ г-жи Віардо, въ которыхъ любимые ею звучные русскіе стихи получили новую прелесть, будучи облечены въ вдохновенные, мелодическіе звуки, составляетъ явленіе, ярко выступающее изъ ряда обыкновенныхъ, хотя бы и пріятныхъ музыкальныхъ новостей, и достойно того, чтобы на него обращено было особенное вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что во время наступающаго концертнаго сезона публика услышитъ исполненіе хотя бы нѣкото-

2. Другое краткое извѣстіе послалъ въ редакцію газеты «Антрактъ». Оказалось, что тамъ было уже сказано, что Г-жа Віардо написала музыку на Русскіе романсы. Поэтому извѣстіе мое было приспособлено къ этому обстоятельству и было напечатано 28 Февраля. Препровождаю тебѣ и его для свѣдѣнія [1]). «Антрактъ»—газета замѣняющая здѣсь съ новаго года театральныя афиши, къ которымъ прибавляются статейки о театрѣ, музыкѣ и пр. Ее носятъ по домамъ, продаютъ въ театрѣ и пр., а потому она имѣетъ большой расходъ въ той публикѣ, которая интересуется новостями въ искусствахъ.

3. Доставленные тобою экземпляры романсовъ я полагаю, при случаѣ, во время наступающаго сезона концертовъ, раздавать любителямъ и артистамъ, по одному или по два, для исполненія ихъ въ концертахъ. Изъ сказаннаго ты увидишь, что я сдѣлалъ всѣ завися-

---

рыхъ изъ этихъ превосходныхъ романсовъ и будетъ признательна г-жѣ Віардо за доставленное ею наслажденіе, которое можно предсказать, не боясь на этотъ разъ быть лже-пророкомъ.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва
26-го февраля.

[1]) Въ газетѣ «Антрактъ», отъ 27-го февраля 1864 г., появилось объявленіе слѣдующаго содержанія: «Знаменитая г-жа Віардо написала музыку на двѣнадцать русскихъ стихотвореній, принадлежащихъ нашимъ поэтамъ: Пушкину, Фету, Тургеневу. Стихотворенія эти переведены на нѣмецкій языкъ извѣстнымъ современнымъ поэтомъ Ф. Боденштетомъ и переводъ вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ приложенъ къ нотамъ. Говорятъ, что талантъ пѣвицы, нѣкогда восхищавшей весь образованный міръ, блистательно проявился въ композиціи. Романсы эти, недавно отпечатанные, поступили въ продажу во всѣхъ Петербургскихъ музыкальныхъ магазинахъ».—Краткое извѣстіе Лонгинова было напечатано въ слѣдующемъ № отъ 28-го февраля. Оно гласило: «Во вчерашнемъ листкѣ «Антракта» было напечатано, что г-жа Віардо положила на музыку 12-ть русскихъ романсовъ и что они продаются въ Петербургскихъ музыкальныхъ магазинахъ. Теперь они поступили въ продажу и у насъ, въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Гутхейля, на Кузнецкомъ мосту по 40, 60, 75, 85 коп. и 1 руб. сер. Вотъ ихъ названія:—Пушкина—«Цвѣтокъ»,—«На холмахъ Грузіи»,—«Заклинанія».—«Ночью»,—«Узникъ»,—«Птичка Божія». Фета:—«Тихая, звѣздная ночь»,—«Полуночные образы»,—«Шепотъ, робкое дыханье»,—«Двѣ розы»,—«Звѣзды». Тургенева:—«Синица».—Любители пѣнія не могутъ не порадоваться такой пріятной музыкальной новостью».

щія распоряженія, которыя пришлись особенно кстати передъ постомъ. Какой ты чудакъ! Пишешь, что тутъ дѣло не о пѣвицѣ, а о музыкальной композиціи. Неужели же ты полагалъ, что если я когда то не раздѣлялъ безусловныхъ восторговъ публики всегда и во всемъ, то не признавалъ высокихъ достоинствъ пѣвицы и музыкантши и самъ ими не восхищался? Не говорю уже о томъ, что отрицать удивительную любовь къ ней публики и заслуженную громкую славу нѣтъ никакой возможности. Я очень радъ случаю засвидѣтельствовать все это печатно и въ прибавку къ тому сдѣлать еще этимъ что либо тебѣ пріятное.

У насъ въ Москвѣ чувствуется то, что по французски называется «malaise», о которомъ не имѣютъ понятія въ Петербургѣ, гдѣ люди живутъ службою. Здѣсь землевладѣльцы, винокуры, сахарные заводчики, фабриканты, торговцы, ремесленники,—все страдаетъ отъ застоя дѣлъ, недостатка кредита, небывалаго безденежья, дешевизны производимаго и дороговизны потребляемаго. Картина самая печальная, омрачаемая еще недовѣріемъ къ настоящему и будущему. Никто не можетъ предвидѣть что съ нимъ будетъ, если еще будетъ нынѣшній годъ такой же какъ прошлый. Все изнемогаетъ подъ этимъ бременемъ.

До свиданія, любезный другъ. Жена благодаритъ тебя за память и поручаетъ мнѣ передать тебѣ ея дружескій поклонъ.

Желаю тебѣ здоровья и благополучія. Вѣрь моей искренней, старой дружбѣ.

Мих. Лонгиновъ.

Москва. 2 марта 1864 г.

18

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

С. Спасское.
(Орловской губ. Мценскаго уѣзда).
Пятница 26-о Іюня 1870 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Николаевичь, вотъ уже во второй разъ пріѣзжаю я къ себѣ въ деревню, съ тѣхъ поръ какъ ты сталъ нашимъ начальникомъ—и всё не удается мнѣ тебя увидѣть.—И на этотъ разъ я буду лишенъ этого удовольствія; ибо въ слѣдствіе по-

лученнаго письма, долженъ немедленно отправиться въ путь. Авось въ будущемъ году будетъ мнѣ удача.—Теперь же обращаюсь къ тебѣ како къ Е. П-ву Губернатору [1]).—Вотъ въ чёмъ дѣло: у меня здѣсь въ деревнѣ служитъ каммердинеромъ бывшій человѣкъ моего дѣда, Тургенева же Петръ Михайловъ (въ крещеніи Каллистратъ). [2]). Сей Каллистратъ или Петръ приписанъ къ «Муравельницкой волости, Карачевскаго уѣзда».—Въ прошломъ году въ Маѣ—получивъ отъ него 5 руб. на пачпортъ, Волостной староста написалъ ему отношеніе, въ которомъ требовалось еще 8 р. 30 к. на годовой пачпортъ и пополненіе недоимокъ; Петръ выслалъ 9 рублей—въ чемъ и имѣетъ росписку отъ Мценскаго почтамта, которая теперь лежитъ у меня передъ глазами.—(№ ея 35, число 8-е Августа).—Но вмѣсто годоваго пачпорта онъ получилъ только полугодовой отъ 24-о Мая нынѣшняго года—а о 9 рубляхъ ни слуха ни духа—и напротивъ снова требуютъ съ него 8 р. 30 к. Пачпортъ его выданъ ему уже изъ Вожинской волости, куда Муравельницкая переведена.—

Хотя дѣло неважное для другаго—(для Петра же и 9 р.—деньги)—но ведь и въ малѣ Богъ, какъ и въ мнозѣ;—то не можешь ли ты, съ высотъ своихъ оннёровъ, пугнуть слегка эту волость и ея старшину.—Но только слегка—ибо я, зная, вмѣстѣ со всей Россіей, твой зубъ противъ земства и т. д.—упрекалъ бы себя еслибъ былъ поводомъ къ слишкомъ сильному натиску.

Впрочемъ я полагаю, что и лёгкій громъ со стороны Губернатора достаточенъ, чтобы заставить перекреститься не только волость, но и цѣлый уѣздъ.

---

[1]) М. Н. Лонгиновъ былъ назначенъ въ 1867 году Орловскимъ губернаторомъ. Тургеневъ въ іюнѣ 1868 г. пріѣзжалъ въ Спасское, во время своего пребыванія на родинѣ отъ 7-го іюня ст. ст. до 9-го іюля. Въ 1870 г. онъ прожилъ въ Россіи отъ 21-го мая по 1-ое іюля, при чемъ пріѣзжалъ въ Спасское отъ 3-го по 26-ое іюня. Слѣдовательно, онъ писалъ письмо Лонгинову въ самый день отъѣзда изъ деревни. Впослѣдствіи, когда дружескія отношенія Тургенева съ Лонгиновымъ омрачились,—Тургеневъ въ письмѣ своемъ къ Полонскому отъ 18-го декабря 1871 г., изъ Парижа, назвалъ Лонгинова «сквернѣйшимъ по всей Руси губернаторомъ»....

[2]) Петръ Михайловъ Перегримовъ при крещеніи получилъ имя Каллистрата, а Петромъ названъ Варварой Петровной Тургеневой, матерью Ивана Сергѣевича (см. И. Ф. Рында. Черты изъ жизни И. С. Тургенева, С.-Пб. 1903, стр. 21).

Извиняюсь передъ тобою въ обезпокоеніи тебя такой маловажной прозьбой, и радуюсь случаю «задрать» тебя, какъ говаривали наши Допетровскіе дипломаты.—Радуюсь такъже тому, что ты, по слухамъ, остаешься вѣренъ твоей старой любви къ литературѣ, на которую теперь послѣдній «Θеофилъ» поднимаетъ ногу [1]).

Будь здоровъ; дружески жму тебѣ руку.

Преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Бумага попалась такая скверная, что поневолѣ пришлось писать на одной сторонѣ листа.

Адрессъ мой въ Нѣмечинѣ слѣдующій: Grossherzogthum Baden, Baden-Baden, Tiergartenstrasse, 3.

19

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ.

48, rue de Douai.

Понедѣльникъ $\frac{5\text{-го Фев.}}{24\text{-о Янв.}}$ 72.

Любезнѣйшій Михаилъ Николаевичь, обращаюсь къ тебѣ по прозьбѣ знакомаго тебѣ человѣка, К. К. Ахенбаха [2]), Кіевскаго цензора.—Онъ полагаетъ что ты примешь къ свѣдѣнію слово, которое я замолвлю тебѣ о немъ.—Сколько я знаю, онъ человѣкъ усердный, работящій и отличный исполнитель предписаній начальства.—Оно не можетъ не дорожить такими людьми.—И такъ позволяю себѣ рекомендовать тебѣ его.

---

[1]) Послѣдній «Θеофилъ» — Θеофилъ Матвѣевичъ Толстой (род. 1809, ум. 1881), извѣстный подъ псевдонимомъ «Ростиславъ», музыкальный критикъ, композиторъ и беллетристъ.

[2]) Карлъ (Христіанъ) Карловичъ Ахенбахъ, въ 1850-хъ годахъ былъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Орловскомъ-Бахтина Кадетскомъ Корпусѣ, позднѣе—учителемъ французского языка въ Тамбовскомъ Корпусѣ; въ 1870 г. уже былъ цензоромъ иностранной цензуры въ Кіевѣ, а въ 1878 г. состоялъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Херсонской губерніи; онъ познакомился съ Тургеневымъ, по всей вѣроятности, во время своей службы въ Орлѣ. См. въ слѣдующемъ письмѣ подробности объ Ахенбахѣ, сообщаемыя самимъ Тургеневымъ.

Въ концѣ Марта я прибуду въ Петербургъ—и конечно съ тобою увижусь [1]). Я не встрѣчался съ тобою во время твоего губернаторства [2])—авось встрѣчусь теперь, когда Петербургская пресса отдана въ твои руки [3]). Надѣюсь, что ты будешь обходиться съ нею бережно—и въ этой надеждѣ желаю тебѣ всего хорошаго и остаюсь

Преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ.

На оборотѣ: Его Превосходительству Михаилу Николаевичу Лонгинову отъ И. С. Тургенева.

---

[1]) Тургеневъ прибылъ въ Петербургъ 12-го мая ст. ст., а 23-го былъ уже въ Москвѣ.

[2]) Объ этомъ ср. въ письмѣ № 18.

[3]) Лонгиновъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати въ 1871 г. Во время своего секретарства въ Обществѣ любителей Россійской словесности (1859—1864) Лонгиновъ, по отзыву Н. П. Гилярова-Платонова, «выставлялъ себя самымъ ярымъ защитникомъ свободнаго слова и самымъ рѣзкимъ порицателемъ цензурнаго учрежденія». Но впослѣдствіи, по словамъ того же Гилярова, онъ «озлобленіемъ дышалъ противъ печати, видѣлъ въ ней какъ бы личнаго врага» и былъ создателемъ правилъ 21-го мая 1872 г., сильно ухудшившихъ положеніе печати. Изъ писемъ Тургенева къ М. М. Стасюлевичу видно, что онъ очень интересовался поведеніемъ Лонгинова на новомъ поприщѣ и часто освѣдомлялся, «какъ себя держитъ Лонгиновъ?....» (М. М. Стасюлевичъ и его современники, т. III). Тургеневъ былъ очень огорченъ, увидѣвъ такую рѣзкую перемѣну образа мыслей и дѣйствій Лонгинова и писалъ Полонскому изъ Парижа 18-го декабря 1871 г.:—«Публично лаявшій на царя за эманципацію—сдѣланъ начальникомъ нашей несчастной прессы!!—ничего хорошаго ожидать нельзя—и «Вѣстнику Европы» грозитъ карачунъ.—Онъ будетъ злобствовать—какъ Катковъ со всей ехидностью ренегата»... Въ 1873 г., 21 августа, Тургеневъ опять упомянулъ о Лонгиновѣ въ письмѣ своемъ къ Фету изъ Буживаля: «Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла, возымѣла свое дѣйствіе: «Вѣстникъ Европы» получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ. Извините эту немного желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ!» (А. Фетъ. Мои воспоминанія 1848—1889, ч. II, стр. 279).—А. Я. Головачева-Панаева въ своихъ «Воспоминаніяхъ», упоминая о Лонгиновѣ въ началѣ 1850-хъ годовъ, прибавляетъ: «Никто не могъ ожидать, что изъ тогдашняго добряка, лѣнтяя, вѣчно остряшаго надъ цензорами Лонгинова сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ самый ужасный преслѣдователь печати»... (Русскіе писатели и артисты 1824—1870. С.-Пб. 1890. Изд. В. Губинскаго, стр. 204).—По назначеніи Лонгинова Начальникомъ Управленія по дѣламъ печати, А. В. Никитенко желчно записалъ въ

20

ТУРГЕНЕВЪ — ЛОНГИНОВУ.

Парижъ
48, rue de Douai.
6-го окт. 1872 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Николаевичь, пишу тебѣ по слѣдующему поводу: я получилъ отъ Кіевскаго цензора К. Ахенбаха [1]) письмо—(собственно говоря отчаянный вопль), въ которомъ онъ, извѣщая меня что лишился мѣста, которое я ему во время оно доставилъ чечезъ Валуева [2]), умоляетъ меня помочь его горю и обратиться къ тебѣ, такъ какъ его участь отъ тебя зависитъ.—Отъ него же я и узналъ твой адрессъ.—Не знаю я, чѣмъ онъ могъ тебя прогнѣвить, но сколько я могу судить, болѣе благонадежнаго и вѣрно-преданнаго цензора и представить себѣ нельзя.—Это даетъ мнѣ тѣмъ болѣе увѣренности ходатайствовать за него—и если дѣло можетъ ещё поправиться, то я надѣюсь, что ты, по старой памяти и дружбѣ, не откажешь сдѣлать, что возможно—за что я тебѣ буду очень благодаренъ.

Я полагалъ послѣдней осенью пріѣхать на нѣсколько дней въ Баденъ, но проклятая подагра пригвоздила меня къ мѣсту.—Не знаю, когда я отсюда выѣду—но надѣюсь въ концѣ ноября быть въ Петербургѣ [3]).

За симъ дружески жму тебѣ руку и остаюсь

преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ.

своемъ дневникѣ 20 ноября 1871 г.: ...«Я давно знакомъ съ Лонгиновымъ. Мы были вмѣстѣ членами Комитета въ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ... Онъ никогда не пользовался ни малѣйшимъ уваженіемъ въ обществѣ. Репутація его была репутаціею непристойнаго весельчака, крикуна, человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному дѣлу. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ собиратель разныхъ историческихъ и литературныхъ мелочей. Особенно же онъ прославился стихотвореніями самаго скандальнаго содержанія». («Записки», т. II, стр. 438).

[1]) См. въ предыдущемъ письмѣ и въ примѣч. 2-мъ.

[2]) Петръ Александровичъ Валуевъ (род. 1814, ум. 1890), извѣстный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, впослѣдствіи графъ, писатель.

[3]) Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію лишь въ началѣ мая 1874 года (хотя и стремился въ Россію еще съ 1872 года), т. к. ему мѣшали припадки подагры, сильно отражавшіеся и на общемъ состояніи его здоровья.

ПИСЬМА И. И. ПАНАЕВА КЪ М. Н. ЛОНГИНОВУ.

Письма Ивана Ивановича Панаева, редактора-издателя «Современника», друга-пріятеля всѣхъ лучшихъ писателей того времени,— максимально историко-литературны, насыщены именами, названіями, прозвищами лицъ, произведеній, изданій, датами, цифрами, описаніями литературныхъ событій и происшествій. Съ ихъ страницъ не сходятъ имена Некрасова, Тургенева, Григоровича, Писемскаго, Островскаго, Толстого, Майкова, Фета, Щедрина, Сухово-Кобылина, Боткина, Дружинина, Анненкова, Ап. Григорьева, Соболевскаго, Полторацкаго и т. д. и т. д.

Помимо чисто фактическаго матеріала, содержащагося въ письмах Панаева, интересны также и литературныя его сужденія. Въ нихъ нельзя не видѣть отраженія мнѣній тѣхъ, весьма широкихъ круговъ, въ которыхъ онъ вращался, мнѣній значительной части тогдашняго образованнаго общества. Такова, напримѣръ, любопытная характеристика состоянія Русской литературы въ 1858 г. Что бы мы ни думали теперь о томъ, исключительно богатомъ талантами времени,—тогда, наоборотъ, многимъ казалось, что «у насъ писателей нѣтъ»: «Тургеневъ не пишетъ, потому что въ годъ произвести «Асю» не значитъ писать, заниматься дѣломъ, литературою серьезно; Толстой,—судя по его послѣднему творенію, пошелъ въ драконы, какъ говоритъ Гофманъ про какого-то штатсрата; Григоровичъ истощился, Островскій по крайней мѣрѣ ослабѣлъ; Щедринъ весь высказался, Писемскій вдался въ рутину и такъ далѣе». Въ этихъ приговорахъ, въ которыхъ краткость соперничаетъ съ рѣшительностью, трудно видѣть мнѣніе одного только Панаева, не грѣшившаго въ одиночку особой строгостью сужденій.

Цѣнны письма и какъ бытовой матеріалъ. Передъ нами Панаевъ — не только редакторъ и издатель, но просто милѣйшій человѣкъ, не только литературный, но всеобщій другъ и пріятель. Такъ вкусно цѣлуетъ онъ Костю Булгакова «въ его пурпурную щечку»; такъ искренно озабоченъ, что Миша (Лонгиновъ) не сумѣетъ быть на своей свадьбѣ столь же эффектенъ, какъ Захаръ (Мухортовъ), не произнесетъ ни одной рѣчи, и т. д. Словомъ, письма эти такъ и переносятъ насъ въ кругъ этихъ беззаботныхъ великосвѣтскихъ и просто свѣтскихъ «виверовъ и бонвивановъ», остряковъ, шутниковъ и меломановъ...

Письма воспроизводятся съ соблюденіемъ особенностей орѳографіи подлинника. Приписки къ письмамъ XI, XIV и XIX Н. А. Некрасова напечатаны нами въ сборникѣ «Некрасов по не изданным матеріалам Пушкинского дома», (Петроград, 1922 г.), в статье «Некрасов, Панаев и Лонгинов».

Н. Яковлевъ.

I

10 Іюль [1854 г. Петергофъ], дача Бека.

Неоцѣненный другъ мой Мишинька, я былъ ужасно обрадованъ твоему письму ко мнѣ отъ 24 Іюня. Спасибо тебѣ за него, — пиши ко мнѣ хоть въ мѣсяцъ разъ, всетаки будетъ веселѣе, потому что, не шутя, отсутствіе твое изъ Пбурга наводитъ на всѣхъ на насъ унынiе. На другой день твоего отъѣзда я уѣхалъ на дачу и съ тѣхъ поръ носу непоказывалъ въ Пбургъ. — Пишу, занимаюсь разведеніемъ цвѣтовъ etc. и даже въ Петергофъ не ѣзжу. Вѣкъ бы такъ прожилъ. Мысль о Пбургѣ уже для меня наказаніе. Возлѣ живетъ И. С. Тургеневъ и мы часто съ нимъ видимся. Третьяго дня онъ прочелъ свою новую повесть Затишье, которая очень хороша; Некрасовъ разскажетъ тебѣ о нашей поѣздкѣ на Красную горку. Мы видѣли передъ носомъ Велингтона, Аустерлицъ и проч. кораблищи, видѣли какъ посылали шесть пароходовъ къ косѣ Крон-

штадтской и проч. [1]). Во время пребыванія флотовъ у Красной горки у насъ по дорогѣ было рѣшительно катанье. Мы ѣздили — я, Тургеневъ, Некрасовъ, моя жена и Васильчиковъ [2]). — Поклоны твои еще не всѣ передалъ, ибо здѣсь никого не вижу. У меня бываютъ впрочемъ довольно часто Краснокутскій [3]), Строгановъ, Денъ, [4]) былъ даже Павелъ Павловичъ Голицынъ [5]) — милъ необыкновенно. Неваховичъ [6]) объ тебѣ отзывается не благосклонно и говоритъ что рано или поздно, но разочаруюсь въ тебѣ. — Г-жа Цимсенъ (родств. Вильде, живущаго на дачѣ Бека) называетъ тебя Мишей: это я слышалъ собственными ушами въ большой аллеѣ—она шла съ Вильде и рѣчь была о тебѣ. — Арапетовъ [7]) былъ также у меня и Языковъ [8]) ночевалъ — пріѣхалъ, каналья, ночью въ бурю и пилъ на ночь мяту, потому что его тошнило. Еще былъ у меня Хрущовъ [9]) съ которымъ мы ѣздили къ Оде Сіону [10]). Всѣ наши тебя цалуютъ.

Поклонись брату и всѣмъ кто меня въ Москвѣ знаетъ изъ твоихъ знакомыхъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о попыткѣ англійскаго флота подойти къ Петрограду лѣтомъ 1854 года.

[2]) Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ (род. 1818, ум. 1881)— извѣстный публицистъ.

[3]) Николай Александровичъ Краснокутскій, полковникъ Гродненскаго гусарскаго полка.

[4]) Повидимому то же изъ военныхъ или другихъ свѣтскихъ знакомыхъ Панаева.

[5]) Князь Павелъ Павловичъ Голицынъ (род. 1828, ум. 1882), отставной штабсъ-ротмистръ.

[6]) Братья Неваховичи, старшій—театральный чиновникъ, младшій—карикатуристъ, издатель «Ералаша».

[7]) Иванъ Павловичъ Арапетовъ, (род. 1811, ум. 1887), дѣятель редакціонныхъ коммиссій по освобожденію крестьянъ, племянникъ И. Д. Делянова.

[8]) Михаилъ Александровичъ Языковъ, смотритель мозаичнаго отдѣленія Стекляннаго завода; о немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго во «ВременникѢ Пушкинскаго Дома 1914 г.»

[9]) Д. П. Хрущовъ, членъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, Управляющій С.-Петербургскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, а по образованіи Министерства Государственныхъ Имуществъ — товарищъ министра.

[10]) Александръ Карловичъ Оде-де-Сіонъ, управляющій Ораніенбаумскимъ Дворцовымъ Правленіемъ.

Костю Булгакова [1]) поцалуй въ его пурпурную щечку. Сертукъ тебѣ заказанъ.

Обнимаю тебя крѣпко.

Твой *П.*

Н[екрасо]въ сообщитъ тебѣ что забылъ.

12 ч. ночи.

На оборотѣ: Михаилу Николаевичу Лонгинову отъ Панаева, въ Москвѣ. Близъ Поварской, въ Трубниковскомъ переулкѣ, во приходѣ Рождества что въ Кудринѣ, въ домѣ Евреинова [2]).

II

Спб. 29 сент[ября 1854 г.].

Милѣйшій мой другъ,—ужасно виноватъ передъ тобой, что не писалъ—все возился съ переѣздомъ съ дачи и съ переѣздомъ на новую квартиру. Квартира моя теперь—на углу Ивановской и Загороднаго проспекта въ домѣ Погребова (гдѣ жилъ твой другъ М. А. Корфъ). Мухортовъ [3]) сіяетъ и невольно про себя улыбается, — онъ счастливъ, до нельзя и занимается устройствомъ своей квартиры. Онъ сидѣлъ у меня вчера утромъ. Генераловъ нашихъ еще не видалъ, потому что никуда не ѣздилъ еще. — Въ Окт. книж. Совр. помѣщено Отрочество гр. Толстова—великолѣпная вещь, но сильно тронутая цензурою — въ Ноябрѣ будутъ мои Хлыщи. Мнѣ очень хочется узнать мнѣніе объ нихъ твое и вообще тѣхъ которые въ Москвѣ читаютъ. — Некрас[овъ] съ Тург[еневымъ] въ деревнѣ. Они написали тебѣ посланіе — стихи удивительные. Если ихъ еще нѣтъ у тебя, то по возвращеніи Н-ва я тебѣ ихъ

---

[1]) Константинъ Александровичъ Булгаковъ, извѣстный острякъ и меломанъ, сынъ Московскаго почтъ-директора.

[2]) Дата письма (годъ) устанавливается упоминаніями объ англійской эскадрѣ и «Затишьѣ» Тургенева.

[3]) Захаръ Николаевичъ Мухортовъ (род. 1820, ум. 1876), младшій чиновникъ особыхъ порученій при Начальникѣ Главнаго Морского Штаба, позднѣе гофмейстеръ и вице-президентъ Вольнаго Экономическаго Общества.

пришлю. Тург[еневъ] съ Ник. Ал. М. [1]) имѣли крупную сцену въ клубѣ—и послѣ того не видались. — Военныя событія разрѣш[енныя] для Совр[еменника] Главн[ымъ] Пр[авленіемъ] Ц[ензуры]—запрещены Военнымъ Министр[омъ], т. е. Лебед[евымъ] 3 [2]) и Голицыным 6 [3]) на томъ основаніи, что это повредитъ—Инвалиду! Недурно??!— Помолись за насъ Московскимъ Угодникамъ, чтобы мы не погибли по случаю событій, въ слѣдующемъ году—и вѣрь, что хоть я пишу рѣдко, но крѣпко люблю тебя и безъ тебя скучаю сильно.

Твой *Панаевъ*.

Кланяйся Соболевскому [4]), поцалуй Ипата и поклонись отъ меня твоему брату [5]).

III

[13-го января 1855 г. Петербургъ].

Милый мой Миша, сію секунду узналъ новость о томъ, что ты женишься, и это несказанно обрадовало меня. Оставляя всякую политику и этикеты, не дождавшись отъ тебя увѣдомленія, я спѣшу отъ всего сердца, отъ всей души поздравить тебя. Обнимаю тебя тысячу разъ и запечатлѣваю двадцать поцалуевъ на твоей пухлой щекѣ. Никто болѣе меня не желаетъ тебѣ счастія—и я убѣжденъ, что счастіе семейное ожидаетъ тебя... Пора, братъ, тебѣ эту цыганскую жизнь промѣнять на настоящую болѣе спокойную и нормальную жизнь... Ахъ, какъ бы хотѣлось тебя видѣть въ сію минуту. Я люблю тебя очень,—ты это знаешь, и въ эти минуты убѣждаюсь, что люблю дѣйствительно очень... Ужъ хочешь или нехочешь, а я пріѣду въ

---

[1]) Николай Александровичъ Милютинъ, впослѣдствіи извѣстный дѣятель освобожденія крестьянъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) и [3]) Лебедевъ 3-й, полковникъ, и князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ—редакторы «Русскаго Инвалида».

[4]) Сергѣй Александровичъ Соболевскій, извѣстный острякъ и библіографъ, другъ Пушкина.

[5]) Дата письма (годъ) устанавливается упоминаніемъ объ «Отрочествѣ» Толстого и «Хлыщахъ» Панаева.

Москву на твою свадьбу. Я было хотѣлъ поѣхать на юбилей [1]), да стало лѣнь и притомъ холодно. Вася уже приготовилъ для меня апартаменты, онъ въ моментѣ нѣжности ко мнѣ. Но узнавъ о тебѣ,— я рѣшительно помолодѣлъ, повеселѣлъ за тебя и полетѣлъ бы въ Москву на крыльяхъ.

Мухортова повѣнчали.—Съ его стороны гостей не было никого,— а Юхна [2]) не утерпѣлъ и, говорятъ, назвалъ милліоны въ лентахъ. Захаръ былъ смѣшонъ, потому что неслыханно рисовался и говорилъ все рѣчи, какъ въ О[бществѣ] п[осѣщенія] б[ѣдныхъ]. Даже самъ посаж[еный] отецъ А. А. Г-въ замѣтилъ, что Захаръ помѣшанъ на эффектахъ и что простота лучше всего. Г-въ ораторствуетъ за простоту! Это мило. —

Вотъ, Мишенька, что меня безпокоитъ... Ты не сумѣешь себя такъ эффектно вести на своей свадьбѣ, какъ Захаръ — и вѣрно ни одной рѣчи не скажешь!

Мил[ютинъ], Ар[апетовъ] и Некрасовъ тебѣ кланяются и поздравляютъ—Языковъ плачетъ отъ радости.

Всѣ кто тебя истинно любятъ — всѣ приняли это извѣстіе съ восторгомъ. Это, братъ, добрый знакъ!.. Еще разъ обнимаю тебя и цалую. Напиши мнѣ хоть строчку. Я теперь ни о чемъ не думаю, какъ о тебѣ.

Твой *И. Панаевъ.*

Спб.
13 Янв. 1855.

Ты вѣдь вѣрно забылъ мой адресъ. — Вотъ на всякій случай: На углу Загороднаго проспекта и Ивановской улицы, — домъ Погребова.

Жена моя тоже очень тебя поздравляетъ.

---

[1]) 100-лѣтній юбилей основанія Московскаго Университета (Панаевъ былъ воспитанникомъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона) праздновался 12-го января 1855 г.

[2]) Николай Ивановичъ Юхандевъ, правитель дѣлъ Мануфактуръ Совѣта; дочь его, Александра Николаевна, жена З. Н. Мухортова; свадьба была 6-го ноября 1854 г.

IV

[Январь—апрѣль 1856 г. Петербургъ]

Милый Лонгиновъ, твои Библіогр[афическія] статейки[1]) очень милы и будутъ напечатаны въ майской книжкѣ.—Что ты, уродъ,—волнуешься и безпокоишься? Чудакъ ты! и какъ ты могъ вообразить, что статья у меня пропала? Цалую тебя. Не писалъ — потому, что нѣкогда. Виноватъ.

Твой *Панаевъ*.

Сергѣй Дмитріевичъ [2]) самымъ аккуратнымъ образомъ исполнилъ (свою) т. е. твою просьбу, что и свидѣтельствую.

V

[Августъ 1856 г. Москва].

Жалѣю, что не засталъ тебя, мой яхонтовой! Сегодня я пріѣхалъ на самое короткое время, т. е. завтра уѣду, а пріѣхалъ я сюда повидаться съ одной родственницей, да разсѣять хандру, которая послѣдніе дни сіи меня обуревала. Между 9 и 11 часовъ вечера забѣгу въ клубъ на $^1/_2$ часа и сильно желалъ бы тебя тамъ обнять. Какимъ образомъ Инсарскій попалъ въ Москву? Твой подъѣздъ, украшенный красными полосками, напомнилъ мнѣ подъѣздъ Пахитонова, Водова, Струговщикова и К-о, и о печальномъ похищеніи моего патека (пакета?) [3]).

---

[1]) Съ майской книжки «Современника» въ 1856 г. началось печатаніе «Библіографическихъ Записокъ» М. Н. Лонгинова, о которыхъ повидимому здѣсь идетъ рѣчь; отсюда приблизительная дата письма. См. также слѣдующія письма.

[2]) Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, извѣстный библіографъ.

[3]) Извѣстіе объ Инсарскомъ и упоминаніе объ украшеніяхъ подъѣздовъ позволяетъ предположить, что письмо относится къ августу 1856 года, когда Инсарскій былъ начальникомъ Временной Почтовой Канцеляріи, образованной въ Москвѣ по случаю коронаціи.—См. Записки В. А. Инсарскаго, С.-Пб. 1898 г., стр. 284.

VI

30 авг. 1856. Спб.

Любезный другъ Михаилъ Николаевичъ—во 1) немедленно увидься съ кн. Щербатовымъ [1]) и переговори съ нимъ о Домѣ Сумасшедшихъ. Его ни цензоръ мой, ни Ленцъ*) [2])—исправляющій должность Щербатова, не рѣшились пропустить, а пропустить его можно и должно, вычеркнувъ дурака въ куплетахъ о Хвостовѣ.—Поэтому я отложилъ до 1 окт. твои замѣтки. 2) Похлопочи о себѣ и о Совр[еменникѣ], рекомендуй меня Щербатову. Я съ нимъ не знакомъ, но по пріѣздѣ его въ Петерб[ургъ] хочу явиться къ нему.—Замѣтки твои здѣшніе библіографы сильно хвалятъ.—3) Спасибо тебѣ за Щебальскаго [3]). Онъ обѣщалъ прислать, когда что будетъ. Напоминай ему отъ времени до времени его обѣщаніе. 4)—Что же объ иллюминаціи и о въѣздѣ [4])... неужели ты не набросалъ ничего. Я все еще жду. Если завтра или послѣ завтра утромъ не будетъ—плохо.—Приготовь обо всемъ этомъ статейку для 1 окт.—да напиши, когда ее вышлешь.—Будь аккуратенъ и не лѣнись писать.—

Кланяйся Александрѣ Дмитріевнѣ,—Арапетову, Соболевскому и Полторацкому.

Не забывай Современникъ и любящаго тебя И. Панаева.

Будь пожалуйста прилежнымъ и аккуратнымъ сотрудникомъ и корресп[ондентомъ] Совр[еменника]—и хлопочи объ этомъ общемъ всѣмъ намъ дѣлѣ.

P. S. Сей часъ получилъ твою статейку. Цалую за нее.—Приготовь къ Октябрю картину празднествъ. — Сдѣлай милость. Оттиски статьи твоей давно у Давыдова,—и виноватъ твой клеветъ, а не мы.

---

[1]) Кн. Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, исп. должность Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа.

*) твой другъ, отецъ Милютиной Эммочки. (Примѣчаніе И. Панаева).

[2]) Эмилій Христіановичъ Ленцъ, академикъ, деканъ Физико-Математическаго Факультета Петербургскаго Университета.

[3]) Петръ Карловичъ Щебальскій, историкъ.—Срв. Письмо его Панаеву отъ 19-го августа [1856 г.] въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» И. И. Панаева.

[4]) Коронація Александра II 26-го августа 1856 года.

VII

20 д[екабря 1856 г. Петербургъ].

Любезный другъ,—напрасно ты не выслалъ мнѣ Тургеневскаго отвѣта. Когда его дождешься въ М[осковскихъ] В[ѣдомостяхъ]? а надобно непремѣнно его помѣстить въ 1 № Совр[еменника].—Пришли поскорѣй, Бога ради, если еще онъ не напечатанъ въ М[осковскихъ] В[ѣдомостяхъ] [1]) — Библ[іографическія] замѣтки твои будутъ во 2 №,—но несмотря на это присылай продолженіе,—особенно о Пушкинѣ. За это тебя надо расцаловать.—Базунову дано знать о томъ, что ты будешь получать даровой экземпляръ. Впрочемъ, на оборотѣ этого листа даю на всякій случай записку. Кланяйся всѣмъ, кто меня помнитъ.

П.

Не увидишь ли Щебальскаго?—Надо бы напомнить ему о томъ, что онъ обѣщалъ.

Прошу выдавать даровой экземпляръ «Современника» на 1857 годъ—Михаилу Николаевичу Лонгинову.

П-бургъ 20 Дек. 1856 г.

Редакторъ и издатель

Ив. Панаевъ.

---

[1]) Срв. письмо Тургенева Панаеву отъ 16/18 декабря 1856 г. Парижъ: «Я послалъ черезъ Лонгинова редактору Моск-ъ Вѣдомостей письмо въ отвѣтъ на выходку Каткова. Оно написано въ совершенно умѣренномъ тонѣ. Я ограничиваюсь только тѣмъ, что объявляю себя свободнымъ отъ обязанности дать имъ повѣсть.—Теперь я эти «Призраки» непремѣнно окончу и помѣщу ихъ въ Совр-Ѣ хотя бы для того, чтобы доказать г-ну Каткову что «Призраки» не «Фаустъ».—Прошу тебя, когда появится это письмо въ Моск. Вѣд.—перепечатать его въ Современникѣ (въ журнальныхъ замѣткахъ) безъ особенныхъ комментаріевъ». И. И. Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», С.-Пб. 1888 г. стр. 405; см. еще выше, стр. 171—172, въ перепискѣ Тургенева съ Лонгиновымъ.

VIII

6 февраля [1857 г. Петербургъ].

Милый другъ Лонгиновъ,—статья твоя будетъ непремѣнно въ 3 №—и потому высылай послѣдующія о Пушкинѣ и проч. Анненковъ поручилъ мнѣ просить тебя, чтобы ты все что касается до Пушкина присылалъ и ему,—ибо онъ все это вмѣститъ въ дополнительный томъ, который будетъ издавать [1]).—Не забудь удовлетворить и Анненкова. Прежде о Пушкинѣ разумѣется будетъ въ С[овременни]кѣ· Охота вамъ съ Тургеневымъ была поднимать исторію съ Катковымъ. Это скучно и гадко.

Григоровичъ очень кланяется тебѣ и проситъ меня написать къ тебѣ, чтобы ты переговорилъ съ Базуновымъ—не купитъ ли онъ его сочиненій (полное собраніе)—онъ готовъ ихъ отдать за 1600 р.—съ тѣмъ, чтобы 600 р. было отдано долгу Погодину, а 1000 р. ему.—Всѣ его сочиненія составятъ 8 компактныхъ томовъ—Трудно я думаю уговорить Баз[унова], ибо едва ли онъ возьмется печатать самъ—онъ этого не любитъ.—

Я съ Декабря боленъ и сижу все дома. Раз простудился страшно—нарывъ на губѣ, сыпь—ломъ въ головѣ и пр. Теперь все проходитъ и мнѣ лучше гораздо.—Совр[еменникъ] 2 №—вышелъ сегодня (6 февраля)—Арапетовъ и всѣ наши тебѣ кланяются. Языковъ управляетъ Стекляннымъ заводомъ за отсутствіемъ Деревицкаго [2])—и счастливъ до нельзя, сіяетъ и слезы радости проливаетъ, какъ Маниловъ.—Боткинъ возвратится въ Москву на первой недѣлѣ поста.—Онъ, Григоровичъ и Дружининъ собираются въ Апрѣлѣ за границу [3]).—

Прощай и не забывай меня

И. Панаевъ.

Поклонись отъ меня низко Александрѣ Дмитріевнѣ. Мухортовъ растолстѣлъ и сдѣлался еще красивѣе—такъ что это напрасно.

---

[1]) А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Изданіе П. В. Анненкова. 1855—56 г.г. (дополнительный томъ).

[2]) Николай Андреевичъ Деревицкій, Директоръ Стекляннаго завода.

[3]) Боткинъ и Дружининъ дѣйствительно выѣхали въ 1857 г. заграницу; отсюда и дата (годъ) письма.

IX

Петерб. 24 февр. 1857 г.

Спасибо за присылку, но Анненковъ не согласился, чтобы я печаталъ Кладбище, а далъ мнѣ другое стихотв[ореніе]. Ссориться же съ нимъ я не хотѣлъ. Анненкову твою комиссію передамъ. Присылай на майскую книжку. Мартинисты [1]) цензоромъ были остановлены, но Щербатовъ съ двумя пропусками дозволилъ. Статью твою отъ него привезъ мнѣ Уваровъ [2]), который тебѣ кланяется.— О Тург[еневѣ] и Некрасовѣ [3]) просто думать грустно. Я получилъ отъ нихъ письма адской мрачности.—

Кланяйся отъ меня пожалуйста очень низко Александрѣ Дмитріевнѣ.

Твой

Панаевъ

Милѣйшему Сергѣю Дмитріевичу [4]) поклонъ. Соболевскому также и благодари за стихи.

Анненковъ сей часъ былъ и у меня, и я ему передалъ.

Сегодня я первый разъ выходилъ на воздухъ. Краснокутскій также сей часъ былъ и тебѣ кланяется.

X

Спб. 29 мая 1857 г.

Милый другъ Лонгиновъ, я давно собирался писать къ тебѣ да было все некогда. Объявленіе о Молвѣ [5])—сколько прислано, столько и разослано при Современникѣ. Кстати о Молвѣ... Что это такое?

---

[1]) Глава изъ «Библіографическихъ Записокъ», посвященная мартинистамъ напечатана въ № 4 «Современника» за 1857 г.

[2]) Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, археологъ.

[3]) Срв. письма Тургенева Панаеву за 1857 г.

[4]) Полторацкому.

[5]) «Молва», еженедѣльная литературная газета: редакторомъ ея былъ Сергѣй Шпилевскій.

О томъ, кто ея Redacteur en chef и мы знаемъ, да еслибъ не знали не трудно было бы догадаться по его аляповатости, грубости и безтактности. Но это еще ничего, а зачѣмъ же онъ, который всѣхъ Пбургскихъ литераторовъ, которые въ простотѣ души своей считали его до сихъ поръ честнымъ, благороднымъ, хоть узколобымъ и тупоумнымъ, называетъ чуть не явно подлецами?—зачѣмъ онъ дѣлаетъ шутки, которыя могутъ дѣлать Кони, Старчевскіе и имъ п..? Что это за нечестная выходка противъ Совр[еменника] и желаніе заподозрить, что онъ сдѣлался хуже, потому что нѣтъ Н[екрасова]?—Я [ужъ не говорю о любезности относительно меня, что уже выходитъ изъ всякихъ границъ приличія, но что это за выходка противъ уѣхавшихъ за границу литераторовъ? Честно это?

Дебютъ Молвы очень, братъ, плохъ. Объ этомъ такъ и Ив. Павлычъ [1]) просилъ написать.

Выходки грубы и голословны противъ людей талантливыхъ и несомнѣнно ученыхъ и почтенныхъ, каковы Павловъ, Соловьевъ, Забѣлинъ, Леонтьевъ и проч... Защита гадинъ—такихъ, какъ Григорьевъ... Недобросовѣстность въ спорѣ. Крыловъ жалокъ съ своимъ Equestris и объясненіемъ цифры два (въ цензорахъ) [2]) и Молва дѣлается адвокатомъ потерянныхъ процессовъ,—остроумная роль для журнальца, который выступаетъ!.. И что за тонъ! Точно собаки бросаются на всѣхъ съ пѣной у рта и кусаются!.. Борьба—прекрасна, но это не борьба, а лаянье бѣшеной собаки...

Но довольно объ этомъ. Я тебѣ написалъ все это, потому что ты повидимому принимаешь участіе въ этомъ изданіи [3]) и интересуешься имъ. Хоть бы ты имъ замѣтилъ, что такъ вести себя дурно и неприлично. Молва получила впрочемъ за это очень большой щелчокъ отъ Р[усскаго] В[ѣстника] (Физіологія кружка) [4]).

---

[1]) Арапетовъ.

[2]) Никита Ивановичъ Крыловъ, профессоръ римскаго права Московскаго Университета. Имѣется въ виду его статья въ «Молвѣ», 27 апрѣля 1857 г., № 3: «Юридическія замѣтки». № 2. IV. «Ordo Equestris».

[3]) Въ «Молвѣ», 27 апрѣля 1857 г., № 3, статья М. Лонгинова: «Драматическія сочиненія Екатерины II».

[4]) «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., апрѣль, кн. I: Письмо къ редактору П. М. Леонтьева; Объясненія редактора М. Н. Каткова; Изобличительное письмо Байбороды.

Напиши, милый другъ, что ты дѣлаешь лѣтомъ и гдѣ ты будешь? До насъ дошли слухи, что ѣдешь въ деревню... когда и на сколько именно? Это насъ съ И. П. интересуетъ, ибо мы въ Іюлѣ хотимъ заглянуть въ Москву.—

Да что ты замолкъ литературно? Что твои записки[1])?—Тебѣ грѣхъ оставлять старыхъ друзей для новыхъ и смѣнить Совр[еменникъ] на бѣснующуюся и кричащую газетку.

Жду отъ тебя посланія[2]).—Я получилъ письмо изъ Лондона отъ Тургенева (27 Мая н. с.)—онъ пишетъ, что въ Сентябрѣ пріѣдетъ въ Россію. Отъ Толстова получилъ изъ Швейцаріи. Онъ счастливъ и сильно работаетъ. Къ осени привезетъ много—и высылаетъ повѣсть.

Прощай другъ сердечный, кланяйся Александрѣ Дмитріевнѣ и не забывай.

твоего *И. Панаева.*

Мухортовы живутъ на дачѣ въ Павловскѣ.—Мы съ Ив. Павл.[3]) ѣдемъ къ нимъ на дняхъ.

Сей часъ получилъ твои записки. Онѣ очень интересны. Спасибо за нихъ. Онѣ будутъ напечатаны въ 7 № непремѣнно. Будь покоенъ и оттиски получишь по обыкновенію.

Арапетовъ тебѣ кланяется. Онъ у меня вчера провелъ весь вечеръ.

XI

Петербургъ, 28 Іюня 1857.

Другъ милый Лонгиновъ,

Спасибо тебѣ за память и за твое приглашеніе. Я имъ постараюсь воспользоваться, но еще не знаю когда.—Теперь не могу.—Поблагодари отъ меня Александру Дмитріевну за ея вниманіе ко мнѣ. Статья твоя напечатана въ № 7.—У Языкова родился еще сынъ!!! Тургеневъ прислалъ мнѣ... не повѣсть, а картину Греза, настоящаго

[1]) Срв. письмо Лонгинова Панаеву отъ 2 іюня 1857 г. въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» Панаева, стр. 415: подробное изложеніе исторіи съ «Молвой», и съ отказомъ Лонгинова отъ сотрудничества въ ней.

[2]) «Библіографическія Записки» Лонгинова въ «Современникѣ»: см. ниже.

[3]) Арапетовымъ.

Греза... Что это,—я не понимаю[1]).—Некрасовъ будетъ на дняхъ въ Петербургѣ.—Здѣсь три дня—страшныя жары и Петербургъ сдѣлался невыносимъ и противенъ.

Можетъ быть—до свиданія—

тебѣ всей душой преданный

Ив. Панаевъ.

XII

1 іюля [1857 г.]. [2]) Петергофъ.

Ну, милый мой другъ Лонгиновъ, къ сожалѣнію, я тебя не увижу лѣтомъ, потому что остаюсь въ Петербургѣ—и нанялъ съ Некрасовымъ (который только что воротился) дачу въ Петергофѣ. Обнимаю тебя и благодарю тебя за твою заботливость обо мнѣ, которой, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться.

Твой *Панаевъ.*

Слѣдуетъ приписка Н. А. Некрасова.

XIII

5 сент[ября 1857 г.]. Пб.

Любезнѣйшій другъ Лонгиновъ, я получилъ письмо твое сейчасъ, возвратившись съ дачи. Бумаги твои еще не разобраны и потому я не посылаю тебѣ твоей статьи; тотчасъ же послѣ разбора пришлю тебѣ ее.—Замѣни ее какой-нибудь поинтереснѣе.—Языковъ тебѣ очень кланяется и велѣлъ тебя увѣдомить, что онъ управляетъ Стеклянными заводами въ отсутствіе Деревицкаго[3])... Онъ этимъ очень

---

[1]) Срв. письма Тургенева Панаеву отъ 25-го мая и 4/16-го іюля 1857 г.: 1) «Нѣсколько дней тому назадъ я отправилъ на твое имя въ С.-Петербургъ изъ Парижа картину, писанную масляными красками (головку)...—Получивши ее, ты ее раскупорь и повѣсь ее у себя на стѣнѣ до моего прибытія». 2) «Увѣдомь меня также, получилъ ли ты высланную мною картину Греза?»

[2]) Дата (годъ) устанавливается упоминаніемъ о возвращеніи Н. А. Некрасова изъ-за границы.

[3]) Отсюда дата (годъ) письма. Срв. выше, письмо Панаева Лонгинову отъ 6-го февраля 1857 г.

гордъ. Жена моя благодаритъ тебя за память, а я обнимаю тебя ото всей души.

Твой *Панаевъ*.

Живу я: На углу Бассейной и Литейной № 38, домъ бывшій Норова — нынѣ Андрея Краевскаго — и редакція Совр[еменника] стѣна съ стѣной съ р[едакціей] О[течественныхъ] З[аписокъ]. — Не дурно??!

XIV

СПБ. 10 окт. 1857 г.

Милый Лонгиновъ, спасибо тебѣ за библіограф[ическія] извѣстія: они очень интересны. Жаль Новикова[1]), но твой резонъ достаточенъ. — Всѣ наши тебѣ кланяются. — Мой новый адресъ таковъ: На Литейной, въ домѣ дочери тайнаго совѣтника П. Д. Норова... на углу 9-ой роты. Я думаю домъ тебѣ знакомый коротко, ибо ты сто разъ въ день проѣзжалъ мимо его.—

У насъ затѣвается газета — подъ заглавіемъ Правда [2]) (еженедѣльный юмористическій листокъ). — Будутъ участвовать всѣ наши и Щедринъ (но это покуда секретъ). Надѣемся на твое участіе также — нельзя ли Соболевскаго [3])? Это было бы недурно, — а ты это можешь устроить.

Слѣдуетъ приписка Н. А. Некрасова.

XV

11 марта [1858 г. Петербургъ].

Милѣйшій мой другъ,

прежде всего я тебя крѣпко цалую и нѣжно обнимаю; по лѣни и по занятіямъ я давно не писалъ къ тебѣ и соскучился по тебѣ страшно. — Пишу къ тебѣ на квартирѣ у Сергія Дмитріевича [4]) — сейчасъ проводилъ Анненкова за границу (Вторн. 11 Марта) [5])...

---

[1]) Статья «Новиковъ и Шварцъ», появившаяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г., т. II, № 19, стр. 539 — 585.

[2]) Изданіе не состоялось.

[3]) См. выше.

[4]) Полторацкаго.

[5]) Анненковъ уѣхалъ за границу въ 1858 году; отсюда дата (годъ) письма. — Срв. П. В. Анненковъ, «Литературныя воспоминанія», С.-Пб. 1909, стр. 503.

Напиши хоть строчку:

1) Доволенъ ли Совр[еменникомъ]?

2) » мною?

3) » Историч[еской] Библіот[екой].

Мы съ 3 книжкой по разнымъ причинамъ а д с к и запоздали. Она выйдетъ 15, а 4 книжку будемъ печатать въ двухъ типографіяхъ, чтобы войти въ должную коллею.

Еще разъ цалую тебя.

Твой *Панаевъ*.

XVI

Петербургъ, 2 Мая 1858.

Милый другъ мой Лонгиновъ, я виноватъ передъ тобой безъ оправданія. На твое письмо отъ 9 апр. я до сихъ поръ не отвѣчалъ отчасти по различнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ и треволненіямъ, отчасти по дѣламъ и отчасти по лѣни (и въ этомъ надо признаться). — Спасибо тебѣ за твою подробную критику на Современникъ, мы дѣлали все, что можно для приданія журналу живости и современности. Теперь займемся ч и с т ы м ъ искусствомъ (l'art pour l'art), котораго впрочемъ не существуетъ, потому что писателей нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда русская литература не была еще въ такомъ плачевномъ состояніи, какъ теперь: Тургеневъ не пишетъ, потому что въ годъ произвести Асю не значитъ писать, заниматься дѣломъ, литературою серьезно, Толстой — судя по его послѣднему творенію, пошелъ в ъ д р а к о н ы, какъ говоритъ Гофманъ про какого-то штатсъ-рата. Григоровичъ истощился, Островскій по крайней мѣрѣ ослабѣлъ. Щедринъ весь высказался. Писемскій вдался въ рутину и такъ далѣе... Чтожъ тутъ дѣлать?.. А новыхъ талантовъ нѣтъ. Вотъ тутъ и занимайся искусствомъ для искусства! Библіотека показала, что такое чистое искусство, да, говорятъ, и вы въ Москвѣ хотите ратовать въ пользу этого ч и с т а г о искусства. Фетъ съ Толстымъ предпринимаютъ журналъ. Я увѣренъ, что это будетъ превосходный журналъ. — Я недавно видѣлся съ Афанасьевымъ [1]) у Кавелина, ко-

[1]) Александръ Николаевичъ Аѳанасьевъ, редакторъ-издатель «Библіографическихъ Записокъ».

торый мнѣ говорилъ о тебѣ и о томъ что ты много занимаешься. Дѣло это хорошее, но стыдно, что ты забылъ Совр[еменникъ] — очень стыдно... Пора бы для С[овременни]ка приготовить тебѣ что-нибудь хорошенькое. Я буду жить на дачѣ Бека, — тамъ, гдѣ ты тонулъ въ прудѣ. — Обнимаю тебя и цалую.

Твой *П.*

Кланяйся отъ меня низко АлександрѢ Дмитріевнѣ.

XVII.

1 Августа [1858 г. Петергофъ],
дача Бека, столь тебѣ знакомая.

Представляю тебѣ, милый Лонгиновъ, — нашего пріятеля Виктора Михайловича Аничкова, бывшаго р-а Военнаго Сборника, нынѣ Вице-Директора Коммисаріатскаго Д-та. Онъ человѣкъ отличный и я увѣренъ, что ты окажешь ему въ пріемѣ радушіе и посвятишь его въ тайны Московской жизни. — Въ разсказѣ моемъ (Іюль) я воспользовался нѣкоторыми данными изъ старой нашей жизни [1]). — Я убѣжденъ, что ты за это не разсердишься. Во всякомъ случаѣ для успокоенія моего напиши мнѣ два слова. Ты ужъ началъ измѣнять нашей столѣтней дружбѣ и печатаешь все интересное въ М-хъ журналахъ, а ко мнѣ прислалъ штучку, которую отдѣльно печатать въ журналѣ какъ-то неловко. Стыдно тебѣ, неоцѣненнѣйшій. Ты совсѣмъ омосковился. Не забывай же Петербургскихъ друзей и вѣрь, что они тебя горячо любятъ, въ особенности

Твой неизмѣнный *Ив. Панаевъ.*

Аничковъ тебѣ разскажетъ о моемъ житьѣ-бытьѣ. —

XVIII.

Спб. — 14 Янв. 1859.

Милѣйшій другъ Лонгиновъ, я такъ долго не отвѣчалъ на твое письмо и не благодарилъ тебя за твой подарокъ, потому что былъ

[1]) И. И. Панаевъ, «Внукъ русскаго милліонера. Листки изъ моихъ Петербургскихъ воспоминаній»—«Современникъ» 1858 г., № VIII, іюль.

очень занятъ. Письмо твое меня очень обрадовало. Я уже начиналъ думать, что ты или сердишься на меня за что-нибудь, или вовсе забылъ о моемъ существованіи. Впрочемъ, это глупость, — я полагаю, что мы сошлись другъ съ другомъ такъ, что между нами не можетъ быть никакихъ даже недоразумѣній. Съ Захаромъ Мух[ортовымъ] случилось великое несчастіе: у него умеръ сынъ — и его третьяго дня хоронилъ Мартыновъ, который мнѣ сказывалъ объ этомъ вчера въ театрѣ. Жена Мух[ортова] въ отчаяніи.

Современникъ 1 № еще не вышелъ и не выйдетъ раньше субботы. Въ царствѣ русскомъ началось такое печатаніе, что здѣсь въ Петербургѣ даже недостаетъ наборщиковъ... и Андрей Кр[аевскій] даже не является доселѣ съ О[течественными] З[аписками].. Это чудо!

Здѣсь очень сердятся на Вашихъ славянофиловъ. Нашъ бывшій другъ генералъ Пупковъ [1]) въ особенности свирѣпствуетъ. —

Твоя статейка мною отыскана. Возвращаю ее. Да въ память стараго, напиши что-нибудь поинтереснѣе и подѣльнѣе для Современника, а я посылаю тебѣ записку на полученіе онаго на оборотѣ для Базунова. Твой неизмѣнный

И. П.

Григоровичъ въ Палермо съ Вел. Княземъ, [2]) который отъ него въ восторгѣ. Онъ при его сынѣ. Майковъ читаетъ В. В. свои поэмы.

Кланяйся С. Д. Полторацкому и поблагодари его отъ меня за его присылку.

О Бѣшенцовѣ [3]) будетъ ст[атья] въ 1 №.

XIX.

12 Декабря [1859 г.] С.-Петербургъ.

Только сей часъ получилъ я Красова [4]) и твою записочку, любезный другъ,—но я и безъ этого давно собирался писать къ тебѣ, чтобы напомнить тебѣ о моемъ существованіи и увѣрить тебя въ

[1]) Очевидно, какое-нибудь прозвище.

[2]) Великій князь Константинъ Николаевичъ.

[3]) А. Бѣшенцовъ, поэтъ и беллетристъ (род. 1850, ум. 1870).

[4]) Стихотворенія В. И. Красова, изд. П. Шейна, М. 1859 г.

томъ, что я люблю тебя всей душой, люблю по прежнему, но писать письма крайне лѣнивъ: тебѣ это извѣстно. Желаніе твое о Красовѣ будетъ исполнено.

Статья твоя о Сперанскомъ [1]) чрезвычайно интересна, только касательно Жихарева [2]) я не согласенъ съ тобой: надо бы было показать подлую и ничтожную натуришку эту, которая такъ и выдаетъ себя на каждомъ словѣ своихъ мемуаровъ. Мемуары эти точно интересны, но ты не указалъ на главный интересъ ихъ.

Если бы ты по старой памяти далъ намъ какую-нибудь [интересную] [3]) пикантную, хоть небольшую вещь, ты крайне обязалъ бы меня и Некрасова. Цензуры Петербургской тебѣ бояться нечего. Развѣ съ новымъ начальствомъ она измѣнится. Впрочемъ я оптимистъ, поэтому не думаю, чтобы Корфъ [4]) захотѣлъ шагать назадъ. —

Пришли что-нибудь въ Совр[еменникъ], пожалуйста.

Зачѣмъ это Павловъ [5]) нахвасталъ здѣсь, что ему дозволена ежедневная пол[итическая] газета и просилъ меня извѣстить объ этомъ?... Для чего это? я не понимаю.

Въ Москву я можетъ быть поѣду весною, а тебѣ слѣдовало бы непремѣнно пріѣхать къ намъ зимой хоть на недѣлю: оперу послушать и старыхъ друзей обнять.... Неужели служба можетъ помѣшать тебѣ пріѣхать на недѣлю?

Посмѣйся надо мной, — я наконецъ рѣшился на подвигъ... и краснѣю. Я продалъ Кушелеву мои сочиненія. Они уже печатаются въ 4-хъ томахъ (по 30 листовъ томъ). Кромѣ того я издаю въ двухъ частяхъ Замѣтки новаго поэта, только то разумѣется, что касается до Пб[ургскихъ] нравовъ. [6])

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., № 19.

[2]) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, нѣкогда членъ «Арзамаса», авторъ извѣстнаго «Дневника Студента» и «Дневника Чиновника».

[3]) Зачеркнуто.

[4]) М. А. Корфъ, членъ «Комитета 2 апрѣля 1848 г.» (Бутурлинскаго) по 1856 г.; по Высочайшему повелѣнію отъ 12-го ноября 1859 г. составилъ проэктъ учрежденія Главнаго Управленія Книгопечатанія.

[5]) Николай Филипповичъ Павловъ, поэтъ и беллетристъ, издатель газетъ «Наше Время», съ 1860 по 1863 г., и «Русскія Вѣдомости», съ 1863 г.

[6]) Сочиненія, изд. графа Кушелева-Безбородко, въ 4-хъ т.т., 1860 г., С.-Пб.; тогда же появились и «Очерки изъ Петербургской жизни» Новаго поэта.

Литературное общество поощренія бѣдныхъ готовитъ литературный вечеръ,—на которомъ будетъ читать Тургеневъ и Писемскій [1]). Они теперь въ большихъ хлопотахъ—ищутъ хорошаго чтеца стиховъ и не находятъ. На меня они сердятся за сдѣланное мною въ замѣткахъ моихъ замѣчаніе о томъ, какъ устраивалось это общество. — Отовсюду такъ и несетъ кружковымъ іерействомъ, отъ котораго палъ Атеней, по прелестному выраженію Апп. Григорьева, также павшаго, ибо отъ журнала Кушелева онъ уже устраненъ.

Въ числѣ кружковыхъ іереевъ, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ П. В. Анненковъ, написавшій такъ много умныхъ критическихъ статей, которыхъ смыслъ еще нигдѣ до сихъ поръ никто не разгадалъ. —

Пріѣзжай въ Пбургъ — это будетъ для насъ праздникъ. — При семъ прилагается тебѣ записка къ Базунову на полученіе Совр[еменника] 1860 г.

Обнимаю тебя отъ всего сердца
неизмѣнно твой *И. Панаевъ.*

Слѣдуетъ приписка Н. А. Некрасова.

XX.

4 іюня.

Милый Лонгиновъ, ты все знаешь. — Увѣдомь меня поскорѣе объ адресѣ Сухово-Кобылина (Кречинскій), который теперь въ Москвѣ; онъ атакуетъ меня письмами и депешами (телегр.), а я затерялъ его адресъ и не знаю, что дѣлать.

Если можешь исполнить мою просьбу — обяжешь. Арапетовъ благодаритъ тебя. Пиши скорѣй.

Твой *И. П.*

---

[1]) Только что учрежденное 7-го августа 1859 г. «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» (Литературный Фондъ). Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ и Краевскій изъявили желаніе вносить въ пользу Общества, начиная съ 1860 г., по копѣйкѣ съ каждаго подписчика на ихъ журналы; Писемскій, Островскій, Тургеневъ—читать публично свои произведенія. Первое литературное чтеніе происходило 10-го января 1860 г. въ залѣ Пассажа, не вмѣстившемъ всѣхъ желающихъ; повторныя чтенія были 23-го и 27-го февраля, а въ половинѣ марта состоялось чтеніе въ Москвѣ при содѣйствіи Фета, Островскаго, Лонгинова, Тургенева и др.

ДѢТСКІЙ РАЗСКАЗЪ ПИСАРЕВА:

«ОРДЕНЪ ГОРЫ».

Десятилѣтній Гёте сочинилъ сказочку: «Der neue Paris» [1]), облетѣвшую міровую литературу и вызвавшую не одно восхищенное удивленіе къ рано проявившимся дарованіямъ генія.

Дѣти вообще богаты творчествомъ и дарованіями. Извѣстно, сколько Wunderkind'овъ, этихъ мимолетныхъ метеоровъ, проносится по широкому небу искусства. И въ литературѣ дѣтскихъ произведеній можно было-бы, при желаніи, набрать сколько угодно, а среди нихъ встрѣтились бы, вѣроятно, и весьма замѣчательныя въ разныхъ отношеніяхъ. Однако, немногія изъ нихъ являются тѣми сѣменами, которыя, развиваясь и созрѣвая, дорастаютъ до пышныхъ цвѣтовъ истиннаго творчества. Тѣмъ цѣннѣе подобныя единичныя явленія, тѣмъ большій интересъ представляютъ они не только для спеціалистовъ, но и для широкой публики.

Русская литература, вступившая со временъ Толстого и Достоевскаго въ рядъ міровыхъ, можетъ и въ скромной области дѣтскаго творчества выставить своего представителя, оправдавшаго, хотя и въ иной сферѣ творчества, обѣщанія, заключенныя въ его начальномъ опытѣ: рядомъ съ дѣтской сказкой Гёте можетъ быть смѣло поставленъ дѣтскій разсказъ Дмитрія Ивановича Писарева «Орденъ горы», имѣющій передъ нею то преимущество, что онъ записанъ авторомъ не по памяти, въ зрѣломъ возрастѣ, когда созданіе дѣтскаго ума могло быть непроизвольно выравнено и утонышено перомъ, изощ-

---

[1]) Она была записана Гёте въ 1810—11 гг. въ I томѣ «Wahrheit und Dichtung», т. е. когда автору было уже 60—61 г.

реннымъ на воплощеніи крупнѣйшихъ перловъ художественнаго воображенія, а является передъ нами in statu nascendi въ десятилѣтней фантазіи, во всей своей чистотѣ и непосредственности.

Но не беллетриста художника выростило въ лицѣ Писарева это раннее пробужденіе творческихъ силъ; оно было только залогомъ того умственнаго броженія, которое создало изъ него съ годами литературную величину перваго разряда. Писаревъ быстро свернулъ съ пути чисто художественнаго творчества, для котораго у него не оказалось достаточно данныхъ. Тѣмъ не менѣе, вступивъ на путь литературнаго критика и публициста, поднявъ знамя возстанія противъ эстетики и самодовлѣющаго искусства, онъ до конца дней своихъ оставался эстетомъ въ душѣ (и даже въ наружности), въ отличіе отъ товарищей по перу и по литературному направленію, «интеллектуальнымъ эпикурейцемъ», по удачному опредѣленію Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, въ основѣ своей являющимъ психологическій типъ одного порядка съ психологическимъ типомъ чистыхъ художниковъ мысли и образа. Какъ въ первыхъ критическихъ статьяхъ «Разсвѣта» и «Русскаго Слова», обнаружившихъ большое пониманіе эстетическихъ задачъ и художественныхъ красотъ тѣхъ произведеній, къ которымъ онъ подходилъ съ осторожнымъ, вначалѣ, анализомъ, такъ и въ послѣднихъ статьяхъ, наиболѣе громоносныхъ по адресу эстетики и морально-общественной идеологіи, — Писаревъ остается художникомъ, создавая удивительно живые, жизненные и яркіе, единичные и собирательные, образы - типы и конкретизирующія схемы отвлеченной мысли. Никакія наслоенія времени, никакія вліянія господствующихъ умственныхъ настроеній эпохи не могли истребить въ немъ прочныхъ ростковъ эстетическаго отношенія къ мысли и художническаго чувства разнообразныхъ явленій ея, которые заложены въ него были самой природой. Недаромъ началъ онъ свою литературную дѣятельность въ дѣтствѣ — фантастическимъ разсказомъ, въ юности — стихами и указаніемъ въ библіографическихъ обзорахъ литературныхъ достоинствъ разбираемыхъ произведеній, въ позднѣйшихъ наиболѣе крупныхъ статьяхъ — созданіемъ, какъ сказано выше, своеобразной галлереи образовъ.

Сравнивая сказку Гёте и разсказъ Писарева, можно думать, что Писаревъ былъ знакомъ съ произведеніемъ Гёте, но никакого прямого вліянія на него Гёте не замѣтно. Есть кой-какія совпадающія

подробности въ обоихъ разсказахъ; напримѣръ, оба они начинаются авторами упоминаніемъ о снѣ, въ которомъ зарождается дѣйствіе, въ обоихъ встрѣчается рядъ преградъ, черезъ которыя героямъ ихъ — авторамъ — приходится проходить; у Гёте — это концентрическія ограды и рѣшетки фантастическихъ садовъ разныхъ видовъ, въ которые, послѣ неизбѣжныхъ условностей, попадаетъ герой, у Писарева — двери различнаго матеріальнаго качества и значенія; даже больше: Писаревъ, какъ и Гёте, открываетъ дѣйствіе разсказа появленіемъ на сценѣ товарища своего Люксембургскаго, который ведетъ съ нимъ почти аналогичный съ Гётевскимъ Меркуріемъ разговоръ, — но этимъ и исчерпывается все сходство; дальше Писаревъ вполнѣ самостоятеленъ, какъ въ самой темѣ, такъ и въ ея развитіи во всѣхъ подробностяхъ, и если здѣсь упоминается о совпаденіи, то только для того, чтобы начать съ него указаніе того круга чтенія, который былъ близокъ и доступенъ Писареву въ десятилѣтнемъ возрастѣ.

Наряду съ именами, явно вымышленными, какъ Гирзе и Казинчи, въ «Орденѣ горы» встрѣчается рядъ историческихъ и литературныхъ именъ, частью только упоминаемыхъ, частью принадлежащихъ дѣйствующимъ лицамъ, и они также могутъ послужить для опредѣленія литературныхъ познаній Писарева. Это — Готтфридъ, Реналь, Эдуардъ, Ролланъ, Фридрихъ, графъ Д' Аргасъ, графъ Монтекленъ, дюкъ Люксембургскій, разбойникъ Рюбецаль и др., а также названія различныхъ степеней рыцарскихъ орденовъ. Что касается первыхъ именъ, — они почерпнуты Писаревымъ либо изъ Тассовой поэмы, либо изъ «Исторіи крестовыхъ походовъ», можетъ быть самого Мишо, а можетъ быть какого-нибудь сокращенія изъ этаго пятитомнаго труда, такъ какъ какую-то «Исторію крестовыхъ походовъ» на французскомъ языкѣ Писаревъ читалъ: это извѣстно изъ его дѣтскаго дневника. Рыцарски-воинственный характеръ разсказа и фигуры двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ отчасти напоминаютъ главныхъ героевъ романа Дюма: «Les trois mousquetaires», вѣроятно знакомаго Писареву уже и въ то время; остальныя имена и подробности разсказа позволяютъ предполагать въ авторѣ большую начитанность въ легендарной, рыцарской и фантастической литературѣ Запада и средневѣковаго эпоса, напримѣръ, chansons de gestes.

Интересно отмѣтить, что въ противоположность Гёте, въ разсказѣ Писарева совершенно отсутствуетъ женскій элементъ, а если-бы, въ случаѣ окончанія разсказа, въ немъ и появилась какая-нибудь принцесса или дама сердца юныхъ рыцарей, — она навѣрное сильно отличалась бы отъ нѣжныхъ, женственныхъ фигурокъ трехъ красавицъ волшебныхъ садовъ Гёте и еще больше — отъ маленькой коварной кокетки-плясуньи, прельстившей героя: женственной нѣжности красокъ и чувствъ, несмотря на женское воспитаніе, въ Писаревѣ не было, — ни во взросломъ, ни въ ребенкѣ; его краски, какъ и самыя чувства, были всегда воинственными, боевыми.

Изъ живыхъ лицъ, окружавшихъ Писарева въ дѣтствѣ, въ разсказѣ упоминаются: отецъ его, Иванъ Ивановичъ Писаревъ, и дядя по матери — Андрей Дмитріевичъ Даниловъ; на остальныхъ встрѣчаются только намеки, понять и раскрыть которые нѣтъ возможности, такъ какъ нѣтъ достаточнаго матеріала изъ этого періода жизни Писарева. Но вліяніе среды сказалось въ разговорахъ объ интригахъ и взяточничествѣ, имѣвшихъ послѣдствіемъ судъ рыцарей въ разсказѣ; свидѣтелемъ подобныхъ разговоровъ не разъ бывалъ, вѣроятно, Писаревъ и въ дѣтствѣ, и въ послѣдующіе годы.

Писаревъ родился 2-го октября 1840 года. Въ октябрѣ 1850 г. онъ началъ вести дневникъ, продолженный до мая 1851 г. Это — небольшая тетрадь, формата $21^1/_2 \times 17^3/_4$, съ красными линейками, писанная дѣтскимъ, но довольно уже устойчивымъ почеркомъ. Въ ней-же, непосредственно за дневникомъ, слѣдуетъ и предлагаемый ниже разсказъ «Орденъ горы», писанный тѣмъ-же почеркомъ, чернилами того-же цвѣта, и начатый, очевидно, вскорѣ послѣ прекращенія дневника, т. е., въ маѣ или въ первые лѣтніе мѣсяцы 1851 года, — слѣдовательно, когда Писареву не было еще полныхъ 11 лѣтъ. Орѳографія подлинника сохранена нами въ точности и показываетъ высокую степень грамотности юнаго автора.

Рукопись пріобрѣтена Пушкинскимъ Домомъ въ 1916 году отъ одной изъ родственницъ Писарева.

Е. Казановичъ.

«ОРДЕНЪ ГОРЫ».

(Сонъ).

Глава I.

Я увидалъ себя на мѣстѣ, гдѣ еще никогда не бывалъ (по крайней мѣрѣ мнѣ это такъ показалось).

Было совершенно темно, какъ вдругъ въ одномъ ущельѣ показался огонекъ, тамъ другой, третій, четвертый. Я всталъ и узналъ, наконецъ, что былъ около Знам. [1]), на Быковой горѣ. — Ба, подумалъ я, проснулся здѣсь, а заснулъ въ Грунцѣ [2]). Странно! — «И даже очень», послышался сзади меня дѣтскій голосъ. Я обернулся и увидѣлъ мальчика моихъ лѣтъ въ черной тогѣ. — Сдѣлайте одолженіе, объясните мнѣ, гдѣ я? — «Во владѣніяхъ Великаго Магнуса *Фридриха*». — Кто это Великій Магнусъ? — «Начальникъ ордена Горы, къ которому я принадлежу, и въ который Васъ тоже приглашаютъ». — А-аа. Такъ оттого-то я и очутился здѣсь. — «Ну да! Разумѣется. Вѣдь Вы М-г Pissarew». — Да; почему Вы знаете? — «Потому что, отвѣчалъ мнѣ Люксембургскій, я слышалъ отъ Бѣлаго Рыцаря Гирзе, который меня очень любитъ, что Великій Магнусъ хочетъ принять въ свой орденъ Дм. Писарева, котораго храбрость и дарованія онъ давно имѣлъ случай замѣтить. Вотъ письмо отъ Командора А. Д.*** [3]), Дяди Вашего; а вотъ — отъ Великаго Магнуса. Прочтите, а потомъ скажите, согласны ли Вы вступить въ наше общество». — Объясните мнѣ, что вашъ орденъ, духовный или военный? — «Военный, военный! Однако-жъ, читайте же письмо-то». Я прочелъ письмо и рѣшился вступить въ Орденъ. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Люксембургскій, вотъ Вамъ дипломъ на чинъ Чернаго Рейтара I-го отличія». — Благодарю, сказалъ я, раскланиваясь съ нимъ. — «Во-первыхъ, отвѣчалъ мнѣ мой сослуживецъ, вы должны были благодарить не меня, а Великаго Магнуса; а во-вторыхъ, что-жъ мы тутъ стоимъ!

---

[1]) Знаменскаго, родового имѣнія Писаревыхъ въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

[2]) Грунецъ — имѣніе Писаревыхъ въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ которое они переѣхали послѣ продажи Знаменскаго.

[3]) Андрея Дмитріевича Данилова.

Пойдемте въ Замокъ». — Гдѣ же онъ? — «Тутъ, въ горѣ». — Въ горѣ? — «Да, въ горѣ. Увидите. Пойдемте». И съ этими словами Люксембургскій взялъ меня за руку и повелъ меня къ Быковой горѣ. Когда мы подошли, огромный камень отвалился отъ горы и далъ намъ пройти. Отойдя шаговъ на десять отъ камня, мы встрѣтили желѣзную дверь. Два Рейтара отворили ее. Мы взошли и увидѣли на пространствѣ 400 шаговъ два ряда рейтаровъ съ обѣихъ сторонъ корридора, черезъ который мы шли. — «Bonjour, Duc», сказалъ дружелюбно одинъ рейтаръ моему проводнику. «Bonjour, ami, отвѣчалъ Герцогъ. Имѣю честь рекомендовать тебѣ и всѣмъ Вамъ, господа, новаго члена ордена нашего, Г-на Д. Писарева». — «Очень рады познакомиться и отъ души благодаримъ тебя за удовольствіе это», отозвались много голосовъ. «Слишкомъ много чести, Г-да». Между тѣмъ мы миновали черное, красное и бѣлое рейтарство и дошли до мѣдныхъ дверей, которые отворились передо мною. Я вошелъ въ другой сводъ, который былъ выше, и лучше освѣщенъ, нежели первый. Здѣсь стояли большою часть юноши лѣтъ 15, стройные, щеголевато одѣтые и вооруженные, какъ нельзя лучше. «Это оруженосцы, сказалъ мнѣ тихо Люксембургскій и сдѣлалъ имъ подъ караулъ. Я долженъ съ Вами распроститься», прибавилъ онъ. — Почему? — спросилъ я. «Потому что Васъ долженъ проводить оруженосецъ до бронзовыхъ дверей». — Прощайте, Люксембургскій, сказалъ я. «Подождите, сказалъ онъ, я Васъ долженъ представить оруженосцу, который Васъ проводитъ». Тутъ онъ подошелъ вмѣстѣ со мною къ молодому человѣку лѣтъ 14, раскланялся съ нимъ, пожалъ мнѣ руку и ушелъ. Я посмотрѣлъ на своего проводника: онъ былъ высокаго роста, смуглъ и строенъ. Черные глаза его были осѣнены густыми рѣсницами; черные волосы кудрями падали по плечамъ. — «Какъ Васъ зовутъ, спросилъ онъ у меня». — Писаревъ. А Васъ? — «Казинчи». — Вы Венгерецъ? — «Точно такъ. А Вы какой націи?» — Русскій. — «Не племянникъ-ли Вы Данилова? — Какого? — «А. Д.» — Да. Онъ мнѣ родной Дядя. — «Какъ?!» — Да. Это Вамъ кажется удивительнымъ? — «Нѣтъ. Но знаете, что я Вамъ скажу: желаете Вы скораго повышенія?» — Разумѣется. — «Въ такомъ случаѣ Вы должны мнѣ помочь вытѣснить А. Д. изъ ордена. Если же нѣтъ, то Вы вѣчно будете Чернымъ рейтаромъ!..» — А. Это мы увидимъ. Что же касается до того, что Вы мнѣ предлагали, я не только

не буду Вамъ помогать, но даже постараюсь разрушить всѣ Ваши замыслы. — Казинчи замолчалъ. Мы дошли до бронзовыхъ дверей, онѣ отворились и мы увидѣли рыцарей, одѣтыхъ въ атласныя одежды, и сидящихъ на длинныхъ диванахъ, обитыхъ сукномъ. Всѣ они были молоды, исключая одного, у котораго волосы, усы и испаньолка были съ просѣдью. Къ нему подошелъ мой проводникъ. Онъ всталъ, протянулъ мнѣ руку и пошелъ со мною дальше. «Вы, вѣроятно, идете представиться Вел. Магнусу?» спросилъ онъ. — Да, Г-нъ Рыцарь. — «Кто Васъ провожалъ до бронзовыхъ дверей?» — Казинчи Г-нъ Рыцарь. — При имени «Казинчи» онъ нахмурился; потомъ послѣ долгаго молчанія спросилъ: «Кто Васъ представилъ этому, скоту?» — Люксембургскій. — «Неужели? Да Вы шутите? — Нѣтъ Г-нъ Рыцарь. Отчего же Вы это думаете? — «Оттого что весь нашъ орденъ раздѣленъ на двѣ партіи. Одна партія — въ пользу Коммандора А. Д., другая — придерживается Великаго Коммандора В. К. А Люксембургскій принадлежитъ къ первой партіи». — А Вы, Г-нъ Рыцарь? — «Къ первой, къ первой, вскричалъ Гирзе съ энтузіазмомъ; Вы не можете себѣ представить, что за подлецы члены второй партіи». — Неужели? — «Увѣряю Васъ. Однако мы подходимъ къ серебрянымъ дверямъ. Я Васъ хочу представить А. Д. Вѣдь Вы его не знаете?» — Какъ не знаю! Да онъ мнѣ Дядя. — «Какъ? Такъ не сынъ ли Вы И. П. [1])». — Да, да, какъ же; Вы знаете Папашу? — «Да, онъ мнѣ старинный пріятель; мы служили вмѣстѣ. Такъ же были дружны, какъ теперь Roland и Renald. Такъ Вы сынъ И. П.! Ожидалъ-ли я, что Вы...» Тутъ слезы умиленія прервали его, онъ съ восторгомъ меня обнялъ и попросилъ разсказать о Папашѣ, Мамашѣ, о сестрѣ [2]) и, наконецъ о всѣхъ, мнѣ близкихъ. Я согласился, и когда кончилъ, спросилъ у Гирзе: — Давно ли Пап. вышелъ въ отставку? — «Ровно 3 года. Въ этотъ самый день я прощался съ П. и напрасно уговаривалъ его остаться». — Въ какомъ чинѣ Пап. вышелъ въ отставку? — «Бѣлымъ рыцаремъ». — А кто Вы были тогда? — «Тоже самое» — Какъ же вы въ одномъ чинѣ просидѣли 3 года? — «По интригамъ, другъ мой, по интригамъ», сказалъ Гирзе съ горькою улыбкою. — В. К.? — «Нѣтъ. В. К. благородный человѣкъ, но у него двоюродный братъ

[1]) Ивана Ивановича Писарева.
[2]) Вѣрѣ Ивановнѣ Писаревой.

безчестнѣйшій человѣкъ. Онъ у насъ Великій Конрадинъ и онъ препятствуетъ моему повышенію». Для чего же? — «Такъ. Оттого что я привязанъ къ А. Д.» — А Вы его любите? — «Очень. Очень. Мы его скоро увидимъ». Гирзе отворилъ серебряныя двери и мы вошли въ превосходный чертогъ, сіяющій золотомъ и драгоцѣнными камнями. Въ немъ стояли 24 кресла изъ слоновой кости, на которыхъ сидѣли Коммандоры въ пышныхъ одеждахъ, съ серебряными коронами на головахъ. Между ними сидѣлъ и Дяд. Къ нему подошелъ Гирзе. Дяд. пожалъ ему руку и пошелъ со мною дальше.— Mon oncle, давно Вы здѣсь служите? — спросилъ я. «10 лѣтъ», отвѣчалъ онъ. — Десять лѣтъ! повторилъ я; и во все это время Вы сдѣлались только Коммандоромъ? — «Да; но надѣюсь, ты будешь счастливѣе». — Почему же? — «Потому что у меня есть теперь связи въ орденѣ, протекція, а тогда меня никто не зналъ. Теперь же я друженъ съ высшими лицами ордена». — Вѣдь выше Магнуса Великаго чиновъ нѣтъ? — «Нѣтъ, есть: Конрадинъ, Великій Конрадинъ, Горникъ, Великій Горникъ, Леонидъ, Великій Леонидъ, Бегрезиль, Великій Бегрезиль, Грандинаръ и Великій Грандинаръ». — Великій Грандинаръ послѣдній чинъ? — «Да». — Mon Oncle, кому Вы меня представите? — «Графу Ментеклену». — Ахъ, покажите мнѣ, пожалуйста, В. К., главнаго врага вашего. — «Изволь». И золотыя двери отворились передъ ними. Тамъ сидѣло четыре человѣка на золотыхъ креслахъ, съ золотыми коронами на головахъ; въ рукахъ у нихъ были скипетры изъ слоновой кости. Одинъ изъ нихъ читалъ что-то; но когда мы вошли, онъ обернулся, и, увидѣвъ Дяд., взглянулъ на него съ гордою, самодовольною улыбкою. Дяд. замѣтилъ это и бросилъ на него пламенный взоръ, исполненный ненависти, и отвернулся, показывая видъ, будто не замѣтилъ его. «Вотъ Казинчи», сказалъ онъ мнѣ. — Какъ онъ хорошъ собою! — сказалъ я. «Красавецъ! повторилъ Дяд. Но если бы ты зналъ, сколько онъ вредитъ мнѣ, сколько онъ вредилъ Пап. твоему, ты бы возненавидѣлъ его съ перваго взгляда». — Mon oncle, гдѣ Монтекленъ? — «Вотъ онъ», сказалъ Дяд., указывая глазами на молодаго человѣка, сидящаго противъ Казинчи. «Здравствуй, Графъ», сказалъ Дяд., подошедши къ нему. — Даниловъ другъ мой, какъ долго мы не видались! Боже мой! А кто это съ тобой? — «Племянникъ. Онъ поступаетъ въ орденъ. Такъ сдѣлай милость, проведи его къ Магнусамъ. Только представь ты его Готтфриду.

Непремѣнно Готтфриду. Пожалуйста. Прощай». — Прощай, Даниловъ. — Мы прошли до дверей, которыя вели къ Магнусамъ. Я хотѣлъ было отворить ихъ, но Монтекленъ меня удержалъ. «Погодите, сказалъ онъ, если Вел. Магнусъ тутъ, то Вы должны представиться ему особеннымъ образомъ. Какъ Вы его увидите, станьте на одно колѣно; онъ протянетъ Вамъ руку. Поцалуйте ее; онъ дастъ Вамъ мечь, запишетъ Ваше имя въ книгу и велитъ отвести Васъ на квартиру». — И только? — «Да». — Такъ пойдемте. — Монтекленъ отворилъ дверь, и (онъ не ошибся) Вел. Магнусъ былъ тамъ. Я исполнилъ все то, что Монтекленъ мнѣ сказалъ, и Магнусъ приказалъ отвести меня на квартиру. Я вошелъ въ хорошо меблированную комнату и поскользнулся на паркетѣ, которымъ была отдѣлана вся комната. Вскорѣ пріѣхалъ туда мой соквартирантъ — Люксембургскій.

Глава II.

На другой день въ семь часовъ утра Люксембургскій разбудилъ меня: «Писаревъ, пора на ученіе». Я наскоро одѣлся и пошелъ за Люксембургскимъ. Онъ проводилъ меня на мѣсто ученія. Тамъ все уже готово и ожидали только Вел. Магнуса, чтобы начать. Онъ пріѣхалъ вскорѣ, и маневры начались примѣрною битвою между Готтфридомъ и Эдуардомъ, двумя Магнусами, коммандующими каждый половиною горы. Готтфридъ стремительно напалъ на Эдуарда и сломилъ его. Онъ обратился въ бѣгство. Остался одинъ Казинчи (отецъ) съ 7000 войска. Готтфридъ кинулся на него, но не могъ его разбить и въ величайшемъ безпорядкѣ отступилъ за рѣку (которая текла по долинѣ), оставивши 3000 плѣнныхъ. Ободренный этимъ успѣхомъ Эдуардъ воротился на поле битвы. Соединившись съ Казинчи онъ напалъ на Готтфрида, совершенно разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Монтекленъ и подъ его начальствомъ Дяд. долго сопротивлялись но должны были наконецъ уступить и сдались. Въ это время на другомъ концѣ поля завязалось жаркое дѣло. Отрядъ рейтаровъ и оруженосцевъ подъ начальствомъ коммандора Панина (въ этомъ отрядѣ служили Люксембургскій и я) столкнулся съ другимъ отрядомъ, которымъ командовалъ графъ д'Аргасъ, дядя Казинчи (сына), бывшаго тутъ же. Панинъ ударилъ на него. Д'Аргаса убили. Казинчи Люксембургскій взялъ въ плѣнъ, съ моею помощью сбилъ его съ ногъ, связалъ

ему руки и ноги, и съ моею помощью-жъ принесъ его въ нашу палатку. Но это торжество было непродолжительно. Вскорѣ В. К. ударилъ на насъ, обхватилъ насъ со всѣхъ сторонъ и всѣхъ до одного взялъ въ плѣнъ. Тѣмъ и кончилось сраженіе. Я возвратился съ Люксембургскимъ на квартиру. Онъ бѣсился я смѣялся. «Да что Вы хохочите, Писаревъ, вѣдь вы знаете, что мы разбиты?» — Знаю! — «Что жъ Вы хохочите?[1])» — Для чего жъ мнѣ плакать. Къ тому же мы исполнили нашъ долгъ. — Люксембургскій былъ печаленъ весь вечеръ, я же безпрестанно шутилъ и, кажется, ужасно надоѣлъ ему.

Глава III.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ въ орденъ. Я былъ Чернымъ оруженосцемъ. Я часто умѣлъ отличаться въ примѣрныхъ битвахъ. Начальники любили меня и я не долго оставался въ одномъ чинѣ. Въ эти два года многое перемѣнилось въ орденѣ. Великій Магнусъ Фридрихъ умеръ, Эдуардъ тоже. Готтфридъ сдѣлался вел. М. Магнусами были А. Д. и В. К. 13 Іюля Готтфридъ праздновалъ свое рожденіе. Къ нему собрались знатнѣйшія лица ордена и всѣ, служащіе в его горѣ. Всѣхъ было тысячъ 50. Однихъ велъ. М. изъ другихъ горъ было 917, Конрадиновъ 201 а вел. К. 140. Послѣ обѣда послѣдовалъ турниръ. Конрадины и вел. К. разъѣхались и остались только Графъ Д'Аргасъ, вел. К. и 13 К. Турниръ начался. Бѣлый рыцарь Гирзе бросилъ перчатку одному изъ Конрадиновъ. Тотъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ ее ногою. «Готтфридъ, сказалъ онъ Вел. Магнусу, смотрите, что дѣлаютъ ваши подчиненные. Всякій Бѣлый Рыцаришка, всякое насѣкомое смѣетъ вызывать меня на поединокъ!» Готтфридъ гордо взлянулъ на него. — Гирзе, сказалъ онъ, давно заслуживалъ санъ Коммандора, и если вы его не производили, то это была не его вина. — Конрадинъ вспыхнулъ. Готтфридъ обернулся и скрылся въ толпѣ рыцарей. Обиженный Конрадинъ уѣхалъ и на другой день Готтфрида потребовали къ суду. Тотъ ничего знать не хотѣлъ и не являлся. Въ это время Конрадинъ написалъ къ Дяд. и къ В. К., обѣщая первому санъ Вел. Магнуса а второму — орденъ. Оба написали,

[1]) Слово «хохочите» въ этомъ мѣстѣ исправлено вѣроятно кѣмъ нибудь изъ взрослыхъ: «хохочете».

что согласны помочь ему. Готтфридъ согласился наконецъ явиться къ суду, подъ предсѣдательствомъ Конрадина. Онъ вошелъ, бросилъ шляпу на столъ и сѣлъ на оставленное ему мѣсто. — Конрадинъ, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія. Вы меня оскорбили, жестоко оскорбили, и я явился сюда, чтобы объясниться съ Вами. Понимаете? — Конрадинъ поблѣднѣлъ отъ злости. Готтфридъ продолжалъ: Вы знаете заслуги Гирзе; знаете, что онъ кавалеръ 6-ти орденовъ. Какъ же Вы смѣли, Вы, ничтожнѣйшій человѣкъ, оттолкнуть его перчатку... Если вы струсили (что я и думаю)... — «Послушайте, прервалъ Конрадинъ; Васъ позвали сюда не затѣмъ, чтобы слушать ваши глупыя дерзости, а чтобы судить Васъ...» — Меня?... Ужъ не за то ли, что я защищаю права ордена, которыя Вы нарушаете? — «Нѣтъ, но за Ваши дерзости». — Кому? — «Мнѣ» — Вамъ? да развѣ вы ихъ не заслужили? — «Но, М. Г., вспомните, я вашъ начальникъ...» — Вы забываетесь, вы меня считаете за низкаго, безчестнаго человѣка — перебилъ Готтфридъ. Конрадинъ до крови искусалъ себѣ губы. Графъ Д'Аргасъ, бывшій тутъ-же, внимательно слушалъ этотъ разговоръ и, обратясь къ В. М.: «Готтфридъ, спросилъ онъ у него, чѣмъ же Конрадинъ Васъ оскорбилъ?» — Гирзе, сказалъ В. М., отвѣчайте за меня. — «Конрадинъ оскорбилъ меня въ домѣ В. М. и черезъ это оскорбилъ его также. Онъ не принялъ вызова моего и оттолкнулъ мою перчатку ногою» Д'Аргасъ нахмурился. — Это правда? — спросилъ онъ. «Да, отвѣчалъ Конрадинъ.—Вѣдь Гирзе не Коммандоръ, а Конрадины могутъ не принимать вызова Бѣл. рыц». — Могутъ, замѣтилъ Д'Аргасъ, но вѣдь не смѣютъ же они оскорблять рыцарей. — Конрадинъ задрожалъ. «Графъ, сказалъ онъ запинаясь, Гирзе... всегда дурно служилъ, не слушался начальниковъ велъ себя такъ дурно, что не заслуживаетъ сана рыцаря». Готтфридъ долго смотрѣлъ на него молча. — Конрадинъ, сказалъ онъ, какъ Вамъ не стыдно такъ безсовѣстно клеветать. Да если бы не вы были нашимъ Конрадиномъ, онъ бы обогналъ Васъ. — «Не мудрено, что Вы бы его производили тогда. Вѣдь Вы же берете съ него взятки...» Готтфридъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, бросился было на Конрадина, но удержался. — Благодарите Бога, что я помню уставы ордена лучше Васъ и не позволю себѣ дерзости въ присутствіи начальника. — «И вы еще думаете, Графъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ отступилъ, оттого что вспомнилъ уставы ордена? Онъ просто струсилъ». — Да, оттого-то вы и спря-

тались подъ столъ, какъ я всталъ. Однако странно, обо мне никто не говоритъ, что я беру съ Гирзе взятки, а о васъ всѣ знаютъ, что вы хотѣли подкупить мою гору, чтобы свергнуть меня. — «Какъ?!» вскричалъ Д'Аргасъ.—Да, Графъ. Даниловъ, сказалъ Готтфридъ, покажите-ка письма Конрадина. — Дяд. досталъ ихъ и показалъ Д'Аргасу. Онъ ихъ прочелъ, нахмурился, и объявилъ Конрадину, что его будутъ судить. На другой день собрались чины нашей горы, чтобы судить Конрадина, который былъ обвиненъ: во 1-хъ, въ несправедливости къ Бѣлому Рыцарю Гирзе; во 2-хъ, въ оскорбленіи этого-же рыцаря; въ 3-хъ, въ покушеніи подкупить Магнусовъ Быковой горы, и въ 4 хъ, въ несправедливомъ призваніи Готтфрида къ суду. Мы вмѣстѣ съ Люксембургскимъ тогда играли важную роль между оруженосцами; Люксембургскій — потому что его особенно любилъ Вел. Магнусъ; а я — какъ Кавалеръ ордена Карпатскаго, который я получилъ въ одной стычкѣ съ Рюбецалемъ. Итакъ, большая часть Рейтаровъ и даже оруженосцевъ были подъ нашимъ вліяніемъ, тѣмъ болѣе, что почти все рейтарство состояло изъ дѣтей, только что поступившихъ въ орденъ. Конрадинъ явился къ суду въ страшномъ отчаяньѣ. Начались совѣщанія; допросы длились часа 4; наконецъ начали разбирать по голосамъ. Рейтары и оруженосцы въ одинъ голосъ закричали, что Конрадинъ виноватъ безъ оправданія; рыцари послѣдовали ихъ примѣру. Коммандоры, вѣроятно подкупленные Конрадиномъ, попробовали защитить его, но напрасно: никто ихъ не слушалъ. Когда же одинъ изъ нихъ, Эрдгалль, началъ обвинять Готтфрида, на него бросились рыцари и едва не убили. Тутъ всѣ оставили несчастного Конрадина и онъ былъ выключенъ изъ ордена.

Глава IV.

Люксембургскій однажды вошелъ ко мнѣ на квартиру; онъ возвращался съ ученія. Я же дней пять не выходилъ изъ комнаты, по причинѣ сильной головной боли.

. . . . . .

. . . . . .

ИЗЪ СТАСОВСКАГО АРХИВА.

I

ИЗЪ АРХИВА ВЛАДИМІРА ВАСИЛЬЕВИЧА СТАСОВА.

Владиміръ Стасовъ въ Италіи (1851—1854).

Печатаемыя ниже два неизданныхъ письма Владиміра Стасова относятся ко времени его Wanderjahre—путешествія по Европѣ и жизни въ Италіи съ 1851 по 1854 г.

Тѣ 8 лѣтъ, со времени окончанія курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1843 г. и до выхода его—27-лѣтняго юноши—во временную отставку въ 1851-мъ г., которыя въ официальномъ послужномъ спискѣ его значатся, какъ первыя 8 лѣтъ его служебной карьеры, по существу должны быть названы Lehrjahre, такъ какъ гораздо болѣе, чѣмъ службой, онъ занимался тѣмъ, что (по словамъ его Автобіографіи) съ самаго ранняго дѣтства «составляло его страсть и жизнь»—искусствомъ. Онъ ревностно, пытливо и жадно изучалъ всѣ тѣ произведенія искусства—архитектуры, скульптуры, живописи, гравюры,—какія только можно было видѣть въ тогдашнемъ Петербургѣ, продолжалъ, какъ въ годы своего пребыванія въ Правовѣдѣніи и горячей дружбы съ Сѣровымъ, узнавать, проигрывать и анализировать созданія великихъ композиторовъ, разыскивалъ и читалъ, что только могъ, по части исторіи искусствъ, художественной критики, эстетики и философіи искусства, и такимъ образомъ сознательно и безсознательно самъ готовился къ своей будущей художественно-литературной дѣятельности. Но вскорѣ пришелъ къ заключенію, что всего того, что онъ могъ видѣть въ Петербургѣ—въ Эрмитажѣ, Академіи, Публичной Библіотекѣ, частныхъ коллекціяхъ и въ разныхъ изданіяхъ и воспроизведеніяхъ, мало; что безъ изученія сокровищъ европейскаго творчества на мѣстахъ, безъ ознакомленія съ подлинной культурой и природными красотами Ев-

ропы не можетъ быть истиннаго художественнаго образованія. Служба его была ему не по сердцу. Кромѣ того и чисто романтическія причины заставляли его желать бѣжать изъ Петербурга.

И вотъ, когда свѣтл. князь Григорій Петровичъ Волконскій—тогда завѣдовавшій Археологической Комиссіей въ Римѣ и состоявшій попечителемъ надъ русскими художниками въ Италіи и большой пріятель отца Стасова — обратился къ нему съ предложеніемъ принять мѣсто личнаго секретаря князя Анатолія Николаевича Демидова и поѣхать на нѣсколько лѣтъ къ нему въ Санъ-Донато, Владиміръ Васильевичъ съ радостью ухватился за это предложеніе, вышелъ въ отставку и уѣхалъ заграницу.

Изъ переписки В. В. Стасова съ Волконскимъ видно, что В. В. очень былъ озабоченъ вопросомъ о томъ, чтобъ его должность не носила и тѣни какой-нибудь зависимости, чтобы обезпечить себѣ, если не полную свободу, то достаточное количество свободнаго времени для собственныхъ занятій и работы, и, наконецъ, чтобъ ему было гарантировано, — если къ тому явятся причины и поводы, — немедленное возвращеніе на родину.

Уѣхалъ онъ изъ Петербурга въ маѣ 1851 г. черезъ Кронштадтъ и Ростокъ въ Берлинъ, оттуда черезъ Кельнъ, Калэ и Дувръ въ Лондонъ, гдѣ съѣхался съ Демидовымъ и прожилъ тутъ нѣсколько времени. Потомъ побывалъ въ Парижѣ, въ Швейцаріи и наконецъ поселился на все почти остальное время своего заграничнаго пребыванія во Флоренціи, дѣлая впрочемъ оттуда экскурсіи по всей Италіи и проживая иногда по нѣскольку мѣсяцевъ въ Римѣ, Неаполѣ или Венеціи. На обратномъ пути въ Россію онъ побывалъ опять въ Швейцаріи, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и вернулся на родину черезъ Варшаву.

Вездѣ онъ ревностно изучалъ произведенія искусства, памятники старины, осматривалъ музеи, библіотеки, храмы и дворцы, посѣщалъ театры, концерты, выставки, ателье художниковъ и частныя собранія коллекціонеровъ, а также не пропускалъ случая знакомиться съ выдающимися людьми во всѣхъ отрасляхъ знанія, науки и искусства.

Италія совершенно захватила Стасова и навсегда осталась для него любимою страною, а въ ней—Флоренція—самымъ, драгоцѣннымъ, очаровательнымъ и дорогимъ, по воспоминаніямъ молодости, городомъ. Вотъ что онъ самъ писалъ о Флоренціи много лѣтъ спустя, въ 1880 году, въ письмѣ оттуда къ одной своей молодой родственницѣ:

...«А у меня, знаешь, сударыня, тутъ тоже и сильныя впечатлѣнія были, цѣлыхъ два дня сряду. Въ первый же вечеръ пріѣзда я совершенно неожиданно забрелъ въ переулочекъ или кривенькую улицу, гдѣ я три года прожилъ (1851—1854), даромъ что ее зовутъ degli agli, а я ненавижу лукъ не то что во множественномъ, а и въ единственномъ числѣ и черезъ этотъ фруктъ ушелъ было разъ за $1^1/_2$ версты отъ Шевченки, когда онъ повстрѣчался со мной на Невскомъ, закабалилъ мою руку, по которой похлопывалъ дружески и любовно своею красною толстою ладонью, а самъ для наиболѣе эстетическаго уснащенія вонялъ мнѣ прямо въ носъ лукомъ и водкой. Но тутъ, по счастью, не было и тѣни этой проклятой ботаники. Напротивъ, несло кипарисомъ, который я всегда такъ любилъ во Флоренціи и цѣлую одну свою комнату наполнилъ кипарисовыми рамками вокругъ гравюръ—тутъ его и черезъ 25—26 лѣтъ все по прежнему любятъ. Этотъ запахъ, вдругъ перенесшій меня за четверть столѣтія назадъ, этотъ видъ стариннаго моего дворца Palazzo Ricci-Aldovisi, съ рядомъ моихъ полукруглыхъ оконъ вверху, съ портономъ и широкими входными ступенями, столько мнѣ памятными, все это такъ сильно пахнуло на меня прежнимъ и мелькнувшими вдругъ воспоминаніями, точно кто-то стальнымъ острымъ концомъ кольнулъ меня куда то внутрь. Такія воспоминанія, когда столькихъ ужъ нѣтъ, я тебѣ скажу, это—пребольно. Просто захлебнешься вдругъ. Впрочемъ это скоро и прошло. Я сказалъ себѣ: «А развѣ теперь не лучше въ сто разъ? И чего тутъ поминать старую ветошь, отношенную и сброшенную? Прежняя Флоренція и нынѣшняя!!! Это какъ небо и земля. То, что народилось и процвѣло—не лучше ли это въ милліонъ противъ стариннаго, что при мнѣ было! Такъ чего же жалѣть, что вспоминать?» И снова заиграло и заблестѣло все вокругъ.—Да, но вотъ вчера опять ударъ «острой стали» возобновился. Я взялъ да забрался въ Санъ-Донато. Мнѣ не только хотѣлось его просто такъ посмотрѣть еще разъ, но мнѣ нужно было освѣжить, подчистить, перетрусить свои воспоминанія мѣстности, вѣдь теперь въ моихъ «Запискахъ, что пойдутъ въ «Русск. Старинѣ» въ будущемъ году, скоро рѣчь дойдетъ до моего заграничнаго житья, Флоренціи [1]). Я хорошо

[1]) Въ «Русск. Стар.» 1880 г., напечатана была глава изъ Автобіографіи В. Стасова «Учил. Правовѣдѣнія 40 лѣтъ назадъ», но продолженія ея не появлялось.

сдѣлалъ, потому что на дняхъ и послѣдніе люди выѣзжаютъ отсюда на всѣ четыре стороны. Этотъ дуракъ и подлецъ П. А., никого не предупредивъ, объявилъ по телеграфу и черезъ пріѣзжихъ чиновниковъ своей петербургской канцеляріи, что теперь, когда все продано, они могутъ убираться. У кого были прежнія пенсіи отъ Анатолія Демидова, тотъ тѣмъ и проживетъ, а новый баринъ, довольно уже здѣсь покуражившійся и больше всѣхъ надоѣвшій самому себѣ, какъ бѣшеная собака, ужъ не знающій куда и броситься со своими праздными рублями—ровно никому не намѣренъ давать и одного гроша. Какое сравненіе прежній Анатолій. Тотъ былъ полусумасшедшій, безпутный, но великолѣпный человѣкъ и притомъ съ истинно-талантливой душой. Я его знатно пропишу и картинами, сценами нарисую въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Но теперь, вчера, какъ я пошелъ по прежнимъ заламъ и комнатамъ, гдѣ столько моей и красивой жизни прошло, какъ я сталъ опять глядѣть на эти стѣны и знакомые рѣзные потолки съ золотомъ и перспективы на садъ и горы, и какъ я вошелъ въ покинутую библіотеку, гдѣ больше трехъ лѣтъ я проработалъ и прохлопоталъ, самъ тутъ же учась поминутно, какъ мнѣ представилась разомъ вся тогдашняя жизнь—опять такъ щипнуло, такъ защемило, что пожалуй заревѣлъ бы благимъ матомъ»...

Въ этомъ письмѣ, кромѣ поэтическихъ строкъ о Флоренціи, вниманіе всякаго привлекутъ слова Стасова объ Анатоліи Демидовѣ. Очень жаль, что онъ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія нарисовать этотъ портретъ Демидова, дать его полную характеристику, и лишь тамъ и сямъ въ письмахъ или статьяхъ можно прочесть отдѣльныя, отрывочныя строки, относящіяся до Демидова. Такихъ людей, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, самодурствѣ, прихотяхъ, самомнѣніи, капризахъ, Стасовъ умѣлъ цѣнить всегда и прощать имъ эти недостатки за крупныя и свѣтлыя черты ума и характера, а всего болѣе за преданность искусству, любовь къ просвѣщенію и энергическій починъ въ дѣлахъ художественныхъ и научныхъ. Выходили у него съ Демидовымъ и стычки и временныя размолвки, и тѣмъ не менѣе Стасовъ провелъ съ нимъ три года и, когда поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію, чтобы проѣхать и въ Сибирь, то сначала намѣревался даже вернуться въ Санъ-Донато, но потомъ его личныя обстоятельства измѣнились, и онъ распрощался съ княземъ, несмотря на всѣ просьбы послѣдняго не оставлять своей службы у него.

Съ самаго перваго момента своихъ сношеній съ Демидовымъ Стасовъ поставилъ себя совершенно независимо и самостоятельно, и Анатолій Демидовъ, человѣкъ дѣйствительно недюжинный и чуткій ко всему талантливому, сразу оцѣнилъ не только его умъ, знанія, способности, но и его прямой, открытый характеръ, чувство собственнаго достоинства и безкорыстіе. Такъ напр. Стасовъ упорно отказывался, — при всей своей всегдашней матеріальной необезпеченности,—отъ вознагражденія за тѣ мѣсяцы, которые проводилъ въ Римѣ или Неаполѣ, такъ что Демидову приходилось упрашивать его черезъ другаго секретаря или управляющаго дѣлами, Мелькіора, принять отъ него хотя нѣкоторую сумму ввидѣ аванса или подарка; упорно отказывался Стасовъ и отъ всякаго другого рода и вида «подачекъ», какъ онъ говорилъ, но твердо требовалъ за то исполненія всѣхъ пунктовъ ихъ уговора или договора. Демидовъ вскорѣ поручилъ ему всю свою иностранную корреспонденцію какъ съ выдающимися европейскими учеными, такъ и съ офиціальными лицами, хотя кромѣ Стасова у него были и другіе секретари (благодаря чему Стасовъ вошелъ въ сношенія со многими знаменитостями), довѣрилъ ему всецѣло пріумноженіе и организацію своей библіотеки и коллекцій въ Санъ-Донато, наконецъ съ радостью поручилъ ему заняться устройствомъ и украшеніемъ домовой церкви, устроенной и обставленной совсѣмъ не на русскій, не на православный, а на какой-то французскій, наполовину свѣтскій, наполовину католическій ладъ; словомъ—сдѣлалъ Стасова какъ бы своимъ «совѣтникомъ» по всѣмъ художественнымъ дѣламъ своимъ, предпріятіямъ и затѣямъ.

Письмо Стасова къ теткѣ Аннѣ Абрамовнѣ Сучковой, родной сестрѣ его матери, рисуетъ именно эту сторону дѣятельности и жизни Стасова въ Санъ-Донато. Уже и въ тѣ годы, какъ и въ средній періодъ своей кипучей дѣятельности, какъ и до послѣднихъ лѣтъ жизни, онъ былъ вѣчно полонъ разныхъ затѣй, новыхъ предпріятій, начинаній, иниціативы, выдумокъ; любилъ, устраивая что-нибудь, входить во всѣ подробности, всегда хлопоталъ о чужихъ дѣлахъ такъ горячо, какъ будто это было его собственное, и, какого бы характера это дѣло ни было, чтобы этотъ характеръ былъ выдержанъ до конца. На этотъ разъ онъ именно такъ отнесся къ дѣлу устроенія Санъ-Донатской церкви, и хотя въ это время В. В. уже далеко не былъ тѣмъ вѣрующимъ православнымъ, какимъ былъ въ ранней юности, онъ постарался, чтобъ все было сдѣлано и исполнено какъ приличе-

ствуетъ настоящему русскому православному храму, съ соблюденіемъ всѣхъ традицій въ убранствѣ его и всѣхъ освященныхъ вѣковыми привычками особенностей каждой вещи и предмета. Совершенно такъ же впослѣдствіи Стасовъ много разъ хлопоталъ о постановкѣ кому-нибудь изъ великихъ русскихъ людей памятника, рѣшетки къ нему, объ устройствѣ какого-нибудь юбилейнаго торжества со всевозможными подношеніями, затѣйливыми адресами, оригинальными вѣнками, или о малѣйшихъ деталяхъ какого-нибудь художественнаго изданія, вродѣ напр. закладокъ изъ подлинной сапожниковской парчи, сотканной изъ подлинныхъ константинопольскихъ золотыхъ нитокъ, а не мишурныхъ, и изображающей подлинный рисунокъ мозаики въ св. Софіи— для изданія «Византійскія Эмали» Звенигородского. Такимъ образомъ это письмо къ теткѣ или «тіотушкѣ», Аннѣ Абрамовнѣ (какъ всегда ей писали всѣ ея племянники, такъ какъ она сама такъ подписывалась) является очень характернымъ для Стасова и показываетъ, какъ онъ уже въ молодые свои годы являлся совершенно тѣмъ же опредѣленнымъ, ярко-индивидуальнымъ человѣкомъ, какимъ всѣ его знали въ теченіе всей его позднѣйшей жизни.

Вторая половина этого письма, посвященная описанію народнаго праздника въ Римѣ, является отраженіемъ тѣхъ яркихъ, колоритныхъ впечатлѣній, которыя съ упоеніемъ впитывалъ увлекающійся и отзывчивый на все живописное, національное, бьющееся живымъ пульсомъ народной жизни Стасовъ и о чемъ съ увлеченіемъ писалъ и роднымъ, и друзьямъ, и читателямъ русскимъ въ рядѣ частныхъ и журнальныхъ писемъ. Уѣзжая изъ Флоренціи, то на короткій, то на продолжительный срокъ въ Римъ, или Неаполь, онъ, какъ за 50 лѣтъ до него молодой Гёте, жадно набирался этихъ итальянскихъ впечатлѣній, изучая не только итальянское искусство, но и итальянскій народъ его, бытъ, нравы, обычаи, праздники и будничную жизнь, костюмъ и простонародный говоръ, и привычки и особенности итальянской аристократіи, среди которой имѣлъ не мало друзей.

Въ эти же годы онъ близко познакомился и подружился съ жившей тогда въ Италіи извѣстной русской писательницей, впослѣдствіи— издательницей «Собранія романовъ» Елизаветой Николаевной Ахматовой, посвѣтить которую его просилъ ихъ общій Петербургскій пріятель, Викторъ Павловичъ Гаевскій, и съ сестрами Руновскими, изъ которыхъ одна — Софья Ивановна, въ замужествѣ Снессорева, жен-

щина рѣдкой красоты, и внѣшней и душевной, впослѣдствіи тоже немало потрудилась на литературномъ поприщѣ (она много переводила и писала на религіозныя темы), а младшая—Марія Ивановна вскорѣ вышла замужъ за итальянскаго доктора Тарситани и большую часть жизни прожила въ Италіи, лишь послѣ смерти мужа вернувшись въ Россію. Дочь ея была крестницей Владиміра Васильевича. Дружескія сношенія съ этой семьей В. В. сохранилъ до самой смерти. Ахматова была тогда опасно больна, и В. В., видя ея полное одиночество на чужой сторонѣ и полную безпомощность, ухаживалъ за больной, какъ истая сестра милосердія, хотя всю жизнь по всей своей натурѣ считалъ себя всегда «совершенно неспособнымъ на дѣла милосердія». Это было одно изъ его трогательныхъ заблужденій на собственный счетъ. Ахматова же всю свою жизнь съ умиленіемъ вспоминала, какъ В. В. самоотверженно и заботливо выхаживалъ ее и, можетъ быть, спасъ отъ смерти. И это она особенно цѣнила, зная, что время, посвященное этимъ заботамъ, Стасовъ отрывалъ отъ своихъ кратковременныхъ наѣздовъ въ Римъ, гдѣ у него завязалась безумно-страстная любовь съ одной красавицей римлянкой, по имени Ниной. Объ этой Нинѣ Стасовъ не могъ равнодушно вспоминать даже въ самые послѣдніе годы своей жизни (напр., въ письмахъ къ своему старому другу В. П. Энгельгардту), а литературнымъ отголоскомъ этой римской любви являются тѣ «Три письма», (изъ которыхъ одно—«Первое письмо къ Нинѣ»—появилось въ 1853 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія», безъ подписи) и то «Письмо изъ Италіи», которое было напечатано въ 1853 же году въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за подписью «В. С.» и въ которомъ Стасовъ живо и талантливо описываетъ знаменитые октябрьскіе народные праздники въ Римѣ. Эти статьи обратили на себя вниманіе Аполлона Григорьева, признавшаго въ авторѣ ихъ большой литературный талантъ. Кромѣ того, В. В. написалъ тогда же «Разсказы знакомымъ» и «Она разсказываетъ» — полубеллетристическое, полуавтобіографическое произведеніе — и кромѣ того задумалъ два произведенія чисто беллетристическія, одно подъ заглавіемъ «Elysium—листки изъ журнала умершаго»—«свиданіе въ другомъ свѣтѣ душъ любившихъ здѣсь», и Исторію Дѣвы Маріи, отъ дѣтства и до смерти Сына, не называя ее, а лишь передавая всю поэтическую и трагическую сторону радостей и страданій Матери великаго подвижника.

Этюдъ «Она разсказываетъ» какъ и «Письмо къ Нинѣ», дышетъ увлеченіемъ, просто необузданной страстью и въ то же время истиннымъ преклоненіемъ предъ «святыней красоты». Эти два разсказа, равно какъ «Второе письмо къ Нинѣ», «Письмо Нины» и «Отрывокъ изъ письма по случаю смерти Брюллова— съ подзаголовкомъ: «Что-то вродѣ посвященія Маріи Ивановнѣ Руновской» — остались ненапечатанными и принадлежатъ нынѣ тоже архиву Пушкинскаго Дома. Своимъ домашнимъ—тремъ братьямъ, двумъ сестрамъ и «тіотушкѣ», и близкимъ друзьямъ: Кларкамъ, Горностаевымъ, Сѣровымъ, Собольщиковымъ, В. В. писалъ во все время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ, кромѣ отдѣльныхъ, частныхъ писемъ каждому въ отдѣльности,—большія письма для общаго прочтенія, нѣчто вродѣ «путевыхъ записокъ» или журнала. Перечитывая ихъ теперь, невольно припоминаются слова М. П. Мавромихали-Анастасіевой, писавшей Стасову, что читая эти «безподобныя письма которыя такъ живо рисуютъ Италію», она словно сама переносится въ эту страну. Старая пріятельница Стасова, мать Сѣрова, Анна Карловна, бывшая въ тѣ годы въ постоянной перепискѣ съ В. В., въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ такъ передаетъ впечатлѣнія свои при чтеніи Стасовскихъ писемъ: «Сколько я вашихъ писемъ перечитала за это время, да какихъ еще отличныхъ... Когда Саша читалъ мнѣ въ вашемъ письмѣ о ней (пѣвицѣ Зонтагъ), то мнѣ все время хотѣлось плакать, и сколько я ни удерживалась, а все-таки слезы удовольствія сами текли, такъ точно, какъ бываетъ со мною въ театрѣ, и то же самое чувство наполняло меня всю, какъ въ хорошей пьесѣ, что я плачу, и мнѣ такъ хорошо, я чувствую такое наслажденіе, которое не промѣняю ни на что»...

Сынъ же Анны Карловны, А. Н. Сѣровъ угадалъ по этимъ письмамъ будущее призваніе своего друга и писалъ ему объ этомъ совершенно убѣжденно и увѣренно: «Что за досада, что кромѣ Дмитрія, мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ наслаждаться твоими письмами [1]). Какъ бы я читалъ ихъ Сонечкѣ [2]) и М[аріи] П[авловнѣ]. Какъ

[1]) Очевидно Сѣровъ не зналъ или не догадывался, какимъ цѣнителемъ этихъ писемъ была его мать. Впрочемъ, онъ и вообще недостаточно умѣлъ ее цѣнить, по словамъ Стасова.

[2]) Софья Николаевна Дютуръ, сестра Сѣрова, жила тогда съ мужемъ въ Лисинѣ, гдѣ ея мужъ служилъ по лѣсному вѣдомству.

бы вмѣстѣ со мною онѣ обѣ вливали въ себя все безподобное, что ты намъ такъ щедро даришь въ каждомъ твоемъ письмѣ... Какъ бы я хотѣлъ тутъ же разомъ перелить въ другихъ то, что волнуется у меня въ душѣ при чтеніи твоихъ нынѣшнихъ писемъ, такъ горячо и такъ славно писанныхъ, что во мнѣ ни малѣйшего сомнѣнія не остается насчетъ твоей настоящей писательской дѣятельности. Отчего же бы въ тебѣ зародилась такая страсть къ писанію, еслибъ тебѣ не назначено было выработать изъ себя автора и автора не безъ силы и не безъ значенія въ мірѣ искусства. Вѣдь когда же нибудь выскажется огненная твоя душа во всеуслышаніе—вѣдь будетъ же то время, когда всѣ твои умственныя силы получатъ достойное тебя направленіе—все приведется къ одному знаменателю, и тогда тебѣ нельзя будетъ ограничиться письмами къ твоимъ близкимъ... Я увѣренъ, что этого не долго ждать. Поѣздка твоя въ Италію во многомъ перемѣнитъ тебя, вышлифуетъ и натолкнетъ тебя на твою настоящую дорогу»...

Должно дѣйствительно безъ обиняковъ признать теперь, когда Стасовъ уже окончилъ свое дѣло на землѣ, что письма его—одно изъ характернѣйшихъ и прекраснѣйшихъ доказательствъ его литературнаго таланта и что они въ то же время явились, по его собственному признанію, [1]) столько же, какъ и по вышеприведенному мнѣнію Сѣрова, первымъ выраженіемъ этого таланта, ареной, гдѣ впервые онъ выступилъ, какъ критикъ художественныхъ произведеній, формулируя и свои мимолетныя, только что вынесенныя впечатлѣнія, и свои коренныя требованія отъ искусства, литературы и жизни.

Проживая подолгу—по нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ—въ Римѣ, онъ особенно часто посѣщалъ мастерскія русскихъ художниковъ Брюллова, Иванова, Баскакова, Іордана, Моллера, итальянцевъ Carlo Morelli и Squanquarelli, особенно подружился съ Іорданомъ и Баскаковымъ и подѣлился своими свѣдѣніями и съ русскими читателями, напечатавъ въ «Спб. Вѣд.» 3 и 4 сентября 1852 г. (№№ 196 и 197) статьи «Работы русскихъ художниковъ в Римѣ» и «Еще о работахъ русскихъ художниковъ» [2]) и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1852 г. статью «Письмо изъ Неаполя: Послѣдніе дни К. П. Брюллова и оставшіяся въ Римѣ

[1]) Въ одномъ его автобіографическомъ отрывкѣ.

[2]) Статьи эти не вошли ни въ Собр. Соч. Стасова, ни въ печатный списокъ его сочиненій, вошедшій, въ томъ посвященныхъ его памяти Воспоминаній.

послѣ него произведенія» и позднѣе—въ «Русск. Худ. Листкѣ» 1856 г. статейку: «Три рисунка съ нѣкоторыхъ изъ числа послѣднихъ произведеній К. П. Брюллова» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г. замѣтку: «Новая картина Моллера: Іоаннъ Богословъ на Патмосѣ.».

Въ тоже время онъ усердно изучалъ и античное, и старинное итальянское искусство и съ той поры навсегда сохранилъ особую любовь—и это надо замѣтить и нашимъ доморощеннымъ «открывателямъ» и мнимымъ просвѣщеннымъ цѣнителямъ прерафаэлитовъ—къ примитивамъ: къ Джотто, Мазаччіо, Гади, Беато-Анджелико, Ботичелли. Они восхищали его особенно своею искренностью и силой чувства, наивностью неподдѣльнаго выраженія и глубокой вѣры, и чистотою линій и краски. И уже съ тѣхъ дальнихъ лѣтъ Стасовъ признавалъ, что если въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ Рафаэль выше ихъ, то именно первыми качествами прерафаэлиты казались ему неизмѣримо превосходящими этого царя внѣшней красоты, всегда считавшагося Стасовымъ слишкомъ академичнымъ. Съ такимъ же глубокимъ интересомъ изучая старинную и средневѣковую скульптуру и архитектуру, Стасовъ точно также навсегда полюбилъ Микель-Анджело и Донателло и произведенія ихъ зналъ въ совершенствѣ. Мнѣ лично пришлось въ этомъ лишній разъ убѣдиться, сдѣлавъ съ нимъ и съ моимъ отцомъ путешествіе по Италіи въ 1881 г. Цѣлые часы простаивали мы съ нимъ въ общественныхъ музеяхъ и во всевозможныхъ частныхъ коллекціяхъ, дворцахъ и церквахъ, гдѣ находилась хоть какая-нибудь картина Джотто или Мазаччіо, Беато Анджелико или Гади, и онъ съ жаромъ и убѣжденнымъ знаніемъ объяснилъ мнѣ и другой молодой дѣвицѣ, нашей спутницѣ—всѣ достоинства и великія красоты этихъ старыхъ мастеровъ.

Съ другой стороны весьма часто выводилось изъ его писаній и утверждалось въ печати, что онъ «врагъ Ренессанса»: онъ былъ лишь врагомъ Ренессанса, переносимаго или перенесеннаго на Русскую почву, Ренессанса подражательнаго, обезъянничающаго, а Ренессансъ настоящій, итальянскій, подлинный всегда оставался предметомъ его восхищенія, и возвращаясь періодически въ Италію, Стасовъ всякій разъ съ новымъ наслажденіемъ вновь и вновь разсматривалъ и разглядывалъ его памятники, совершенно такъ же, какъ любовно разсматривалъ готику въ Миланѣ, Кельнѣ или Шартрѣ,

романскіе соборы сѣверной Италіи и Германіи, и романо-византійско-арабскіе—въ Сициліи, и романо-византійскаго Санъ Марко въ Венеціи.

Стасовъ любилъ и цѣнилъ все своеобразное, подлинное, создавшееся органически, и ненавидѣлъ всякую подражательность, повтореніе съ чужого голоса. Оттого онъ восхищался въ Италіи тѣмъ, что казалось ему несноснымъ перенесенное въ Петербургъ, Вѣну или Москву. Архитектура же всегда оставалась искусствомъ, особенно близкимъ его сердцу, наравнѣ съ музыкой. Потому онъ неустанно изучалъ ее въ годы пребыванія за-границей и особенно въ Италіи.

Такъ же старательно онъ разыскивалъ все, что можно, и по части старинной — средневѣковой и позднѣйшей — музыки и въ этомъ отношеніи особенно оцѣнилъ богатую коллекцію нотныхъ автографовъ и копій аббата Сантини въ Римѣ, о которой написалъ большую статью, напечатанную во Флоренціи по-французски отдѣльной брошюрой, разосланной имъ какъ въ нѣкоторыя иностранныя библіотеки, такъ и отдѣльнымъ выдающимся музыкантамъ и меценатамъ и любителямъ искусства въ Европѣ, а по-русски въ нѣсколько сокращенномъ видѣ въ «Библіотикѣ для Чтенія» 1852 г. Кромѣ того, Стасовъ заказалъ копію со всѣхъ этихъ музыкальныхъ сокровищъ аббата Сантини и принесъ ее въ даръ Имп. Публичной Библіотекѣ. И это дѣло Стасова опять таки характерно для него: сколько путешественниковъ и музыкантовъ или путешествующихъ музыкантовъ и знатоковъ посѣтили и посѣщали это собраніе, — въ томъ числѣ и Мендельсонъ, — но никому не пришло въ голову и въ сердце — повѣдать міру объ этой музыкальной сокровищницѣ, чтобы она не оставалась, какъ свѣча подъ спудомъ, а служила къ просвѣщенію музыкантовъ всей Европы, и никому въ голову не пришло сказать и указать всѣмъ, какое великое дѣло сдѣлалъ скромный собиратель-аббатъ въ Римѣ; Стасовъ же не прошелъ равнодушно мимо, не промолчалъ, а какъ впослѣдствіи десятки, если не сотни разъ дѣлалъ въ своей жизни, — тотчасъ же прославилъ этотъ тяжкій подвигъ на пользу искусства и музыкальной науки.

Второе печатаемое здѣсь письмо — къ Глинкѣ — не менѣе характерно для Стасова, и въ немъ, какъ въ фокусѣ, сконцентрированы всѣ типическія черты отношенія его къ великимъ талантамъ, съ которыми не то, что судьба сталкивала его въ жизни, а которыхъ самъ онъ всю жизнь искалъ, шелъ имъ навстрѣчу, служилъ имъ, чѣмъ могъ.

Съ Глинкой Стасовъ познакомился въ концѣ 1840-хъ годовъ черезъ Сѣрова, а видѣлъ его впервые въ 1843 году въ концертѣ Листа въ Дворянскомъ Собраніи. Въ одномъ (неизданномъ) письмѣ 1899 года Л. Ив. Шестаковой къ Стасову говорится, что первый разъ онъ былъ у Глинки въ Царскомъ Селѣ, гдѣ тогда М. Ив. жилъ съ Л. И. на дачѣ, въ день рожденія Глинки—20 мая 1849 года. Вскорѣ В. В. Стасовъ, вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ, В. П. Энгельгардтомъ, К. Вильбуа, Сѣровымъ, Сантисомъ и нѣкоторыми другими, сдѣлался постояннымъ гостемъ тѣхъ интимныхъ музыкальныхъ собраній у Глинки, на которыхъ нашъ великій,—увы! тогда еще такъ немногими признаваемый въ Россіи за генія,—композиторъ находилъ отраду и утѣшеніе отъ окружавшаго его тупого непониманія и толпы и мнимыхъ знатоковъ. Этотъ небольшой кружокъ Глинка, по примѣру первой своей пріятельской компаніи конца 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ, прозвалъ «братіей» или «нашей компаніей». В. В. Стасовъ посѣщалъ эти вечера вплоть до своего отъѣзда заграницу въ 1851 г. Когда, весною 1852 года, Глинка самъ собрался за границу — во Францію и Испанію, — то «поспѣшилъ напомнить о себѣ» Стасову коротенькимъ письмомъ [1]), и такъ какъ В. В. Стасовъ тогда тоже собрался предпринять изъ Флоренціи небольшое путешествіе по Испаніи (даже запасся отъ Демидова рекомендательными письмами къ разнымъ губернаторомъ, консуламъ и др. властямъ, а также серьезно учился испанскому языку у двухъ испанцевъ), то Глинка «заранѣе радовался встрѣтить его на берегахъ Гвадалквивира» и прибавлялъ при этомъ: «для этого братецъ вашъ по моей просьбѣ увѣдомитъ васъ о моемъ выѣздѣ отсюда». Однако, какъ извѣстно, Глинка въ Испанію въ это свое, предпослѣднее, путешествіе за границу не доѣхалъ; захворавъ и въ особенности подвергшись припадкамъ своего сплина, или ностальгіи, какъ онъ выражался, онъ вернулся съ полдороги къ Пиренеямъ въ Парижъ и тамъ остался на долгое житье, вплоть до весны 1854 г. Поѣздка Стасова въ Испанію тоже не состоялась; разныя и художественныя, и романическія, и чисто практическія причины задержали его во Флоренціи, а затѣмъ въ Римѣ и Неаполѣ, и онъ такъ и отказался отъ своего намѣренія

[1]) Напечатано въ Полномъ собраніи писемъ Глинки, изд. Н. Ѳ. Финдейзеномъ.

тогда же побывать въ Испаніи. Попалъ онъ туда впервые съ братомъ и племянницей почти черезъ 30 лѣтъ, въ 1881 году, а затѣмъ повторилъ это путешествіе съ Рѣпинымъ въ 1883 г.

Зимою 1853 г., когда онъ былъ въ Римѣ, М. И. Желѣзновъ, ученикъ и другъ Брюллова, побывавшій незадолго передъ тѣмъ въ Парижѣ, привезъ Стасову привѣтъ и поклонъ Глинки и передалъ маленькую французскую визитную карточку «Michel de Glinka»; на оборотѣ этой карточки Глинкой написано: «В. В. Стасову во Флоренціи»; но вышло такъ, что получилъ ее Стасовъ въ Римѣ (карточка эта бережно сохранялась Стасовымъ всю жизнь и теперь лежитъ въ архивѣ его въ Пушкинскомъ Домѣ). И вотъ, въ отвѣтъ на это дружеское напоминаніе о себѣ, — онъ написалъ Глинкѣ помѣщаемое ниже письмо (единственное изъ писемъ В. В. къ Глинкѣ, находящееся въ томъ же архивѣ) [1]).

В. В. Стасовъ, какъ уже сказано, кромѣ занятій по своей службѣ у Демидова и изученія художественныхъ твореній, стремился знакомиться съ самими творцами и не упускалъ случая повидать кого только могъ изъ знаменитыхъ людей, жившихъ тогда въ Римѣ, Неаполѣ или Лондонѣ. Вслѣдствіе этого, онъ не преминулъ познакомиться и съ Россини. Вотъ объ этомъ то онъ и захотѣлъ прежде всего написать Глинкѣ, — съ какой затаенной цѣлью — будетъ ясно изъ прочтенія самого письма. Но и помимо этой цѣли безпристрастное мнѣніе и чуткость въ пониманіи художественной натуры знаменитаго автора «Цирульника», сквозящія въ этихъ строкахъ, всегдашнее стасовское горячее отношеніе къ встрѣчѣ съ отмѣченными печатью генія людьми — опять таки очень характерны для молодого будущаго критика, тогда только еще выходившаго на свою собственную писательскую дорогу.

Письмо это характерно и для отношенія его къ Глинкѣ, какъ одно ихъ первыхъ проявленій его дѣйственнаго служенія автору «Руслана», и въ то же время, какъ образецъ вообще его отношеній къ художникамъ во всѣхъ сферахъ искусства: стремленіе поддержать талантъ въ тяжелыя, переживаемыя этими творцами красоты минуты, бережное и любовное прикосновеніе къ «больнымъ

[1]) Оно было переслано Глинкой Л. И. Шестаковой: для прочтенія его и «братіей».

мѣстамъ», желаніе ободрить, вдохнуть новыя силы, показать свою любовь и преданность и тѣмъ подвигнуть, съ вѣрой въ свое призваніе, на новыя дѣянія и творенія. Только, когда Стасовъ писалъ это письмо въ 1853 г., онъ дѣйствовалъ почти безсознательно, по инстинкту и чуткости, а черезъ 6 лѣтъ, когда Глинки уже не было въ живыхъ, а Стасовъ только что напечаталъ его біографію — до сихъ поръ единственно полную біографію Глинки — Стасовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ М. А. Балакиреву, такое отношеніе сознательно поставилъ цѣлью, задачей и девизомъ всей своей дѣятельности: «быть полезнымъ другимъ, коли самъ не родился творцомъ».

Итакъ, въ этомъ письмѣ къ Глинкѣ Стасова три пункта особенно должны остановить наше вниманіе: отзывъ о Россини, — какъ самъ себѣ, такъ и по затаенной цѣли, съ которой Стасовъ о незамирающей художественной жизненности итальянскаго маэстро написалъ Глинкѣ; любовное и восторженное отношеніе къ самому Глинкѣ и, наконецъ, свѣдѣнія о старинной итальянской музыкѣ и аббатѣ Сантини.

Свѣдѣнія были Глинкѣ по вкусу, а тонъ самого письма и одушевлявшее его чувство произвели то самое на Глинку дѣйствіе, какого желалъ Стасовъ, — это видно изъ писемъ Глинки и къ сестрѣ, и къ Д. В. Стасову, и къ самому Владиміру Васильевичу (котораго Глинка въ первомъ своемъ письмѣ по забывчивости назвалъ Василіемъ). М. И. говоритъ и повторяетъ въ этихъ письмахъ на всѣ лады, что «получилъ премилое письмо отъ В. В. изъ Флоренціи», что «это письмо его весьма обрадовало», наконецъ самому В. В. Глинка писалъ: «Ваше дружеское и ласковое письмо порадовало меня до такой степени, что я переслалъ его сестрѣ, которая не замедлитъ сообщить его нашей Петербургской братіи, въ числѣ коей обрѣтается и милый братецъ вашъ Дмитрій Васильевичъ. Весьма пріятно мнѣ такъ же и то, что вы сблизились съ Россини. Ваше мнѣніе о немъ не удивляетъ: Фридрихъ Dehn въ Берлинѣ, а прежде него (въ 1832 г.) Pollini въ Миланѣ не могли говорить о немъ безъ восторга. Но мы всѣ болѣе или менѣе эгоисты, и я признаюсь, что ваша обильная жатва древней Итальянской музыки мнѣ ближе къ сердцу, чѣмъ всѣ совершенства Россини. Ежели Великій Аллахъ сподобитъ, въ Маѣ будущаго 54 г. я долженъ быть въ Петербургѣ и провести тамъ зиму.

Какъ бы весело было, если бы и вы къ намъ пожаловали. Едва бы нашли гдѣ либо столь ревностныхъ любителей классической музыки. Вашъ братецъ, Сѣровъ, нѣкто Энгельгардтъ, я и пр. въ зиму съ 51 на 52 годъ не мало потѣшились всѣмъ, чѣмъ только можно, но стариковъ Итальянцевъ плохо знаемъ — ихъ у насъ нѣтъ. Итакъ, ежели возвратитесь къ 54 г., привезите все собранное, ежели же обстоятельства задержатъ васъ въ Италіи, соблаговолите сообщить намъ при удобномъ случаѣ отъ 20 до 25 пьесъ (отдѣльныхъ, цѣлыхъ мессъ исполнять средствъ не имѣемъ) церковной Итальянской древней музыки по вашему выбору на 2, 3 и 4 голоса преимущественно безъ аккомп. или токмо съ аккомп. одного органа».

I

Санъ-Донато $\frac{18}{30}$ Апрѣля 1852.
1 и 2 Мая. Пятница.

Аннѣ Абрамовнѣ.

Милостивая Государыня тіотушка, пожалуйста не показывайте этого письма Софьѣ Николавнѣ, госпожѣ Дютуръ[1]), потому что нынче я собрался писать Вамъ опять больше по хозяйственной части, а эта госпожа терпѣть не можетъ этихъ дѣлъ и чтобъ я про нихъ говорилъ — и мнѣ опять достанется, какъ разъ досталось. Мнѣ очень хочется разсказать вамъ всякія всячины, которыя бы самъ разсказалъ вамъ, еслибъ теперь воротился въ Петербургъ; если пропустить ихъ нынче, пройдетъ пожалуй цѣлый годъ, прежде чѣмъ случится мнѣ разсказывать, а вамъ слушать, нынче же я становлюсь такимъ старикомъ, что ничего не помню, пожалуй до будущаго года все перезабуду: отъ этого-то я, Милостивая Государыня тіотушка, рѣшаюсь подъ секретомъ писать къ Вамъ обо всѣхъ дѣлахъ, объ которыхъ мнѣ хочется. Что намъ съ вами дѣлать, когда намъ двумъ интересны многія вещи, до которыхъ другимъ нѣтъ дѣла? Неужели же запереть свой ротъ и замолчать, побросать перья

[1]) Письма, получавшіяся въ семьѣ Стасова въ Петербургѣ по большей части читались и всей семьей Сѣровыхъ и другими его друзьями.

и не писать? Говоритъ пословица: «на всякое чиханье не наздравствуешься», на всѣ вкусы не придешься. «Для меня нужно всякій разъ прійтись только по своему собственному вкусу, да еще по вкусу того, кому пишу; нынче пишу вамъ и желаю, чтобъ мое письмо было интересно вамъ однимъ... — Такъ какъ я очень скоро уѣзжаю отсюда, то мнѣ хочется теперь разсказать и пересчитать вамъ все, что моего дѣланья останется здѣсь, въ С.-Донато, надѣланного въ цѣлый годъ (почти) моего житья, исключая всѣхъ писанныхъ бумагъ, бумажекъ, писемъ, рапортовъ, докладныхъ записокъ и проч., чего нельзя перечесть, потому что я не помню и не знаю. Больше всего осталось моего въ церкви: она теперь совсѣмъ не похожа на ту, какую я нашелъ, пріѣхавши сюда. Сверху иконостаса было поставлено по три высокихъ подсвѣчника съ каждой стороны, съ длинными двухъ-аршинными свѣчами, какія стоятъ на катол. престолахъ, также стояли католическія вазочки съ букетами цвѣтовъ и на верху иконостаса и на престолѣ. Все это вмѣстѣ давало церкви какой-то католическій видъ (выдумалъ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ старый-старый дьячокъ, который лѣтъ уже 30 живетъ въ Италіи, по разнымъ миссіямъ, а теперь у Демидова и перезабылъ все русское). Я тотчасъ же велѣлъ все это снять и заказалъ надъ сѣверными и южными дверями деревянныя, вызолоченныя группы церковныхъ вещей, какъ это всегда у насъ бываетъ: съ одной стороны шапка Аарона, кадильница, 7-рожковый свѣтильникъ, заповѣди и проч., и проч., съ другой: крестъ, евангеліе, лѣстница, копіе, губка и проч. — На рѣзныхъ орѣховыхъ крылосахъ были наверху католическіе (такъ называемые пизанскіе) кресты такой формы [1]), которые мнѣ рѣзали глаза, — я ихъ велѣлъ тоже снять и сдѣлать наши [2]) — не то, чтобъ для меня это составляло въ сущности какую нибудь разницу — мнѣ право это все равно, какъ вы знаете, — но я привыкъ всякую вещь (хотя-бы очень маленькую) поправить какъ можно лучше и какъ она должна въ самомъ дѣлѣ быть, если только я могу запустить свою лапу. — Отыскалъ я отличный коверъ (у Демидова ихъ цѣлые магазины) и положилъ его изъ-подъ престола сквозь царскія двери впередъ въ церковь, чтобъ выходить

[1]) Въ текстѣ письма сдѣланъ рисунокъ креста.

[2]) Опять рисунокъ.

священнику; выписалъ изъ Россіи образки золотые и повѣсилъ на царскихъ дверяхъ, чтобъ священнику цѣловать. По своему рисунку велѣлъ выбить купель; на ней, какъ у насъ заведено, 3 маленькихъ шандальчика для свѣчекъ и крестъ спереди выбитъ барельефомъ, но и вся купель и шандальчики эти очень красивой формы, а не такіе уродливые ч а н ы, какъ у насъ всегда и вездѣ видишь. Потомъ ставятъ у насъ купель на стулья или Богъ знаетъ на что. Я сдѣлалъ нарочно деревянную хорошую, подъ орѣхъ, базу, и такъ какъ ножка купели круглая, а база четвероугольная, то на остающіеся уголки священникъ можетъ класть свою книжку, платокъ для обтиранія рукъ и т. д. Другую вазу поменьше и тоже на деревянномъ пьедесталѣ я сдѣлалъ для освященія святой воды въ Крещенье; обѣ эти вазы стоятъ въ двухъ углахъ церкви. Самъ я заказывалъ также по собственнымъ рисункамъ х о р у г в и. Посовѣтовавшись съ Борисп[ольцемъ] [1]), я купилъ шелковую холстинку для написанія т о н к и х ъ 4 образковъ на хоругви, заказывалъ нарочно шелковую пурпуровую матерію и потомъ первой здѣшней золотошвейкѣ росписалъ, какъ что должно быть вышито золотомъ — что матомъ, что прямо, что вкось ниткой. На этихъ хоругвяхъ лопасти наполнены длинными, точно нитяными арабесками, очень легкими и сквозными, остающіяся рѣшетки наполнены звѣздами. Кисти, бахрому точно также разсказалъ какъ сдѣлать, по особливому дешевому способу; эти хоругви висятъ на своихъ бѣлыхъ съ золотомъ кое-гдѣ палкахъ, на лентахъ той же матеріи; я же нарисовалъ и заказалъ вдѣланныя на лапкахъ въ крылосъ к о л ь ц а бронзовыя, вызолоченныя; фонарь для ходовъ (бѣлый съ золотомъ, въ видѣ византійского куполика, прорѣзного и вызолоченного) и внутри свѣчка вотъ какъ сдѣланы [2]): деревянный шандальчикъ поддерживается четырьмя выгнутыми прутиками, идущими изъ угловъ шестиугольного фонаря [3]); весь низъ фонаря открытъ и фонарь прикрѣпленъ къ палкѣ шестью деревянными листиками [4]);— этотъ фонарь я приказалъ вставлять на задней стѣнѣ церкви въ два въ родѣ b r a s, идущіе отъ стѣны, выше головъ присутствующихъ

[1]) Русскій живописецъ, жившій тогда въ Италіи, пріятель Стасова. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ ослѣпъ.

[2]) Нарисованъ фонарь.

[3]) Нарисованы эти прутики.

[4]) Рисунокъ листиковъ, прикрѣпляющихъ фонарь къ палкѣ.

(что впрочемъ еще не сдѣлано). Сдѣлалъ я еще треножникъ подлѣ престола (былъ столикъ на четырехъ ножкахъ) и много другихъ мелочей. Заказалъ прекраснѣйшіе подсвѣчники, которые не готовы еще, но будутъ очень хороши, потому что дѣлаются аккуратно не только по большому данному рисунку, но еще по поправленной мною деревянной модели въ настоящую величину. Сдѣлалъ я изъ широчайшего ліонского бархата и очень хорошихъ позументовъ черныя облаченія для престола, жертвенника, выносного столика и аналоя; (для экономіи бархата верхнюю площадку каждого этого стола подъ большимъ покрываломъ, которую, значитъ, не видать, я сдѣлалъ изъ недорогой черной шелковой матеріи). Сдѣлалъ я еще плащаницу всю и трехступенчатую площадку для нея. Пьедесталу подъ плащаницей я далъ форму гробницы (что я видѣлъ очень умно сдѣланнымъ въ московской церкви, — въ одной кажется въ Петербургѣ [1]). У меня весь прекрасный ліонскій бархатъ остался не разрѣзанъ, а однимъ кускомъ, потому что мнѣ жалко было его рѣзать; плащаница три браччіо длины и $1\,^1/_2$ ширины (браччіо поменьше $^3/_4$ аршина)—привезена старая изъ Россіи Волконскимъ; значитъ въ окружности 9 браччіо; я взялъ бархату 15, велѣлъ прибить его кругомъ рамки, къ угламъ привѣсилъ 4 тяжелыя золотыя кисти, а концы приподнялъ золотыми шнурками, въ родѣ того, какъ цвѣтами приподняты тюники маркизъ Людовика XV; весь же бархатъ внизу обшитъ бахрамой, наверху галуномъ. Вышло все очень хорошо; но при этомъ мнѣ случилось выдержать диспутъ и натискъ (какъ и во многихъ др. церковныхъ вещахъ) здѣшняго русского священника—монаха Кіевской Лавры: у нихъ тамъ, кажется, въ церквахъ дѣлается иначе, чѣмъ у насъ, и онъ настаивалъ, чтобы плащаница состояла изъ просто написанного, но не натянутого ни на что холста, который бы за 4 его угла носили бы, а потомъ положили на престолъ, обвѣшанный нарочно бархатомъ или шелковой матеріей, снятой со стола низенького, на которомъ Пятницу и Субботу должна лежать на Страстной недѣлѣ эта мягкая плащаница. Впродолженіе всего года эту плащаницу у нихъ вѣшаютъ на стѣну церкви, безъ всякой рамки даже, какъ образъ. — Однако же я сдѣлалъ по-своему, по человѣчески, — теперь же, чтобъ бархатъ не портился, его сняли съ плащаницы и

[1]) Рисунокъ плащаницы.

положили въ магазинъ (чего на будущій годъ уже не случится, если я буду въ Санъ-Донато тогда, потому что я велю сдѣлать стеклянный футляръ, что теперь было некогда, да и не хотѣлось больше тратиться). Въ Вербную субботу стояли въ церкви по моему распоряженію съ оливковыми вѣтвями, потому что это дерево теперь именно распускается, и именно объ немъ и идетъ рѣчь въ евангеліи Страстной недѣли. Но я уже при этомъ не присутствовалъ, потому что въ Субботу Страстной[1]) недѣли уѣхалъ въ Римъ. Но уѣхалъ, устроивши все: только что пріѣхали въ это время изъ Россіи прекрасныя ризы священнику, бѣлыя съ золотомъ, которыя я выписалъ отъ Лихачева. Я ихъ и назначилъ на Пасху; оставилъ подробное описаніе (по французски Демидову), какъ сдѣлать ходы въ Пятницу и въ ночь заутрени кругомъ всего дома — во второй разъ съ хоругвями, фонаремъ и проч. Шефу кухни оставилъ очень пространное наставленіе съ рисунками формъ (для пасхи заказалъ нарочно деревянную форму съ крестами, по нашему), какъ дѣлать куличъ, творогъ и изъ него пасху, сметану, четверговую соль и яйца. — Воротившись, я узналъ, что все исполнилось — и отлично — *буквально* по моимъ росписаніямъ. Я же и не разгавливался и не былъ у заутрени, — не случилось. Даже не договѣлъ (не помню, написалъ ли я это въ своемъ римскомъ письмѣ), потому что въ понедѣльникъ вечеромъ хотя и исповѣдовался съ Гедеоновымъ въ посольской церкви, но во вторникъ, въ Благовѣщенье, опоздалъ въ церковь, не замѣтивши въ Ватиканскомъ музеумѣ, что время уже давно прошло. Что же дѣлать? Опоздалъ, опоздалъ. Желаю только, чтобъ Милостивая Государыня тіотушка не забранилась за этотъ пассажъ, впрочемъ, ненарочный, боюсь я этого потому, что нынче всѣ меня бранятъ и я сталъ очень трусливъ. Некому было пѣть (потому что настоящаго дьячка тутъ давно уже нѣтъ а русскій, который поетъ по воскресеніямъ, не знаетъ великопостной службы), то и выписалъ изъ Ливорно солдата изъ славянскихъ австрійскихъ полковъ. Чтобъ кончить про церковь, скажу вамъ, что великіе князья Николай и Михаилъ третьяго дня пріѣхали сюда и были въ Санъ-Донато въ церкви, потому что это былъ день рожденія Наслѣдника. Они здѣсь на 3 дня, взяли *весь* Hôtel d'Italie (первый

[1]) Вербной — т. к. «Страстной» написано по ошибкѣ.

здѣсь, гдѣ однажды останавливались Государь и Государыня) и платятъ за одну квартиру по 1000 р. асс. въ сутки; всѣхъ другихъ пріѣзжихъ хозяинъ отеля на это время выпроводилъ въ другой свой отель. Я имъ не представлялся, потому что считаю за стыдъ представляться, служа не въ госуд. службѣ, но всѣ другіе русскіе были у нихъ, въ томъ числѣ и *Борисполецъ*, котораго большую исторію съ Демидовымъ (разумѣется денежную) я напишу Бонжуру [1]); Философовъ же и Бутеневъ (нашъ посланникъ въ Римѣ) сдѣлали, что Бориспольцу не хочется даже и плюнуть на Демидова, такъ онъ ему теперь малонуженъ. Великіе князья знаютъ тоже всю эту исторію (въ которой я игралъ очень важную роль за кулисами), и всему этому будутъ свои послѣдствія. Демидова великіе князья не приняли (вѣроятно, вслѣдствіе петербургской инструкціи; Лейхтенб[ергскій] тоже очень холодно и сухо принялъ его только разъ.) Таковы мои подвиги насчетъ церкви; но это еще не все: государыня прислала въ церковь Санъ-Донато (гдѣ говѣла въ 1846) образокъ Св. Александры на золотомъ фонѣ, вершковъ въ 6 или 7, въ золотой рамкѣ, съ сіяніемъ надъ головой изъ брилліантовъ и изумруда. Я сказалъ Демидову, что надо сдѣлать въ церкви кіотъ, онъ согласился, и я сочинилъ опять таки въ русскомъ вкусѣ, рѣзать будетъ здѣшній рѣзчикъ Barbetti, котораго вещи были на Лондонской всемірной выставкѣ. Вотъ какой этотъ кіотъ [2]): въ планѣ, т. е. на задней деревянной стѣнкѣ съ выступающими пилястрами [3]), будетъ повѣшенъ образъ, кругомъ, него между трехъ маленькихъ группъ ангельскихъ головокъ, большое сіяніе изъ орѣхового же дерева, какъ все остальное, — подъ образомъ на той же задней стѣнкѣ родъ рѣзной славянской балюстрады, спереди двѣ тоненькія рѣзныя узорчатыя славянскія колонки; надо всѣмъ сквозной куполъ надъ византійскимъ высокимъ карнизомъ, составленнымъ точно изъ кокошниковъ. Передъ образомъ будетъ висѣть хрустально-серебряная лампада съ надписью кругомъ славянскими буквами, барельефомъ. Надъ входной дверью церкви не было образа: разумѣется я его повѣсилъ.

Другія мои работы здѣсь останутся: надписи славянскими буквами, которыя я сдѣлалъ на надгробныхъ памятникахъ Орлова

[1]) Прозвище Александра Васильевича Стасова.

[2]) Рисунокъ рѣзнаго кіота.

[3]) Планъ кіота въ разрѣзѣ.

(брата Алекс. Ѳедор.) и негритянки Калимы, окрещенной у Демидовыхъ и называвшейся Надеждой. Я даже самъ рисовалъ надписи прямо на мраморъ, чтобъ не сдѣлали ошибокъ, вырѣзывая. Вообще всякихъ надписей русскихъ и славянскихъ для тысячи вещей, большихъ и маленькихъ, — я сдѣлалъ пропасть. Первую я сдѣлалъ въ Лондонѣ для удивительного портрета Петра Великого, который *всегда и вездѣ* стоитъ передъ Демидовымъ, куда бы онъ ни поѣхалъ, точно образъ; онъ небольшой, круглый (вершка въ три) сдѣланъ въ Парижѣ, но безподобно. Рамка кругомъ золотая настоящая, точно вся изъ крупинокъ золота; я присовѣтовалъ подписать Пушкина стихи:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Отлично вырѣзали эту надпись въ Лондонѣ, а для Екатерины I, его же:

Чудотворца — исполина
Чернобровая жена.

И Демидовъ (когда я ихъ ему перевелъ) и позже Волконскій, были въ большомъ восторгѣ отъ этихъ стиховъ, которые они, какъ истинные русскіе, никогда не знали. — Но пересчитать всѣ придуманныя и сдѣланныя мною надписи на металлахъ и на мраморѣ нельзя, потому что, какъ говоритъ Анна[1]), имъ «нѣсть конца». Кромѣ канцелярской работы, сочиненія писемъ и дѣланія переводовъ со всѣхъ языковъ (потому что, кромѣ французскихъ писемъ, всѣ остальныя, которыя Демидовъ получалъ, онъ ни одного не читалъ иначе, какъ въ моемъ переводѣ), главное мое занятіе была всегда библіотека. Я долженъ былъ разсматривать книги, которыя присылали ему разные авторы, и подавать ему рапортъ о ихъ содержаніи и моемъ заключеніи. Значитъ — опять таки мое любезное дѣло — тамъ выдуманья, заказыванья, а тутъ — критика. Потомъ, когда я сказалъ Демидову, что у него слишкомъ много не-

[1]) Жившая въ домѣ Стасовыхъ кухаркой, жена стараго слуги ихъ отца, кормилица младшаго брата Владиміра Васильевича.

достаетъ въ библіотекѣ, онъ сталъ присылать мнѣ просматривать каталоги разныхъ библіотекъ, въ то время точно нарочно продававшихся (въ томъ числѣ Луи-Филиппа), и все, что я назначилъ, было куплено, нисколько не справляясь съ цѣнами.

Вы очень удивляетесь, милостивая государыня тіотушка, что я видалъ здѣсь много разъ собакъ въ церкви. Но я больше вашего удивился, когда нашелъ то же самое и въ Римѣ, и еще въ церкви Св. Петра во время папского служенія, или въ Сикстинской капеллѣ — имъ не мѣшаютъ многочисленные часовые всѣхъ сортовъ, которыми обыкновенно чуть не наполовину полно то мѣсто, гдѣ служитъ Папа. Во-первыхъ, всегда тутъ есть папскіе швейцарцы въ старинномъ испанскомъ костюмѣ — широкіе штаны до колѣнъ, точно мѣшки, родъ куртки съ буграми на рукавахъ, на ногахъ чулки или какое то трико, но все это полосатое вдоль всего человѣка, красное, желтое и синее, что очень смѣшно; надѣты на нихъ латы и въ рукахъ длинныя алебарды, на головахъ прескверные желѣзные шлемики. Во-вторыхъ, всегда торчитъ тутъ папская почетная благородная стража — родъ нашихъ кирасировъ — всегда она стоитъ съ обнаженными палашами. Въ церкви же Петра къ этимъ двумъ войскамъ прибавляются гренадеры всѣ въ золотѣ и въ мѣховыхъ шапкахъ (похожіе на нашу дворцовую роту по костюму, только у нихъ не красное, а малиновое на мундирѣ) и еще цѣлый баталіонъ (человѣкъ 300 или больше) какого то папского полка въ Римѣ. Всѣ эти солдаты стоятъ въ церкви въ киверахъ и каскахъ, съ ружьями или саблями и образуютъ кругомъ папы длинную и широкую крѣпость; въ Сикстинской капеллѣ они стоятъ толпой у входа къ отдѣленію капеллы у золотой рѣшетки, за которою Папа. (У насъ нѣтъ этихъ предосторожностей и страховъ: конечно, около митрополита стоитъ иной будошникъ, но только такъ, для порядка, а не изъ страха). Собаки же не боятся никого изъ всѣхъ этихъ стражей и бѣгаютъ по церкви до самаго Папы, чуть не дергаютъ зубами его ризу — м. б. и дергаютъ даже.

Въ Субботу вечеромъ, наканунѣ Пасхи, я былъ въ кондитерской Nazzari (первая въ Римѣ на Piazza di Spagna) и за мороженымъ разсуждалъ съ Боткинымъ[1]), братомъ писателя, и 2 другими русскими, съ которыми я познакомился на пароходѣ (они всѣ

[1]) Михаилъ Петровичъ Боткинъ, извѣстный художникъ.

Ѣхали вмѣстѣ изъ Парижа и Лондона), разсуждали о смерти Гоголя стихахъ Некрасова и письмѣ Боткина, написанныхъ по этому случаю, какъ вдругъ прибѣжалъ къ намъ живописецъ Ивановъ, хорошо знакомый Боткину, и разсказалъ, что сейчасъ же надобно Ѣхать по всему Риму смотрѣть праздникъ колбасъ. Взяли коляску и поѣхали мы въ пятеромъ по всѣмъ улицамъ римскимъ, гдѣ есть большія колбасныя, — а въ итальянскихъ городахъ онѣ на каждомъ шагу. Вы не вздумайте судить о нихъ по Петербургскимъ — и сравненія никакого нѣтъ съ нашими. — Нѣтъ, милостивая государыня тіотушка, итальянская колбасная лавка можетъ быть сравнена только развѣ съ мясной лавкой въ Лондонѣ, а это почти что все равно, что Парижская кондитерская, такъ все хорошо, чисто и прекрасно. Когда я бывало ходилъ по Лондонскимъ улицамъ вечеромъ, я сначала бывало все думалъ, подходя издали къ великолѣпно освѣщенной газомъ лавкѣ, точно дворецъ какой-нибудь, съ огромными стеклами и золотыми рамами, за которыми наставлены какіе то изящныя формы, — думалъ я всегда, что это галантерейная или бронзовая лавка — подойдешь, лежатъ огромные куски говядины, дичины (venaison), омары и все остальное для обѣда, что у насъ продаютъ въ такихъ гадкихъ и кровавыхъ лавкахъ. Въ Италіи нѣтъ такихъ оконъ, такихъ стеколъ, напротивъ колбасныя лавки скорѣе темныя, потому что загромождены до такой степени, но какая чистота, а главное — какая живописность! Въ Пятницу же и Субботу Страстной недѣли, въ Римѣ, эти лавки въ самомъ дѣлѣ въ настоящемъ своемъ праздникѣ, точно театръ въ бенефисъ. У дверей и потомъ въ лавкѣ выставлены упирающіяся въ высокій потолокъ толстыя колонны изъ круговъ сыра, темно-зеленыя (потому что наружная корка у пармезана этого цвѣта) и перевитыя зеленью. Весь потолокъ представляется точно рѣзной выпуклый (какъ во всѣхъ итальянскихъ palazzi XIV, XV и XVI вѣковъ), потому что плотно и сжато навѣшаны цѣлые сотни маленькихъ окороковъ и толстыхъ болонскихъ колбасъ. Свиное сало (на которомъ въ Римѣ готовятъ, какъ у насъ на коровьемъ маслѣ, а въ прочей Италіи на постномъ, чего я не могу терпѣть — особливо яичницу), свиное сало стоитъ по стѣнамъ, точно квадратныя большія бѣлыя полѣна, со звѣздочками и разными фигурами изъ цвѣтной бумаги, налѣпленными на нихъ. Надъ масломъ точно настоящіе скульпторы работали и вылѣпили, и вырѣзали изъ

него сто разныхъ группъ, орнаментовъ, статуй и фигуръ маленькихъ: изъ него сдѣланы и а г н е ц ъ Пасхальный, и Іисусъ Христосъ, и апостолы, и фонтаны, изъ которыхъ бьетъ вода, — обложено все зеленью, свѣжею и яркою, а сосиски висятъ вездѣ въ лавкѣ и въ дверяхъ на улицу цѣпями, гирляндами. Безчисленныя маленькія восковыя свѣчки горятъ вездѣ между сырами, зеленью, бѣлымъ блестящимъ саломъ и дѣлаютъ въ этой лавкѣ такой свѣтъ, какой бываетъ въ бальной залѣ. Но, что всего лучше, въ этой б е н е ф и с н о й, расцвѣченной всѣми красками и сіяющей комнатѣ, эта п е р с п е к т и в а я и ц ъ, прямо противъ самыхъ дверей. На аршина $1^1/_2$ отъ полу, въ четвероугольной пещеркѣ, прорытой между саломъ и ветчинами, лежатъ въ одинъ рядъ безчисленныя яйца, въ глубинѣ пещерки установлено зеркальцо, которого никогда не увидишь самъ и не догадаешься, если не разскажутъ; дѣлается отъ этого зеркала перспектива яицъ точно въ версту длиной, вся освѣщенная опять таки огоньками; еще съ улицы увидишь эту прелесть и остановишься поневолѣ съ десятками мальчиковъ, дѣвочекъ и чудесныхъ самыхъ римлянокъ стоять у дверей, разсматривать этотъ необыкновенный итальянскій праздникъ колбасъ. Въ этотъ вечеръ я вылѣзалъ 50 разъ, я думаю, изъ коляски — смотрѣть каждую лавочку, и еще больше тѣ лица и тѣ глаза, которые разглядывали эти лавочки. Вотъ, что дѣлалъ въ Страстную Субботу вашъ племянникъ, между тѣмъ какъ вы преспокойно п о ч и в а л и на широкой желтой кровати подъ кіотомъ. Ни съ кѣмъ я не христосовался въ Пасху — чтожъ дѣлать, я васъ увѣряю всѣми святыми, что въ Р и м ѣ не за мной бы дѣло стало. Еслибъ мнѣ дали, я бы до сихъ поръ все христосовался съ римлянками.

В. С.

Такъ какъ я говорилъ уже вамъ о с о б а к а х ъ въ этомъ письмѣ, то вотъ вамъ еще подробности объ нихъ: вообразите себѣ, что во всѣхъ а в с т р і й с к и х ъ[1]) военныхъ музыкахъ огромная собака возитъ большой барабанъ, а не человѣкъ носитъ его. Мнѣ опять стало противно это видѣть, какъ однажды противно было въ Германіи. У Демидова есть огромная старая прекрасивая меделянская со-

[1]) Тогда было время австрійскаго владычества въ Римѣ.

бака, прежде служившая въ одномъ австрійскомъ полку и раненая въ разныхъ сраженіяхъ пулями. Однако же орденовъ у ней нѣтъ. Въ первый разъ, въ Чивитта-Веккія, видѣлъ я маркитантокъ (6) въ мундирахъ ихъ, маршировавшихъ при полкѣ французскомъ. Онѣ идутъ сзади саперовъ полка (идущихъ въ мѣховыхъ шапкахъ, съ топорами на плечѣ, въ фартукахъ и рукавицахъ кожаныхъ), маркитантки въ красныхъ панталонахъ и юбкахъ, въ черныхъ лакированныхъ шляпахъ и черныхъ корсетахъ, съ клеенчатыми котомками. Двѣ были прехорошенькія и премолодыя, прочія — старые уроды.

Вотъ что еще: у Дем[идова] и вообще на всѣхъ обѣдахъ здѣсь подаютъ спаржу и ветчину послѣ жаркого, а артишоки, безъ верхнихъ листьевъ, дѣлаютъ въ кострюлѣ, нарѣзанные съ яичницей, что очень хорошо.

* *
*

Флоренція, 18/30 Ноября 1853 г.

Милостивый Государь
Михаилъ Ивановичъ

Когда Вы отдавали Желѣзнову свою визитную карточку для меня, Вы, конечно, не могли вообразить себѣ двухъ вещей: первое, что я получу ее вовсе не во Флоренціи, а въ Римѣ, а второе — до какой степени она обрадуетъ меня, и какое счастье принесетъ мнѣ этотъ маленькій лоскутокъ лакированной бумаги съ Вашимъ именемъ. Но случай (или судьба, ad libitum) гораздо лучше насъ все знаетъ и все устраиваетъ. Она знала, что большія радости и большія удовольствія становятся еще лучше, еще больше, когда падаютъ на насъ съ неба или Богъ ихъ знаетъ откуда, именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя для насъ и дороже и чудеснѣе всѣхъ остальныхъ: она знала, что съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Россіи и брожу по всѣмъ концамъ Европы, ни одно мѣсто мнѣ такъ не было и не будетъ мило и любезно, какъ Римъ. Знала она тоже, какая мнѣ будетъ радость вдругъ послѣ страшно долгой паузы увидать, что Вы меня не забыли, даже посреди Парижа, и что попрежнему еще обо мнѣ помните.

Вотъ эта-то судьба сблизила и сложила въ одну пороховую кучку все, что я люблю, а потомъ и зажгла этотъ чудесный фейерверкъ. Вы бы посмотрѣли потомъ, как жадно я принялся разспрашивать про Васъ Желѣзнова въ этомъ маленькомъ, темномъ, запачканномъ, закоптѣломъ Café Greco, гдѣ, конечно, и Вы во время онò не разъ сиживали съ разными россійскими компаніями, и гдѣ я теперь случайно встрѣтился съ Желѣзновымъ. Но не его одного, еще и другого человѣчка, разспрашивалъ я помногу часовъ сразу про Васъ — это Гедеоновъ (Степ. Алекс.), которого я очень хорошо знаю и съ которымъ провожу по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всего времени, что бываю въ Римѣ (а бываю я тамъ довольно часто, — съ 1852 года по сихъ поръ я уже былъ тамъ 5 разъ). Что̀ тутъ удивительнаго, что я много разспрашивалъ их обоихъ про Васъ: кто же про Васъ не распрашиваетъ, кто только хоть минутку зналъ Васъ въ своей жизни? Но эти разговоры только раздразнили меня, потому что только напомнили мнѣ 1849-й и 1850-й года, когда я столько времени былъ съ Вами вмѣстѣ и такъ часто видалъ Васъ. Гедеоновъ, между прочимъ сказалъ мнѣ, что одно время Вы собирались поѣхать въ Римъ и пожить тамъ порядочно долго. Что̀, еслибъ въ самомъ дѣлѣ это вдругъ исполнилось. Не только я Васъ (по всей вѣроятности) увидалъ бы во Флоренціи проѣздомъ, но еще много видѣлъ бы Васъ въ Римѣ, потому что крѣпко надѣюсь не одинъ разъ попасть туда снова. Потомъ мнѣ представляется, что въ Римѣ Вамъ было бы чудесно-хорошо, въ настоящемъ художническомъ воздухѣ, отъ котораго становится всегда такъ тепло душѣ, были бы посреди нашего хорошаго, добраго русскаго *обожанія*, въ которомъ Вы мнѣ кажется выросли въ Петербургѣ и который (мнѣ воображается) ни одинъ городъ не въ состояніи такъ повторить, какъ Римъ. Теперь Римъ много овдовѣлъ въ послѣднее время на сильныя, творческія, русскія натуры — нѣтъ тамъ больше Брюллова, нѣтъ тамъ больше Гоголя, которые туда опустились, какъ орлы на высокія свои гнѣзда, — нѣтъ и той веселой ватаги прежнихъ русскихъ художниковъ, которые принимались за свои мастерскія, прокутивши напередъ первыя 10 лѣтъ; теперь изъ *настоящихъ* талантовъ остались тамъ только — Ивановъ и Моллеръ. Что̀, еслибъ къ намъ прибавилось еще одно знаменитое русское имячко, которое теперь вдругъ вздумало гдѣ-то заснуть, или по крайней мѣрѣ задремать въ уголку! Или же и въ самомъ

дѣлѣ Парижъ лучше всего? — Что касается до меня, я снялъ съ Италіи самую богатую жатву и нашелъ для себя такія вещи, которыхъ и не подозрѣвалъ, людей конечно мало — узналъ я всего *одного* только, но кого — Россини!

Не знаю, были ли Вы когда нибудь съ нимъ лично знакомы, но я нашелъ глупѣе всего, что ни есть самого глупаго на свѣтѣ, тѣ безчисленные толки объ Россини, которые тысячу разъ въ эти годы печатали объ немъ по журналамъ, дѣлали его какимъ-то разжирѣлымъ, отупѣвшимъ обжорой и *кретиномъ*. Тò-ли я нашелъ! Я нашелъ въ немъ ту художническую душу, прекрасную и простую, на которую я всегда радовался и въ Васъ (хотя у него въ характерѣ нѣтъ Вашего огня), и я провожу съ нимъ чудесные вечера, толкуя про все, что только ни существуетъ въ музыкѣ и что никогда не переставало захватывать всего его. Скоро я напечатаю объ немъ статью, какъ въ прошломъ году напечаталъ такую статью объ Брюлловѣ.

Потомъ, нашелъ я въ Римѣ одного аббата *Сантини*, у которого существуютъ, точно въ незнаемыхъ глубинахъ земли, въ какихъ то пропастяхъ, куда никто не спускался, чистыя жилы золота, серебра и цѣлыя скалы алмазовъ и изумрудовъ. У него собраны кажется всѣ отъ первой до послѣдней ноты музыкальныя (древней церковной музыки итальянской, *мотетной* и *мадригальной*), которыя только написаны были въ Италіи. Палестрина у него *рѣшительно* весь, какъ конечно нигдѣ больше на свѣтѣ, а потомъ всѣ-всѣ, кто только былъ чудесенъ въ музыкѣ. Для меня написаны копіями цѣлыя груды нотъ этой музыки, и когда я стану ворочаться въ Россію, со мною поѣдетъ просто караванъ. Потомъ у меня есть съ собою довольно и Баха, и Генделя, и Моцарта, и Бетховена, и иныхъ, а Глюка — *всѣ* партитуры.

Потомъ книгъ, у меня здѣсь — сколько хочу, и какія хочу, про галлереи и церкви итальянскія Вы уже сами знаете про итальянскихъ женскихъ [1]) (NB римскихъ вѣроятно еще больше) — представьте же себѣ, Михаилъ Ивановичъ, какую жизнь я здѣсь [веду], притомъ же еще съ разными собственными проэктами въ головѣ. Вѣроятно, когда Вы были въ Италіи, и Вы тоже недурно въ ней пожили. Неужели же теперь ее совсѣмъ полюбили и разлюбили? Нѣтъ, не можетъ

[1]) Вѣроятно, описка, вмѣсто женщинъ.

быть: не въ Вашей натурѣ перестать любить, или приняться любить меньше кого-нибудь или что-нибудь. Я такъ думаю, потому что слишкомъ давно знаю, какъ Васъ никто не могъ разлюбить или позабыть, а это кажется бываетъ такъ только въ отношеніи [тѣхъ], кто сами — un foyer éclatant de lumière et d'amour. Кончаю по-французски, чтобъ немножко сблизиться съ Вашимъ Парижемъ.

Весь Вашъ

В. Стасовъ.

II

ИЗЪ АРХИВА ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СТАСОВА.

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА, ОГАРЕВА, В. П. БОТКИНА, РАССЕЛИ, графа В. А. СОЛЛОГУБА, А. А. САБУРОВА, ЧЕРНЫШЕВСКАГО, ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОБѢДОНОСЦЕВА, В. и Д. СТАСОВЫХЪ.

Письма изъ архива Д. В. Стасова тоже относятся къ заграничному путешествію, а именно къ первому заграничному путешествію самого Дмитрія Васильевича, сдѣланному имъ въ 1859 году.

Познакомившись въ августѣ 1856 г. съ Катковымъ — во время коронаціонныхъ Московскихъ торжествъ, въ которыхъ Д. В., служившій тогда оберъ-секретаремъ въ Департаментѣ Герольдіи Сената, участвовалъ въ качествѣ герольдмейстера (а благодаря этому знакомству завязались сношенія и Владиміра Стасова съ редакторомъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ въ 1858 г. онъ помѣстилъ свою извѣстную біографію Глинки), — Д. В. Стасовъ, другъ Кавелина, часто видавшійся въ тѣ годы и съ Тургеневымъ, когда тотъ пріѣзжалъ въ Россію, и съ В. П. Боткинымъ, Салтыковымъ, Некрасовымъ, и во время пребыванія брата за границей ведя за него сношенія съ редакторами и издателями («Библіотеки для Чтенія», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и т. д.), былъ, съ одной стороны, своимъ человѣкомъ въ литературныхъ кругахъ Петербурга и отчасти Москвы.

По этому же случаю необходимо указать на слѣдующій, малокому извѣстный фактъ изъ біографіи Д. В. Стасова. Вслѣдствіе своей необычайной скромности, Д. В. всегда столь же тщательно умалчивалъ о своей дѣятельности и замалчивалъ свои самые плодотвор-

ные и важные труды и начинанія, какъ другіе кричатъ о своихъ дѣяніяхъ и рекламируютъ себя. Поэтому ни при жизни Д. В. (особенно въ послѣдніе его годы), ни послѣ смерти его никто не говорилъ, да и не зналъ о его причастности къ литературѣ, собственно къ журналистикѣ. А между тѣмъ, его перу принадлежитъ не мало статей и замѣтокъ, появившихся какъ въ общей печати, такъ и въ спеціальныхъ изданіяхъ, но статьи эти были подписаны либо однѣми буквами, либо, на англійскій ладъ, вовсе не подписаны. Въ 50-хъ годахъ (около времени коронаціи) Д. В. напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о концертахъ князя Ю. Н. Голицына. Затѣмъ онъ писалъ въ «Журналѣ для акціонеровъ» Трубникова и въ «Журналѣ Экономистовъ», издававшемся проф. Вернадскимъ (съ 1857 по 1860 г.). Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» (съ 1859 по 1863) — при редакторствѣ Ал. Мих. Троицкаго онъ велъ хронику иностранныхъ судовъ и процессовъ и помѣщалъ переводы съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ (со времени основанія журнала въ теченіе 4 лѣтъ). Позднѣе, въ 1880-хъ годахъ, сотрудничалъ въ «Художественныхъ Извѣстіяхъ», издававшихся Андр. Ив. Сомовымъ — велъ иностранную художественную лѣтопись. Въ «Русской Музыкальной Газетѣ» помѣстилъ «Воспоминанія» о положеніи музыкальнаго дѣла въ Петербургѣ до основанія Имп. Русскаго Музыкальнаго Общества и объ основаніи этого Общества; здѣсь же напечаталъ «Письма Мусоргскаго» съ примѣчаніями и рядъ всевозможныхъ замѣтокъ и сообщеній (тоже по большей части безъ подписи). Наконецъ, въ «Быломъ» напечаталъ свои «Воспоминанія» о первомъ политическомъ процессѣ (1866 г.).

Съ другой стороны, около 1858 года, въ виду готовившейся и какъ бы уже висѣвшей въ воздухѣ судебной реформы, у Д. В. Стасова, вмѣстѣ съ его нѣсколькими ближайшими пріятелями, зародилась мысль объ основаніи Юридическаго Общества, которое подготовило бы будущихъ дѣятелей новаго суда къ предстоящей имъ дѣятельности, — и тогда же эта мысль была приведена въ исполненіе[1]): организо-

[1]) Интересно отмѣтить въ одномъ изъ писемъ Владиміра Стасова къ Дмитрію Стасову, адресованномъ ему какъ разъ въ этомъ, 1859 году за границу, слѣдующія слова (по поводу характеристики всѣхъ членовъ ихъ семьи въ ту эпоху): «Признаться сказать, можетъ быть ты одинъ самый предпріимчивый изъ насъ всѣхъ и скорѣй остальныхъ бросаешься впередъ и на новое,

вался частный юридическій кружокъ, поставившій своею задачею какъ разсмотрѣніе иностранныхъ ученій и теорій судопроизводства, такъ и практическій примѣрный разборъ процессовъ и дѣлъ изъ западно-европейской и русской уголовной судебной практики. Кружокъ этотъ, вначалѣ состоявшій изъ 5 лицъ: Д. Б. Бэра, К. К. Арсеньева, Д. В. Стасова, А. А. Книрима и В. В. Самарскаго-Быховца, къ которымъ вскорѣ примкнули еще человѣкъ пятнадцать, такъ что къ 1861 г. всѣхъ членовъ было около 20-ти, поочередно собирался всего чаще на квартирѣ Д. В. Стасова, а затѣмъ у Бэра или Самарскаго. Засѣданія его, чрезвычайно оживленныя[1]), продолжались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, являясь самой полезной школой для будущихъ судей, прокуроровъ, адвокатовъ и слѣдователей, а въ частности лично Д. В. Стасовъ, благодаря этой серьезной подготовительной работѣ, могъ въ моментъ созданія судебныхъ уставовъ принять самое дѣятельное участіе въ обсужденіи и редактированіи первоначальнаго проекта уставовъ, фактъ, опять таки до сихъ поръ совершенно почти никому неизвѣстный или даже тщательно замалчиваемый писавшими о дѣятеляхъ судебныхъ реформъ, но доподлинно доказываемый письмами и записками С. И. Заруднаго и собственноручными замѣчаніями Д. В. Стасова на поляхъ проекта Судебныхъ Уставовъ, равно какъ и документами, сохранившимися въ архивѣ С. И. Заруднаго. Замѣчу, по этому поводу, что К. П. Побѣдоносцевъ, вышедшій изъ Правовѣдѣнія годомъ ранѣе Д. В. Стасова, служившій тогда въ Москвѣ и въ тѣ времена далеко еще не выявившійся тѣмъ Побѣдоносцевымъ, какого впослѣдствіи знала вся Россія, а между 1847 и 1862 г. часто переписывавшійся со Стасовымъ (главнымъ образомъ по поводу новыхъ книгъ, высылавшихся ему постоянно Дмитріемъ Васильевичемъ, по его просьбѣ, а также и по поводу разныхъ дѣлъ

начинаешь новые клубки»... Чрезвычайно любопытно сопоставить это мнѣніе брата Д. В. со словами Валентина Сѣрова, писавшаго, пятьдесятъ лѣтъ спустя, портретъ Д. В. и сказавшаго, что, по его мнѣнію, характерною чертою Д. В. для него, В. Сѣрова, является всегдашнее стремленіе впередъ, и что такимъ онъ и хотѣлъ бы передать его на полотнѣ.

[1]) Въ семьѣ Стасовыхъ эти собранія носили прозвище «Колокольныхъ собраній», такъ какъ предсѣдатель, ведшій пренія, какъ всегда полагается въ правильно-организованныхъ собраніяхъ, звонилъ въ колокольчикъ. Объ этомъ кружкѣ см. К. К. Арсеньева. «Воспоминанія о времени введенія судебныхъ уставовъ» — «Право» 1899 г. № 48.

въ Сенатѣ) писалъ Стасову въ письмѣ отъ 5 мая 1860 г., между прочимъ, слѣдующее:

«Любезнѣйшій другъ мой Дмитрій Васильевичъ... Квачевскій[1]) разсказалъ мнѣ много интересныхъ подробностей объ учрежденіи и занятіяхъ Вашего собранія. Представь, что я только весьма недавно, недѣли двѣ, изъ письма Калачова[2]), узналъ объ его существованіи. Пріѣзжіе изъ Петербурга обыкновенно разсказываютъ разный вздоръ, а такого не разсказываютъ. Между тѣмъ, поистинѣ это такое доброе сѣмя, изъ котораго великое дерево можетъ вырости. Истинно радовалось мое сердце. Не могу тебѣ разсказать, какъ радуешься, когда распознаешь что нибудь дѣльное, положительное среди дикихъ фантасмогорій и напыщенныхъ возгласовъ, отъ которыхъ теперь рябитъ въ глазахъ и въ ушахъ звенитъ. Дай Богъ вамъ успѣху и прочнаго развитія. На первыхъ порахъ главное дѣло, чтобы составъ вашего общества былъ дѣльный, чтобъ оно состояло только изъ годныхъ серьезнодѣятельныхъ людей, искренно преданныхъ дѣлу, чтобы не допускалась въ него ижебратія, отъ которой распадаются всякія общества»...

Наконецъ, въ годы предшествовавшіе его заграничной поѣздкѣ Д. В. Стасовъ былъ особенно близокъ музыкальнымъ кругамъ Петербурга (начиная съ того интимнаго кружка, который согрѣвалъ своимъ участіемъ и утѣшалъ Глинку въ самые послѣдніе годы его жизни на родинѣ); съ конца 1840-хъ годовъ Д. В. Стасовъ принималъ дѣятельное участіе и во всѣхъ концертныхъ предпріятіяхъ Петербурга: Концертномъ Обществѣ, основанном А. Ѳ. Львовымъ, въ Университетскихъ концертахъ, въ квартетахъ, учрежденныхъ при помощи Д. В. Стасова небольшой компаніей конногвардейскихъ офицеровъ (Кавелинымъ, А. Ѳ. Мирковичемъ, Кирѣевымъ и Михалковымъ), и, наконецъ, вмѣстѣ съ Ан. Рубинштейномъ, В. А. Кологривовымъ, Д. В. Каншинымъ и М. Ю. Віельгорскимъ, только что весною этого самого 1859 г., основалъ Русское Музыкальное Общество, уставъ котораго написанъ былъ Стасовымъ и представленъ чрезъ графа Віельгорскаго на Высочайшее утвержденіе[3]).

---

[1]) Квачевскій, Александръ Андреевичъ, членъ юридическаго кружка Стасова, впослѣдствіи прокуроръ въ Минскѣ.

[2]) Калачовъ, Николай Васильевичъ, юристъ, археологъ, академикъ.

[3]) 9-го іюля 1857 г. Владиміръ Стасовъ писалъ брату Дмитрію за границу ...«Віельгорскій недавно прислалъ на твое имя Высоч. утверж. уставъ Общества

И вотъ, отправляясь въ 1859 г. въ это первое свое заграничное путешествіе, Д. В. Стасовъ, во-первыхъ, сговорился изъ Кронштадта до Ростока на пароходѣ, и далѣе въ Берлинъ, ѣхать вмѣстѣ съ Катковымъ (съ женою), Спасовичемъ, Кавелинымъ, Калиновскимъ, Расселли и проф. Н. И. Виттомъ [1]). Съ Кавелинымъ Д. В. Стасовъ уговаривался съѣхаться вмѣстѣ и въ Лондонѣ, гдѣ оба намѣревались посѣтить Герцена, къ которому Стасовъ взялся доставить въ «Колоколъ» — это очень интересно опять таки отмѣтить — какую то собственноручную корреспонденцію остававшагося лечиться въ Берлинѣ, у знаменитого Грефе, Каткова, — тогда еще не разорвавшаго связей со своими Московскими единомышленниками изъ кружка Грановскаго и Станкевича и вообще, какъ и Побѣдоносцевъ, не сдѣлавшагося еще тѣмъ Катковымъ, какимъ онъ оказался послѣ Польскаго возстанія 1863 года.

В. П. Боткинъ, узнавъ отъ Каткова о поѣздкѣ Стасова въ Лондонъ и главнымъ образомъ именно къ Герцену, поспѣшилъ снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ нѣмецкому эмигранту Мюллеру-Стрюбингу, бѣжавшему послѣ переворота 1851 г. изъ Франціи, близкому пріятелю Полины Віардо, Жоржъ Сандъ и Герцена. Это былъ

и отношеніе Игнатьева съ тѣмъ, чтобы ты все это сообщилъ прочимъ Директорамъ и чтобъ созвать ихъ собраніе; но я отвѣчалъ ему, что я распечаталъ этотъ конвертъ (по твоему порученію), никакихъ Директоровъ здѣсь теперь нѣтъ — Каншинъ тоже уѣхалъ, и что я оставляю всѣ бумаги у себя впредь до распоряженія его, Віельгорскаго»...

[1]) Въ письмѣ къ брату Александру Васильевичу, Дм. Вас. по поводу этого путешествія на пароходѣ между прочимъ пишетъ: «Компанія была очень хорошая, безъ умолку хохотали и болтали; компанія профессоровъ, т. е. Кавелина, Спасовича, Калиновскаго (его статья въ послѣднемъ «Современникѣ») и еще нѣкоторые знакомые трунили все надо мною, что я аристократъ, потому что ѣду въ 1-мъ классѣ; покоя не было впрочемъ никому отъ приставанія обоюднаго. Н. Ив. тоже сошелся со всѣми хорошо. Катковъ очень серьезенъ и мало сообщителенъ вообще, да къ тому же обладаетъ несносно-толстою женою... но и съ ними не мало говорили, а въ Суб. и Воскр. играли въ карты по 1/10 сер.... Кстати о «Русск. Вѣст.», К. мнѣ говорилъ, что повѣсть Льва Толстого, которая въ немъ помѣщена, чуть ли не лучшая его. Читали ли Вы ее? Скоро тамъ будетъ помѣщена большая повѣсть Тургенева, который съ нимъ сошелся снова. Катковъ очень нахваливалъ Володю Кавелину, и отчасти мнѣ, и по пріѣздѣ въ концѣ Сентября въ Пбргъ очень хочетъ быть у насъ, теперь же не успѣлъ, потому что былъ слишкомъ мало времени въ Пбргѣ и долженъ былъ все показывать женѣ»...

тотъ самый Мюллеръ-Стрюбингъ, который явился посредникомъ при обращеніи Герцена къ Жоржъ Сандъ съ письмомъ, гдѣ Герценъ просилъ ее быть судьею въ вопросѣ о поведеніи Гервега въ дѣлѣ супружеской катастрофы Герценовъ и о собственномъ его, Герцена, отношеніи къ этой катастрофѣ [1]). Разумѣется, адресуя Стасова къ Стрюбингу, Боткинъ желалъ, чтобы Мюллеръ оказался для Д. В. полезнымъ чичероне при осмотрѣ всевозможныхъ музеевъ и другихъ достопримѣчательностей Лондона, но прежде всего Боткинъ руководствовался мыслью облегчить Стасову наискорѣйшій и наивѣрнѣйшій путь къ Герцену [2]).

Во-вторыхъ, въ Лондонѣ же, главной музыкальной приманкой котораго лѣтомъ 1859 г. для Стасова являлся Генделевскій фестиваль, Д. В. сговорился съѣхаться съ Антономъ Рубинштейномъ и ѣхать съ нимъ потомъ въ Шотландію, послѣ того, какъ Рубинштейнъ дастъ свой концертъ въ Лондонѣ, гдѣ, во время сѝзона, одновременно съ нимъ должны были концертировать и Венявскій, и Іохимъ и Клара Шуманъ.

Черезъ Рубинштейна Стасовъ познакомился съ знаменитымъ изслѣдователемъ и знатокомъ Генделя — Кризандеромъ. А съ Кларой Шуманъ познакомился, просто отправясь къ ней безъ всякихъ иныхъ рекомендацій [3]) и безъ всякихъ предлоговъ, кромѣ своего поклоненія Роберту Шуману и основательного знакомства съ его произведеніями. Клара Шуманъ сразу оцѣнила такое отношеніе молодого русского дилетанта къ геніальному покойному своему мужу, а также къ Францу Шуберту, о судьбѣ неизданныхъ произведеній котораго онъ хотѣлъ узнать отъ нея, зная о дружбѣ, связывавшей обоихъ великихъ ком-

---

[1]) Письмо это обнародовано было мною впервые на страницахъ «Р. Мысли» въ статьѣ «Герценъ, Бакунинъ и Жоржъ Сандъ» и входитъ въ 8 главу ненапечатаннаго III (послѣдняго) тома моей книги «Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія». В. К.

[2]) Владиміръ Стасовъ, говоря о томъ, что В. П. Боткинъ навѣстилъ его, В. В., въ Публичной Библіотекѣ, пишетъ брату въ письмѣ отъ 26-го іюня:... «Ты вѣрно уже давно видѣлъ этого, какъ его зовутъ, я не знаю хорошенько — Мюллера или Мейера, котораго рекомендовалъ Боткинъ, и вѣрно отъ него самого ужъ узналъ, что онъ очень близкій пріятель съ родственниками Сергѣя Львовича [т. е. Левицкаго, двоюроднаго брата Герцена. — В. К.] — значитъ, вѣроятно нечего тебѣ толковать еще объ этой статьѣ»...

[3]) Это разсказывается въ письмѣ его къ роднымъ отъ 27/15-го іюня 1859 г.

позиторовъ, и о культѣ Шуберта послѣ его смерти со стороны Шумана.

Объ этомъ Стасовъ разспрашивалъ Клару Шуманъ въ это первое съ нею свиданіе. И результатомъ этого первого визита было то, что Клара Шуманъ пригласила Д. В. Стасова въ этотъ же вечеръ посѣтить ее вторично, много играла ему и одна, и съ Іохимомъ, обѣщала и въ слѣдующія его посѣщенія играть ему произведенія мужа и Бетховена и наконецъ обѣщала побывать зимою въ Петербургѣ и играть въ одномъ изъ концертовъ только что основавшагося Русскаго Музыкальнаго Общества, если только не уѣдетъ на концертное турнэ въ Америку. Свое обѣщаніе однако она сдержала лишь въ 1864 году, когда, пріѣхавъ въ Петербургъ, не разъ навѣстила и Д. В. Стасова, къ тому времени уже женившагося, и запросто играла у него въ домашнемъ кругу.

Наконецъ, интересовавшійся съ юности вопросами общественными, Д. В. Стасовъ, наряду съ желаніемъ посмотрѣть и изучить въ Европѣ все, что можно, по части произведеній искусства, памятниковъ старины и красотъ природы, желавшій во время своего путешествія побывать вездѣ въ Парламентахъ, Палатахъ и Рейхстагахъ, — поставилъ себѣ также цѣлью присмотрѣться лично и къ веденію судебного дѣла въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи и поэтому во всѣхъ городахъ, гдѣ останавливался, дѣятельно посѣщалъ судъ — уголовныя ассизы, суды гражданскіе, мировые и полицейскіе (police correctionelle) — и старался знакомиться съ выдающимися представителями магистратуры, адвокатуры и, отчасти, юридической профессуры. Въ его путевыхъ записныхъ книжкахъ и письмахъ этого года, наряду съ замѣтками о наиболѣе восхитившихъ его картинахъ Корреджіо, Рубенса или Гэнсборо, музеяхъ, соборахъ, о генделевскомъ фестивалѣ въ Лондонѣ и генделевской же «Сусаннѣ» въ Дрезденѣ, о встрѣчахъ съ К. Шуманъ, Іохимомъ, Кризандеромъ, объ операхъ и драмахъ, видѣнныхъ имъ («Ифигеніи» Глюка въ Берлинѣ, «Фаустѣ» Гёте съ музыкой князя Радзивилла и Линдпайтнера тамъ же, или «Préaux Clercs» въ Парижѣ), о поѣздкахъ на О-въ Уайтъ (Wight) на Риги, на Везувій, въ Кью-гарденсъ или Кашины — постоянно встрѣчаются замѣтки о засѣданіи въ House of Lords или Commons, въ Old Bailey, Queens'Bench, въ Assises de la Seine, Cour Impériale или Cour de Cassation, о рѣчахъ Дизраэли, Гладстона, лорда

Брума или Wednesdayle, o maître'Ѣ [1]) такомъ-то, или Rechtsanwalt'Ѣ и Staatsanwalt'Ѣ такихъ-то, о цѣломъ рядѣ процессовъ, выслушанныхъ имъ, Стасовымъ, во всѣхъ англійскихъ, германскихъ или французскихъ судахъ, о томъ, какъ напр. въ Парижѣ въ отвѣтъ на его письмо къ представителю ассизъ того года Legouidec, этотъ послѣдній не только тотчасъ далъ ему билетъ для присутствованія на судоговореніи въ залѣ «Сенскаго Суда», но распорядился и о томъ, чтобы Стасова и его спутника не удаляли изъ этой залы вмѣстѣ съ публикой на моментъ совѣщанія, а пересадили бы на почетныя мѣста позади самихъ судей [2]). И т. д. и т. д. Въ Берлинѣ спутниками его въ этихъ посѣщеніяхъ судовъ были и Кавелинъ и Катковъ, съ которыми вмѣстѣ, несмотря на страшнѣйшую жару, онъ высидѣлъ напр. цѣлый день въ полицейскомъ судѣ на интереснѣйшемъ политическомъ процессѣ, возбужденномъ тогдашнимъ либеральнымъ прусскимъ министромъ юстиціи Бетманомъ-Гольвегомъ [3]) противъ консервативной «Kreuzzeitung» и цѣлой компаніи прусскихъ юнкеровъ-мракобѣсовъ [4]).

Съ Кавелинымъ же и Расселли Д. В. Стасовъ сдѣлалъ экскурсію по Саксонской Швейцаріи, черезъ Дрезденъ, гдѣ Кавелинъ познакомилъ его съ Рейхелемъ и Марко-Вовчкомъ (М. А. Марковичъ) и ея мужемъ. Кавелинъ поѣхалъ оттуда на воды въ Теплицъ, а Расселли въ Спа, но они сговорились со Стасовымъ съѣхаться, если, можно либо въ Лондонѣ, либо въ Швейцаріи. Но ни то, ни другое не удалось, какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ (напр., изъ письма Расселли), и съ Кавелинымъ Д. В. увидѣлся вновь лишь по возвращеніи въ Петербургъ, а путешествіе по Швейцаріи сдѣлалъ съ Алек. Ив. Гирсъ (рожденной Буниной, одной изъ талантливѣйшихъ пѣвицъ-любительницъ), ея мужемъ А. К. Гирсомъ (впослѣдствіи товарищемъ-министра финансовъ), и бар. Гревеницъ. Марко же Вовчокъ хотѣла даже сразу ѣхать въ Лондонъ вмѣстѣ со Стасовымъ, но потомъ и ей

---

[1]) «Maître» — титулъ французскихъ адвокатовъ.

[2]) Въ Парижѣ его спутниками въ ассизахъ бывали иногда Спасовичъ и Калиновскій (съ ними же онъ ѣздилъ въ Версаль), а вечерами онъ бывалъ и обѣдалъ часто вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ.

[3]) Это былъ отецъ современнаго намъ Прусскаго министра-президента.

[4]) ...«Т. к. Катковъ былъ съ нами, то вы вѣроятно скоро прочтете объ этомъ [т. е. о процессѣ противъ «Kreuzzeitung»] въ «Русск. Вѣстникѣ»— пишетъ Д. В. Стасовъ братьямъ въ письмѣ отъ 11 Іюня изъ Дрездена.

пришлось это намѣреніе отложить, и она лишь просила Стасова немедленно по прибытіи въ Лондонъ сообщить ей точный маршрутъ и стоимость переѣзда, т. к. была тогда очень стѣснена въ средствахъ.

Въ Лондонѣ у Герцена Д. В. Стасовъ побывалъ не разъ, познакомился и съ Огаревымъ, и оба наши знаменитые изгнанника побывали нѣсколько разъ у него на Regent Street, 67, гдѣ онъ остановился, при чемъ Огаревъ передалъ ему и печатаемую ниже публикацію объ уничтоженіи довѣренности на имя нѣкоего Гжегелевскаго, прося Д. В. Стасова напечатать эту публикацію въ русскихъ газетахъ. Въ Стасовскомъ Архивѣ Пушкинскаго Дома она лежитъ вмѣстѣ съ письмомъ Огарева, адресованнымъ имъ уже въ Римъ; вмѣстѣ съ визитной французской карточкой Герцена; конвертомъ, адресованнымъ неизвѣстнымъ лицомъ (я полагаю — именно Мюллеромъ-Стрюбингомъ) «à Monsieur Stahloff (sic) 67. Regent Street» — и запиской на французскомъ языкѣ, печатаемой мною подъ № II.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Герцена въ Fulham'ѣ Д. В. Стасовъ познакомился съ Борисомъ Исаакіевичемъ Утинымъ, съ которымъ съ этого времени сразу близко сошелся, а другой разъ былъ тамъ съ Утинымъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, какъ видно опять-таки изъ путевого журнала Д. В. въ одной изъ его маленькихъ дорожныхъ записныхъ книжекъ. И Чернышевскій же взялся по просьбѣ Д. В. отвезти къ его брату Александру Васильевичу то письмо, при которомъ онъ отправилъ въ Россію вышеупомянутую публикацію Огарева. Отвезя въ Петербургъ это письмо и не заставъ дома Ал. Вас., который былъ тогда на дачѣ въ Парголовѣ, Чернышевскій приписалъ на конвертѣ тѣ строки, которыя печатаются вслѣдъ за публикаціей и письмомъ Дм. Вас-ча.

Печатаемое затѣмъ шутливое и дружеское письмо Чернышевскаго къ самому Д. В. относится вѣроятно къ слѣдующему за этою встрѣчею въ Лондонѣ зимнему Николину дню.

Наконецъ, въ Лондонѣ же Д. В. Стасовъ часто видѣлся и предпринималъ многія городскія и загородныя экскурсіи съ авторомъ «Тарантаса», извѣстнымъ писателемъ 50-хъ годовъ, графомъ В. А. Соллогубомъ, съ семьей котораго (въ особенности съ дочерью, графиней Елизаветой Владиміровной, бывшей потомъ замужемъ за близкимъ пріятелемъ Стасова, Андреемъ Александровичемъ Сабуровымъ, впослѣдствіи

Министромъ Народнаго Просвѣщенія) Стасовъ до самой смерти сохранилъ дружескія отношенія. Къ одной изъ такихъ экскурсій и относится печатаемая записка Соллогуба.

I

Кунцово, 17 Мая 1859.

Я слышалъ, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, что Вы уѣзжаете изъ СПБ. 21 Мая, — это говорилъ мнѣ Катковъ, онъ же сказалъ мнѣ, что Вы отправляетесь на одномъ пароходѣ съ нимъ въ Ростокъ. Вслѣдствіе этого спѣшу набросать нѣсколько словъ пріятелю моему Г. Мюллеру, но только я не увѣренъ находится ли онъ въ Лондонѣ. Къ сожалѣнію не помню его адреса, но Вы навѣрное встрѣтите его въ Readingroom of M-r Wyld, находящейся на Leicester Square. — Спросите о Мюллерѣ у Г. Wyld — тамъ Вамъ скажутъ. Можетъ быть мы гдѣ нибудь встрѣтимся въ Европѣ, а пока заочно жму Вамъ руку и прошу передать мой сердечный привѣтъ Владиміру Васильевичу.

Вашъ *В. Боткинъ*.

P. S. Надобно вамъ замѣтить, что фамилія Мюллера состоитъ изъ двухъ словъ: Muller S..., но этого второго слова я никакъ не могу вспомнить и именно потому, что называлъ его всегда просто Мюллеромъ, да и всѣ его зовутъ такъ. Вѣдь вотъ что досадно, у меня есть и адресъ его, — да онъ въ Москвѣ въ моихъ бумагахъ, а я боюсь, что письмо мое, если я пошлю его позже — пожалуй не застанетъ Васъ. Но во всякомъ случаѣ навѣдайтесь о немъ въ кабин[ет]ѣ чтенія Wyld — тамъ онъ постоянно бываетъ отъ 3 до 5 часовъ и тамъ обыкновенно много нѣмцевъ, которые его должны знать, равно какъ и самъ M-r Wyld.

На конвертѣ: Его Высокоблагородію Дмитрію Васильевичу Стасову. На Моховой, въ домѣ Мелиховой, въ С.-Петербургѣ.

II

Le Monsieur qui a été Samedi à Fulham est bien priè de repasser— demain Mardi depuis 3 à 10 h.

III

5 Іюля. Park house, Fulham.

Мы все это время были въ хлопотахъ и потому не успѣли побывать у васъ. Если вы свободны, не пріѣдете ли завтра, т. е. въ Среду вечеромъ къ намъ. Я ѣду съ Огар. въ четвергъ дня на два въ St. Leonard искать приморскую квартиру.

Отъ Кав. или лучше объ немъ я имѣю вѣсть — онъ въ Теплицѣ и будетъ въ Лондонѣ къ 20 Іюля.

Je vous salue cordialement.

Ал. Герценъ.

На конвертѣ: Monsieur Stassof. 67, Regent Street.

IV

Я, нижеподписавшійся, всякія когда либо для хожденія по моимъ дѣламъ данныя мною довѣренности Господину Гжегелевскому симъ уничтожаю и прошу считать недѣйствительными.

Изъ дворянъ Коллежскій Регистраторъ
Николай Платоновъ *Огаревъ.*

1859 года Іюля дня.

Когда напечатается прошу № газетъ немедленно выслать Е. В. Б. Николаю Михайловичу Сатину Пензенской губ. въ г. Саранскъ.

V

Обращаюсь къ тебѣ съ большою просьбою напечатать при семъ прилагаемое объявленіе въ С.-Петербургскихъ или Московскихъ Вѣдомостяхъ, но лучше въ С.-Петербургскихъ: какъ это сдѣлать — предоставляю сообразить самому, но я думаю затрудненія быть не можетъ, только лучше не говорить своей фамиліи при выдачѣ квитанціи, или, такъ какъ тебя знаютъ, то можетъ ты найдешь кого отправить другого. Деньги заплати за публикацію и напиши въ г. Саранскъ письмо, пожалуй хоть безъ подписи, по прилагаемому адресу, съ указаніемъ, когда помѣщено будетъ объявленіе; а мнѣ напиши въ Парижъ, въ какомъ № Вѣдомостей будетъ помѣщено объявленіе. Я здоровъ и

Ѣду послѣзавтра или въ четвергъ въ Парижъ; былъ на Wight'Ѣ, но въ Шотландію не Ѣду, чтобы быть скорѣе въ Италіи. Лучше не говори никому изъ нашихъ обо всемъ, что я пишу. Я же буду писать теперь изъ Парижа.

Д. С.

11 Іюля 1859.
Лондонъ. 3 часа ночи.

На конвертѢ: Его Высокоблагородію Александру Васильевичу Стасову. Въ Моховой, въ домѢ Мелиховой.

VI

Предыдущее письмо было послано не по почтѢ, а съ Чернышевскимъ, который на оборотѢ конверта написалъ карандашемъ:

«Дмитрій Васильевичъ живъ, здоровъ и благополученъ. Я видѢлся съ нимъ во вторникъ.

Вашъ Чернышевскій.

VII

Дмитрій Васильевичъ.

Если вы намѢрены не отказывать въ просьбахъ нуждающимся, то будьте добры: посѢтите меня въ воскресенье вечеромъ, тѢмъ болѣе, что это день Святителя Николая Чудотворца Мирликійскаго, которому мы помолимся вмѢстѢ.

Вашъ *Н. Чернышевскій.*

5 Декабря [1859 г.]. Суббота.

VIII

[ВѢроятно, понедѢльникъ. $\frac{29\text{ Іюня}}{11\text{ Іюля}}$ 1859 г.]

Пишу на желѢзной дорогѢ. Сегодня въ 6 часовъ отправляемся въ Оксфордъ изъ Виндзора. — Письма имѢются вдоволь. — Вы насъ застанете или въ Kingsrooms hôtel или the Star. Въ Среду торжество университетское. — Завтра можно будетъ осмотрѢть Блейнгеймъ. —

Мы Васъ немного подождемъ, и если Вы хотите примкнуть — постарайтесь быть къ часу передъ обѣдомъ завтра во Вторникъ [1]).

IX

Спа.

Прощаясь съ Вами, достойнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, я далъ слово сообщить Вамъ въ Парижъ извѣстіе о маршрутѣ моемъ для совмѣстнаго, если можно, путешествія нашего по Швейцаріи. Мнѣ помнится, что Вы не болѣе 3-хъ недѣль хотѣли остаться въ Лондонѣ и столько же въ Парижѣ. — По этому разсчету, настоящее письмо должно Васъ застать еще въ семъ послѣднемъ городѣ и слѣдовательно я не опоздалъ съ исполненіемъ моего обѣщанія.

Изъ Спа, куда я пріѣхалъ для соединенія съ Спасовичемъ (моимъ дальнѣйшимъ спутникомъ) мы отправимся въ субботу, т. е. 30 сего мѣсяца, черезъ Кельнъ, по Рейну, до Майнца, и потомъ, черезъ Гейдельбергъ, Базель въ Цюрихъ, такъ что въ Цюрихъ я полагаю попасть 2 Августа н-ст. Если Вамъ сподручно будетъ къ этому времени пріѣхать туда же, мнѣ пріятно и весело подумать о нашей съ Вами прогулкѣ по вершинамъ Альпъ. Отвѣчать вы можете сюда, въ Спа.

Здѣсь пользуется жена Вашего товарища по службѣ и по воспитанію, М-ме Ганъ — самъ же онъ беретъ ванны въ Ахенѣ. Я познакомился съ нимъ еще въ Киссингенѣ.

Съ Константиномъ Дмитріевичемъ Кав[елинымъ] я переписывался. До сихъ поръ онъ оставался въ Теплицѣ. Теперь вѣроятно уже на пути въ Швальбахъ, откуда онъ намѣренъ былъ завернуть въ Гейдельбергъ. Вотъ еслибы соблазнить его тоже на путешествіе въ Швейцарію? Да не поддастся. Видѣлись ли Вы въ Парижѣ съ Спасовичемъ и съ Калиновскимъ?

Постарайтесь, милѣйшій Дмитрій Васильевичъ, пріѣхать въ Цюрихъ къ 2 Августа — чѣмъ одолжите преданнѣйшаго

Вашего *Ф. Рассели.*

Письмо сложено конвертомъ, на листѣ 2 об. адресъ: Paris. Monsieur Dmitri de Stassoff. Rue Richelieu, Hôtel Louvois.

[1]) Писано рукою графа В. А. Сологуба.

X

ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА.

4 Сент. [Получ. 12 Сент. — рукою Д. В. С.].

Много и много благодарю васъ за письмо. Теперь пишу вамъ только два слова, чтобы сказать, что мы живы и здоровы и помнимъ и искренно васъ уважаемъ, и что я къ вамъ напишу въ Берлинъ poste-restante. Наслаждайтесь пока древнимъ и полудревнимъ Римомъ, съѣздите на мое любимое Альбанское озеро, и я почти что позавидую вамъ середь нашего душнаго и вонючаго тумана.

На конвертѣ: Italy. Roma. Monsieur Stassof. poste restante. Конвертъ запечатанъ сюргучной печатью съ дворянской короной.

XI

Дорогой Дмитрій Васильевичъ

А. Н. Куломзинъ прислалъ мнѣ свою брошюру о Замятнинѣ; прочтя ее я вспомнилъ то счастливое время, когда мы были молоды и съ восторгомъ ожидали судебную реформу. Къ тому же времени относится и наша съ Вами дружба, которая, несмотря на то, что мы рѣдко съ Вами встрѣчаемся, осталась неизмѣнна. Въ виду этого посылаю Вамъ эту брошюру, думая, что и Вы прочтете ее съ интересомъ.

Весь Вашъ *А. Сабуровъ.*

12 Декабря 1914 г.

ТУРГЕНЕВЪ и ПОБѢДОНОСЦЕВЪ въ 1881 г.

(По документамъ архива Я. П. Полонскаго).

Неожиданная кончина Александра II произвела сильное впечатлѣніе въ правящихъ сферахъ. Реакціонныя теченія начали замѣтно проявляться въ дѣйствіяхъ представителей высшей власти. Бдительность правительства сдѣлалась особо изощренною; цензура стала суровою; время было глухое... Какъ разъ въ эту пору (29-го апрѣля) прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы И. С. Тургеневъ. О его пріѣздѣ было оповѣщено въ газетахъ [1]), и это сообщеніе обратило на себя вниманіе входившаго тогда въ силу К. П. Побѣдоносцева. Считая пребываніе знаменитаго романиста въ обѣихъ столицахъ нежелательнымъ, онъ обратился къ Я. П. Полонскому съ просьбою переговорить по данному вопросу съ Тургеневымъ. Щекотливое порученіе Побѣдоносцева было очень непріятно Полонскому, и онъ далъ понять это сановнику, который и самъ созналъ свою ошибку, отказавшись отъ своего намѣренія.

Вышеизложенный любопытный эпизодъ сталъ извѣстенъ изъ сохранившихся въ архивѣ Я. П. Полонскаго писемъ Побѣдоносцева, которыя печатаются нами вмѣстѣ съ отвѣтнымъ письмомъ поэта.

Н. К. Козминъ.

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ — ПОЛОНСКОМУ.

Любезнѣйшій Яковъ Петровичъ!

Вижу по газетамъ, что Тургеневъ здѣсь. Не кстати онъ появился. Вы дружны съ нимъ: чтобы вотъ по дружбѣ посовѣтовать ему не оставаться долго ни здѣсь, ни въ Москвѣ, а ѣхать скорѣе въ деревню.

---

[1]) Н. М. Гутьяръ. Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева, С.-Пб. 1910, стр. 117.

Здѣсь онъ попадетъ въ компанію «Порядка» [1]), ему закружатъ голову — и Богъ знаетъ, до чего онъ доведетъ себя. Я примѣнилъ бы къ нему теперь, отъ лица всѣхъ простыхъ и честныхъ людей, слова цыганъ къ Алеко «оставь насъ, гордый человѣкъ».

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

Прошу Васъ оставить это письмо совершенно между нами.

2 мая 1881 г.

ПОЛОНСКІЙ — ПОБѢДОНОСЦЕВУ [2]).

Ваше Высокопревосходительство

Многоуважаемый Константинъ Петровичъ.

Сего-дня утромъ получилъ я Вашу записку. Благодарю Васъ за то, что эта записка подсказала мнѣ, что Вы еще не утратили обо мнѣ Ваше доброе мнѣніе, несмотря на мои неудачные стихи и мою откровенность. Надѣюсь, что Вы не посѣтуете на меня и за то, что буду отвѣчать Вамъ какъ человѣкъ простой и честный.

Записку Вашу я никому не покажу; но могу ли посовѣтовать Тургеневу уѣхать какъ можно скорѣй, не поразивъ его или не возбудивъ въ немъ разнаго рода подозрѣній. Повѣритъ-ли онъ мнѣ?

Еще вчера съ восторгомъ говорилъ онъ мнѣ о томъ, что Германская Кронъ-Принцесса заставила его лишній день пробыть въ

---

[1]) «Порядокъ»—политическая и литературная газета М. М. Стасюлевича (1881 — 1882 гг.) 26-го марта 1881 г. была воспрещена розничная продажа этой газеты. Тургеневъ очень интересовался «Порядкомъ». Узнавъ 1-го іюня 1881 г., что «Порядокъ» въ обычный день не вышелъ, онъ писалъ М. М. Стасюлевичу изъ Спасского: «Что должно изъ этого заключить? Или — громъ грянулъ — и Побѣдоносцевъ перекрестился?» Когда же «Дамокловъ мечъ, столь долго висѣвшій надъ «Порядкомъ» — обрушился наконецъ на него», Тургеневъ замѣтилъ: «Понять это невозможно; остается сожалѣть — не о «Порядкѣ», а о правительствѣ, которое со слѣпу бьетъ своихъ лучшихъ друзей» («М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ». Спб. 1912 г., стр. 194, 201).

[2]) На автографѣ сдѣлана надпись рукою Полонскаго: Послано другое письмо въ другой редакціи.

Берлинѣ, такъ какъ пригласила его къ себѣ, была съ нимъ очень любезна и долго бесѣдовала. Еще вчера, выслушавъ мои упреки, — онъ изумлялся, до чего можетъ доходить сплетня, и оправдывался передо мной во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

При личномъ свиданіи я, конечно, могъ бы передать Вамъ весь нашъ разговоръ.

Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ Тургеневъ не предполагаетъ остаться болѣе одной недѣли [1]).

Въ Москвѣ намѣренъ пробыть одинъ день и тотчасъ же ѣхать въ деревню.

Вы пишете, что я друженъ съ нимъ; но неужели я былъ бы съ нимъ друженъ, если бы считалъ его человѣкомъ, опаснымъ нашему правительству или вреднымъ для общества. Я бы не только не былъ съ нимъ друженъ я бы не посѣщалъ его.

Или, считая его таковымъ, я бы по крайней мѣрѣ, посовѣтовалъ ему ѣхать обратно за границу, — а вовсе не въ деревню, такъ какъ человѣкъ, опасный въ столицѣ, вдвое—втрое опаснѣе у себя въ деревнѣ.

Кого онъ здѣсь увидитъ, кромѣ тѣхъ, которые знаютъ его съ юныхъ лѣтъ, или своихъ старыхъ пріятелей. — Молодежь ходила къ нему только съ вѣнками да букетами въ тотъ годъ, когда были овацiи, — и никому никакихъ рѣчей дома онъ не произносилъ, никому не давалъ никакихъ совѣтовъ — Все это ему страшно надоѣдало, и онъ не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ разныхъ посѣтителей.—Теперь не то, и самъ онъ вчера говорилъ мнѣ, что не желаетъ никого принимать, да я думаю, никто и не пойдетъ къ нему, — развѣ кто нибудь придетъ просить пособія. — Да и пособлять онъ уже не можетъ, такъ какъ самъ безъ денегъ и вчера просилъ денегъ у Стасюлевича (говоритъ, пріѣхалъ съ двумя грошами. — Полагаю, свадьба его любимицы Маріанны Віардо сильно истощила кошелекъ его [2]). Этотъ

---

[1]) Первоначально Тургеневъ предполагалъ пробыть въ Петербургѣ около мѣсяца. (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, С.-Пб. 1885, стр. 377. — Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ, С.-Пб. 1903, стр. 34).

[2]) 15-го февраля 1881 г. Тургеневъ писалъ Я. П. Полонскому изъ Парижа, «...пріѣду я въ Петербургъ между 5 (17) и 10 (22) апрѣля — и это навѣрное: потому что удерживаетъ меня здѣсь одно только обстоятельство — а именно: свадьба моей милой Маріанны (дочери г-жи Віардо) съ не менѣе милымъ композиторомъ и піанистомъ Дювернуа — и это радостное событіе совершится

гордый человѣкъ, какъ Вы его называете, добръ и мягокъ какъ воскъ. Ничего не стоитъ его разжалобить или воспользоваться его во истину женской безхарактерностью.

Вы опасаетесь, что кружекъ «Порядка» можетъ вскружить ему голову — но что значитъ «Порядокъ» передъ массою тѣхъ французскихъ газетъ и журналовъ, которые онъ читалъ и читаетъ! — Какимъ наивнымъ и безсодержательнымъ покажется ему любой русскій журналъ. Да и не одному Тургеневу. — Тысячи и тысячи русскихъ, странствующихъ и путешествующихъ, читаютъ за границей сотни радикальныхъ и всяческихъ газетъ — и если они ими заражены, то можетъ ли ихъ заразить Порядокъ; а если не заражены, то и Порядокъ на нихъ не подѣйствуетъ — Вѣдь то, что теперь пишется и печатается въ русскихъ газетахъ, не составляетъ и сотой доли того, что, слышешь въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ! и вотъ, мое горькое убѣжденье, чѣмъ строже цензура, тѣмъ не цензурнѣе разговоры. Судя по нашимъ отчетамъ, въ послѣднее время, ввозится въ Россію и ежегодно въ ней расходится до одиннадцати милліоновъ томовъ иностранныхъ книгъ (у насъ въ комитетѣ, я полагаю, до 700 однихъ только названій, выписываемыхъ изъ-за границы повременныхъ изданій). Что значитъ передъ такимъ количествомъ вся русская пресса? И что-же мудренаго, что часть русскаго общества заражается западными идеями! —

Но обращусь к Тургеневу. — Слишкомъ 20 лѣтъ живетъ онъ во Франціи — и повѣрьте мнѣ, любитъ Россію, хоть можетъ быть, и любитъ ее нѣсколько иначе, чѣмъ мы съ Вами. — Къ нигилизму же чувствуетъ такое же отвращеніе. — Его такъ называемый конституціонализмъ былъ ничто иное какъ случайно ему въ голову забредшая фантазія. — Это вовсе не прочно сложившееся или укоренившееся убѣжденіе. Онъ слишкомъ уменъ для того, чтобы вѣрить въ возможность невозможнаго — да и не то нужно Россіи... «Спаси Господи люди твоя и благослови достояніе твое». — Вотъ молитва, которая сама напрашивается на уста, и которую я повторяю ежедневно — холодомъ повѣяло отъ жизни — тяжело, душно, невыносимо душно! —

около 3 (15-го) апр(ѣля). — Давши имъ мое старческое благословеніе — я тотчасъ пущусь въ дорогу». (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. С.-Пб. 1885, стр. 376—377. — Ср. Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ, Одесса. 1903, стр. 34).

Какъ бы я былъ радъ возможности къ самому себѣ обратить Вашъ совѣтъ какъ можно скорѣе уѣхать куда нибудь въ глушь, въ пустыню...

Шесдесять (sic) лѣтъ живу я на свѣтѣ, и клянусь Вамъ, не помню такого страшнаго, такого тяжелаго времени! Ни о чемъ не думать, вотъ самое лучшее; но какъ не думать! — Боже мой! За чѣмъ я живу и начто я нуженъ?.. Какъ бороться со зломъ, когда для этой борьбы нѣтъ ни арены, ни свободы, ни мечты — Простите меня великодушно за это невольное горькое сознаніе своей немощи, за это, можетъ быть малодушное, отчаянье. —

Сегодня я дурно себя чувствую — и едва ли увижусь съ Тургеневымъ — завтра попробую заговорить съ нимъ, если только до завтра Вы не отмѣните Вашего желанія...

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности

Имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Я. Полонскій.

1881. 2 Мая.

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ — ПОЛОНСКОМУ.

Любезнѣйшій Яковъ Петровичь. Я вовсе не обвинялъ Тургенева въ какихъ либо злобныхъ намѣреніяхъ, и буде вы меня такъ поняли, то невѣрно. Я имѣлъ въ виду, по опытамъ прошлаго года, что нѣкоторыя компаніи литературныя употребляютъ Тургенева какъ орудіе, расчитывая на тщеславіе человѣческое, и нѣтъ мудренаго, что на этотъ разъ могутъ повториться тѣ же расчеты. А время такое, что благоразумнѣе избѣгать всякаго шума, рѣчей и овацій. Вотъ что имѣлъ я въ виду. Прошу васъ не придавать этому письму серьезнаго значенія и въ этомъ смыслѣ не поднимать съ Тургеневымъ разговора: пожалуй еще покажется ему, что хотятъ ему дѣлать какое-то внушеніе.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

2 Мая 81.

Да что это помнится прежде въ письмахъ ко мнѣ вы не ставили «Ваше Высокопревосходительство»?

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ПИСЕМЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Помѣщаемыя ниже письма Л. Н. Толстого къ Адольфу Федоровичу Марксу были вызваны печатаніемъ въ «Нивѣ» въ 1899 году романа «Воскресеніе». Левъ Николаевичъ началъ «Воскресеніе» (сюжетомъ для котораго послужилъ, какъ извѣстно, разсказанный А. Ѳ. Кони въ 1887 году случай изъ судебной практики) въ ноябрѣ 1895 года и работалъ надъ нимъ съ перерывами до февраля 1897 г.; затѣмъ, недовольный повѣстью (такъ Левъ Николаевичъ называлъ сначала свое произведеніе), онъ, не окончивъ, оставилъ ее и не возвращался къ ней до іюля 1898 года, когда къ пересмотру и напечатанію повѣсти побудили его особыя обстоятельства.

Поселенные въ началѣ прошлаго вѣка на Кавказѣ духоборы стали подвергаться съ 1895 года, послѣ участившихся отказовъ отъ военной службы и сожженія оружія, усиленнымъ гоненіямъ со стороны правительства. Часть ихъ, выселенная изъ своихъ деревень и размѣщенная въ грузинскихъ и армянскихъ поселкахъ, была совершенно лишена средствъ къ существованію. Послѣ долгихъ ходатайствъ духоборы получили, въ февралѣ 1898 года, разрѣшеніе на переселеніе за границу, но у большинства изъ нихъ не было для этого средствъ. Левъ Николаевичъ, принимавшій все время участіе въ судьбѣ духоборовъ, обратился 19-го марта того-же года къ обществу съ воззваніемъ о помощи имъ, а въ іюлѣ, когда выяснилось, что собранныхъ денегъ не хватаетъ для переселенія, рѣшилъ пожертвовать для этой цѣли свои произведенія: «Воскресеніе», «Отецъ Сергій» и «Дьяволъ»; потомъ Левъ Николаевичъ, однако, измѣнилъ свое намѣреніе и отдалъ въ печать только «Воскресеніе». Продажа права перваго печатанія повѣсти, послѣ объявленнаго имъ отказа отъ литературной собственности, доставила Льву Николаевичу много непріятныхъ минутъ. Пріобрѣвшій

право печатанія «Воскресенія» въ Россіи А. Ф. Марксъ объявилъ въ «Нивѣ», что перепечатываніе повѣсти онъ будетъ преслѣдовать по закону; къ этой мѣрѣ онъ, правда, не прибѣгъ,—вѣроятно, считая ее слишкомъ неудобной въ отношеніи Льва Николаевича,—но взамѣнъ этого Левъ Николаевичъ долженъ былъ, по желанію Маркса, обратиться съ просьбой къ русскимъ издателямъ о прекращеніи перепечатыванія «Воскресенія». Въ отвѣтъ на заявленіе Льва Николаевича, въ № 93 «Русскаго Слова» за 1899 годъ помѣщены были: «Открытое письмо А. Ф. Марксу» отъ редакціи газеты и «Письмо въ редакцію» отъ «одного изъ читателей газеты» съ протестомъ противъ требованія Маркса и съ упреками по адресу Льва Николаевича. Подобные же упреки, вѣроятно, слышались и за границей; о нихъ пишетъ Толстой 12-го января 1899 г. А. Ф. Мооду [1]): «... о вашемъ отказѣ участвовать въ дѣлѣ печатанія перевода «Воскресенія» очень жалѣю, хотя и понимаю мотивы вашего отказа. Во всемъ этомъ дѣлѣ есть что-то неопредѣленное, неясное и какъ будто несогласное съ испытываемыми нами принципами. Иногда — въ дурныя минуты — это на меня такъ же дѣйствуетъ и мнѣ хочется какъ можно скорѣй get rid of it [2]), но когда я въ хорошемъ, серьезномъ настроеніи, я даже радуюсь всей этой непріятности, которая связана съ этимъ дѣломъ. Я знаю, что мотивы мои были если не добрые, то самые невинные, и потому, если въ глазахъ людей я покажусь за это непослѣдовательнымъ или еще чѣмъ-нибудь хуже, то это только полезно мнѣ, пріучая меня дѣйствовать независимо отъ людскихъ сужденій, только соотвѣтственно требованіямъ совѣсти. Случаемъ этимъ надо дорожить. Они рѣдки и очень полезны».

Но если печатаніе «Воскресенія» доставило Льву Николаевичу много непріятностей, за то работалъ онъ надъ своимъ произведеніемъ съ необычайнымъ увлеченіемъ въ теченіе цѣлыхъ полутора лѣтъ — съ 17-го іюля 1898 г. по 12-е декабря 1899 г. Въ результатѣ этой работы произведеніе (Левъ Николаевичъ, по предложенію Маркса, назвалъ его романомъ) сильно разрослось: первоначальная редакція, судя по письмамъ къ Марксу, содержала около 80 главъ, окончательная же

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Л.Н. Толстого—«Библіотека Русскаго Слова», Т. XXII, М. 1913.

[2]) Т. е. «отдѣлаться отъ него».

составила 129 главъ. Увлеченіе Толстого романомъ, остывшее только къ концу работы, сказалось, между прочимъ, и въ высказанномъ имъ въ письмѣ къ Марксу отъ 8-го октября 1899 г. взглядѣ на значеніе художественныхъ произведеній. Это письмо является наиболѣе интересныхъ изъ всѣхъ публикуемыхъ ниже писемъ Толстого къ Марксу, имѣющихъ, въ общемъ, исключительно дѣловой характеръ.

Кромѣ писемъ самого Льва Николаевича къ Марксу, мы помѣщаемъ также письма графинь Софіи Андреевны и Татьяны Львовны и графа Андрея Львовича Толстыхъ, Николая Николаевича Ге и H. Archer'a, какъ относящіяся также къ печатанію «Воскресенія», а равно и письмо Льва Николаевича отъ 11-го февраля 1905 г. къ вдовѣ А. Ф. Маркса — Лидіи Филипповнѣ Марксъ-Всеволожской (отъ которой и перешли всѣ письма Толстого въ Пушкинскій Домъ). Въ послѣднемъ письмѣ Левъ Николаевичъ проситъ разрѣшенія напечатать въ «Кругѣ Чтенія» разсказы Чехова «Бѣглецъ» и «Душечка». Объ отношеніи Толстого къ послѣднему разсказу сохранилось свидѣтельство самого Чехова: въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 27-го января 1899 г. онъ пишетъ: «Я недавно написалъ юмористическій разсказъ въ 1/2 листа, и теперь мнѣ пишутъ, что Л. Н. Толстой читаетъ этотъ разсказъ вслухъ, читаетъ необыкновенно хорошо»; о томъ же упоминаетъ онъ и М. П. Чеховой, въ письмѣ къ ней отъ 4-го февраля того-же года: «Мнѣ пишутъ, что Л. Н. Толстой очень хорошо и смѣшно читаетъ мой разсказъ «Душечка», напечатанный въ Семьѣ» [1]). Вѣроятно о впечатлѣніи, произведенномъ «Душечкой» на Толстого Чехову, сообщилъ П. А. Сергѣенко, который подробно разсказываетъ объ этомъ въ своемъ очеркѣ «Толстой и Чеховъ» [2]): «Зимой 1898 г.» [3]), пишетъ онъ, «мнѣ пришлось быть вечеромъ у Толстыхъ въ Москвѣ. За вечернимъ чаемъ заговорили о литературѣ. Я сказалъ о новомъ Чеховскомъ разсказѣ «Душечка», напечатанномъ въ журналѣ «Семья». Левъ Николаевичъ очень заинтересовался и спросилъ, читалъ-ли я новый разсказъ и какъ нахожу его. Я сказалъ,

---

[1]) Письма А. П. Чехова. Кн-во писателей, Т. V, М. 1915; ср. въ книжкѣ Б. Л. Модзалевскаго: Чеховъ. Новые письма. Изъ матеріаловъ Пушкинского Дома, Пгр. 1922, стр. 91.

[2]) Въ серіи «Русская Быль», сборникъ о Толстомъ.

[3]) Здѣсь ошибка: разсказъ появился въ январьской книжкѣ журнала «Семья» за 1899 годъ.

что новый разсказъ Чехова ничего себѣ, и что если Л. Н. интересуется имъ, то у меня этотъ разсказъ съ собою.

— Новый разсказъ Чехова! Хотите слушать?—какъ-бы анонсировалъ Левъ Николаевичъ.

«Всѣ изъявили согласіе.

«Съ первыхъ же строкъ чтенія Л. Н. началъ произносить отрывочныя междометія одобрительнаго свойства. А затѣмъ не выдержалъ и во время чтенія обратился ко мнѣ съ оттѣнкомъ укора.

— Какъ-же это вы сказали: «ничего себѣ»? Это перлъ, настоящій перлъ искусства.

«И послѣ чтенія Л. Н. съ одушевленіемъ заговорилъ о «Душечкѣ», цитируя на память цѣлыя фразы.

— Какъ мѣтко и хорошо, — говорилъ Л. Н., — схваченъ Чеховымъ языкъ телеграфиста! И эта удивительная телеграмма, съ ея «хохоронами». И это истинное женское чувство, такъ сжато и такъ мастерски выраженное въ «Душечкѣ». Превосходный разсказъ! И какъ истинное художественное произведеніе, оно, оставаясь прекраснымъ, можетъ производить различные эффекты, подобно лакмусовой бумагѣ.

«Черезъ нѣкоторое время къ Толстымъ пришли новые гости. Л. Н. поздоровался и спросилъ:

— Читали новый разсказъ Чехова «Душечка»? Нѣтъ? Хотите послушать?

«И Л. Н. опять прочелъ «Душечку».

Восхищеніе Льва Николаевича разсказомъ Чехова не прошло съ теченіемъ времени и, составляя черезъ 6 лѣтъ «кругъ чтенія», Левъ Николаевичъ включилъ въ него «Душечку», написавъ къ ней замѣчательное послѣсловіе.

Елена Населенко.

1

Предоставляю Редакціи Нивы право перваго печатанія моей повѣсти — Воскресеніе. Редакція же Нивы платитъ мнѣ по тысячи рублей за печатный листъ въ 35,000 буквъ. Двѣнадцать тысячъ рублей Редакція выдаетъ мнѣ теперь же. Если повѣсть будетъ больше двѣнадцати листовъ, то Редакція платитъ то, что будетъ причитаться

сверхъ 12,000; если же въ повѣсти будетъ менѣе двѣнадцати печатныхъ листовъ, то я или возвращу деньги или дамъ другое художественное произведеніе.

Левъ Толстой.

12 Октября 1898.

2

Милостивый Государь,

Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ съ этою же почтою начало повѣсти.

Я не подписалъ и не прислалъ вамъ условіе потому что послѣдній пунктъ въ немъ о переводахъ неясно выраженъ. Вообще мнѣ кажется это условіе совершенно излишне послѣ того, которое я послалъ вамъ. О томъ, чтобы переводы не появились за границей раньше появленія въ вашемъ изданіи, я приму мѣры. Для этого мнѣ только нужно знать, когда и въ какихъ размѣрахъ вы разсчитываете начать печатаніе повѣсти. Будьте такъ добры увѣдомить меня объ этомъ съ тѣмъ, чтобы, сообразуясь съ этимъ, я бы могъ назначить крайній срокъ для выхода переводовъ.

Вообще я думаю, что писанныя условія ничего не обезпечиваютъ, если нѣтъ желанія быть справедливымъ.

Росписку въ полученіи денегъ при семъ прилагаю.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

22 Окт. 1898.

Въ счетъ отданной мною Редактору Нивы А. Ф. Марксу рукописи моей повѣсти Воскресеніе, долженствующей имѣть въ себѣ 12 печатныхъ листовъ, получено мною сего 20 Октября двѣнадцать тысячъ рублей.

Левъ Толстой.

22 Октября
1898.

3

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Я получилъ ваши два письма и корректуры.

Отвѣчаю на ваши вопросы и повторяю свои вопросы, на кот. очень прошу васъ отвѣтить. Ваши вопросы:

1) Право перваго печатанія въ Германіи еще никому не отдано, но будетъ отдано тому изданію, кот. предложитъ за это выгоднѣйшія условія. Дѣло это предоставлено Черткову (V. Tchertkoff, Maldon, Essex, England) и потому нѣмецкіе переводчики и издатели имѣютъ обратиться.

2) Переводы на иностранныхъ языкахъ, выходящіе въ Россіи, могутъ появляться послѣ выхода повѣсти въ вашемъ изданіи.

3) Главы отъ 18 до 40 вамъ высланы, остальныя надѣюсь выслать двумя частями не позже конца этого мѣсяца. Такъ я думаю и такъ желаю, но хотя въ томъ и мало вѣроятія, но могутъ встрѣтиться препятствія (нездоровье, смерть), т. к. я нахожусь въ процессѣ перерабатыванія послѣдней части.

Теперь мои вопросы и предложенія:

1) Въ повѣсти есть много мѣстъ нецензурныхъ и чѣмъ дальше я надъ ней работаю, тѣмъ этихъ нецензурныхъ мѣстъ становится больше. Но это не должно препятствовать помѣщенію повѣсти въ Нивѣ. Для этого нужно поручить просмотръ повѣсти литератору, знающему требованія цензуры, съ тѣмъ, чтобы этотъ литераторъ-редакторъ исключалъ всѣ тѣ мѣста, кот. онъ считаетъ совсѣмъ нецензурными, и измѣнялъ сомнительныя мѣста такъ, чтобы они не представляли препятствій въ ценз. отношеніи. Сдѣлавъ же эти измѣненія, я просилъ бы прислать ихъ ко мнѣ для просмотра. — Вотъ то, что касается нецензурности.

2) О времени напечатанія я просилъ бы васъ выпустить первый номеръ около половины Января.

3) Количество листовъ въ каждомъ номерѣ я просилъ бы васъ опредѣлить теперь при разсчетѣ на 12 листовъ печати.

Въ ожиданіи отвѣта остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ, готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

7 Ноября 1898.

4

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Получилъ ваши корректуры и письмо. Еще 30 главъ до 70 включительно, но еще не конецъ, [конецъ] вышлю вамъ дня черезъ два. До конца будетъ еще главъ 10, такъ что всѣхъ будетъ около 80.

Судя по тому, какъ идетъ дѣло, у меня (у васъ нѣтъ никакой задержки), я вижу, что я никакъ не буду въ состояніи кончить къ Январю. Я думаю, что вы не успѣли бы, не успѣетъ и Пастернакъ [1]). Кромѣ того заграничные издатели просятъ меня отложить печатаніе до Марта.

Изо всего этого выходитъ то, что я очень просилъ бы васъ отложить печатаніе до Марта и въ такомъ смыслѣ и сдѣлать объявленія. Я думаю, что вы при этомъ ничего не потеряете, достоинство же вещи значительно выиграетъ. Я же буду вамъ за такую отсрочку очень благодаренъ [2]).

Объявлять же вы смѣло можете, такъ какъ съ выпускомъ нецензурныхъ мѣстъ вещь во всякомъ случаѣ появится въ вашемъ журналѣ. На то, чтобы назвать это сочиненіе романомъ, я совершенно согласенъ. Что же касается до отрывка: исторія матери, то я теперь такъ весь поглощенъ работой надъ Воскр[есеніемъ], что не могу и думать о приготовленіи другой вещи къ печати.

Если вы не согласны на мое предложеніе отложить печатаніе до Марта, то вы очень обяжете меня, извѣстивъ меня объ этомъ телеграммой, съ тѣмъ, чтобы я могъ сообщить это извѣстіе ожидающимъ отвѣта заграничнымъ издателямъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ,

Левъ Толстой.

17 Ноября 1898.
Ясная Поляна [3]).

---

[1]) Л. О. Пастернакъ, художникъ, иллюстрировавшій для «Нивы» «Воскресеніе».

[2]) А. Ф. Марксъ началъ печатаніе повѣсти съ № «Нивы» отъ 13-го марта.

[3]) Слова: Ясная Поляна приписаны другой рукой.

5

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Другъ мой Ив. Ив. Горбуновъ [1]) передастъ вамъ нѣкоторыя мои соображенія о печатаніи Воскр[есенія]. Прилагаю два письма изъ Англіи, касающіяся заграничнаго печатанія [2]). Вы бы очень обязали меня, отвѣтивъ прямо въ Англію В. Черткову на вопросы этихъ писемъ. Я получилъ объявленіе на послѣдніе коррект. и ваше письмо и очень благодарю васъ за вашу аккуратность и любезность.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Л. Толстой.

12 Декабря.
[1898 г.].

6

Weckham's Farm
Danbury
Essex
13-th Dec-r 1898.

Dear Leo Tolstoy,

«RESURRECTION».

You do not, in your letter to V. G.[3]) refer to the English rendering of the title. We think that «Resurrection» is quite unsuitable, the only question is as two what is the best altarnative rendering. We are now making all arrangenrents to publication in March by weekly installments. A postponement to April would disarrange this somewhat and so is not now desired. I do not know the publication day of the «Neva» but the best starting date would be March 12-th (O. S.) or a day or tmo earlier. Later is not desired in view of our arrangements. Everything should now go quitesmouthly I think.

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Горбуновъ-Посадовъ, редакторъ издательской фирмы «Посредникъ».

[2]) Письма помѣщены ниже. Авторъ ихъ, Herbert Archer — сотрудникъ В. Г. Черткова по дѣламъ изданія «Воскресенія» и переселенія духоборовъ.

[3]) В. Г. Черткову.

HAWAIIAN ISLANDS.

I am now quite convinced that my feeling that the proposal was one not made in the interests of the Doukhobors was correctly founded. It is as I thought. The American capitalists who have invested in sugar plantations in the Hawaiian Islands are hampered by a dearth of good cheap labour. They do not want Asiatics, Europeans being better workers and they particularly do not want the emigrants to be self supporters. This has been distinktly stated in London by the same representation of the islands who saw you. When he was thus frank as to the object of his mission to Europe he was speeking as a business man to another businiss man and had no temptation to resort to the diplomacy he used at Yasnaya Polyana. His own words to M-r Hanagan, City agent in London for the Canadian Pacific Railway (whom I know well and who is my authority for these statements) were:—

«Above all we do not want the people to become independent we want them, their children and their childrens' children to work on the plantations».

I expect, unless after talking matters over with Maude I change my mind, to boat for Canada Dec-r 24-th or 31-st. I shall endeavour to get to Canada before the arrival of the «Lake Huron», but I am a little doubtful if I can quite manage to arrange everything here by Dec-r 24-th.

I take it that Maude will take up everything here when I go and I will of course write you from Canada as to how things go there. Perhaps I can then make my letter less «businesslike».

Yours affectionately

Herbert P. Archer.

(Переводъ).

«ВОСКРЕСЕНІЕ».

Дорогой Левъ Толстой.

Въ письмѣ къ В. Г. [1]) вы не дали отвѣта относительно англійскаго перевода заглавія. Мы думаемъ, что «Resurrection» совсѣмъ не подходитъ, и единственный вопросъ въ томъ, какой изъ двухъ переводовъ лучше. Теперь мы дѣлаемъ всѣ приготовленія къ печатанію въ мартѣ еженедѣльными выпусками. Отсрочка до апрѣля раз-

[1]) В. Г. Черткову.

строила бы нѣсколько дѣло, и это теперь нежелательно. Я незнаю дней выхода въ свѣтъ «Нивы», но лучше всего было-бы начать печатаніе 12 марта (ст. ст.) или днемъ или еще раньше. Позже нежелательно ввиду сдѣланныхъ нами приготовленій. Теперь, я думаю, все должно-бы пойти гладко.

ГАВАЙСКІЕ ОСТРОВА.

Теперь я совершенно убѣжденъ въ томъ, что мое чувство, что предложеніе не было сдѣлано въ интересахъ духоборовъ, было правильно. Это такъ, какъ я и думалъ. Американскіе капиталисты, вложившіе свои капиталы въ сахарныя плантаціи на Гавайскихъ островахъ, стѣснены недостаткомъ хорошей, дешевой рабочей силы. Они не хотятъ азіатовъ, такъ какъ европейцы лучшіе работники, и особенно не желаютъ эмигрантовъ, предоставленныхъ собственнымъ средствамъ. Это было опредѣленно заявлено въ Лондонѣ тѣмъ самымъ представителемъ острововъ, который видѣлъ васъ. Ставъ откровеннымъ по поводу цѣли своей миссіи въ Европу, какъ дѣловой человѣкъ съ дѣловымъ человѣкомъ, онъ не старался прибѣгать къ дипломатіи, которую онъ употребилъ въ Ясной Полянѣ. Его собственныя слова г-ну Hanagan'у, Лондонскому агенту Тихоокеанской желѣзной дороги въ Канадѣ (котораго я хорошо знаю, и на котораго я могу сослаться) были:

«Прежде всего мы не желаемъ, чтобы народъ сталъ независимымъ; мы желаемъ, чтобы его дѣти, и дѣти его дѣтей работали на плантаціяхъ».

Я надѣюсь, если только не измѣню своего намѣренія, переговоривши съ Моодомъ [1]), выѣхать въ Канаду 24 или 31 декабря. Я постараюсь пріѣхать въ Канаду до прибытія «Lake Huron'a» [2]), но немного сомнѣваюсь, смогу-ли все здѣсь устроить до 24 декабря.

Я непремѣнно хочу, чтобы Моодъ взялъ на себя здѣсь все, когда я уѣду, и напишу вамъ изъ Канады, какъ тамъ идутъ дѣла. Можетъ быть я смогу тогда написать «недѣловое» письмо.

Сердечно преданный вамъ

Гербертъ П. Арчеръ.

---

[1]) Эльмеръ Моодъ, переводчикъ сочиненій Л. Н. Толстого на англійскій языкъ и авторъ его біографіи. Моодъ принималъ дѣятельное участіе въ переселеніи духоборовъ.

[2]) Пароходъ, на которомъ прибыла въ Канаду первая партія духоборовъ.

7

Weckham's Farm
Danbury
Dec-r 15-th 1898.

Dear Leo Tolstoy,

Will you please ask Marks to let us know the exact date the story will begin to appear in the «Neva» and ask that it may be about the 12-th (O. S.) or a few days earlier.

Also whether he will have any objection to complete translated version of the story being published in America, England etc., ten days or a fortnight before the last instalment appears. I cannot see that he can in any way object to this as the complete translated version will be forbidden in Russia and cannot possibly injure the publication of the story. The «Daily Chronicle» specially want this and I think it might be arranged.

Thereby, please ask Marks to send particulars of the instalment divisions to Aylmer Maude here as soon as they are decided on. A table to this effect should be given:

1-st instalment Chap-s I to (both inclusive).
2-nd » » » »
3-rd » » » »
and so on.

But, and this is very important, the numbers of the chapters must be the numbers as in the 1-st part sheets quite ignoring the omissions or account of the Censorship. Please let this be very clearly understood as if the numbers are given according to the chapters published in Ruisia we shall go all wrong.

Lastly please tell him that we are obliged to make arrengements long before the date of the appearance of the first instalment and that we are arranging for weekly publication. The publication of the instalment shall keep pace with the publication in Russia and we are taking most careful steps to ensure this. But we must publish weekly even if, as I hope will not be the case, Marks publishes monthly.

Will you, when next writing, say if you have heard anything from our travelling friend and as to whether we can publish a translation of that story of his. It would be very useful just now — if we would.

Yours affectionately
Herbert P. Archer.

(Переводъ).

Дорогой Левъ Толстой,

Попросите, пожалуйста, Маркса сообщить намъ точную дату начала печатанія повѣсти въ «НивѢ» и попросите, чтобы это было около 12-го (ст. ст.) или нѣсколькими днями раньше.

Не будетъ-ли онъ также имѣть какихъ-нибудь возраженій противъ того, что полный переводъ повѣсти будетъ напечатанъ въ АмерикѢ, Англіи и т. д. десятью днями или двумя недѣлями раньше, чѣмъ появится послѣдній выпускъ. Я не думаю, чтобы онъ могъ почему-нибудь возражать противъ этого, такъ какъ полный переводъ будетъ запрещенъ въ Россіи и не сможетъ повредить успѣху печатанія. «Daily Chronicle» особенно желаетъ этого, и я думаю, это можетъ быть устроено.

Поэтому, попросите, пожалуйста, Маркса прислать расписаніе печатанія сюда, къ Эльмеру Мооду, какъ только оно будетъ установлено. Съ этой цѣлью должна быть приложена таблица:

1-й выпускъ главы съ I по (обѣ включительно)
2-й » » »
3-й » » »
и т. д.

Но, — и это очень важно, — число главъ должно быть такое-же, какъ въ первой части книги, цензурныя урѣзки или добавленія совершенно не должны приниматься во вниманіе. Разъясните ему, пожалуйста, что если разсчетъ выпусковъ будетъ сдѣланъ согласно числу главъ, печатаемыхъ въ Россіи, у насъ все пойдетъ невѣрно.

Наконецъ, пожалуйста, скажите ему, что мы должны сдѣлать приготовленія задолго до появленія перваго выпуска, и что мы устраиваемъ все для еженедѣльнаго печатанія. Появленіе выпусковъ должно итти наравнѣ съ печатаніемъ въ Россіи, и мы очень озабо-

чены обезпеченіемъ этого. Но мы должны печатать еженедѣльно, если даже (чего, я надѣюсь, не случится) Марксъ будетъ печатать ежемѣсячно.

Будьте добры сообщить, когда вы будете писать слѣдующій разъ, не слыхали-ли вы чего-нибудь о нашемъ путешествующемъ другѣ, и не сможемъ ли мы напечатать переводъ его разсказа. Если бы мы могли, это было-бы очень полезно какъ разъ теперь.

Сердечно преданный вамъ
Гербертъ П. Арчеръ.

8

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Я былъ нездоровъ и теперь еще не поправился и потому не успѣлъ окончить послѣднія главы и просмотрѣть присланныя корректуры съ помарками. Я все надѣялся успѣть сдѣлать это и вмѣстѣ съ высылкой подписанныхъ корректуръ прислать и конецъ; но нездоровье помѣшало. Отъ этого и не извѣстилъ васъ о полученіи корректуръ, за что прошу извинить меня.

Съ завтрашняго дня начну просмотръ корректуръ сначала и надѣюсь черезъ день или два выслать вамъ ихъ подписанными къ печати. Нѣкоторыя мѣста помарокъ, кот. кажутся мнѣ слишкомъ осторожны, я отмѣчу краснымъ карандашомъ: отъ васъ будетъ зависѣть отстоять эти мѣста или нѣтъ.

Послѣднія главы будутъ не такъ нецензурны, какъ главы, о которыхъ вы говорите. Во всякомъ случаѣ же въ нихъ найдется то что можетъ быть оставлено и можетъ быть достаточнымъ заключеніемъ романа.—

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Левъ Толстой.

16 Ян. 1899.

9

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Посылаю X главу, кот. вчера по ошибкѣ не была приложена къ корректурамъ. На стр. 20, начиная съ X главы, и вся 21 стр. должны быть вычеркнуты и замѣнены присылаемой рукописью.

Толстая.

23 Января 99.

10

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ окончательно поправленныя коррект. 30 главъ. Будьте такъ добры прислать мнѣ одинъ исправленный по цензурнымъ и моимъ измѣненіямъ оттискъ и два исправленныхъ по моимъ поправкамъ, но безъ цензурныхъ исключеній. — Еще увѣдомьте меня, пожалуйста, на сколько №-овъ будутъ распредѣлены эти 30 главъ, и къ какому числу вамъ понадобятся слѣд. главы. Послѣднія 5 главъ я не успѣлъ окончить, занявшись поправками первыхъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Л. Толстой.

30 главъ готовы, но я откладываю отсылку ихъ на одинъ день. Теперь посылаю 13.

24 I. 99. [1]).

11

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ главы до [начала] 29-й и прошу если можно прислать мнѣ эти послѣднія главы еще разъ для просмотра. Если это неудобно, то можно печатать и такъ. Я просилъ жену послать вамъ и стихи изъ еванг., которыя очень прошу васъ напечатать эпиграфомъ ко всей повѣсти. За присланныя книги очень благодарю.

Съ совершеннымъ уваженіемъ
Левъ Толстой.

25 Янв.
[1899 г.] [2]).

---

[1]) Подъ недатированными Л. Н-чемъ письмами мы ставимъ курсивомъ дату полученія ихъ А. Ф. Марксомъ, который дѣлалъ отмѣтку о времени полученія на всѣхъ письмахъ Толстого. На конвертѣ даннаго письма (писаннаго другою рукою) дата почтоваго штемпеля: Москва, 23 января 1899 и С.-Петербургъ 24. I. 99.

[2]) Даты почтоваго штемпеля на конвертѣ (съ адресомъ: Петербургъ. Редакція Нивы, Адольфу Федоровичу Марксу) — Москва, 26. I. 1899 и С.-Петербургъ 27. I. 99.

12

ПИСЬМО СОФІИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ.

Милостивый Государь

Адольфъ Ѳедоровичъ,

Левъ Николаевичъ поручилъ мнѣ просить васъ приказать поставить эпиграфомъ передъ повѣстью «Воскресеніе» прилагаемыя при этомъ письмѣ Евангельскія изрѣченія.

Пользуюсь случаемъ просить Васъ дать *мнѣ* лично одинъ экземпляръ корректурныхъ листовъ «Воскресенія» *безъ* цензурныхъ пропусковъ, за что я была бы Вамъ очень благодарна.

Готовая къ услугамъ

Граф. Софія Толстая.

27-I-99.

13

Милостивый Государь

Адольфъ Федоровичъ,

Хотѣлъ прислать вамъ конецъ съ Г. Сергѣенко [1]), но не могъ этого сдѣлать. Я все нездоровъ и не нахожусь въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ могъ бы исправить конецъ. Въ неисправленномъ же видѣ безполезно посылать, такъ какъ придется все измѣнять и все равно цензурное рѣшеніе не будетъ окончательное.

Пускай цензура выкидываетъ все, что находитъ нужнымъ выкинуть, а вы печатайте все, что не выкинуто.

---

[1]) Петръ Алексѣевичъ Сергѣенко, авторъ сочиненія «Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой» первый собиратель, редакторъ переписки Льва Николаевича.

М. А. Стаховичъ [1]) просилъ меня дать ему первыя главы для прочтенія ихъ Е. М. Ольденбургской [2]).

Если вы не имѣете ничего противъ, то исполните его желаніе.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Левъ Толстой.

P. S. Обдумавъ, посылаю все таки съ П. А.[3]) нѣсколько главъ.
6-II-99.

14

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Получивъ ваше письмо, тотчасъ-же написалъ Черткову, прося его сдѣлать что нужно для отрицанія неправильнаго объявленія нѣмецкаго издателя.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Левъ Толстой.

3 Марта.
[1899 г.].

15

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Письмо это вамъ передастъ мой уважаемый знакомый Константинъ Аполинаріевичъ Бутеньевъ. Я просилъ его передать вамъ статью Буланже [4]) и переговорить о ней, равно и объ объявленіи въ нѣмецкой газетѣ.

---

[1]) Михаилъ Александровичъ Стаховичъ, другъ семьи Толстыхъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта, Предсѣдатель Толстовскаго Музея въ Петербургѣ.

[2]) Принцессѣ Евгеніи Максимиліановнѣ Ольденбургской; она была воспитанницей графини Александры Андреевны Толстой, двоюродной тетки Льва Николаевича, извѣстной своею перепискою съ нимъ, изданною Толстовскимъ Музеемъ въ Петербургѣ подъ редакціей В. И. Срезневскаго.

[3]) Сергѣенкомъ.

[4]) Павелъ Александровичъ Буланже, другъ и единомышленникъ Л. Н. Толстого. За организацію помощи духоборамъ былъ высланъ осенью 1897 г. за границу. Подъ его редакціею былъ изданъ послѣ смерти Толстого «Хаджи Муратъ».

Я сейчасъ получилъ [прилагаемую] телеграмму и очень радъ случаю отвѣтить на нее.

Отвѣчаю я такъ: Différence dans l'étendue entre la version de mon roman paraissant dans la Niva et celle paraissant à l'étranger — Deutsche Verlaganstalt—sera [très petite] insignifiante [1]).

Благодарю за исполненіе моей просьбы.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

Павелъ Александровичъ Буланже (далѣе — другою рукою). Адресъ въ Англіи: Sparrow Wich House. Mundon, Essex, England. Paul Boulanger.

8-III-99. Гонораръ Буланже посланъ 11-III-99.

16 [2])

27 Марта 99 года.
Москва.

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Получилъ Ваше письмо съ условіемъ и съ письмами подписчиковъ. Условіе я бы предпочелъ не подписывать, и Вы бы очень обязали меня, если бы не настаивали на этомъ.

Требованіе же Ваше о томъ, чтобы прекратить немедленное перепечатываніе «Воскресенія», я совершенно понимаю, считаю справедливымъ и отъ всей души желалъ-бы въ этомъ отношеніи удовлетворить Васъ. Съ этою цѣлью прилагаю слѣдующія строки, которыя предоставляю Вамъ и прошу Васъ напечатать въ газетахъ.

«Перепечатываніе немедленно по ихъ выходѣ въ Нивѣ печатаемыхъ въ этомъ журналѣ главъ моего романа «Воскресеніе» я

---

[1]) Т. е. «Разница въ объемѣ версіи моего романа, появляющейся въ «Нивѣ», и той, кот. появится за границей — нѣмецкое издательство, — будетъ незначительна».

[2]) Письмо написано Николаемъ Николаевичемъ Ге, сыномъ художника, и лишь подпись собственноручная — Л. Н. Толстого.

нахожу несправедливымъ по отношенію къ издателю Нивы, пріобрѣвшему отъ меня право перваго печатанія этого романа; и потому, не измѣняя заявленного мною отказа отъ права литературной собственности, я прошу Г-дъ издателей русскихъ газетъ и журналовъ подождать перепечатываніемъ этого романа до его окончанія, которое послѣдуетъ . . . . . Исполнивъ эту мою просьбу, издатели очень обяжутъ меня, избавивъ отъ непріятнаго положенія, въ которое въ противномъ случаѣ они ставятъ меня по отношенію къ издателю «Нивы».

Прибавьте къ этому срокъ, когда будетъ оконченъ романъ, и такъ напечатайте. Я увѣренъ, что это письмо произведетъ то дѣйствіе, которое Вы желаете, и которое я считаю совершенно законнымъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

17 [1])

Съ курьерскимъ поѣздомъ 4 Мая посылаю съ багажнымъ кондукторомъ Финогеевымъ пакетъ съ корректурами.

Левъ Толстой.

5-V-99.

18

Милостивый Государь

Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ съ кондукторомъ 44 гл., кот. можно печатать, и главы съ 45 по 52 включительно, которыя, приказавъ исправить, прошу прислать еще мнѣ. Очень сожалѣю, что доставляю вамъ столько хлопотъ, но не могу иначе. Это самыя для меня трудныя и важныя мѣста. Дальнѣйшее пойдетъ безъ задержки.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Левъ Толстой.

5-V-99.

[1]) Открытое письмо со штемпелемъ: С.-Петербургъ 5 мая 1899.

19

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Уважаемый Адольфъ Федоровичъ,

Будьте любезны приказать выслать намъ въ Москву всѣ черновики романа моего отца; и кромѣ того приказать каждый разъ при корректурахъ высылать оригиналъ «Воскресенія», безъ чего трудно провѣрять точность печатанія.

Гр. Толстая.

P. S. Кромѣ того, очень прошу вмѣсто трехъ экземпляровъ корректуръ присылать по пяти, и кромѣ того выслать еще два экземпляра корректуръ послѣдней присылки.

Т.

4 Мая.

Въ Лондонъ посылать ничего не надо.

20 [1])

Посылаю главы 45 — 50 съ багажнымъ кондукторомъ Котовымъ. Прошу прислать оттиски напечатаннаго.

Л. Толстой.

21

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ 5 главъ отъ 45 по 50, кот. можно печатать. Слѣдующія [пойдутъ] будутъ доставлены своевременно.

Съ совершеннымъ уваженіемъ
Л. Толстой.

10 - V - 99.

---

[1]) Открытое письмо со штемпелями: Москва, 8 мая 1899 и Петербургъ 10-V-99.

22 [1])

Милостивый Государь
Адольфъ Ѳеодоровичъ,

Въ присланной вами корректурѣ «Воскресенія» вкралась ошибка, которую необходимо поправить, а именно — въ главѣ 48-й послѣ словъ, «Благодарная вамъ Вѣра Богодуховская» должны идти слова «Вѣра Богодуховская была учительница въ глухой Новгородской губ.» Все же предъидущее, между этими двумя фразами, надо выпустить. Такимъ образомъ послѣ словъ: «Благодарная Вамъ Вѣра Богодуховская» надо прямо читать: «Вѣра Богодуховская была учительница и т. д.

Левъ Толстой.

11. V. 99.

23

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю 11 главъ готовыхъ къ печати. Какъ и съ прежними, пожалуйста высылайте мнѣ оттиски, только не въ Москву, а въ Ясенки. Я завтра 14 переѣзжаю въ деревню. Въ слѣдующихъ главахъ надѣюсь не будетъ задержки. 57-й главой кончается 1-я часть и начинается 2-я, въ кот. 47 главъ.

Желаю вамъ всего хорошаго

Л. Толстой.

15. V. 99.

24

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Въ виду того, что сокращеніе текста «Воскресенія», происходящее отъ цензурныхъ пропусковъ, ускоряетъ печатаніе этого текста въ «Нивѣ», такъ что заграничныя изданія, въ которыхъ всѣ главы выходятъ цѣликомъ, опаздываютъ, я очень прошу Васъ: 1) насколько

[1]) Письмо, за исключеніемъ подписи, написано рукой графини Т. Л. Толстой.

это возможно точно держаться вашего расписанія главъ, т. е. если напримѣръ: по расписанію надо печатать три главы и одна изъ нихъ нецензурна, то печатать лишь двѣ, п. ч. въ противномъ случаѣ Вы опережаете заграничныя изданія на одну главу [1]). 2) Я очень просилъ бы Васъ по окончаніи первой части Воскресенія задержать печатаніе на одну недѣлю чтобы дать возможность заграничнымъ изданіямъ стать въ уровень съ Вашимъ, и 3) извѣстить меня, сколько листовъ печати выходитъ въ томъ, что теперь набрано. Я вполнѣ увѣренъ, что Вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ тѣмъ болѣе, что заграничные издатели, хотя и съ потерей для себя, исполнили ваше желаніе, когда они стали опережать ваше изданіе. — Въ противномъ случаѣ, духоборческая община, которой передана вся выручка отъ этого изданія и которая очень нуждается, понесетъ новыя потери.

Принося впередъ Вамъ благодарность за исполненіе моей просьбы, остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ [2])

Левъ Толстой.

3 Іюня.
[1899 г.].

Надѣюсь завтра прислать вамъ 4 главы, заканчивающія 2-ю часть.

25

Посылаю исправленныя главы отъ X до XIV 2-й части и главы [съ] XXX по XXXV включительно. Какъ тѣ такъ и другія, равно и главы съ I по X, о кот. телеграфировалъ, прошу прислать.

Л. Толстой.

9. VI. 99. Durch Андр. Львовичъ Толстой.

26

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Письмо ваше получилъ и все таки просилъ бы васъ остановить съ 26 № печатаніе на одну недѣлю. Это полагаю не сдѣлаетъ вамъ

[1]) Или увѣдомлять меня о томъ почему это невозможно. *(Прим. Льва Н-ча).*
[2]) Просьба Льва Николаевича исполнена не была.

затрудненія, а кромѣ удовлетворенія заграничныхъ издателей дастъ мнѣ маленькій отдыхъ, въ кот. я теперь нуждаюсь [1]).

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

8 Іюня.
[1899 г.] [2]).

27

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ исправленныя къ печати главы 7—9. Пожалуйста извините, что доставляю вамъ хлопоты. Очень нужны были исправленія и вставки. Надѣюсь, что корректоръ разберетъ всѣ вставки и измѣненія и не сдѣлаетъ ошибокъ. Посылаю также [главы] гранки съ 9 по 45 посылкой. Эти гранки равно и главы отъ 9 до 21 прошу прислать еще разъ.

Готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

11 Іюня.
[1899 г.].

28

21 Іюня.

М. Г. Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ [15] 14 гранокъ, готовыхъ къ печати. Слѣдующія не замедлятъ. Будьте такъ добры высылайте мнѣ поскорѣе исправленные экземпляры. Я получилъ гл. 10-30 заказнымъ письмомъ, но посланныхъ посылкою до сихъ поръ нѣтъ.

Еще я просилъ бы Васъ высылать въ количествѣ 4-хъ экз. только готовыя къ печати. Для исправленія же достаточно двухъ экз.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

Л. Толстой.

24. VI. 99.

---

[1]) № 26 «Нивы» вышелъ съ объявленіемъ о перерывѣ печатанія романа на одну недѣлю, согласно желанію Льва Николаевича.

[2]) Закрытое штемпельнос письмо: даты почтовыхъ штемпелей: Ясенки. Тульск. губ. 9. VI и 10. VI и С.-Петербургъ 11. VI. 99.

29

24 Іюня 99 г. [1])

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Сейчасъ получилъ телеграмму изъ-за границы, въ которой меня извѣщаютъ, что если печатаніе въ Нивѣ не будетъ остановлено на двѣ недѣли теряется большая сумма денегъ. Содержаніе телеграммы такое:

Journal allemand annonce decision rompre contrat si publication de Niva pas arretée immediatement. Attendons mème decision France Amerique. Pour sauver situation nécéssaire arreter publication Niva deux semaines [2]).

Вотъ положеніе.

Не думаю, чтобы остановка печатанія на двѣ недѣли, объясненная моей просьбой, могла въ чемъ нибудь помѣшать успѣху вашего изданія, отказъ-же вашъ, кромѣ того что лишитъ тѣхъ, кому они предназначены, большихъ суммъ, покажетъ, что вы не желаете исполнить моей просьбы.

Въ заявленіи вашемъ публикѣ можно бы прибавить слѣдующее мое письмо:

М. Г.

Исключительныя и непредвидѣнныя мною обстоятельства заставляютъ меня просить васъ задержать печатаніе моего романа «Воскресеніе» на двѣ недѣли.

Съ соверш. уваж.
Л. Толстой.

Жду вашего отвѣта и почти увѣренъ, что онъ будетъ благопріятнымъ.

Левъ Толстой.

О рѣшеніи вашемъ прошу отвѣтить телеграммой Козловку [3]).

26. VI. 99.

---

[1]) Дата написана рукою графини С. А. Толстой.

[2]) Нѣмецкій журналъ извѣщаетъ о рѣшеніи разорвать контрактъ, если печатаніе въ «Нивѣ» не будетъ немедленно остановленно. Ожидаемъ такого же рѣшенія Франціи, Америки. Чтобы спасти положеніе, необходимо остановить печатаніе въ «Нивѣ» на двѣ недѣли.

[3]) Печатаніе романа было прервано Марксомъ 24-го іюля на одну недѣлю.

30

ПИСЬМО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЕ.

10 Іюля [1899 г.].

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Вчера мною высланы Вамъ главы XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV.

Левъ Николаевичъ проситъ сдѣлать слѣдующую поправку: на листѣ 26/1 передъ словами Нехлюдова: — Да, но вѣдь очевидно, что рѣшеніе нелѣпо... Надо вставить слѣдующее:

Селенинъ всегда занятый и мало бывавшій въ свѣтѣ, очевидно, ничего не слыхалъ о романѣ Нехлюдова: Нехлюдовъ-же, замѣтивъ это, рѣшилъ, что ему и не нужно говорить о своихъ отношеніяхъ къ Масловой.

а послѣ словъ: — Да, но вѣдь очевидно, что рѣшеніе нелѣпо... надо вставить слова:

— *сказалъ онъ.*

До сихъ поръ еще не получены главы 10, 11, 12, 13, 14 Второй части, о присылкѣ которыхъ я просилъ въ письмѣ своемъ от 4 Іюля. Эти главы крайне нужны, и я прошу, если онѣ еще не высланы, поспѣшить высылкой ихъ. А также прошу не откладывая выслать полный текстъ (безъ цензурныхъ пропусковъ) всего «Воскресенія» въ двухъ экземплярахъ (мое письмо отъ 6 Іюля).

Высылка же 20-й главы (мое письмо отъ 5 Іюля) теперь уже, какъ запоздавшая, не нужна.

Остаюсь готовый къ услугамъ Вашимъ

Николай Ге.

ПРИПИСКА Л. Н. ТОЛСТОГО.

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Будьте такъ добры исполнить переданныя Вамъ черезъ Николая Николаевича Ге мои просьбы и извините, что самъ не писалъ Вамъ. Я былъ очень нездоровъ и теперь очень занятъ и потому прошу просьбы Н. Н. Ге принимать какъ бы мои. Въ послѣднемъ № Нивы въ главѣ VII сдѣлана очень непріятная мнѣ ошибка: на стр. 499

(1-го столбца) строчки отъ 50-й (сверху) до конца VII гл. должны были быть поставлены прежде строкъ 40-й (сверху) до 48-й (сверху).

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

12. 7. 99.

31

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ 6 [34—39] главъ. Остаются 2 главы второй части. Третья часть написана, потребуетъ переработки. Если буду живъ и здоровъ, то главы третьей части будутъ высылаться своевременно. Очень сожалѣю что не могу исполнить вашего желанія: [и] прислать теперь конецъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

11. 8. 99.

32

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Главы 41 и 42 кончаютъ вторую часть романа. Условія, при которыхъ мнѣ приходится работать надъ исправленіемъ послѣднихъ главъ, до такой степени вслѣдствіи поспѣшности печатанія [такъ] для меня тяжелы въ особенности при моемъ нездоровьи, что я полагалъ бы закончить печатаніе въ Нивѣ концомъ 2-й части, приложивъ къ этому краткій въ нѣсколько строкъ эпилогъ. И потому я просилъ бы васъ, получивъ отъ меня исправленныя послѣднія главы 41, 42, равно какъ и эпилогъ, выслать въ Москву въ Международн. банкъ на мой счетъ причитающееся за превышающее 12 лист. количество деньги, считать дѣло печатанія въ Нивѣ моего романа покон-ченнымъ [1]).

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

22 Авг. 1899.

---

[1]). Очевидно въ отвѣтѣ на письмо А. Ф. Марксъ предложилъ Льву Николаевичу сдѣлать перерывъ въ печатаніи романа на 5 недѣль, что и было исполнено.

33

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Вполнѣ согласенъ на ваше предложеніе. Буду также, какъ и прежде, по мѣрѣ окончанія ихъ, высылать вамъ готовыя главы, нѣкоторыя окончательно для печатанія, нѣкоторыя же съ просьбой вернуть ихъ мнѣ для исправленія. Думаю, что я окончу исправленіе послѣдней части къ половинѣ октября, но положимъ на всякій случай крайній срокъ 1-е ноября.

Такъ какъ всѣхъ главъ послѣдней части будетъ около 20, то главы эти, разсчитывая по 3 въ каждый №, помѣстятся до новаго года во всякомъ случаѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь, готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

27 Авг. 1899.

34

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ 4 главы. Очень боюсь, что большая часть изъ нихъ не пропустится цензурою. Вамъ удалось пропустить многое въ предшествующемъ, что обыкновенно запрещается. Желаю вамъ успѣха и для этой части. Въ виду того, что многое можетъ быть не пропущено, я поспѣшу выслать вамъ слѣдующія главы, тоже 4, кот. надѣюсь не встрѣтятъ препятствій въ цензурѣ. Во всякомъ случаѣ прошу васъ прислать мнѣ [эти] теперь посылаемыя 4 главы для исправленія въ 3-хъ экземплярахъ. Постараюсь ихъ не задержать. Я не переставая работаю и спѣшу, сколько могу и сколько позволяетъ мнѣ мое слабое, нынѣшній годъ, здоровье. Пословица говоритъ: скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается, а я говорю: скоро дѣло дѣлается, а не скоро сказка сказывается. И это такъ и должно быть, п. ч. дѣла самыя большія разрушаются и отъ нихъ ничего не остается, а сказки, если они хороши, живутъ очень долго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

8 Окт. 1899.

Всего никакъ не могу прислать, хотя оно и написано, потому что постоянно исправляю, измѣняю, выкидываю.

35

ПИСЬМО ГРАФА АНДРЕЯ ЛЬВОВИЧА ТОЛСТОГО:

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Мнѣ отецъ поручилъ написать Вамъ, прося Васъ прислать ему на Международный Торговый Банкъ въ г. Москвѣ причитающіеся ему деньги за лишнія главы, переводомъ. Онъ завтра или послѣ завтра высылаетъ Вамъ остальныя главы.

Уважающій Васъ

Гр. Андрей Толстой.

24. 10. 99.

36

Милостивый Государь,
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ какъ первыя четыре исправленныя главы, такъ и слѣдующія до 19-й включительно. Очень прошу васъ прислать мнѣ всѣ эти главы обратно въ гранкахъ для исправленія, а также и оригиналъ, т. к. я не желая задерживать ради переписки и не оставилъ другого экземпляра. Еще остается 9 главъ, которыя надѣюсь прислать въ свое время. Сынъ Андрей писалъ вамъ о высылкѣ причитающихся мнѣ денегъ. Очень обяжете, исполнивъ эту мою просьбу какъ можно скорѣе. Люди, для которыхъ назначены эти деньги, какъ мнѣ пишутъ, находятся въ большой нуждѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

22 Окт. 1899 [1]).

ПРИПИСКА ГРАФИНИ ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ ТОЛСТОЙ [2]).

P. S. Левъ Николаевичъ проситъ передать Вамъ, что телеграммы на его имя слѣдуетъ адресовать на ст. Козловку-Засѣку (Моск.-К. ж. д.), которая находится отъ Ясной Поляны гораздо ближе, нежели Ясенки.

---

[1]) Почтовые штемпеля на конвертѣ: Тула, 24. X. 1899 и С.-Петербургъ, 25. X. 99.

[2]) Рожд. Дитерихсъ, первой жены графа Андрея Львовича Толстого.

37

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ всѣ остальныя главы и передѣланную 18-ю главу. Прошу также какъ и предшествующую посылку прислать съ оригиналомъ, но лучше посылкой, а не письмомъ, а то слишкомъ дорого стоитъ. Всѣ эти главы подлежатъ передѣлкѣ, но въ цензурномъ отношеніи отъ передѣлки могутъ только смягчиться. Займусь теперь исправленіемъ первыхъ главъ и постараюсь прислать ихъ въ самомъ скоромъ времени. Будьте добры сообщить мнѣ, какъ рѣшится вопросъ въ цензурѣ и какъ вы распредѣлите главы по номерамъ?

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Левъ Толстой.

31 Окт. 1899 [1]).

ПРИПИСКА ГРАФИНИ ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ ТОЛСТОЙ.

P. S. Въ присланной Вами корректурѣ во многихъ мѣстахъ попадается ошибка, а именно, фамилія Нехлюдовъ напечатана Нехмодовъ.

Будьте добры обратите вниманіе на эту ошибку.
О. Толстая.

38 [2])

Я забылъ написать, что если есть время, то [пріятно] желательно бы было еще разъ просмотрѣть первыя 4 главы. Дальнѣйшія же главы необходимо просмотрѣть еще разъ.

Готовый къ услугамъ
Л. Толстой.

6 Ноября.

---

[1]) Почтовые штемпеля на конвертѣ: Ясенки Тульск. г. 1. XI. 1899 и С.-Петербургъ, 2. XI. 99.

[2]) На открытомъ письмѣ штемпеля: Ясенки Тульской губ. 7. XI. 1899 и С.-Петербургъ, 8. XI. 99.

39

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ 4 главы. Надѣюсь что они будутъ цензурны, слѣдующія 15 гл. готовы, только нужно переписать.

То, что составляло листы 3 и 4, не разбирайте. Это перенесется въ другое мѣсто.

Съ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Левъ Толстой.

Деньги получилъ 6 Ноября.

8. XI. 99.

40

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю вамъ 6 главъ до 10-й включительно. Прошу поскорѣе прислать исправленными. Послѣдующія главы находятся у васъ, такъ что по нимъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, пропустятся онѣ или нѣтъ. Возможныя въ нихъ измѣненія могутъ только, какъ я писалъ вамъ, смягчить ихъ въ цензурномъ отношеніи. Слѣдующія 7 главъ пришлю очень скоро.

Если будетъ время, то пришлите и посылаемыя теперь главы для исправленія.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ
Левъ Толстой.

16 Ноября 1899.

Сейчасъ просмотрѣлъ гранки и долженъ былъ еще сдѣлать поправки, т. ч. онѣ очень неясны и необходимо еще разъ пересмотрѣть.

41

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Письмо это передастъ вамъ мой близкій другъ «alter ego». Я просилъ его переговорить съ вами объ очень важномъ для меня дѣлѣ. Очень прошу васъ исполнить то, о чемъ онъ будетъ просить васъ. Это очень для меня важно [1]).

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

1 Дек. 1899.

42

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Я просилъ васъ освободить меня отъ обязательства печатать въ вашемъ журналѣ Исторію Матери главное для того, чтобы не быть ничѣмъ связаннымъ, и потому, выражая вамъ свою искреннюю благодарность за ваше согласіе, я никакъ не могу согласиться на печатаніе объявленія о имѣющихъ появиться моихъ повѣстяхъ. Если онѣ напишутся я съ удовольствіемъ отдамъ ихъ въ вашъ журналъ, но обѣщать ничего не могу [2]).

Посылаю главы 15 — 21 для печатанія; остальныя надѣюсь выслать очень скоро.

Еще разъ благодарю васъ и остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

5 Дек. 1899.

---

[1]) Неизвѣстно о комъ и о чемъ идетъ рѣчь въ настоящемъ письмѣ. Къ письму приложена визитная карточка П. А. Буланже («P. A. Boulanger. 8 Albion Villas Road. Sydengam. S. E.») рукой А. Ф. Маркса на самомъ письмѣ сдѣлана надпись карандашомъ: «Отецъ Сергій».

[2]) Послѣ «Воскресенія» Левъ Николаевичъ больше ничего изъ своихъ произведеній не помѣщалъ въ «Нивѣ». «Исторія Матери» осталась неоконченной и напечатана въ III т. Посмертныхъ Художественныхъ Произведеній Л. Н. Толстого.

43

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Посылаю послѣднія главы и очень прошу, исправивъ ихъ, поскорѣе выслать мнѣ безъ измѣненій и пропусковъ для заграничныхъ изданій [которымъ], для которыхъ я, поспѣшая, не успѣлъ сдѣлать копіи. Для вашего же изданія вы какъ и въ прежнихъ главахъ сдѣлайте тѣ сокращенія, какія окажутся нужными для цензуры.

Можете печатать и такъ, но если бы вы мнѣ прислали еще для просмотра послѣднія двѣ главы, было бы лучше.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

12 Дек. 1899.

44

ПИСЬМО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЕ:

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ.

Графъ Левъ Николаевичъ проситъ передать Вамъ, что посылаемый теперь экземпляръ пяти (LXXII — LXXVI) главъ лучше раньше высланнаго Вамъ, но что въ этомъ лучшемъ экземплярѣ нѣтъ тѣхъ поправокъ, которыя есть въ прежнемъ, и что ихъ надо въ него внести.

Готовый къ Вашимъ услугамъ

Николай Ге.

18 Декабря.

45

Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ,

Я получилъ и ваше письмо, и переводъ и очень благодарю васъ за все. Желаю вамъ всего лучшаго въ новый годъ, съ которымъ поздравляю.

Готовый къ услугамъ

Л. Толстой.

1 Янв. 1900.

46

ЛИДІИ ФИЛИППОВНѢ МАРКСЪ.

Милостивая Государыня,

Въ составленной мною книгѣ: «Избранный Кругъ Чтенія», въ которую, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ изрѣченій и мыслей, войдутъ болѣе 50 статей и разсказовъ, я желалъ бы помѣстить съ нѣкоторыми сокращеніями разсказы А. П. Чехова: «Душечка» и «Бѣглецъ».

Вы очень обяжете меня, разрѣшивъ мнѣ напечатать эти разсказы.

Съ совершеннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

11 Февр. 1905.

УКАЗАТЕЛЬ

Абаза, г-нъ 70
Адлербергъ, графъ А. В. 170
Академія Наукъ 8, 13, 97, 98, 99, 102, 111, 112
Академія Художествъ 31, 33
Аксакова, А. Ѳ., рожд. Тютчева 196, 199
Аксаковъ, И. С. 149, 192, 196
Аксаковъ, К. С. 158, 159, 178, 179
Аксаковъ, С. Т. 157, 158, 194
Аксаковы 163, 167, 181
Александръ I, Императоръ 75, 76
Александръ II, Императоръ 220, 286
Александръ Николаевичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ 24, 26
Алексѣй Михайловичъ, Царь 165
«Almanach des Muses» 54
«Амфіонъ» 71
Анастасевичъ, В. Г. 109
Аничковъ, В. М. 229
Анненковъ, П. В. 44, 48, 122, 123, 137, 142, 148, 149, 154, 169, 190, 195, 196, 197, 213, 222, 223, 227, 232
Апухтина, Е. А., рожд. Скуратова 160
Апухтина, Е. П. — см. Тургенева 160
Арапетовъ, И. П. 215, 218, 220, 222, 224, 225, 232
Араповъ, П. Н. 69
«Арзамасъ» 3, 72
д'Арленкуръ 87, 90
Арсеньевъ, К. К. 274
Артюхова, Е. И., рожд. Неплюева, 27
Артюховъ, К. Д. 27, 28, 29, 30
Архангельскій, В. М. 64
Archer, Herbert 292, 298, 299, 300, 302, 303
Ахенбахъ, К. К. 210, 212
Ахматова, Е. Н. 250, 251
Аѳанасьевъ, А. Н. 228

Базуновъ, А. Ф. 221, 222, 230, 232
Бакунинъ, М. А. 277
Балакиревъ, М. А. 258
Балашевъ, А. Д. 12—16, 17, 18
Бантышъ-Каменскій, Д. Н. 20
Барсуковъ, Н. П. 162, 180
Бартеневъ, П. И. 19
Баскаковъ, живописецъ, 253
Батюшковъ, К. Н. 53, 55, 67, 157
Бахъ 271
Беато-Анджелико 254
Бекетова, Е. П. 18
Бекетовъ, В. Н. 163, 167, 169
Бенкендорфъ, графъ А. Х. 187
Бертю, Шарль 23
Бестужевъ, А. А. 108
Бетманъ-Гольвегъ 279
Бетховенъ 271, 278
Билье 64
Бирюковъ, П. И. 124, 156, 186
Бобринскій, графъ В. А. 179, 180, 186.
Боденштедтъ, Ф. 203, 204, 205, 206, 207
Боратынскій, Е. А. 55, 85, 87, 88, 93
Борисполецъ, художникъ, 261, 264
Бородинъ, Д. М. 21, 22, 26
Боткина, М. П.—см. Фетъ
Боткинъ, В. П. 142, 150, 152, 154, 162, 167, 186, 187, 193, 194, 195, 213, 222, 267, 272, 276, 277, 281
Боткинъ, М. П. 266

Боткинъ, Н. П. 194
Брантъ, Л. В. 144
Брумъ, лордъ 279
Брутъ 28, 29
Брюлловъ, К. П. 32, 33, 252, 253, 254; 257, 270, 271
Брюсовъ, В. Я. 7, 11, 12
Брянская, А. Я. — см. Головачева-Панаева
Буало 56
Буланже, П. А. 306, 307, 320
Булгаковъ, К. А. 216
Булгаринъ, Ѳ. В. 109, 144, 155, 201
Бунина, А. И. — см. Гирсъ
Бурдинъ, Ѳ. А. 122
Бутеневъ, К. А. 264, 306
Бутовскій, В. И. 160
Бутурлинъ, М. П. 19
Быковъ, Н. Д. 33
Бычковъ, И. А. 26
Бѣлинскій, В. Г. 8, 142, 156, 189, 190
Бѣляевъ, И. Д. 178
Бѣшенцовъ, А. 230
Бэръ, Д. Б. 274

Валуевъ, графъ П. А. 212
Васильчиковъ, князь А. И. 215
Ведель 6
Велингтонъ 214
Венгеровъ, С. А. 40, 76
Венявскій Г. 277
Вернадскій, И. В. 160, 273
Вигель, Ф. Ф. 17
Вильде, М. Г. 215
Виттъ, Н. И. 276
Віардо, Маріанна 288
Віардо Гарсіа, Полина 121, 147, 103, 204 205, 206, 207, 276
Віельгорскій, графъ М. Ю. 275, 276
Водовъ, Н. И. 219
Воейкова, А. А., рожд. Протасова, 19, 85
Воейковъ, А. Ѳ. 85, 201
Волконская, княгиня З. А. 42, 50
Волконскій, князь Г. П. 246, 265
Волконскій, князь С. М. 21
Вольтеръ 11, 12
Вольховскій, В. Д. 20
Вонлярлярскій, В. А. 155
«Воскресеніе» 291, 292, 295, 297, 298, 299, 303, 305, 307, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 321
Востоковъ, А. Х. 127
Всеволжскій, Н. В. 38
«Вѣстникъ Европы» 9, 44
Вяземская, княгиня Е. П., рожд. Новосильцова, 149, 167
Вяземскій, князь Н. С. 149
Вяземскій, князь П. А. 3, 9, 11, 32, 55, 61, 71, 72, 79, 109, 198, 199, 200, 201

Гагемейстеръ, Ю. А. 180
Гади 254
Гаевскій, В. П. 2, 10, 11, 12, 38, 39, 43, 44, 45, 47, 48, 58, 61, 250
Галаховъ, А. Д. 156, 190
Ганъ, г-жа 284
Гастфрейндъ Н. А. 2, 41, 48
Гауэншильдъ, Ф. М. 75, 76
Ге, Н. Н. 292, 307, 314, 321
Гедеоновъ, С. А. 263, 270
Гельти 8
Гендель 271, 277
Гербель, Н. В. 2, 170
Гервегъ, 277
Гермогенъ 49, 57
Герценъ, А. И. 120, 121, 142, 147, 162, 169, 177, 180, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 194, 195, 272, 276, 277, 280, 282
Гершензонъ, М. О. 42, 43, 51
Гете, Вольфгангъ 8, 143, 233, 234, 235, 236, 278
Гжегелевскій 280, 282
Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. 159, 211
Гингеръ 35
Гирсъ, А. И., рожд. Бунина, 279
Гирсъ, А. К. 279
Гладстонъ 278
Глазуновъ, И. П. 50

Глинка, М. И. 255, 256, 257, 258, 269—272, 275
Глюкъ 271, 278
Гнѣдичъ, Н. И. 109
Гоголь, Н. В. 19, 116, 181, 186, 188, 267
Голицынъ, князь Н. С. 217
Голицынъ, князь П. П. 215
Голицынъ, князь Ю. Н. 273
Голицыны, князья 103
Головачева-Панаева, А. Я., рожд. Брянская, 148, 171, 194, 211
Гончаровъ, И. А. 193
Горацій Флаккъ 3, 72
Горбуновъ-Посадовъ, И. И. 298
Горчаковъ, князь Д. П. 55, 69
Горчаковъ, князь А. М. 42, 50
Гофманъ, М. Л. 38, 42, 43, 96.
Гофманъ, Т. 213, 223
Грановскій, Т. Н. 142, 161, 162, 178, 276
Гревеницъ, баронъ 279
Грековъ, Н. П. 170
Грессе 11
Грефе 276
Гречъ, Н. И. 109, 113—116, 127
Грибовскій 191
Григорьевъ, А. А. 167, 213, 232, 251
Григорьевъ, В. В. 161, 162
Григоровичъ, Д. В. 151, 163, 213, 213, 222, 228, 230
Гротъ, К. Я. 36, 37, 38, 40, 43, 45, 47, 48, 50, 55, 58, 61, 64, 70, 76
Гротъ, Я. К. 3, 4, 5, 6, 20, 41, 43, 46, 47, 48, 53, 60, 76
Гутьяръ, Н. М. 121, 286
Гэнсборо 278

Давыдовъ, И. И. 220
Даль, В. И. («Казакъ Луганскій») 18—21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30
Даниловъ, А. Д. 236, 237, 238
Даргомыжскій, А. С. 110, 111, 112
Дашкова, Е. Р. 157
Дашковъ, Д. В. 87
Делаво 193, 194
Дельвигъ, баронъ А. А. 1, 2, 8, 9, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 71, 78—96, 108, 109, 110
Дельвигъ, баронъ А. И. 2
Дельвигъ, баронесса С. М., рожд. Салтыкова, 78—96
Деляновъ, графъ И. Д. 215
Демидовъ, князь А. Н. 246, 248, 249, 257, 260, 263, 264, 265, 268, 269
Денъ 215
Dehn, Fr. 258
Деревицкій, Н. А. 222, 226
Джотто 254
Дизраэли 278
Дитерихсъ, О. К. — см. Толстая, графиня
Дмитріевъ, И. И. 18, 20, 55, 61, 70, 73, 109, 115, 164.
Дмитріевъ, Ѳ. М. 164, 178
Добролюбовъ, Н. А. 190
Донателло 254
Донъ-Кихотъ 45
Достоевскій, Ѳ. М. 233
Драгомановъ, М. П. 191
«Драматическій Вѣстникъ» 107
«Другъ Юношества» 73, 74
Дружининъ, А. В. 138, 147, 148, 151, 156, 166, 168, 169, 181, 182, 185, 186, 187, 213, 222, 232
Дудышкинъ, С. С. 156, 181
«Духъ лицейскихъ трубадуровъ» 40, 42, 52
Дювернуа, піанистъ 288
Дюма 235
Du Cerceau 64
Дютуръ, С. Н., рожд. Сѣрова, 252, 259

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ 109
Екатерина I 265
Екатерина II, Императрица 6, 157, 224
Елизавета I, Императрица 6
Ергольская, П. А. 185
Ефремовъ, П. А. 2, 46, 189, 190

Жаплисъ 87
Желѣзновъ, М. И. 33, 257, 269, 270
Жихаревъ, С. П. 231
Жуковскій, В. А. 19, 19, 20, 26, 53, 55, 76, 85, 91, 109, 110, 112, 113—116, 157, 166
Журавлевъ, А. А. 102

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. 160
Забѣлинъ, И. 224
Загоскинъ, М. Н. 155
Закревскій, графъ А. А. 70, 165, 180
Замятнинъ, Д. Н. 285
«Записки Охотника» 194
Зарудный, С. И. 274
Зерновъ, А. П. 75
Зотовъ, В. Р. 10.

Ивановъ А. А. 254, 267, 270
Игнатьевъ 276
Измайловъ, А. Е. 55, 61
Измайловъ, В. В. 9
Измайловъ, Н. В. 77,
Илличевскій, А. Д. 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 61, 63, 64, 73, 74, 75, 77
Ильинская 13
Ильинскій, Л. К. 112
Ильинъ, Н. 69, 70
Инсарскій, В. А. 219
«Испанскій романсъ» Пушкина 6—8
«Исповѣдь» 140
«Исторія Пугачевскаго Бунта» 20

Іорданъ, Ѳ. И. 253
Іохимъ 277, 278

Кавелинъ, К. Д. 162, 180, 190, 228, 272, 275, 276, 279, 284
Каверинъ, П. П. 42, 49
Казановичъ, Е. П. 236
Калайдовичъ, К. Ѳ. 109
Калачовъ, Н. В. 275
Калиновскій, Б. Ѳ. 276, 279, 284
Каллашъ, В. В. 99, 102, 103, 104, 109, 110, 166
«Каменный Гость» 8
Канкрина, графиня Е. Е.—см. Ламбертъ
Кантемиръ, князь А. Д. 72
Каншинъ, Д. В. 275, 276
«Капитанская Дочка» 3
Каппистъ, В. В. 55
Карамзинъ, Н. М. 55, 63, 79, 109, 124, 157, 181
Карамзины 116
Каратыгинъ, П. А. 143
Катковъ, М. Н. 139, 151, 163, 168, 171, 173, 176, 178, 182, 183, 184, 186, 196, 200, 211, 221, 222, 224, 276, 279, 281
Качеповскій, М. Т. 109
Квачевскій, А. А. 275
Кеневичъ, В. Ѳ. 97, 98, 99, 102, 104, 108
Кеппенъ, П. И. 107, 108, 109, 110
Кеппенъ, Ѳ. П. 107
Кернъ, А. П. 31, 33
Кетчеръ, Н. Х. 190
Кирѣевъ, А. А. 275
Киселева, Е. Н., рожд. Ушакова, 32
Клеманъ, М. К. 135
Клопштокъ 8
Кнерцеръ, А. Х. 14—16, 17
Книримъ, А. А. 274
Ковалевскій, Е. П. 203
Козловская, княгиня А. М., рожд. Лонгинова, 137, 146, 165
Козловскій, князь М. І. 146
Козловъ, И. И. 85
Козминъ, Н. К. 34, 286
Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ. 159
Колбасинъ, Д. Я. 123, 181, 190, 196, 200
Колбасинъ, Е. Я. 124, 149, 180, 185, 186, 187, 196, 200
Кологривовъ, В. А. 275
«Колоколъ» 276
Комарова, В. Д., рожд. Стасова (псевд. Владиміръ Каренинъ), 277, 280
Комовскій, С. Д. 46

Кони, А. Ѳ. 291
Кони, Ѳ. А. 144
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн. 188, 230
Копланъ, Б. И. 116, 148
Корелина, А. 81
Корреджіо 278
Корсаковъ, Н. А. 37, 40, 41, 42, 52, 53
Корсунъ, А. А. 1
Корфъ, баронъ, М. А. 43, 44, 47, 48, 60, 61, 65, 76, 216, 231
Коршъ, В. Ѳ. 168, 171
Костенскій, К. Д. 64
Котэнъ 87
Кодебу, А. 69
Кошанскій, Н. Ѳ. 36, 50, 68, 64
Кошелевъ, А. И. 149, 162
Краевскій, А. А. 4, 119, 120, 121, 122, 227, 230, 232
Краснокутскій, Н. А. 215, 223
Краснопольскій, Н. С. 69
Красовъ, В. И. 230, 231
Кризандеръ 277, 278
Крыловъ, И. А. 59, 97—112, 113, 114, 115
Крыловъ, Н. И. 178, 224
Кузмины, Ник. и Куз. 1
Кукольникъ, Н. В. 166
Куломзинъ, А. Н. 285
Кушелевъ-Безбородко, графъ Г. А. 231, 232
Кюхельбекеръ, В. К. 3, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 51, 52, 56, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 70, 74, 109

Лажечниковъ, И. И. 162, 163, 192
Ламанскій, В. И. 190
Ламбертъ, графиня Е. Е., рожд. гр. Канкрина, 150, 167, 195
Лафонтенъ 65
Лебедевъ, К. Н. 144
Лебедевъ, П. С. 144
Лебедевъ 3-й, полковникъ 217
Левицкій, С. Л. 277
Левшина, А. Д. — см. Лонгинова
Лейхенбергскій, герцогъ 264
Лемке, М. К. 162, 188, 191
Ленцъ, Э. Х. 220
Леонтьевъ, П. М. 224
Лермонтовъ, М. Ю. 155, 157, 177, 181, 205,
Лернеръ, Н. О. 2, 8, 28
Линдпайтнеръ 278
Листъ 256
«Литературная Газета» 9
«Литературные Листки» 109
Лихачевъ 263
Лицей Царскосельскій 2, 10, 17, 41, 45, 48, 50, 51, 52, 55, 58, 62, 63, 64, 65, 66, 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77
«Лицейская Антологія» 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 55, 57, 58, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75
«Лицейскій Мудрецъ» 37, 45, 47, 48, 50, 51, 55, 58, 61, 67, 76
Лобановъ, М. Е. 79, 97, 110
Лонгинова, А. Д., рожд. Левшина, 146
Лонгинова, А. М. — см. Козловская
Лонгиновъ, М, Н. 137–212, 213—232
Лонгъ, пасторъ 202
Лопухинъ И. В. 73
Луи-Филиппъ, король 266
Львовъ, А. О. 275
Людовикъ XV 262
Ляпунова, Е. П., рожд. Демидова, 20
Ляцкая-Пыпина, В. А. 117

Мавромихали-Анастасіева, М. П. 252
Мазаччіо 254
Майковъ, А. Н. 213, 230
Майковъ, В. И. 55
Майковъ, Л. Н. 32, 33, 40, 41, 48
Макаровъ, А. Н. 20
Максимовичъ, М. А. 159
Малиновскій, А. Ѳ. 109
Мальцовъ, И. С. 160
Манзей, К. Н. 67
Марія Ѳеодоровна, Императрица 104, 110
Марковичъ, М. А. (псевд. Марко-Вовчокъ) 279

Марксъ, А. Ф. 291—322
Марксъ-Всеволожская, Л. Ф. 292, 322
Мартыновъ, А. И. 64
Мартыновъ, А. Е. 230
Масловъ, И. И. 197, 198, 200, 206
Матюшкинъ, Ѳ. Ѳ. 41, 42, 46, 51, 52
Мейендорфъ, баронъ А. К. 160
Мейеръ 277
Мелькіоръ 249
Мельгуновъ, Н. А. 191
Мерзляковъ, А. Ѳ. 71, 72, 159
Мериме, Просперъ 188
Мертвый, Д. Б. 180
«Мертвыя души» 116
Микель-Анджело 254
Милютинъ, Н. А. 160, 217, 218
Мининъ 49, 57
Мирковичъ, А. Ѳ. 275
Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн. 263
Михалковъ 275
Мишо 235
Модзалевскій, Б. Л. 21, 30, 142, 215, 292
Модзалевскій, Л. Н. 148
«Модная жена» И. Дмитріева 73
Моллеръ, Ѳ. А. 253, 270
Монтихо, графиня Теба Евгенія, 188
Моодъ, Эльмеръ 292, 300
Morelli Carlo 253
Морозовъ, П. О. 4, 6
Моцартъ 271
«Мудредъ-Поэтъ» 45, 47, 50, 51
Мусинъ-Пушкинъ, М. Н. 163, 169
Мусоргскій М. П. 273
Мухортова, А. Н., рожд. Юханцева, 218
Мухортовъ, З. Н. 214, 216, 218, 222, 225, 230
«Мѣдный Всадникъ» 3, 6
Мюллеръ-Стрюбингъ 276, 277, 280, 281

«Наканунѣ» 191, 192, 193, 195
Наполеонъ III, Императоръ 188, 193
Нарская, В. А. 16
Населенко, Е. П. 294
Наумова, Е. Н., рожд. Ушакова, 32
«Нахлѣбникъ», Тургенева, 117—136
Нащокинъ, В. В. 5, 14
Нащокинъ, П. В. 3, 5, 12, 13, 14, 17
Неваховичи, братья 215
Невзоровъ, М. И. 73, 74, 75
Некрасовъ, Н. А. 138, 139, 140, 141, 143, 148, 151, 156, 163, 168, 169, 170, 171, 177, 186, 190, 193, 213, 214, 215, 216, 218, 223, 226, 227, 231, 267, 272
Неплюева, Е. И. — см. Артюхова 27
Неплюевъ, И. А. 27
Неронъ 1
Никитенко, А. В. 42, 139, 147, 162, 197, 211
Николаевъ, А. С. 135
Николай Николаевичъ, Вел. Кн. 263
Николай I, Императоръ 23, 26, 187, 264
Николевъ, Н. П. 69, 157
Никольскій, А. И. 26, 27
Нистремъ, К. 17
Новиковъ, Н. И. 73, 227
Новосильцова, Е. П. — см. Вяземская
Новосильцовъ, Н. Н. 15
«Новости Русской Литературы» 58
Норовъ, П. Д. 227

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. 234
Огарева, Е. С. 42
Огаревъ, Н. П. 147, 190, 281, 280, 281, 285
Оде-де-Сіонъ, А. К. 215
Одоевскій, князь В. Ѳ. 142
Озеровъ, В. А. 157
Оксманъ, Ю. Г. 120, 135, 136
Оленина, А. А. 31—34
Оленина, Е. М., рожд. Полторацкая, 31
Оленинъ, А. Н. 31, 33, 104
Ольга Николаевна, Вел. Кн. 115, 116
Ольденбургская, Принцесса, Е. М. 306
Онѣгинъ, А. Ѳ. 134
«Опытъ Русской анѳологіи» 54, 55, 70
«Орденъ горы» Д. Писарева 233-244
Орловъ, князь А. Ѳ. 187

Орловъ 264
Орловъ, князь Н. А. 187, 188
Основскій, Н. А. 196, 197
Островскій, А. Н. 122, 123, 145, 151, 163, 213, 228, 232
«Отцы и дѣти» 188, 194, 195, 196, 200

Павелъ I, Императоръ 157
Павловъ, Н. Ф. 190, 191, 224, 231
Палаузовъ, цензоръ 192
Палестрина 271
Панаевъ, И. И. 123, 124, 142, 147, 148, 154, 163, 167, 168, 169, 170, 171, 176, 184, 194, 213—232
Панаевы 193
Панинъ, В. И. 145, 192
Пастернакъ, Л. О. 297
Пахитоновъ 219
Пекарскій, П. П. 190
Перегримовъ, П. М. 209
Перовскій, графъ В. А. 18—21, 26, 30
Петръ I, Императоръ 265
Пинто 191
Пиронъ 11
Писарева, В. И. 239
Писаревъ, А. И. 157
Писаревъ, Д. И. 233—244
Писаревъ, И. И. 236, 239
Писемскій, А. Ѳ. 155, 213, 228, 232
Плетневъ, П. А. 3, 85, 93, 94, 96, 97, 103
Плещеевъ, А. Н. 196, 197
Побѣдоносцевъ, К. П. 274, 276, 286—290
Погодинъ, М. П. 162, 180, 222
Пожарскій 49, 57
Покатиловъ, В. О. 18, 21, 25, 26, 27
Полевой, П. Н. 7
Pollini 258
Полонскій, Я. П. 185, 187, 200, 209, 286—290
Полторацкая, Е. М. — см. Оленина 31
Полторацкій, С. Д. 172, 176, 213, 219, 220, 223, 227, 230

«Полярная Звѣзда» 108.
Поповъ, А. Н. 54, 165
Прокоповичъ-Антонскій, А. А. 159
Протасова, А. А. — см. Воейкова
Публичная Библіотека 4, 31, 97, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112 120, 192, 245
Пугачевъ, Ем. 18, 19, 29, 30
Пучкова, Е. Н. 42, 49, 50, 72, 73, 75
Пушкина, Ф. А. 160
«Пушкинистъ» 54.
Пушкинскій Домъ 1, 10, 12, 40, 41, 46, 48, 64, 97, 99, 100, 102, 103, 104, 107, 109, 111, 117, 135, 136, 137, 142, 143, 146, 148, 154, 165, 189, 200, 214, 236, 252, 257, 280, 292
Пушкинъ, А. С. 1—21, 27—34, 36—62, 64, 66, 68, 71—77, 96, 113, 115, 116, 144, 157, 166, 188, 203, 204, 205, 206, 207, 217, 221, 222, 265
Пушкинъ, В. Л. 38, 55, 61, 74, 159
Пушкинъ, Л. С. 85
Пушкинъ, С. Л. 83
«Пушкинъ и его современники» 19, 20, 27, 30
Пущинъ, И. И. 44, 45, 48, 57, 58, 63, 66
Пыпинъ, А. Н. 140, 141, 169, 170, 190 272

Радзивиллъ, князь 278.
Разумовскій, графъ А. К. 72
Расинъ 73
Рассели, Ф. 272, 276, 279, 284
Растопчина, гр. Е. П. 155
Рахманова, А. А., рожд. Красильникова 79, 80, 87, 88, 89, 90, 93, 94
Рахманова, П. Н. 90, 93
Рахмановъ, Н. А. 94
Рахмановъ, Н. Д. 79, 80.
Рахмановъ, Н. Ф. 87, 88, 90, 91
Рахмановъ, Ѳ. Ѳ. 81
«Ревизоръ» 19
Рейхель, М. А. 191
Рейхель, М. К. 162, 279

Россини 258, 271
«Россіада» 71, 72
«Россійскій Музеумъ» 44, 48
Рубенсъ 278
Рубецъ, А. П. 75
Рубинштейнъ, А. Г. 275, 277
Румянцовскій Музей 4, 37, 38
Руновская, М. И. — см. Тарситани
Руновская, С. И. — см. Снессорева
«Русланъ и Людмила» 10, 11.
«Русскіе Пропилеи» 42, 43, 52
«Русскій Инвалидъ» 48
«Русь», газета 5, 6
Рыбушкинъ, Ѳ. М. 44, 49
Рында, И. Ф. 209
Рябининъ 25

Сабуровъ, А. А. 285
Салтыковъ, М. А. 79, 80, 81, 88, 94, 95
Салтыковъ-Щедринъ, М. Е. 180, 181, 213, 227, 228, 272
Салтыковъ, М. М. 81, 90
Самарскій-Быховецъ, В. В. 274.
Сандъ, Жоржъ 276, 277
Сантини, аббатъ 255, 258, 271
Сапожниковъ, Д. И. 46
Сатинъ, Н. М. 282
«Свинья и Дубъ» 100—102
Свѣчинъ, П. А. 67
Селивановъ, В. В. 121, 158
Селивановъ, И. В. 158
Сенковскій, О. И. 201
Сергѣенко, П. А. 140, 292, 305
Сиверсъ, А. А. 27.
Squanquarelli 253
Скуратова, Е. А. — см. Апухтина 160
Скуратовъ, Д. П. 160
Скуратовъ, П. А. 160
Сленинъ, И. В. 82, 85
«Слонъ и Моська» 107—110
Смирдинъ, А. Ф. 69, 70
Снессорева, С. И., рожд. Руновская 251
Соболевскій, С. А. 166, 176, 213, 271, 220, 223.
«Собраніе Лицейскихъ стихотвореній» 34—77.
Соколовъ, Д. Н. 19, 27
Соллогубъ, графъ В. А. 19, 155, 280, 281, 284
Солнцевъ, Ѳ. Г. 31
Соловьевъ, С. М. 178, 224
Сомовъ, А. И. 273
Спасовичъ, В. Д. 276, 279, 284
Сперанскій, графъ М. М. 12, 231
Срезневскій, В. И. 306
Станкевичъ, Н. В. 190, 276
Стасова, В. Д. — см. Комарова
Стасовъ, А. В. 264, 276, 280, 283
Стасовъ, В. В. 245—272, 273, 275, 277
Стасовъ, Д. В. 256, 258, 272—285
Стасюлевичъ, М. М. 134, 211, 287, 288
Стаховичъ, М. А. 306
Стечькинъ, Л. Н. 288, 289
Стечькинъ, Л. Я. 288, 289
Строгановъ 215
Строевъ, П. М. 109
Струговщиковъ, А. Н. 143, 219
Суворинъ, А. С. 292
Суворовъ, А. В. 5
Сумароковъ, А. П. 55, 61
Сусанинъ 29
Сухово-Кобылинъ, А. В. 213, 232
Сучкова, А. А. 249, 250
Сцевола 29
«Сынъ Отечества» 48, 109, 113
«Сѣверная Пчела» 21, 54, 100—102, 113, 119, 144, 145, 155, 160
«Сѣверные Цвѣты» 82, 85, 109
«Сѣверный Наблюдатель» 48, 57
Сѣрова, А. К. 252
Сѣрова, С. Н. — см. Дютуръ
Сѣровъ, А. Н. 252, 256, 259
Сѣровъ, В. 274

Тарситани, М. И., рожд. Руновская, 251, 252
Тенгоборскій, Л. В. 160
Тимашева, Е. А. 29

Тимашевъ, А. Е. 29
Тимашевъ, Е. Н. 29
Тимощукъ, В. В. 205
Титъ 1
Толстая, графиня О. К., рожд. Дитерихсъ, 317, 318
Толстая, графиня С. А. 292, 305, 313
Толстая, графиня Т. Л. 292, 303, 309, 310
Толстой, графъ А. Л. 292, 317
Толстой, графъ Л. Н. 19, 69, 124, 139, 140, 141, 147, 151, 153, 155, 156, 163, 180, 181, 186, 187, 213, 216, 217, 225, 228, 233, 276, 291—322
Толстой, Я. Н. 109
Толстой, Ѳ. М. 210
Тредіаковскій, В. К. 44, 49, 60
Троицкій, А. М. 273
Трубниковъ, К. 273
Тулузъ де-Лотрекъ, графъ В. А. 166
Тургенева, В. П. 209
Тургенева, Е. П., рожд. Апухтина 160
Тургеневъ, И. С. 117, 119—136, 137—212, 213, 214, 215, 216, 217, 221, 222, 223, 225, 226, 228, 232, 272, 276, 286—290
Тучковъ, С. А. 72, 73, 74
Тютчева, А. Ѳ. — см. Аксакова
Тютчевъ, Ѳ. И. 196

Уваровъ, графъ А. С. 223
Утевскій, Л. С. 120
Утинъ, Б. И. 280
Ушакова, Екат. Н. — см. Наумова 32
Ушакова, Елис. Н. — см. Киселева 32

Фетъ, А. А. 148, 157, 170, 193, 194, 195, 196, 197, 203, 204, 206, 207, 211, 213, 228, 232
Фетъ, М. П., рожд. Боткина 170
Филипповъ, Т. И. 149.
Философовъ 264
Финдейзенъ, Н. Ѳ. 256
«Фортуна и Нищій» 102—106
Фоссъ 36
Франклинъ 87
Фроловъ С. С. 65, 73

Хвостовъ, графъ Д. И. 3, 65, 71, 72
Херасковъ, М. М. 72
Хомяковъ, А. С. 159
Хрущовъ, Д. П. 215

Цимсенъ, г-жа 215
Цицеронъ 192

Черкасскій, князь В. А. 158, 164, 179
Челышевскій, Н. 179
Черновъ, И. В. 25
Чернокнижниковъ см. Дружининъ, А. В.
Чернышевскій, Н. Г. 156, 170, 190, 200, 201, 280, 283
Чернышевъ, В. И. 136, 154
Чертковъ, А. Д. 179
Чертковъ, В. Г. 296, 298, 306
Чехова, М. П. 292
Чеховъ, А. П. 292, 294, 322
«Чижъ и Голубь» 110—112
Чичеринъ, Б. Н. 164, 165, 178
«Чужой хлѣбъ», Тургенева, 117—136
Чумаковъ, А. А. 163

Шатровъ, Н. М. 157
Шахматова, С. А. 141
Шаховской, князь А. А. 74, 109.
Шварцъ, И. Г. 227
Шевченко, Т. Г. 247
Шевыревъ, С. П. 162, 179, 180, 186
Шекспиръ 190
Шереръ, А. А. 160
Шестакова, Л. И. 256, 257
Шидловскій, М. Р. 139.
Шиллеръ 8
Шишковъ, А. С, 72, 157
Шляпкинъ, И. А. 20
Шнейдеръ 17
Шпиловскій, С. М. 223
Шретеръ 90
Штакеншнейдеръ, Е. А. 195

Шубертъ, Ф. 277, 278
Шуманъ, Клара 277, 278
Шуманъ, Р. 277

Щебальскій, П. К. 220, 221
Щепкинъ, М. С. 119, 120, 121, 122
Щербань, Н. В. 194
Щербатовъ, князь Г. А. 220, 223
Щербина, Н. Ѳ. 190

Энгельгардтъ, В. П. 251, 259
Энгельгардтъ, Е. А. 46

Юрьевичъ, С. А. 26
Юханцева, А. Н. — см. Мухортова
Юханцевъ, Н. И. 218

Языковъ, М. А. 54, 55, 70, 142, 166, 215, 222, 225, 226
Языковъ, Н. М. 85
Яковлевъ, М. Л. 43, 44, 48, 64, 70
Яковлевъ, Н. В. 143, 214
Яхонтовъ, С. 161

Ѳеоктистовъ, Е. М. 164